

NATURA CUPIDITATEM INGENUIT HOMINI VERI VIDENDI
Marcus Tullius Cicero
(Природа наделила человека стремлением к познанию истины)

Мысли Об Истине

Альманах «**МОИ**»
Электронное издание, ISBN 9984-688-57-7

Альманах «Мысли об Истине» издается для борьбы с лженаукой во всех ее проявлениях и в поддержку идей, положенных в основу деятельности Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. В альманахе публикуются различные материалы, способствующие установлению научной истины и отвержению псевдонаучных заблуждений в человеческом обществе.

Альманах издается с 8 августа 2013 года
Настоящая версия тома выпущена **2016-02-14**

© 2016 Марина Ипатьева (оформление и комментарии)

Олег Акимов. Как возник психоанализ

VEcordia

Извлечение R-OJAK-3

Открыто: 2012.05.29 04:49

Закрыто: 2012.07.01 13:11

Версия: 2013.06.02 14:45

Дневник «VECORDIA»

ISBN 9984-9395-5-3

© Valdis Egle, 2013

О.Е. Акимов. «Как возник психоанализ»

ISBN

© О.Е. Акимов, 2006

Олег Акимов

Как Возник Психоанализ

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2013

Как возник психоанализ

Акимов О.Е.

Часть первая

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/Anna1.htm>

Цель данной работы – внести ясность в биографию одного из самых знаменитых людей планеты и рассказать, как он создавал свое учение. В ранее вышедшей книге о нем – «Правда о Фрейте и психоанализе»¹ – разбирается текст «Толкования сновидений» и доказывается, что Ирма и Анна О. – одна и та же пациентка, настоящее имя которой Берта Паппенхейм (Bertha Pappenheim). В «Правде...» доказывается, что Берту лечил не Йозеф Брейер, как сейчас принято считать, а сам Зигмунд Фрейд. Отец-основатель психоанализа экспериментировал с психикой несчастной пациентки, вводя ей морфий. В своем главном «сновидении об инъекции Ирме» Фрейд рассказал подлинную историю ссоры с Брейером, который критиковал его за сексуальную этиологию истерии.

В данной статье при использовании семантико-структурного анализа книги «Исследование истерии» доказывается, что историю болезни Анны О. написал именно Фрейд, безуспешно лечивший ее как минимум в течение двух лет (верхняя граница достигает предположительно пяти лет). Таким образом, отец-основатель психоанализа всю свою жизнь обманывал общественность, говоря, будто Анну-Берту лечил Брейер, а он даже никогда не видел ее. С этой большой лжи начинается победное шествие психоанализа по миру.

– I –

Прежде, чем переходить к непосредственному анализу текста «Исследования истерии», обратимся к одному любопытному документу, который освещает ярким немеркнущим светом вот уже десятки лет главный учебник всех психоаналитиков. Имеется в виду написанный Фрейдом некролог на смерть Брейера, который скончался в Вене на 84-м году жизни 20 июня 1925 г. Напомним, что перед этим в течение более тридцати лет два бывших товарища не общались. Но когда Брейер умер, Фрейд в свойственной ему циничной манере решил в последний раз использовать громкое событие в качестве пропагандистского трюка. Этот лицемерно написанный документ без конца цитируется апологетами психоанализа как образец почти сакрального отношения бесконечно благодарного ученика к своему талантливому учителю, который, увы, несмотря на все старания ученика, безнадежно отстал от современной психиатрии, которую придумал его ученик.

В начале некролога автор, вот уже в который раз, рассказывал придуманную им легенду о том, как судьба свела его учителя с одной пациенткой, Анной О., которая

«в период ухода за своим немощным отцом заболела истерией в тяжелой форме. Метод, примененный Брейером в его знаменитом «первом случае», – писал в некрологе Фрейд, – неопишуемая забота и терпение, с которыми он следовал неожиданно открытой им технике до тех пор, пока пациентка не избавилась от всех своих необъяснимых симптомов».

Ложь состоит не только в том, что пациентка полностью вылечилась в результате применения психоанализа, но и в том, что Фрейд якобы никогда не видел ее. Видел, длительное время общался с ней, а когда она заболела, пытался лечить своим псевдонаучным методом, который усугубил ее болезнь. Он утверждал, будто больная сама нашла путь своего исцеления через восстановление травмирующей ситуации в разговоре с Брейером. Фрейд уверял окружающих, что его заслуга состояла лишь в том, что он обратил внимание на эффективность

¹ В.Э.: См. {R-OJAK-1 = МОИ № 55}.

примененной Брейером процедуры, ввел в нее неизбежный сексуальный момент и довел методику до совершенства при использовании на своих пациентах.

Никогда и никого Фрейд не вылечил. С первых и до последних дней своей жизни он был игрок, выдававший себя за врача-новатора. Фактически он издевался над пациентами и обманывал коллег, которых глубоко презирал. В глубине души он хотел доказать себе справедливость однажды высказанного им утверждения, что людей можно заставить поверить в любую чушь, нужно только ее долго и упорно повторять. Многие объясняется также его маниакальным желанием прославиться и разбогатеть. Эти корыстные интересы были вызваны шизотимическими свойствами его испорченной природы.²

Родоначальник психоанализа обладал патологической психикой, которую в наши дни можно наблюдать на примере Григория Грабового, обещавшего вернуть матерям Беслана их погибших детей. Грабовой наполовину мошенник, а наполовину просто сумасшедший. Такова психика большинства шизотимиков, способных увлечь за собой толпы доверчивых людей. Придуманная Фрейдом легенда об исцелении Анны О. является ключевым звеном в цепи сказочных историй, которые сочинялись им в большом количестве. Другим не менее важным звеном была легенда о друге Брейере, на смерть которого как раз и был написан некролог. Он должен был закрепить в памяти потомков миф не только о чудесном выздоровлении несчастной истерички, но и подкрепить методику лечения именем наиболее авторитетного в то время врача Вены.

Вот что написано в некрологе: об исцелении Анны О. *«мир узнал лишь 14 лет спустя, после того, как мы опубликовали совместную работу «Исследования истерии» (1895)»*. Здесь вряд ли уместно местоимение «мы», так как публикация данного произведения инициирована и осуществлена исключительно Фрейдом. Разрыв с Брейером не в последнюю очередь был вызван непозволительной бесцеремонностью «соавтора». В процитированном предложении названо также библейское число 14, которое «соавтор», увлеченный нумерологией, считал магическим. Об этом рассказывалось в пятой и девятой главе книги «Психология познания. Удод» {МОИ № 56}, а также в главах 1, 5, 7, 12, 14, 31 книги «Правда о Фрейде и психоанализе» {МОИ № 55}. Правильнее было бы здесь написать иначе: *«мир узнал лишь 12 лет спустя, после того, как мы опубликовали совместную работу «О психологическом механизме истерических феноменов» (1893)»*. Но из двух работ, написанных в «соавторстве» с Брейером, Фрейд решил указать на книгу, вышедшую два года спустя после предварительного сообщения. В действительности, Брейер ничего не знал о публикации названных работ и никогда бы не дал

Как и все шизотимические (по Кречмеру) природы, Фрейд почти не улыбался и не смеялся. Перед тем, как сделать фотоснимок, он просил фотографа дать ему время на сосредоточение, чтобы придать выражению лица не столь угрюмый вид. Однако дурное расположение духа он не умел скрывать.

² В.Э.: Как я отмечал уже раньше, Фрейда можно считать «шизотимиком» только в том случае, если пользоваться двухполюсным делением Кречмера; при более точной классификации Фрейд является не шизотимиком, а истероидом; определение свойств его психики как генетически связанных с шизофренией является ошибкой диагностики; она имеет генетическую связь с истерией.

согласия на выход их в том виде, в котором они увидели свет. Об этом позже, а пока продолжим цитировать некролог.

«Но, к сожалению, – пишет Фрейд, – даже тогда пришлось представить его [Брейера] открытие в сильно сокращенном виде, поскольку они подверглись строгой цензуре по соображениям врачебной предосторожности. Нам, психоаналитикам, которые уже привыкли посвящать сотни сеансов отдельному пациенту, едва ли под силу вообразить, каким новшеством явилась эта инициатива 45 лет назад. Возможно, здесь не обошлось без высокой степени личной заинтересованности и, как говорится, врачебного либидо; однако, в то же время очевидны явная свобода мысли и безошибочность суждений. Ко времени публикации наших «Исследований» уже можно было сослаться на работы Шарко и исследования Пьера Жане, которые, казалось бы, опередили некоторые открытия Брейера. Однако в тот период, когда он занимался своим первым случаем (1881–1882 гг.), ни одна из этих работ еще не появилась».

Никакой «цензуры» не было. Брейер, по-видимому, иногда пользовался вполне легальным методом катарсиса, о котором писал еще Аристотель. Научное обоснование данного метода получил в работах Пьера Жане, который позднее возмущался психоанализом, как незаконно перенятой и сильно искаженной Фрейдом психотерапии. Брейеру не нравилась чисто психологическая этиология истерии; он находил в ней мощный физиологический компонент. Рациональная часть «Исследований», написанная им, во многом является его ответом на публикации лидеров французской школы. Однако те бесплодные разговоры, которые вел Фрейд с подругой детства Бертой Паппенхейм (Анной О.) в период с 1881 по 1882 год, никакой психотерапевтической методикой, конечно, не являлись. Студент-неудачник, пытаюсь понять природу психического, колот несчастной девушке морфин. Своими беспардонными вопросами он довел ее психику до полного помешательства. Эти факты наряду с имеющимися документами удалось установить в результате дешифровки сновидений, описанных в «Толковании сновидений».

Всё в этом отрывке фальшиво! Ну, не мог скромняга Брейер сказать о своей работе, посвященной истерии, что «это самое важное сообщение миру», так как его временное увлечение психиатрией было для него некоторой аномалией в работе. Написанные им тексты по истерии в начале 1890-х годов в лучшем случае нужно рассматривать как научную помощь Фрейду, в худшем – как пиратское отнятие интеллектуальной собственности у одного человека, наставника, и использование ее в корыстных интересах другого человека, подопечного. Чтобы это понять, нужно знать образ жизни и сферу интересов не только Фрейда (о нем говорилось уже достаточно), но и Брейера. Сделаем в этой связи небольшой экскурс в интеллектуальный мир Брейера.

– II –

Окончив в 1864 г. Венский университет, Йозеф Брейер получил высшее медицинское образование. Защитив через три года докторскую диссертацию, он остался в городской больнице в качестве ассистента Йоханна Риттера фон Оппольцера. После его смерти в 1871 г., Брейер оставил должность ассистента и занялся частной практикой. Вскоре он стал известным в Вене врачом по «внутренним» болезням, что охватывало широчайший диапазон заболеваний – от аппендицита до психических расстройств. В это время с университетом его практически ничто не связывало, поскольку чтению лекций он предпочел научные исследования в области физиологии у себя на квартире. Он был увлеченным и совершенно бескорыстным человеком.

С 1873 по 1875 гг. Брейер в частном порядке, ради удовлетворения собственного любопытства, провел серию тонких экспериментов над голубями (голубятня находилась на чердаке его дома). В итоге ему удалось установить важнейшую роль внутреннего уха для равновесия птиц в полете. В этот период он опубликовал две статьи о вестибулярном аппарате, сосредоточенном в лабиринтах внутреннего уха птиц. До него считалось, что функции регуляции полетом птицы находятся где-то в мозжечке. Но Брейер доказал, что датчики-регуляторы равновесия вынесены за пределы мозга, и он точно указал их местонахождения. Если путем хирургического вмешательства отключить эти датчики, то птица не в состоянии летать, как если бы у нее удалили мозжечок.

Йозеф Брейер (1848–1925) в разные годы жизни

Способный, исключительно рациональный ум Брейера был просто предназначен для исследовательской работы; к сожалению, в его характере не было и тени честолюбия. Две указанные статьи были, по существу, его единственными крупными публикациями. До этого, в 1868 г., на заседании императорской Академии Наук он сделал развернутое сообщение о работе нервной системы (точнее, *nervus vagus*), которое было опубликовано на 28 страницах в 58 томе академического журнала по «классу математики и естествознания». Данное исследование он проводил совместно с известным врачом-физиологом Эвальдом Герингом (1834–1918), который работал в области физиологии зрения и бился над проблемами восприятия цветов у животных и человека. В частности, он не соглашался с распространенной тогда теорией Гельмгольца, который утверждал, что вся гамма цветов образуется сочетанием трех цветов – синего, желтого и красного. Геринг полагал, что имеется шесть первичных цветов, соединенных в пары: красно-зеленый, желто-синий и бело-черный. Он также изучал зрительные эффекты, называемые «обманом зрения». Один из таких эффектов носит его имя – «иллюзия Геринга». Став профессором (1895), Геринг интересовался общей и экспериментальной физиологией. Его исследования касались нормальной и патологической физиологии нервной системы, мускулов, сердца, сосудов и нервной системы.

О Геринге здесь рассказывается потому, что его сфера научных интересов как нельзя лучше характеризует и сферу интересов Брейера. Ум Фрейда был скоен совершенно по иным лекалам. Ему были свойственны спекулятивно-мистические черты, которые и привели его обладателя к антинаучной деятельности вроде толкования сновидений и случайных событий, неизбежно сопровождающих нашу жизнь. Настоящий естествоиспытатель знает, что в мире существует масса странных явлений, но исследовать надо те, что потенциально можно объяснить с рациональных позиций. Не дело ученого обращаться к мистике, магии и шаманству, удивлять несведущих людей «тайнами мироздания». Его предназначение заключается скорее в обратном: обращать тайное – в явное, а удивительное – в прозаическое. Заниматься этим порой тяжело и скучно, поэтому Фрейд и пошел по пути, которым идут все шарлатаны, называющие себя учеными. День и ночь его сознание было занято мыслью о славе (см. «Самость и яйность» {МОИ № 56, гл.2}). Ради нее он шел на обман, подлость и предательство. Эти человеческие пороки были абсолютно чужды Брейеру, душа которого отличалась открытостью, высшей степенью благородства, доброты и честности.

Кстати, в связи с мягким и непритязательным характером Брейера, нетрудно понять, почему он никогда бы не сказал своему молодому подопечному, будто «Исследования истерии» – «это самое важное сообщение миру, которое нам обоим когда-либо предстоит сделать». Меня всегда удивляло, почему это дешевое бахвальство не могут распознать наши хваленые психологи, знатоки человеческих душ. Произносить подобные напыщенные речи мог лишь отъявленный авантюрист. Это Фрейд всякой случайно залетевшей ему в голову мысли придавал вселенское значение и выдавал за божий дар. Отец-основатель мошеннической терапии воображал себя библейским пророком, который может читать таинственные символы, ниспосланные

свыше. Немало глупых прозрений «гениального ума», наполненных малосодержательным пафосом, имеется и в рассматриваемой ниже книге, где они служат своеобразными метками для распознавания текста, написанного человеком, обладающим патологическим самомнением о своей персоне.

Наряду с Герингом, Брейер работал со многими другими знаменитыми учеными, например, с Эрнстом Махом. Помимо медицины, физиологии и естествознания, которым он отдал фактически все творчески активные годы жизни, его немного интересовала философия Спинозы и учение Дарвина. В 1902 г. он даже опубликовал статью под названием «Кризис дарвинизма и теология». В 1903 г. Брейер вновь возвращается к любимой своей теме и публикует работу «Исследование вестибулярного аппарата». В 1905 г. он написал работу «О гальванотропизме у рыб», а в 1907 г. подготовил обширный обзор «Об органе слуха птиц». Он занял 42 страницы академического журнала и был, по существу, итогом его научной деятельности. В конце жизни, в 1923 г., Брейер издал краткую автобиографию «*Curriculum vitae*», в которой не уделил какого-то особого внимания ни истерии, ни Фрейду. Да это и понятно: Фрейд был для него навязчивой помехой, каким-то малоприятным попутчиком, а истерия – случайным эпизодом в его творческой деятельности.

Итак, Брейер написал немного, но всё написанное им разительно отличается от всего того, что написал Фрейд. Поэтому нам не составит большого труда установить авторство двух различных литературных стилей, оказавшихся под одной обложкой, – строго научного, рационально-физиологического, с одной стороны, и спекулятивно-беллетристического, мистико-психологического, с другой. Почему это не было сделано раньше? Вопрос почти риторический. Потому что это никому не было нужно – ни фрейдистам, ни, тем более, их противникам, для которых психоанализ и без того выглядит полнейшей чепухой. Мы же с вами занялись данной проблемой только с целью выяснения пусть ключевого, но всё же одного-единственного биографического факта: знал ли родоначальник психоанализа лично пациентку Анну О., лечение которой, по его словам, привело к возникновению современной психотерапии. (О своем интересе к проблемам психологии я рассказывал не раз, например, в разделе «Не верю!» {МОИ № 55, гл.3} а также в [Первой](#) и [Второй](#) беседах).

– III –

В своих литературных опусах Фрейд часто пересаливал. Искусственное сгущение красок было вызвано его эксцентричностью, абсолютно несвойственной Брейеру, которого интересовала только наука и врачевание. Эмоциональная и декоративная избыточность литературно-художественного стиля выдает «длинные уши» Фрейда там, где их меньше всего ожидаешь увидеть. Так, в известном «письме Брейера» швейцарскому другу, неплохому врачу и знаменитому ученому-физиологу, Огюсту Форелю, от 21 ноября 1907 г. мы узнаем характерный стиль Фрейда, который частенько подбрасывал будущим своим биографам фальшивые письма. Два из них были разобраны в книге «Правда о Фрейде и психоанализе» {МОИ № 55} (см. главу 10 «Фрейд показывает когти» и главу 12 «Друг-враг Флейшль»). Имя Фореля (1848–1931) упоминается в главе 3 «Психофизика XIX столетия» книги «Психологии познания. Удод» и в работе о Юнге на странице 6 [Секс-коммунизм](#) (ниже стр.161). Сейчас мы познакомимся с еще одной фальшивкой, изготовленной и запущенной в оборот Фрейдом.

«Письмо Брейера», написанное якобы 21 ноября 1907 года, только и можно писать в кавычках, так как названному автору не принадлежит. Оно было написано Фрейдом примерно с той же целью, что и некролог на смерть Брейера. В этом письме псевдо-Брейер писал:

«Должен тебе признаться, мой вкус претит мне погружаться в область сексуального как в теории, так и на практике... Случай Анны О. доказывает, что достаточно тяжелый случай истерии может возникнуть, сохраняться и устраняться без того, чтобы какую-либо роль в нем играли сексуальные элементы... Моя заслуга состояла в основном в том, – писал он в отношении Анны О., – что я догадался понять, что судьба послала мне в руки необычайно поучительный, важный для науки случай, который мне удалось внимательно и в течение довольно продолжительного времени наблюдать, не нарушая его простого и естественного течения каким-либо предвзятым мнением. Тогда я очень многому научился, я узнал немало удивительно ценного для науки... Я хвалю себя за принятое мною тогда решение, не допускать больше подобных нечеловеческих испытаний. Когда у меня появлялись пациенты, для которых я ожидал многого от аналитического лечения, но которых я сам не мог лечить, то направлял их к доктору Фрейду, возвратившемуся из Парижа (Сальпетриер), –

к доктору, с которым я находился в дружеских отношениях, а также в плодотворных научных контактах».

Почему я утверждаю, что эта одна из фальшивок, распространенных Фрейдом? Дело в том, что Брейер просто не мог написать текст подобного содержания. Он не стал бы пользоваться эмоционально окрашенными эпитетами вроде «нечеловеческие испытания» и т.п. Подобное словесное украшательство исполнено в духе его литературно одаренного подопечного, который принимал всю ситуацию, связанную с Анной О., слишком близко к сердцу, что заметно отражалось на его рассказах о ней. Тем, кто уже начитался фрейдовских сочинений, в глаза бросается его характерный стиль письма, абсолютно не похожий на стиль письма Брейера (у нас еще будет возможность ознакомиться с ним).

Эти неуместные кивки, ужимки и кокетство, выраженное в словесной форме, казалось бы, в деловом письме (другого и быть не могло) австрийского ученого-физиолога своему коллеге из Швейцарии, с головой выдает притворную натуру отца-основателя психоанализа. Скажите на милость, с чего бы это Брейер стал нахваливать Фрейда Форелю? Уже более десятка лет Фрейд не разговаривал с Брейером; после выхода книги «Исследования истерии» между ними произошел разрыв. Кроме того, Форель и сам прекрасно знал, что представлял собой этот неспелый фрукт, опозоривший на столетие вперед всё уважаемое сословие психиатров. Верно, что в 1885 г. Форель по просьбе Брейера, написал юному стажеру Фрейду рекомендательное письмо для посещения во Франции известного психиатра Бернхейма. Но к 1907 году ситуация радикальным образом изменилась.

В главе 10 «Теория сексуальности» книги «Психологии познания. Удод» {МОИ № 56} уже приводились выдержки из книги биографа Фрейда, Эрнеста Джонса,³ который рассказал, какой шквал критики обрушился на головы психоаналитиков в начале XX века, и Форель, естественно, был в первых рядах борцов со злом. Фрейд явно выбрал неудачное время, так как указанный им год попадает в полосу всеобщего возмущения деятельностью небольшой группы психоаналитиков, чей аморальный облик вызвал в Вене и по всей Европе бурю негодования. В главе «Оппозиция» своей биографии родоначальника психоанализа Джонс писал:

«В те дни Фрейда и его последователей считали не только сексуальными извращенцами, но также обсессивными или паранойяльными психопатами, и полагалось, что подобное сочетание представляет реальную угрозу обществу. Теории Фрейда интерпретировались как прямые подстрекательства к отбрасыванию всяких ограничений, к возвращению в состояние первобытной распушенности и дикости. Под угрозой находилась ни много ни мало, как сама цивилизация» [1,⁴ с.249].

³ В.Э.: Из Википедии: «**Эрнест Джонс** (*Ernest Jones*; 1 января 1879 – 11 февраля 1958) – ученик и первый биограф Зигмунда Фрейда, автор его трёхтомной биографии. Основатель Британского психоаналитического общества. Джонс родился в Гауртоне (Уэльс), в семье инженера. Учился в Университетском колледже в Кардиффе и Университетском колледже Лондона, который и окончил в 1901 году с высшим отличием по медицине и акушерству, и Королевский медицинский колледж (1903 г. – золотая медаль по акушерству). Позже специализировался по неврологии, слушал лекции в университетах Мюнхена, Парижа и Вены. В начале XX века Джонс работал в Лондоне акушёром, домашним врачом при детском госпитале, в Фаррингдонском диспансере, морском госпитале, и в больнице Вест-Энда. В 1905 г. стал первым английским врачом-психоаналитиком. В 1907 г. стажировался по психиатрии у Э. Крепелина и неврологии у А. Альцгеймера (Мюнхенская психиатрическая клиника). В Цюрихе познакомился с Э. Блейлером, Карлом Юнгом и др. (клиника Бургхельцли). В 1908 г. с Карлом Юнгом организовал Первый Международный психоаналитический конгресс в Зальцбурге; там же впервые встретил Фрейда. В том же году поступил на работу в Торонтский университет, возглавил клинику нервных болезней в Онтарио. В 1909 г. переехал в Университет Кларка. В 1920 г. основал «Международный журнал психоанализа» и оставался его редактором на протяжении 19 лет. Также редактировал журнал «Социальные аспекты психоанализа». После прихода к власти нацистов Джонс организовал переезд Фрейда, его семьи и учеников в Англию и другие страны. Начиная с 1944 г. работал над фундаментальной биографией учителя. У Джонса был роман с Анной Фрейд. Не желая ссориться с её отцом, Джонс предпочёл взять в жёны Морфид Оуэн (1891–1918) – начинающего валлийского композитора. Вместе они прожили всего 19 месяцев. Внезапно овдовев, Джонс в 1919 г. женился на подруге Анны Фрейд – Катарине Йокль. Их сын Мервин Джонс (1922–2010) известен как автор биографии Сталина и романа «Джон и Мэри», экранизированного в 1969 г. Питером Йетсом». Фото см. в {ОЖАК-2 = МОИ № 56, стр.30}.

⁴ Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1997.

Существуют и чисто психологические моменты. Сегодня Фрейд стоит выше Брейера, и эта его фабрикация смотрится более или менее правдоподобно, но в 1907 году ситуация была иной. Фрейд глубоко заблуждался, когда думал, что находится на одном уровне с Брейером и Форелем. На самом деле он стоял много ниже их. В лучшем случае они рассматривали его в качестве распоясавшегося врача-дилетанта, который своими сексуальными разговорами компрометирует почтенную науку. Фореля, ученого с мировым именем, никогда бы не заинтересовала личность какого-то взбунтовавшегося неудачника, а Брейер, если бы даже и писал ему, то не стал бы называть имя знакомого ему шарлатана и авантюриста. Надо также учитывать, что в 1907 году Брейер совершенно не интересовался проблемами истерии и какой-то там пациенткой под псевдонимом Анны О., с которой он столкнулся 25 лет назад! У него таких, как она, пациенток было, наверное, не одна сотня. Между тем, как уже говорилось, в это время он трудился над многостраничным обзором на физиологическую тематику «Об органе слуха птиц». Работу на тему истерии он написал 15 лет назад и больше с психиатрией не связывался.

Объективно Брейер никогда не находился «в плодотворных научных контактах» с Фрейдом, как об этом говорится в письме. Из расшифровки сновидения об Ирме мы уже знаем, что студент-недоучка страшно обиделся на уважаемого в городе «доктора М.» – так автор «Толкования сновидений» обозначил в тексте Брейера, впрочем, легко узнаваемого. Тогда Фрейд тоже поставил себя вровень со своим наставником, хотя в действительности он находился на неизмеримо более низком профессиональном, моральном и социальном уровне, чем Брейер. Понятно, что между неопытным помощником врача и самим врачом, пользующимся в городе непререкаемым авторитетом, никакого серьезного научного спора возникнуть не могло.

И хотя Фрейд иногда сильно мешал работать Брейеру (взять тот же случай с Анной О.), врач-профессионал всегда поступал так, как считал нужным, не считаясь с мнением своего юного подопечного. За внешней мягкостью характера наставника скрывалась самостоятельная и решительная натура. В своей тяжелой повседневной работе Брейер умел принимать решения. Между тем нрав его подопечного отличался преступной беспомощностью. Фрейд долго колебался, а когда делал какой-нибудь выбор, потом еще длительное время сомневался и сожалел о нем. Об этом нужно всегда помнить и вносить соответствующие поправки на литературное мастерство автора приведенной фальшивки, а также учитывать при чтении «Толкования сновидений», «Исследования истерии» и прочей беллетристики.

Разногласия между Брейером и Фрейдом, существовавшие главным образом в больном воображении последнего, и возникшие в связи с лечением Берты-Анны (это было в далеком 1881 году) не касались вопросов сексуальности. Брейер мучительно искал у Берты Паппенхейм физиологические причины заболевания, которые упорно не хотел искать его помощник. Именно проблема физического и психического возникла вокруг сновидения об Ирме. После получения Фрейдом профессорского звания (1902 год) он озаботился проблемой сексуальности, о чем мы еще ниже поговорим. Между тем Брейера никогда не волновали сексуальные проблемы. Разумеется, он никогда бы и не стал обсуждать их с иностранным коллегой, да еще при этом вспоминать своего непутового помощника. Таким образом, изготовитель фальшивки находится в плену своей придуманной легенды и совершенно не учитывает реалии.

Анна О. возникла из головы Фрейда как греческая богиня Афина Паллада из головы Зевса, причем в то самое время, когда все, и в первую очередь, конечно, Брейер, забыли о Берте Паппенхейм, которая в 1887 году уехала навсегда из Австрии в Германию. Образ ее жил только в голове мифотворца Фрейда, который, похоже, влюбился в нее. Миф о чудесном ее выздоровлении распространялся по миру постепенно с ростом популярности отца-основателя и его учения. В 1907 году о психоанализе, наконец, услышали, но широкая общественность, как было сказано выше, тогда еще не приняла фрейдизм. Это произойдет много позже, после Первой мировой войны.

Так что едва ли Форель мог в 1907 году что-то слышать о сфабрикованной и много позже раздутой до вселенских размеров истории болезни Анны О. Между тем псевдо-Брейер пишет Форелю так, будто тот в курсе дела. Сомнительно также, чтобы Брейер использовал в личном письме к своему швейцарскому коллеге придуманное Фрейдом имя Анны О., которое Форелю ни о чем не говорило. Этим именем Фрейд заранее решил назвать свою будущую дочку, когда он летом 1895 г. находился вместе со своей беременной женой в Бельвю и когда он задумал написать «сновидение» об Ирме. И потом, не в привычке Брейера раздавать псевдонимы своим пациентам, которых у него, в отличие от Фрейда, было сотни. Почти все известные фрейдовские

пациенты (их около десятка) получали второе имя, но нам не известно ни одного второго имени у больных, которых лечил самый известный врач Вены.

– IV –

Напомним, начиная с 1876 г. в Физиологическом институте при Венском университете, где работали профессора Флейшль и Экснер, Брейер стал бывать частенько, поскольку он постоянно присматривал за старым и больным директором института Брюкке. В это же примерно время в институте появился Фрейд, который был взят на работу в качестве лаборанта. Забросив университет, разочаровавшись в научной карьере, он также оставил институт Брюкке и подвизался помощником Брейера. Тот взял безалаберного юношу к себе в помощники в основном из чувства сострадания, чтобы тот мог немного заработать, присматривая за легкими пациентами, которые постоянно жаловались на свое здоровье, но не страдали серьезными недугами. Возможно, работа, проделанная Брейером в направлении исследований истерии, была проведена ради его подопечного, который вместо физиологии и анатомии, которые безуспешно пытался изучить в университете, заинтересовался психотерапией и стал приставать к своему наставнику с безумными идеями. Понятно также, что Брейеру хотелось с физиологических позиций объяснить истерическое заболевание, источником которого Французская школа считала психические факторы.

Можно не сомневаться и в том, что умный и наблюдательный Брейер, верный материалист, последователь школы Гельмгольца и прилежный ученик Брюкке, быстро сообразил, что представляют собой истерички и какова ценность научных изысков в модной области знаний, которая и до этого была полем для различного рода спекуляций (достаточно вспомнить имя Месмера). Естественно, Брейер подошел к разработке своей теории истерии с присущей ему добросовестностью. «Теоретическая часть» книги «Исследования истерии» представляет собой действительно ценное научное исследование, которое, однако, сильно было подпорчено его «соавтором». После расставания с Фрейдом Брейер, очевидным образом, потерял интерес к теме истерии и больше никогда не возвращался к ней. Возможно также, что ему было неприятно вспоминать, как его подопечный «отредактировал» написанный им текст (об этом подробнее ниже).

Что же касается Фрейда, то у него, напротив, интерес к проблеме истерии возрастал из года в год. К 1907 году у него созрела идея-фикс, связанная с Анной О., которую якобы излечил Брейер путем разговоров с пациенткой на интимные темы. В 1908 году Фрейд перерабатывает «Исследования истерии», делая в них особый акцент на сексуальности. В следующем году он едет в США и читает доклад перед американской аудиторией об «удивительной пациентке». Текст доклада в точности совпадает с его версией заболевания Анны О. Фальшивое письмо Брейера к Форелю как раз и было началом большой игры, в которой ранее никому не известной пациентке отводилась заглавная роль.

В начале 1880-х годов Брейера еще не интересовала тема истерии. Он не особенно внимательно следил за лечением Берты и целиком доверился начинающему медику. Но Брейер наверняка испугался за больную, когда Фрейд своими неумелыми действиями чуть было не погубил ее. Но даже тогда, мне кажется, опытный врач, выдавший виды, не растерялся, отняв ее у Фрейда и передав в надежные руки профессионалов из психиатрической клиники. Все эти басни о панике, охватившей якобы Брейера, есть плод неумной фантазий прославленного выдумщика.

После скандала с Бертой Паппенхейм Брейер уже не передавал своих больных Фрейду, пока тот не сдал университетские экзамены и не получил диплом врача. После того, как новоиспеченный психотерапевт побывал на стажировке в Париже, постоянно загруженный Брейер вновь стал направлять своих больных, страдающих расстройством психики, к Фрейду. Так у последнего появилась пациентка фрау Эмми фон Н., взбалмошная аристократка из Прибалтики (случай 2), гувернантка мисс Люси (случай 3), Катрина (случай 4) и фрейлин Элизабет фон Р. (случай 5). Все эти ненастоящие имена фигурируют в книге «Исследования истерии».

Другое дело Анна О. (случай 1), которая выпадает из названного ряда. Она с самого начала находилась под наблюдением Фрейда, которого Брейер устроил домашним врачом в дом Паппенхеймов. На это указывает одно из «сновидений» в «Книге снов» [2,⁵ с. 187–188]

⁵ Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.

(подробное разъяснение этого невыдуманного факта биографии Фрейда дается в главе 20 «Призрак Берты Паппенхейм»). Иногда, едва уловимый намек, сделанный отцом-основателем, позволяет понять всю страшно запутанную картину событий. Данный «сон» именно этот случай.

Здоровье Анны-Берты, видимо, встревожило Брейера, когда Фрейд начал ставить на ней эксперименты, для чего вводил ей в больших количествах морфин. В этой связи полезно ознакомиться со статьями немецкого психотерапевта и исследователя Клауса Шлагманна (Klaus Schlagmann), опубликованными на его персональном сайте www.oedipus-online.de/, в которых он пытается защитить Йозефа Брейера от несправедливой критики в его адрес.

Дело в том, что Брейер нигде не называл имя своего безответственного помощника, так как вся полнота ответственности за больных лежала на нём. В документальной истории болезни Берты лечащим врачом значится только он. Шлагманн доказывает с цифрами в руках, что Брейер старался лишь снизить дозу вводимого наркотика, как это делается в случае борьбы с наркотической зависимостью. Все действия ответственного врача были направлены на исправление чьей-то чужой ошибки. Имя того, кто первый назначил больной такой опасный курс «лечения», Шлагманн, естественно, назвать не мог, поскольку его исследования, ограничивались документами, хранящимися до сих пор в больницах, где лечилась Берта.

Из-за морфина Фрейд чуть было не погубил Берту, поэтому Брейеру пришлось уделять «фрейдовской» пациентке повышенное внимание. Но, как уже говорилось, ничего экстраординарного не случилось. Просто неопытный и крайне самоуверенный молодой человек выказал «личную заинтересованность» в отношении пациентки, которую он знал, по-видимому, с детства, и выделил в связи со своей любовью к ней немалый объем «врачебного либидо», (слова в кавычках взяты из процитированного выше некролога). Потом доктор литературных наук из этой мухи сделал слона.

В «Толковании сновидений» есть немало мест, где автор говорит о колебаниях в выборе предпочтения между двумя подругами – Бертой и Мартой. После того, как Фрейд «избавил» Анну-Берту «от всех ее необъяснимых симптомов» (слова из некролога), так что бедной девушке пришлось еще долгие годы скитаться по больницам, Брейер был, наверно, первым, кто настоял, чтобы «домашний врач», наконец-таки, сдал многолетнюю экзаменационную задолженность и получил диплом врача. Поскольку Институт Брюкке не поддерживал спекулятивное направление в медицине, каким считалась истерия, Брейер вместе со своими друзьями, Флейшлем и Лейдесдорфом, посодействовал выделению денег на поездку Фрейда в Париж (Сальпетриер), чтобы тот получил элементарные навыки по лечению нервно-психических больных.

Таков вкратце земной путь будущего небожителя, который и после общения с Шарко оставался в медицинских кругах Вены всё еще микроскопической величиной. Обладая болезненным самолюбием и обуреваемый жаждой славы великого ученого, будущий лидер мирового психоаналитического движения решился на дерзкую авантюру. В «письме» псевдо-Брейера к прославленному физиологу, мы видим, как Фрейд хотел подтянуть свой ничтожнейший статус до уровня авторитетного ученого. Он так и льнул к Брейеру, Шарко и прочим знаменитостям, изображая свои отношения с ними почти что панибратскими. Ох, как нужна была ему поддержка сильных мира сего! Однако никто из действующих психиатров начала XX века, пусть даже третьеразрядных по значимости, не упомянул имя Фрейда в позитивном ключе. Вот он и сочинил фальшивку, в которую поверила доверчивая публика.

В период написания некролога проблема его высокого статуса в обществе была в основном решена. Однако надо было еще оставить потомкам свидетельство «узколобости» Брейера, которому якобы не хватило ума сообразить, что причиной истерии Берты была ее любовь к нему. Фрейд преподнес изумленной публике дело так, будто его старший товарищ и коллега, как последний трус, сбежал от проявленных пациенткой могучих половых инстинктов, в то время как он обязан был привлечь их для ее же спасения.

Современному читателю трудно представить, что уважаемый во всем мире психотерапевт мог действовать столь бессовестным способом для получения своей известности. Они и думать не смеют, что родоначальник психоанализа мог что-то делать помимо науки. И, тем не менее, здесь мы имеем дело с уникальным социальным феноменом, когда один несостоявшийся в науке человек обвел вокруг пальца всех, включая самых авторитетных инженеров человеческих душ. Реальный Фрейд был наглым, хитрым и ужасно порочным человеком. О фрейдовском вероломстве можно судить по многим эпизодам его греховной жизни. Напомним один из них.

Однажды друг Фрейда, врач-космолог Вильгельм Флисс, провел неудачную операцию, оставив в левом пазухе Эммы Экштейн, «Красной Эммы» – русской коммунистки, полметра

марли. У нее начался воспалительный процесс и сильное кровотечение из носа, в результате чего она едва не умерла. Фрейд не на шутку перепугался, так что во время ее вторичного оперирования другим врачом выпил коньяка для храбрости. В письме от 8 марта 1895 г. Фрейд рассказал Флиссу о трагических последствиях этой операции:

«Она не потеряла сознание в течение обильного кровотечения. Когда я, шатаясь, возвратился в комнату, она приветствовала меня со снисходительным замечанием: «Итак, это – сильный секс» [«So this is the strong sex»] [7,⁶ с. 116–118].

В письме Фрейд уверял своего друга, будто причиной кровотечения была не преступная беспечность хирурга, проводившего операцию, а «истеричность» Эммы; возможно, предположил он, пациентка страдала гемофилией. И это притом, что он прекрасно видел, как врач, исправлявший ошибку Флисса, вытащил из пазухи Эммы марлевый тампон.

Аналогичную «истерическую» причину он усмотрел в невралгии Доры и, разумеется, в болезни Анны О. Так было всегда: Фрейд искал в первую очередь не физическую, а исключительно психическую, точнее, абсолютно ложную причину. Для этого он создавал в своей голове некую виртуальную схему, полностью оторванную от реальности, и пытался внушить ее своим пациентам. Когда те не принимали ее, он говорил о сопротивлении и нежелании пациентов расстаться со своей болезнью.

Фрейд откровенно обманывал окружающих, когда в некрологе написал, будто открытие Брейера подверглось строгой цензуре по соображениям «врачебной осторожности» и поэтому «Исследования истерии» вышли в «сильно сокращенном виде». Здесь отец-основатель намекает на то, что они-де с шефом при наблюдении за истерическими больными занимались вопросами сексуальной этиологии неврозов, только вот публикация их результатов в то время была невозможна. Далее из анализа текста книги «Исследования истерии» будет понятно, что все пассажи, в которых говорится о сексуальности, были добавлены позже, очевидно, в 1908 году при переиздании книги. В 1895 году ни Брейер, ни Фрейд этими проблемами не занимались. Тема сексуальности всплыла на поверхность, когда они уже не общались.

– V –

Однако данную тему мы отодвинем напоследок, а пока посмотрим, кто была второй пациенткой Фрейда и какие отношения установились между ним и его наставником. При описании первого случая с Анной О. Фрейд, естественно, не называл имя своего шефа. Но, описывая второй случай с Эмми фон Н., он несколько раз упоминает Брейера, к которому та первоначально обратилась. В течение двухгодичного периода ее лечения (1888–1890) Эмми фон Н. неоднократно жаловалась на Фрейда и просила Брейера, чтобы именно он, опытный врач, взялся за ее исцеление, а не этот чудаковатый его помощник.

Фрейд признавался:

«... Она сохранила окрепшую к тому времени остаточную истерическую антипатию ко мне и заявила, что не может согласиться на повторное лечение у меня. По совету того же медицинского светила она обратилась за помощью в один санаторий на севере Германии, а я, по просьбе Брейера, сообщил главному врачу этого учреждения, какая модификация гипнотической терапии доказала в ее случае свою действенность».

А перед этим Фрейд обиженно написал: «Отнюдь не я, а доктор Брейер получил от нее весточку спустя семь месяцев» [6,⁷ с. 102–103]. По всему видно, что помощник сконфузился, думая, что она должна была благодарить именно его, а не шефа.

В другом месте мы читаем:

«Меня приятно удивляет то, что на этот раз, задумавшись, пациентка долго медлит с ответом и, наконец, неуверенно спрашивает: «Малышка?» Два других схожих эпизода ей не приходят на ум. Таким образом, мой запрет подействовал: мучительные воспоминания устранены. ...Вскоре неуверенность при произнесении этого названия стала у нее единственным проявлением речевой

⁶ Лейбин В.М. *Зигмунд Фрейд: психоаналитический портрет*. – М: МПСИ, 2006.

⁷ Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том. 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.

заторможенности и сохранялась до тех пор, пока я не избавил ее от этой принудительной парамнезии по указанию доктора Брейера» [6, с. 105].

Последняя фраза показывает нам, кто действительно руководил лечением больных, только здесь нужно учитывать авторское завышение собственной значимости. В связи с «всесилием» гипнотических способностей отца-основателя психоанализа меня рассмешило одно место в книге.

«После 14-дневной задержки, – пишет Фрейд, – у нее вновь появились менструации. В гипнотическом сеансе я внушил пациентке их ритмичность, выбирая в качестве временного периода 28-дневный цикл (что действительно потом реализовалось)».

Можно подумать, что если бы он «внушил» бедной Эмми 128-дневный менструальный цикл, она тоже в точности «реализовала» бы его.

Эмми фон Н. относилась к тем истеричкам, которые впадали в гипнотический транс только оттого, что им показывали палец. Вообще-то, Фрейд не умел гипнотизировать, почему и перешел на разговоры с бодрствующими пациентами. Об этой своей беде он подробно рассказывает в четвертой части книги, где обосновывал новый метод психотерапии без гипнотического усыпления больного. Сиюминутную случайную реакцию больной Фрейд принимал за свою личную победу, которой потом очень гордился. Но его пациенты никогда почему-то не выздоравливали; это касалось и фрау Эмми фон Н.

«В последней полученной от нее (летом 1893 года) записке, – пишет Фрейд, – она просила меня разрешить ей пройти курс гипноза у другого врача, поскольку она опять заболела и не может приехать в Вену. Поначалу я не понял, зачем ей требуется мое разрешение, но потом припомнил, что в 1890 году, по ее собственному желанию, поставил ей защиту от постороннего гипнотического воздействия... Теперь я письменно отказался от своих исключительных привилегий» [6, с.110–111].

До сих пор я изображал Фрейда коварным лгуном. Здесь мы видим его в роли наивного мальчика, который верит в колдовскую силу своего слова. Это трогательное заблуждение Фрейд сохранял до конца своих дней. Несомненно, наряду с сознательной ложью, отец-основатель обманывался неосознанно.

Присутствие на втором плане фрейдовского наставника отчетливо ощущается во всех пяти случаях, не исключая самого первого. Хотя правильнее говорить о шести случаях истерии, поскольку помимо названных пяти Фрейд рассказывал о симптомах болезни и методе лечения шестой истерички – Сесилии М. О ней он впервые упомянул во второй истории болезни, а в пятой отвел ей несколько страниц. Во второй истории, имея в виду фрау фон Н., он пишет:

«Оба мы, доктор Брейер и я, знали ее довольно хорошо и довольно давно и всегда смеялись, сравнивая ее портрет с описанием истеричной психики, которое с давних пор кочует по книгам и находит поддержку среди врачей» [6, с. 129].

Далее автор говорит о Сесилии М. как о больной, у которой наблюдалась «истерия в наиболее тяжелой форме». В пятой истории болезни Фрейд написал: «*Именно наблюдения за этой примечательной пациенткой [Сесилией М.] совместно с Брейером послужило непосредственным поводом для опубликования нашего «Предупреждения»*» [6, с. 217], т.е. статьи 1893 года, которую мы детально изучим позже.

В первой истории Брейер фигурирует под безликим словосочетанием «врач-консультант».

«Спустя дней десять после смерти отца [т.е. примерно 15 апреля 1881 г.], – пишет Фрейд по поводу Анны О., – к ней вызвали врача-консультанта, на которого она не обращала ровным счетом никакого внимания, как и на остальных незнакомцев, пока я демонстрировал ему все ее странности. «That's like an examination» («Это похоже на экзамен»), – промолвила она со смехом, когда попросил ее перевести вслух французский текст на английский. Приглашенный врач мешал ей читать, старался обратить на себя внимание, но всё тщетно... В конце концов, ему удалось прервать ее речь, пустив ей в лицо струю табачного дыма. Тут она неожиданно заметила незнакомца, кинулась к двери, принялась дергать ключ и без чувств повалилась на пол» [6, с. 45–46].

Обратите внимание на безличный словесный оборот «к ней вызвали». И кто же это решил его вызвать? Разве Брейер, светила медицины, мог бы выразиться подобным образом? Если бы

писал именно он, то мы бы увидели фразу типа «я пригласил специалиста по психиатрии» или что-то в этом роде. Здесь и в других местах мы видим, что врач, лечивший Анну О. не вполне самостоятелен. Мы чувствуем, что описание первого, как и всех последующих случаев, сделано человеком, находящимся явно в подчинении других людей. Он не способен отдавать принципиальные команды в отношении своих пациенток. Данный отрывок прекрасно иллюстрирует тогдашнюю субординацию между Фрейдом и Брейером, которая оставалась примерно одной и той же и с фрау Эмми фон Н. и с пациенткой Анной О. Таким образом, по приведенному и другим подобным эпизодам без проведения лингвистической экспертизы мы можем заключить, что автором истории болезни Анны О. является не Брейер, а, скорее всего, сам Фрейд.

По его словам, Анна О. перестала говорить с ним на родном немецком языке и перешла на английский. Как известно из ее дневника, она делала это из вредности. В дневнике она написала:

«Мы все знали, в чем была их проблема – они были мужчинами. Брейер думал, что всё знает. Так же думал и этот наглый друг..., этот Фрейд, который потом писал обо мне так, будто *понимал* меня. Никто из них и близко не подошел к Анне. Она играла с ним [Фрейдом] в женские игры» [7,⁸ с. 118].

Анализ этой дневниковой записи приведен в Добавлении {МОИ № 58} к моим книгам и статьям о Фрейде, сделанном на исходе 2006 года.

Описанный в «Исследованиях истерии» эпизод с забыванием родного немецкого языка и переход на английский говорит нам о том, что Берта не желала выполнять распоряжения Фрейда и демонстрировать «приглашенному» врачу свои языковые «заскоки». Указав на буйства Анны О. и желание ее броситься с четвертого этажа дома, где находилась ее комната, автор первого случая далее пишет:

«По этой причине больную вопреки ее воле отправили в поместье неподалеку от Вены (7 июня 1881 г.). Лично я ни разу не грозился увести ее из дома, хотя сама она втайне ожидала и опасалась отъезда, который внушал ей ужас» [6,⁹ с. 46–47].

После этих слов переводчик текста, Сергей Панков, сделал следующее примечание:

«В действительности, именно Брейер распорядился отправить Берту Паппенхейм в поместье недалеко от санатория в Инцесдорфе, где за ней могли присматривать тамошние врачи: Эмиль Фрис и Герман Бреслауер» [6, с. 428].

Отсюда видно, что Панков абсолютно не догадывается, кто истинный автор первого случая. Он не понимает, что переведенный им текст писал вовсе не Брейер, а Фрейд, лишенный права принимать какие-либо серьезные решения.

Из «Толкования сновидений» мы узнаем, что Брейер был недоволен ходом лечения Берты. Это следует из текста:

«Такое положение вещей вытекает из мотивов сновидения. Оно последовало вскоре после того, как я услышал, что мой старший коллега [Брейер], мнение которого считается непогрешимым, высказался с возмущением и удивлением по поводу того, что одна из моих пациенток [Берта] пользуется моим психоаналитическим лечением вот уже *пятый год* подряд» [3,¹⁰ с. 383]

(см. разъяснения этого места в главе 14 «Друг-враг Брейер» книги «Правда о Фрейде и психоанализе» {МОИ № 55}). Итак, злопамятному и мстительному Фрейду Брейер изредка выказывал свое неудовольствие. Очевидно, время от времени он наведывался к пациентке и устраивал что-то наподобие «экзамена» как для нее, так и для ее «лечащего врача».

Что же касается клиники Инцесдорф, где директором был Лейдесдорф – близкий друг Брейера и Флейшля, то в книге «Правда о Фрейде и психоанализе» уже рассказывалось о пребывании Берты в ней (см. главу 16 «Попытки понять сон об Ирме»). Она лечилась там еще в 1883, 1885 и 1887 гг., причем в 1885 г. в эту клинику устроился на время с 7 по 21 июня работать

⁸ Лейбин В.М. *Зигмунд Фрейд: психоаналитический портрет*. – М: МПСИ, 2006.

⁹ Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том. 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.

¹⁰ Masson, J.M. *The complete letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887–1904*. Cambridge: Harvard University Press, 1985.

Фрейд. В «Правде...» цитируются слова Ирвинга Стоуна [4]¹¹ о том, что Берта сбежала из Инцерсдорфа домой, «когда тамошний молодой врач влюбился в нее». И Джонс говорил об этом: «когда она находилась в санатории [Инцерсдорф], то воспламенила любовью к ней сердце лечащего ее психиатра» [1,¹² с. 131]. Можно не сомневаться, что тем «тамошним молодым врачом» был ни кто иной, как Фрейд, который ради своей влюбленной носил в клинике парадную одежду, о чем сообщил Феррис [5]¹³.

Из описания сновидения об инъекции Ирме нам также известно, что в лечении Ирмы-Анны-Берты принимал участие Эрнст Флейшль. Как бы не искажал и не скрывал Фрейд реальные события того периода, однажды он всё же не удержался и рассказал о своем сопернике. Так бывало и в «Толковании сновидений»: желание автора описать какую-то яркую, хорошо запомнившуюся ему сцену часто перевешивало его страх перед разоблачением. В одном из мест первой истории болезни мы обнаруживаем присутствие рядом с Анной О. ее возлюбленного и одновременно друга-врага Фрейда, профессора Флейшля.

Вот это место:

«Она смогла по достоинству оценить посещавшего ее врача, моего друга доктора Б., и привязалась к нему. Весьма благотворно подействовало на нее и общение с подаренным ей ньюфаундлендом, которого она страстно любила. Однажды на моих глазах разыгралась замечательная сцена: когда ее любимец накинулся на кошку, эта слабая девушка схватила левой рукой кнут и начала охаживать им огромного пса, чтобы спасти жертву... Пока меня не было, talking cure [лечение разговором] не проводилось, поскольку больная не соглашалась рассказывать о своих фантазиях никому, кроме меня, в том числе и доктору Б., хотя искренне к нему привязалась» [6,¹⁴ с. 50].

Хочу снова напомнить о вкусовых предпочтениях наших героев. Зная серьезные интересы Брейера, легко догадаться, что он никогда бы не стал описывать мало примечательную сцену с собакой и кошкой. Подобные «радости жизни» могли вдохновить на литературное творчество только влюбленного в Берту Фрейда. Речевой оборот «моего друга доктора» А., Б., В., ... типичен для Фрейда; он пользовался им десятки раз, но мы нигде не найдем, чтобы подобные слова произносил Брейер. Это связано с той же навязчивой манерой отца-основателя поставить себя вровень со знаменитым врачом города Вены.

Теперь обратимся к «подаренному ей ньюфаундленду». Дело в том, что Флейшль, как многие богатые аристократы, вращающиеся в светских салонах, обожал делать дорогие подарки, что раздражало бедного студента Фрейда. Покупка породистого пса в то время ему была, конечно, не по карману. В этой связи процитируем любопытнейшее место из сновидения об инъекции Ирме.

«В тот вечер, – пишет Фрейд, – когда я писал историю болезни [Анны О.], моя жена [Марта] раскрыла бутылку ликера, на этикетке которой стояло название «Ананас». Слово «Ananas» очень странным образом напоминает имя моей пациентки Ирмы [Anna]. Ликер этот подарил нам коллега Отто [Флейшль]; у него была привычка делать подарки по всякому поводу. Вероятно, он будет от этого отучен когда-нибудь женой. В этом отношении сновидение не оказалось пророческим [намек на смерть Флейшля, который так и не женился на Берте]» [2,¹⁵ с. 125].

Напомним также, что в 1891 году, перед тем, как добровольно лишиться себя жизни, Флейшль подарил Фрейду, которого он до конца дней считал своим другом, ценный бюст римского сенатора. Он знал, что его мучитель и убийца обожал различные археологические находки. Точно так же ему была известна любовь Берты к животным – лошадям, собакам, кошкам и т.д. Никто, кроме Флейшля, не догадался бы сделать ей такой роскошный презент.

¹¹ Стоун И. *Страсти ума или Жизнь Фрейда*. – М.: Мысль, 1994.

¹² Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1997.

¹³ Феррис П. *Зигмунд Фрейд*. – Мн.: Попурри, 2001.

¹⁴ Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том. 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.

¹⁵ Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.

– VI –

Итак, существует определенная вероятность того, что перед нами Флейшль, но нет никаких указаний на то, что данное описание болезни сделал врач-профессионал, каким был Брейер. Его манера письма, продемонстрированная в этой же книге, совершенно иная – сухая, академическая, богатая мыслями, а не чувственными переживаниями. Лауреат Гётовской премии пользовался сочными эпитетами, многократно усиливающими и без того яркие краски образов. Послушайте, как он начинает свое повествование об Анне О. Точно в такой же манере Фрейд начинает рассказ об Эмми фон Н., Доре и других пациентках. Его стиль характеризуется избыточным использованием прилагательных и наречий, будоражащих воображение читателей, и субъективным отношением к объекту его внимания, поскольку он не ученый, а литератор.

Характеризуя свою возлюбленную, Фрейд пишет: Анна О.

«наделена недюжинным умом, поразительно развитой способностью сопоставлять факты и интуитивно предугадывать события; столь живой ум мог бы усвоить немало духовной пищи, в которой он и нуждался, но которую не получал с тех пор, как фрейлейн закончила школу. Она щедро одарена поэтическим талантом и воображением, которые подчинены весьма острому и придирчивому уму. Именно поэтому она совершенно не поддается внушению; голословные утверждения никогда не могли возыметь над ней действия, она доверяет только аргументам. На моей памяти она всегда была волевой, настойчивой и терпеливой; порой становилась упрямой и могла отказаться от своих намерений лишь по доброте душевной, ради другого человека.

К числу главных черт ее характера относилась способность к состраданию и сочувствию; забота о бедняках и уход за больными послужили на пользу ее здоровью во время болезни, поскольку тем самым она смогла удовлетворить свою сильную душевную потребность в сострадании. Настроение ее всегда бывало слегка взвинченным: слишком радостным или чересчур мрачным; отсюда и некоторая капризность. Как ни странно, сексуальное начало у нее было не развито; пациентка, жизнь которой я изучил так, как редко удается одному человеку изучить жизнь другого, никогда не была влюблена, и ни в одной из множества галлюцинаций, появлявшихся у нее за время болезни, этот элемент душевной жизни не выступал на поверхность» [6, с. 39].

Женская натура, подобная той, что здесь изображена, несомненно, умеет страстно любить. Однако Анна-Берта не любила Фрейда и терпела его подле себя только в силу своего доброго и сострадательного сердца. Возможно, фразы об асексуальности пациентки являются поздней вставкой автора, чтобы затем обвинить Брейера в его слепоте к «сексуальным элементам». Подобные слова мы находим в истории болезни фрау Эмми фон Н.

«Мне бросилось в глаза, – пишет Фрейд, – что во всех сокровенных рассказах пациентки начисто отсутствовал сексуальный элемент, который, однако, как никакой другой элемент, служит поводом для травм» [6, с. 129].

Это – явная вставка периода 1908 г., сделанная в оправдание полного отсутствия сексуальных мотивов при анализе истерического заболевания до 1895 г.

Как бы там ни было, позже домашний врач интенсивно спекулировал на сексуальном элементе, который он не обнаружил у Анны О. Так, в письме к Стефану Цвейгу 1932 г. Фрейд писал:

«На следующий день после того, как все ее симптомы были устранены, его [Брейера] вызвали к ней вечером, и когда он зашел к ней, она корчилась из-за судорог в нижней части живота. Когда он спросил ее, что с ней случилось, она ответила: «Сейчас родится ребенок от доктора Б.». В этот момент он получил ключ от обители Матерей, но не воспользовался им. При всех его талантах, в нем нет ничего от Фауста. Он попросту испугался и сбежал, перепоручив больную одному коллеге, который еще несколько месяцев боролся с ее недугом в санатории» [6, с. 429].

Приведенный метафорический и аллегорический текст выдержан в духе пса Сипиона – иронического персонажа, о котором рассказывалось в главе 8 «Берта, Полина и Гизела» книги «Правда...» {МОИ № 55}. Здесь Фрейд тайно подсмеивается над бедным Цвейгом, как когда-то, в юные годы он подсмеивался над Зильберштейном, рассказывая ему в одном из своих писем о замужестве Гизелы Флюс, которого в действительности не было. Слова «обитель Матерей» однажды сильно подведут любителя гётевских стихов, но об этом после.

В отношении Брейера Феррис и другие биографы Фрейда удивляются, как могло получиться, что почтенный и уважаемый в городе доктор стал ежедневно утром и вечером на

протяжении двух лет заботливо навещать больную девушку у нее дома или в санатории, куда он ее отправил. В июне 1882 года в период обострения болезни он вдруг решает бросить ее, говоря окружающим нечто совершенно невразумительное. Почему-то никому в голову не пришло, что этот рассудительный и уравновешенный человек, любящий жену и своих шестерых детей, даже чисто психологически не мог вести себя подобным образом. Ни до, ни после этих странных двух лет ничего подобного с ним не случилось.

В главе 3 «Не верю!» «Правды...» {МОИ № 55} уже назывались доводы, которые говорят против Брейера, но в пользу Фрейда. К этому списку легко добавить новые аргументы, например, такой. Историкам психоанализа известны туманные строки Фрейда, написанные в том же 1932 году:

«Я был столь убежден в этой моей реконструкции [любви Берты к Брейеру], что я написал об этом где-то [где?!]. Самая младшая дочь Брейера [Дора] читала мною написанное и спросила своего отца об этом незадолго перед его смертью. Он подтвердил мою версию, и она сообщила мне об этом позже».

Ну, что за чушь?! Здесь нагромождены события, которые в реальной жизни никогда бы не могли встать в один ряд. Зачем бы дочь Брейера читала «где-то» написанное Фрейдом о совершенно незнакомой ей пациентке, потом, почему-то усомнившись, расспрашивала своего отца, далее передавала бы слова отца Фрейду, который порвал с ее отцом все отношения. Кто может поверить в этот бред, если он хоть немного знает психологию людей вообще и издевательский нрав Фрейда в частности? В своем «Автопортрете», написанном в 1925 г., отец-основатель психоанализа всё еще говорит о некой «*завесе мрака, которую Брейер никогда не приподнимал для меня*». Всякий критически мыслящий исследователь обязан сто раз подумать, прежде чем принимать информацию, исходящую от солгавшего не единожды.

Джонс тоже писал, будто Фрейд рассказывал ему лично о его разговоре с Брейером по поводу ложной беременности и последующих событиях

«более полно, чем описал в своих работах, об особенных обстоятельствах, заставивших Брейера расстаться со своей пациенткой. По всей видимости, – предположил биограф, – Брейер развил у себя то, что в наши дни называется сильным встречным контрпереносом к этой пациентке. Он так увлекся ее случаем, что вскоре его жена начала ревновать его к этой больной. Она не проявляла открыто своей ревности, но стала замкнутой и выглядела несчастной. Прошло немало времени, прежде чем Брейер разгадал подтекст такого ее поведения. Результатом явилось его решение завершить лечение. Вечером он объявил об этом Анне О., которая чувствовала себя теперь значительно лучше, и пожелал ей спокойной ночи. Но вскоре за ним прислали вновь, и он нашел ее в крайне возбужденном состоянии. Пациентка, которая, по его словам, представляла собой внесексуальное существо и у которой на всем протяжении лечения не возникло какого-либо намека на эту запретную тему, находилась теперь в родовых муках истерического рождения ребенка, локального завершения ложной истерической беременности, которая незаметно развивалась в ответ на оказание помощи Брейером. Хотя Брейер был сильнейшим образом шокирован, ему удалось успокоить пациентку, прибегнув к гипнозу. Он выбежал из дома в холодном поту. На следующий день он вместе с женой уехал в Венецию, чтобы провести там свой второй медовый месяц (именно там была зачата его дочь [Дора], которая почти 60 лет спустя покончила с собой в Нью-Йорке)» [1,¹⁶ с. 130].

Все эти события изложены в духе театральной пьесы, т.е. грандиозной аферы, осуществленной Фрейдом, и абсолютно противоречат реальному поведению Брейера. И потом, разве Джонс безупречный свидетель? Конечно же, нет! Следует еще и еще раз подчеркнуть двумя жирными линиями ту непреложную мысль, что единственным источником сексуальной версии был только основатель психоанализа, который к тому же выдвинул ее по прошествии нескольких десятилетий после произнесения знаменитой фразы, исходящей якобы от Берты: «Выходит ребенок доктора Брейера!» (ее написание варьирует).

По сновидению об инъекции Ирме мы помним, как Ирма-Анна-Берта вместе с Брейером искала органические причины своего заболевания, а Фрейд настаивал на психической этиологии. Ни о каких сексуальных чувствах Берты к Брейеру там и речи нет; Фрейд ревновал ее к Флейшлю, а не Брейеру. И в описании первой истории болезни тоже нет и намека на разговор о

¹⁶ Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1997.

сексуальности. Так чего ж нам тогда раздумывать, над чем тут ломать голову? Неужели мы, разумные люди, не ослепленные божественным нимбом отца-основателя спекулятивного учения, не в состоянии выстроить причинно-следственную цепь нескольких четко обозначенных событий? Кому тут еще не понятна корыстно обусловленная и искусственно навязанная связь, наведенная родоначальником жульнической терапии?

– VII –

Личность Берты Паппенхейм была столь незаурядна, что описание ее характера не представляет большого труда для всякого психолога, и автор приведенных выше строк [6, с. 39] с ней тоже справился. В дальнейшем она действительно показала себя борцом за гражданские права, возглавив женское движение. Именно активная общественная деятельность, которой она занялась после переезда в 1888 г. во Франкфурт-на-Майне, окончательно вылечила ее от психического расстройств.

Ей было тогда уже 29 лет, и создавать собственную семью было уже поздно. Возможно, она продолжала любить Флейшля, который нередко бывал в Германии, возможно, она никогда не встречалась с ним, наконец, вполне возможно, что она возненавидела мужчин, как это чувствуется из приведенной дневниковой записи. О ее чувствах к нему сейчас судить сложно. Но ее социально-политическая деятельность известна довольно хорошо. Некоторые психоаналитики считают ее феминизм продолжением прежней истерии, выраженной, в том числе, и в ее фригидности. Всё это, конечно, досужие домыслы фрейдистов, под которыми нет прочных оснований.

Известно, что в 1888 г. вышла первая книга Берты Паппенхейм «Рассказы для маленьких детей». В 1890 г. она сама готовила и раздавала спасительные супы для бежавших из Восточной Европы несчастных еврейских семей. С 1895 г. она вступила в Иудейский женский союз, заботящийся о воспитании и образовании сиротских девочек, и проработала в нем более десяти лет. В 1897 г. она приняла под свою личную ответственность три десятка девочек. В 1899 г. Берта перевела на немецкий язык книгу английской феминистки Мэри Уоллстонкрафт (1759–1797) «Защита прав женщин» (1792). В 1904 г. она основала Союз еврейских женщин Германии, объединивший множество разрозненных еврейских организаций, насчитывающий впоследствии около 50 тысяч женщин. В 1907 г. недалеко от Франкфурта она построила Дом призрения, где девушкам преподавались уроки ведения домашнего хозяйства, история искусств и религии. При воспитании подрастающего поколения она умело сочетала либеральный феминизм с ортодоксальным иудаизмом. В 1914 г. к этому Дому прибавился еще один – Дом для беременных и кормящих матерей. Позже в ее распоряжении находились пять зданий, где располагались созданные ее стараниями учреждения социальной помощи.

В течение трех первых десятилетий нового века Берта много путешествует: бывала в Америке и Палестине, конечно же, исколесила всю Европу. Особенно часто она бывала в Галиции, а также Польше, Румынии, два раза ездила в Россию (в 1912 г. и в 1926 г.). Она была там, где можно было перенять какой-то опыт или поправить ущемленные права еврейских женщин. Особое внимание Берта уделяла брошенным детям, заботилась о матерях-одиночках и вела непримиримую борьбу с проституцией. В отношении последнего нужно сказать отдельно.

Берта Паппенхейм (Анна О.)
в разные годы своей жизни

Дело в том, что иммигрировавшие из Восточной Европы в Германию еврейские девушки часто оказывались на панели. Она ходила по борделям, чтобы вырвать их из грязных рук сутенеров, ходатайствовала перед местными властями за предоставление им жилья и денежных пособий, горячо спорила с возмущенными раввинами о безвыходном положении несчастных беженков. По итогам своей многолетней работы за права евреек Берта выпустила книгу в двух томах под названием «Сизифов труд» (1930), куда помимо ее докладов, прочитанных на различных конференциях, вошла обширная переписка с отдельными гражданами и целыми общественными организациями.

В целом, ее деятельность можно было только приветствовать, если бы она помогала всем нуждающимся женщинам, а не только еврейской национальности. Следует помнить, что расовое деление приводит к сильным напряжениям в обществе и войнам. Это обстоятельство косвенно повлияло на трагические события, случившиеся вскоре после ее смерти.

Она не была сторонницей национальной изоляции евреев. В политическом плане она активно выступала против сионистского движения, за культурное вращение еврейской общины в европейскую жизнь. Из этих соображений она сопротивлялась выезду евреев из Германии в Палестину или Америку. Но, к сожалению, такая позиция оказалась катастрофической для многих ее сподвижников и друзей.

Берта умерла от рака 28 мая 1936 г., а миллионы ее соплеменниц, не успевших эмигрировать из воюющей Европы, погибли в концентрационных лагерях. Два десятка девушек из ее Дома призрения, приняв яда, совершили акт коллективного самоубийства (по другой версии они погибли в Освенциме). Во время массовых еврейских погромов, произошедших в нацистской Германии в ночь с 8 на 9 ноября 1938 г., все владения Берты Паппенхейм были разграблены и сожжены. Большинство людей, знавших ее близко, погибло, поэтому о личной жизни знаменитой феминистки мы знаем сегодня относительно немного.

Фрейд внимательно следит за общественной деятельностью Берты, хотя она жила в Германии, а он – в Австрии. В «Автопортрете», написанном в год смерти Брейера, он писал:

«О своей первой пациентке, сделавшейся знаменитостью, Брейер говорил, что сексуальное начало было у нее поразительно не развито, Читая «Исследования истерии», трудно догадаться о том, какое значение имеет сексуальность для этиологии невроза» [8,¹⁷ с. 22–23].

Здесь 69-летний старик сделал ошибку, которую он допускал и в молодые годы. Для Брейера Берта Паппенхейм, конечно же, не была «первой пациенткой», а вот для него – да. Фрейд называл Берту «первой пациенткой» и без всякой связи с Брейером. Трудно уследить за всеми словами, которые ты говоришь в течение жизни, когда свою жизнь превратил в сплошной обман.

Чтобы выяснить, насколько развито сексуальное начало у девушки, нужно находиться с ней в интимных отношениях. Насколько сблизился Брейер с Бертой, чтобы сделать вывод о ее фригидности? Пусть даже он говорил с ней о сексе – предположим этот маловероятный случай, – но он никак не вяжется с нападками самого Фрейда на своего наставника за его невнимание к сексуальной стороне душевных недугов (об этом ниже будет сказано недвусмысленно). Объективно разрыв с Брейером произошел задолго до открытого интереса Фрейда к проблемам сексуальности. Значит, данная тема не могла стать причиной их ссоры. Тогда в чем же дело?

Говоря о «переходе от катарсиса к психоанализу», Фрейд в «Автопортрете» называет следующие причины:

«Началом этого этапа явился отказ Брейера от дальнейшего сотрудничества; мне одному предстояло управлять его наследством. Разногласия существовали между нами с *самого начала*, но причиной разрыва они не становились. [*Первая причина*] В вопросе о том, с какого момента душевный процесс становится патогенным, т.е. отклоняется от нормы, Брейер отдавал предпочтение т.н. *физиологической теории*; он полагал, что отклонения от нормального развития зарождаются в исключительных – *гипноидных* – душевных состояниях. Это выдвигало новый вопрос – о происхождении таких гипноидов. Я же, напротив, держался того мнения, что всё определяет игра сил, взаимодействие намерений и тенденций, которые наблюдаются в нормальной жизни. Так наметилось противостояние двух теорий – гипноидной истерии и защитного невроза.

¹⁷ Фрейд З. *Автопортрет* // Собрание сочинений в 26 томах. Том. 2. – СПб.: ВЕИП, 2006.

Но едва ли это или другие подобные противоречия заставили бы Брейера отвернуться от нашего общего дела, если бы не вмешались еще более веские причины. [Вторая причина] Одна из них заключалась, конечно, в том, что Брейер был очень перегружен работой как специалист по внутренним болезням и как известный семейный врач и не мог, в отличие от меня, полностью отдавать свои силы разработке теории катарсиса. Кроме того, [третья причина] на него сильно повлияло неблагоприятное отношение к нашей книге в Вене и за ее пределами, в Германии. Чувство уверенности в себе и способность к сопротивлению обстоятельствам не стояли у Брейера на той же высоте, что и другие свойства, отличавшие его душевную организацию. Когда, например, на «Исследования» обрушил свою критику Штрюмпель, у меня его беспонятливые возражения вызвали только смех; Брейер же чувствовал себя оскорбленным и обезоруженным.

Но более всего решение его было вызвано тем, что мои собственные работы приняли к этому времени направление, с которым он при всем желании не мог примириться. [Четвертая причина] Теория, которую мы пытались выстроить в «Исследованиях», была весьма фрагментарной, особенно в отношении этиологии. Вопрос, на какой почве возникает патогенный процесс, был нами едва затронут. Но стремительно накапливавшийся опыт всё больше убеждал меня в том, что причиной невротизма выступают не любые аффективные возбуждения, а, как правило, те из них, которые имеют сексуальную природу, – либо актуальные конфликты сексуального характера, либо последствия сексуальных переживаний, испытанных в прошлом. Я и сам не ожидал этого вывода и не был к нему готов; приступив к изучению нервных заболеваний, я ничего подобного не подозревал. ... Не знал я тогда еще и того, что, связывая истерию с сексуальностью, я лишь подхватывал древнюю традицию медицинской науки, восходящую, в том числе и к Платону» [8, с. 23–24].

Первая названная здесь причина конфликта на почве спора о первичности физического и психического четко обозначилась в 1882 году, когда возникла кризисная ситуация с Бертой-Анной-Ирмой. В сновидении об Ирме описана та пропасть, которая разверзлась между Фрейдом и Брейером. Далее всё просто: если автор того или иного текстового фрагмента выступает за первичность физического, значит, им является Брейер; если психического – Фрейд. Нам нужно быть только внимательными, чтобы по этому предельно понятному признаку определить, кто и что написал в книге «Исследования истерии».

Вторая причина высосана Фрейдом из пальца. Почему-то «перегруженность работой» не помешала Брейеру круглосуточно сидеть у постели Берты в течение двух лет – так ведь по версии Фрейда обстояли дела. А вот третья причина действительно является важной. Мы еще увидим, как Фрейд изуродовал текст Брейера, пытаясь сделать из убежденного *физиологиста* недалекого *психологиста*, который к тому же был постоянно озабочен сексуальными вопросами. Какой нормальный автор смог бы выдержать эти издевательства? Любопытно было бы узнать, что сказал Адольф фон Штрюмпель, «немецкий невропатолог и терапевт, занимавшийся изучением системных заболеваний спинного мозга и описавший ряд неврологических симптомов и синдромов, которые носят его имя» [8, 232] и как отреагировал Брейер на его критику. Увы, сегодня всё, что связано с наставником Фрейда, надежно засекречено родственниками великого авантюриста.

К третьей причине тесно примыкает четвертая. Называя ее, Фрейд не скрывает, что его толкование образов сновидений и прочих психических знамений есть допотопная практика древних эскулапов. Скатывание рациональной науки, каковой должна быть истинная психология, к «древней традиции медицинской науки», Брейер стерпеть не мог. В двадцатом веке лечить больных по методике Платона, жившего две с половиной тысячи лет назад, – значит, совершить должностное преступление.

– VIII –

Период с 1876 по 1882 год в биографии Фрейда покрыт густым туманом. В «Автопортрете» сообщается, что будущий создатель теории сексуальности работал помощником у Брюкке и, собственно, всё [8,¹⁸ с. 10]. Однако из общей физиологии здоровых молодых людей неминуемо вытекает, что мужчина в возрасте 20–26 лет должен был найти себе подругу или хотя бы попытаться это сделать. Выяснением данного вопроса мы занимались в книге «Правда о Фрейде и психоанализе», где и привели аргументы в пользу Берты Паппенхейм.

¹⁸ Фрейд З. *Автопортрет* // Собрание сочинений в 26 томах. Том. 2. – СПб.: ВЕИП, 2006.

Глубокое и полное описание ее личности, помещенное в истории болезни Анны О. [6,¹⁹ с. 39], сделано, конечно, Фрейдом. В 1895 году он еще не знал, что она будет «Помощницей человечества» – надпись на почтовой марке, выпущенной в честь нее в 1954 году. Но из его описания уже следовало, что Берте на роду написано быть сильной, умной и очаровательной женщиной, которая железной волей подчинит свою жизнь служению общему делу. Она проявила себя блестящим организатором, много выступала, пропагандируя, как сейчас говорят, здоровый образ жизни и немало написала повестей, пьес, сказок, памфлетов и агитационных листовок.

Мы уже знаем, что отец-основатель наблюдал за ее кипучей общественной деятельностью, а она, в свою очередь, наблюдала за ним. О враждебном отношении Берты к психоанализу писала Анна Фрейд в «Эпизодах из жизни Берты Паппенхейм (Анны О.)». По словам биографа Берты, Доры Эдинггер, первая пациентка Фрейда говорила о его учении так: «Психоанализ в руках врачей то же самое, что исповедь в руках католического священника; только от их личности и мастерства владения своим методом будет зависеть то, окажется ли их инструмент добром или обоюдоострым мечом». Эта мысль настолько же верна, насколько ее часто высказывают.

Никто не спорит, что слово может лечить, здесь важно, чтобы говорящий был умен и добр в отношении слушающего. Приведенный отрывок подтверждает и другую общеизвестную мысль: здоровый и тактичный психоанализ – а психологический анализ не является прерогативой одних только фрейдистов – скорее искусство, чем наука. В руках Фрейда он превратился в «обоюдоострый меч», которым он пронзал психику своих пациентов. В его интерпретациях снов и поступков чувствуется презрение и ненависть к людям; он больше унижал и обижал больных, чем помогал им. Берта была первой пациенткой, которая испытала на себе все «прелести» его терапии.

Бесспорно, Берта рассуждала более здраво, чем Фрейд. Ее критический рационализм бесил и одновременно нравился ему. В частности, тот психологический портрет, который он написал в начале изложения первой истории болезни, передает теплые чувства симпатии и восхищения автора к объекту его исследования. Когда Берта под воздействием морфина, введенного ей безответственным студентом, рассказывала свои галлюцинации или вела себя неестественным образом, язык даровитого писателя становился еще более экспрессивным.

Вот как он описывает начало болезни:

«В июле 1880 года отец пациентки слег в деревне из-за субплеврального абсцесса; Анна на пару с матерью ухаживала за ним. Как-то раз она всю ночь не сомкнула глаз, охваченная беспокойством за жизнь больного, которого сильно лихорадило, и с волнением ожидала прибытия из Вены хирурга для проведения операции. Мать ненадолго удалилась, между тем как Анна осталась сидеть возле постели больного, закинув правую руку за подлокотник кресла. Она стала грезить наяву, и ей привиделось, что по стене к больному подползает черная змея, готовая его укусить. (Весьма вероятно, что на лугу за домом и впрямь водились змеи, одна из которых однажды напугала девушку, и это переживание легло в основу галлюцинации.) Она попыталась отогнать бестию, но ее словно парализовало; правая рука, которую она закинула за подлокотник, «затекла», онемела и не двигалась, и стоило ей взглянуть на свою ладонь, как пальцы обернулись змейками с черепами вместо голов (там, где были ногти). Скорее всего, она попыталась отогнать змею онемевшей правой рукой, и поэтому потеря чувствительности и паралич руки объединились в ее сознании с этой галлюцинацией. Когда галлюцинация исчезла, ей было так страшно, что она решила помолиться, но не смогла выдать из себя ни слова до тех пор, пока не вспомнила наконец английский детский стишок, после чего стала изъясняться и молиться только на английском языке.

Свисток паровоза, который доставил долгожданного врача [какого врача – не Брейера ли?], окончательно развеял кошмарное видение. Когда на следующий день она потянулась за обручем, залетевшим в кусты во время игры, кривая ветка напомнила ей о вчерашней галлюцинации, в тот же миг правая рука у нее одеревенела. С тех пор подобное повторялось всякий раз, когда ей на глаза попадался предмет, более или менее похожий на змею, отчего возникала соответствующая галлюцинация. Впрочем, эти галлюцинации появлялись у нее только при кратковременных помрачениях сознания, которые после той ночи стали учащаться. (Стойкой контрактура стала лишь в декабре [точнее, 10 декабря 1880 г.], когда пациентка слегла и уже не вставала с постели.) Из-за другого происшествия, сведения о котором мне не удалось обнаружить в своих записях и которое я сейчас не могу припомнить, к контрактуре руки прибавилась и контрактура правой ноги» [6, с. 58–59].

¹⁹ Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том. 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.

Сначала хочется обратить внимание читателя на слова, приведенные в конце отрывка и выделенные курсивом. Они указывают на то лицо, которое вело дневник состояния больной. Из них следует, что все записи велись автором. Об этом сообщается и в другом месте:

«Я не слишком сожалею о том, что *мои тогдашние заметки не были достаточно подробными*, и теперь невозможно почерпнуть из них сведения о том, что именно послужило поводом для развития каждого симптома истерии. Сама пациентка рассказала мне о происхождении всех симптомов за вычетом тех, о которых я упоминал выше, и, как уже отмечалось, все симптомы исчезали, стоило ей рассказать о том, из-за чего симптом возник впервые» [6, с. 61].

В самом деле, кто, как не сам Фрейд, мог сделать следующие подсчеты:

«Для того, чтобы показать, насколько исчерпывающими и обстоятельными во всех отношениях бывали ее рассказы, я могу привести один пример. Пациентка обыкновенно не слышала того, кто к ней обращался. Эта мимолетная глухота дифференцировалась следующим образом:

А) Из-за рассеянности она порой не слышала, что кто-то вошел в комнату. Такое случалось 108 раз; она указала, кто заходил к ней в комнату и в каких обстоятельствах это происходило, а зачастую называла даже точную дату; всё началось с того, что она не услышала, как к ней в комнату зашел отец.

Б) Она не могла разобрать слова, когда говорило разом несколько человек; такое случалось 27 раз; впервые это случилось опять-таки тогда, когда отец беседовал с одним своим знакомым.

В) Она не слышала того, кто обращался непосредственно к ней; такое случалось 50 раз; всё началось с того, что отец как-то раз тщательно просил ее принести ему вино.

Г) У нее закладывало уши из-за сильной тряски (в экипаже и т.п.); случалось такое 15 раз; всё началось с того, что младший брат начал трясти ее в пылу перебранки, когда застал ночью за подслушиванием у дверей отцовской комнаты.

Д) Она могла оглохнуть от страха, который вызывал у нее шум; происходило такое 37 раз; всё началось после того, как у отца случился приступ удушья от того, что он поперхнулся.

Е) Она могла оглохнуть в моменты полного помрачения сознания; случалось такое 12 раз.

Ж) Она могла оглохнуть, если долго подслушивала, и когда к ней кто-нибудь обращался, ничего не слышала; случалось такое 54 раза» [6, с. 56–57].

– IX –

В книге «Психология познания. Удод» уже рассказывалось (см. главу 9 «Толкование сновидений» {МОИ № 56}) о патологической склонности Фрейда каждый день делать дневниковые записи, фиксируя на бумаге все, даже самые незначительные, эпизоды своей жизни. Идиотские (другого слова они не заслуживают) подсчеты, приведенные только что, мог сделать только Фрейд, но никак не Брейер. Отец-основатель исписывал море бумаги самым досужим вымыслом, который случайно приходил ему в голову. Беседуя с пациентами, он тут же спешил излить на бумаге всё, что он слышал, говорил и думал, смешивая это со своими литературно-художественными фантазиями. У Брейера такой уникальной привычки к бумагомаранию не было. Он не вел протоколы наблюдения за больными. Ниже мы убедимся, что по поводу пациентов он много не распространялся; из всего увиденного он делал выводы общего характера.

Между тем, случай с Анной О. целиком построен на подробнейших протоколах ее психического состояния, которые велись автором практически каждый день, начиная с лета 1880 по лето 1882 года. Как должен был поступить Фрейд, принимая во внимание, что Брейер не вел дневник наблюдений за пациентами, которых у него было огромное количество? Сложная задача, но Фрейд справился с ней. Роль писаря он передал матери Анны О., решив, очевидно, что всё равно та сидит возле больной без дела, пусть ради дочки и большой науки займется полезным трудом.

Можете ли вы поверить тому, чтобы убитая горем женщина скрупулезно записывала статистику причин временной потери слуха? О том, что дневник наблюдения за дочерью Анной О. вела именно ее мать, Фрейд говорит в двух местах. Ниже я приведу отрывок весьма любопытного содержания, идею которого мы обсудим позже. А пока попрошу читателя обратить внимание на формальную сторону дела, а именно, кто вел записи, легшие в основу истории болезни знаменитой пациентки.

Автор «Исследований истерии» пишет:

«Тогда как раз исполнился год с того дня, как она разлучилась с отцом, заболела и слегла, и после этой годовщины в ее душевной жизни стала проследиваться весьма странная система. Если прежде два состояния сознания у нее чередовались, причем с каждым днем, начиная с утра, помрачения учащались, то есть она всё чаще погружалась в *condition seconde* [вторичное состояние], а под вечер пребывала уже только в этом состоянии, и различие между двумя этими состояниями заключалось лишь в том, что в одном состоянии она была нормальной, между тем как в другом состоянии – неменяемой, то теперь в одном состоянии она понимала, что на дворе стоит зима 1881–1882 г., а в другом состоянии переживала заново события минувшей зимы 1880–1881 г., совершенно позабыв обо всем, что произошло с той поры...

Переход из одного состояния в другое происходил самопроизвольно, однако его легко могло спровоцировать какое-нибудь впечатление, живо напоминавшее о событиях прошлого года. Стоило протянуть ей апельсин (во время болезни она питалась на первых порах главным образом апельсинами), как она мгновенно переносилась из 1882 года в 1881 год. При этом она не просто возвращалась в некое обобщенное прошлое, а *день за днем переживала заново всё, что происходило минувшей зимой*.

Если бы она сама не рассказывала мне каждый вечер во время сеансов гипноза о том, что волновало ее в соответствующий день в 1881 году, и *записи в тайном дневнике, который вела ее мать* в 1881 году, не подтверждали то, что она с безупречной точностью воспроизводит все основные события той поры, я мог бы лишь догадываться об этом. Таким образом, она переживала заново все события минувшего года до тех пор, пока *окончательно не выздоровела* в июне 1882 года [в это время у нее наблюдался самый опасный период ее заболевания].

Любопытно было наблюдать за тем, как прежние чувства, заново возникшие на фоне *condition seconde*, влияли на нее, когда она пребывала в нормальном состоянии. Однажды утром больная со смехом сказала, что почему-то злится на меня; из *дневника [матери]* мне было известно, почему она могла на меня злиться, и во время вечернего сеанса гипноза мое предположение подтвердилось. В этот день в 1881 году я сильно разозлил пациентку» [6, с. 52–53].

Фрейд был довольно небрежен в своем литературном творчестве и часто допускал неточности, неизбежные при его тактике тотального обмана. Он забывал о своей ранее принятой легенде, что существует дневник матери, и случайно проговаривался о ведении собственных записей. Легенду о дневнике он сочинил еще в 1892 г. при написании статьи, появившейся затем в книге 1895 г. Приведу соответствующее место из «Предупреждения», в котором говорится о том, что мать некой пациентки (по смыслу ясно, что пациенткой является Анна О.) вела дневник.

«Так, одна наша пациентка под гипнозом в течение полугода со всей яркостью галлюцинации день в день воспроизводила события, которые волновали ее годом ранее (в период острой истерии); *безукоризненную точность воспроизведения этих событий подтверждали записи в дневнике ее матери*, о существовании которого она не знала.

Другая пациентка под гипнозом и во время самопроизвольных припадков с живостью, свойственной галлюцинациям, заново переживала все события, связанные с истерическим психозом, перенесенным ею десять лет назад, о котором она вплоть до того момента, когда события эти вновь воскрешались у нее в памяти, ровным счетом ничего не помнила. Отдельные события пятнадцати–двадцати пятилетней давности, имеющие немалое значение для этиологии заболевания, она тоже припоминала с поразительной точностью и эмоциональным накалом, и воспоминания эти вызывали у нее столь же сильный аффект, что и новые впечатления» [6, с. 23–24].

Фрейд писал, что к написанию «Предупреждения» его и Брейера подтолкнула якобы пациентка Сесилия М. [6, с. 217]. Возможно, именно из-за этого послыла Ж.-П. Сартр в своем киносценарии «Фрейд» сообщил Берте Паппенхейм псевдоним не Анны О., а Сесилии М., роль которой он хотел, чтобы сыграла Мэрилин Монро. Эта несчастная кинозвезда, покончившая жизнь самоубийством, между прочим, была пациенткой Анны Фрейд (тогда почти все знаменитые актрисы Голливуда посещали сеансы психоаналитиков).

Хочу предупредить читателя, что у французского писателя и философа относительно жизнеописания отца-основателя, сделавшегося в 60-х годах чрезвычайно модным, в киносценарии допущено множество неточностей. Например, в одной из первых встреч с Флиссом, которая почему-то происходила на мосту через Дунай, Фрейд увидел свою пациентку Дору, что исключено по хронологическим соображениям [9, ²⁰ с. 186]. Как бы там ни было в «Предупреждении» 1893 года явным образом фигурирует именно Берта, поскольку там в точности описаны ее симптомы. Следующие слова подтверждают это.

²⁰ Сартр Ж.-П. *Фрейд*. – М.: Новости, 1992.

Фрейд пишет:

«Девушка, которая дежурит у постели больного [отца], испытывая мучительный страх [за его жизнь], погружается в сумеречное состояние, и пока рука ее, свисающая со спинки кресла, немеет, у нее возникает пугающая галлюцинация: в результате развивается парез этой руки, с контрактурой и потерей чувствительности. Девушка хочет помолиться, но не может вспомнить ни слова из молитвы; наконец ей удается произнести детскую молитву на английском языке. Позднее, когда у нее развивается истерия в тяжелой форме с множеством осложнений, она может говорить, писать и понимать только по-английски, между тем как на родном языке в течение полутора лет не понимает ни слова» [6, с. 18–19].

Вслед за этими истерическими симптомами, которыми страдала Анна-Берта, Фрейд называет симптомы, которые наблюдались у Эмми фон Н.: цоканье языком и пр. Описание же симптомов Сесилии М. в «Предупреждении» мне обнаружить не удалось.

Цитируемая литература

1. Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1997.
2. Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.
3. Masson, J.M. *The complete letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887–1904*. Cambridge: Harvard University Press, 1985.
4. Стоун И. *Страсти ума или Жизнь Фрейда*. – М.: Мысль, 1994.
5. Феррис П. *Зигмунд Фрейд*. – Мн.: Попурри, 2001.
6. Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том. 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.
7. Лейбин В.М. *Зигмунд Фрейд: психоаналитический портрет*. – М.: МПСИ, 2006.
8. Фрейд З. *Автопортрет* // Собрание сочинений в 26 томах. Том. 2. – СПб.: ВЕИП, 2006.
9. Сартр Ж.-П. *Фрейд*. – М.: Новости, 1992.

Часть вторая

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/Anna2.htm>

– X –

Теперь давайте сосредоточим свое внимание на содержательной стороне последнего процитированного абзаца «дневника матери», связанного с верой Фрейда в псевдонаучную нумерологию. При описании болезни Анны О. он хотел убедить читателя, будто у нее наблюдалась удивительная последовательность истерических проявлений. Абсолютно точная повторяемость состояний года текущего с состояниями года минувшего, которым якобы подверглась психика Анна О., является самым нелепейшим утверждением автора. Очевидно, он был введен в заблуждение какими-то баснями, которые ему могли рассказывать либо Флисс (автор теории циклов), либо кто-то из актеров-гипнологов, практикующих в Сальпетриере.

На земле не рождалось еще ни одного такого врача, который бы, как Фрейд, на протяжении всей своей медицинской практики подробно фиксировал поведение, бред и галлюцинации своих пациентов, а потом, копаясь в своих записях годичной давности, находил сходные эпизоды. Думать, что на это был способен Брейер, так же нелепо, как и утверждать, будто снотолкователь Фрейд разработал теорию вестибулярного аппарата у голубей. Только наивные люди могут верить в сказки, рассказанные отцом-основателем. Почему больная «именно в этот день ровно год назад» должна была совершать какие-то действия? Что такое год? Это – 365 дней; если и была повторяемость состояний, она могла произойти через 65 дней, 165, 265 или 366 дней. Периодичность в 365 дней имеет ничтожную вероятность.²¹ Но Фрейд – мистик, его излюбленное

²¹ В.Э.: О вероятностях тут можно говорить только в том случае, если процесс случаен. Но он явно не случаен. «Год» – это не «365 дней», а период, спустя который даты имеют те же обозначения: «10 декабря» и т.д. В описанном синдроме мозгом истерички явно брался пласт воспоминаний под той же датой, что нынешний день, но только из другого года. Что же касается возможности такого воспоминания,

занятие – поиск числовых закономерностей. Все мистики обычно используют круглые числа, отсюда у него и появился период «ровно год».

Фрейд выстроил истерические состояния Анны О. в строгую сначала восходящую, потом нисходящую последовательность. Пациентка «отговаривала» симптомы в обратном порядке относительно их появления. Так она «отговорила» контрактуры-парезы, восстановила кожную чувствительность, устранила расстройства зрения и слуха, невралгию, нервный кашель и дрожь, а под самый конец расстройство речи.

«Например, из числа расстройств зрения, – пишет Фрейд, – были по отдельности устранены сходящееся косоглазие...; отклонение обоих зрачков вправо...; сужение поля зрения, центральная амблиопия, макropsия, склонность видеть череп вместо отца, неспособность читать» [6,²² с. 55].

Из приведенного выше отрывка [6, с. 52–53] следует, что психика Анны О. испытала двойную инверсию при переходе от 1881 года к году 1882: во-первых, у нее поменялись местами состояния сознания – нормальное (утром) и невменяемое (вечером), и наоборот; во-вторых, инверсия возрастающего и убывающего ряда болезненных симптомов. Только «проницательный» аналитик мог обнаружить такие удивительные метаморфозы сознания пациентки, Брейеру, много лет наблюдавшему за поведением голубей, это было бы не под силу.

Историю болезни Анны О. Фрейд сочинил не за один присест. Читая первый случай, мы можем выделить, по крайней мере, два сильно отличающихся фрагмента, написанных в разное время и при разном состоянии души писателя. Как в первом [6, с. 39–61], так и во втором [6, с. 61–67] фрагменте рассказывается история болезни пациентки от начала и до конца, т.е. она изложена дважды. Однако внутри первого фрагмента можно выделить еще две самостоятельные части, [6, с. 39–58] и [6, с. 58–61], так что Фрейд изложил историю трижды. Последнее деление не столь заметно, как первое, поскольку история-3 радикально отличается от истории-1 и истории-2. Можно подумать, что история-3 и две предыдущие писали разные люди, однако их содержание и внимательный анализ стиля показывают, что все три истории писал один человек – Фрейд. Возможно, история-3 предназначалась для врачей больницы Бельвю, была написана в 1882 г. и редактировалась еще Брейером. Но ошибка в авторстве практически исключена – фрейдовский язык и его рассуждения всегда узнаваемы.

Различия касаются самых принципиальных вещей. В истории-3 нет описания галлюцинаций Анны О., не существует зависимости заболевания дочери от заболевания отца, а главное, в нем отсутствуют те несуразные восходящие и нисходящие ряды симптомов, которые появлялись у больной и затем исчезали, т.е. ничего не говорится о строгой периодизации нормальных и невменяемых состояний психики разнесенных ровно на год. Так, например, выше я процитировал отрывок из истории-2, в котором автор рассказывал о галлюцинации пациентки, связанной с видением змей с человеческими черепами вместо пальцев правой руки [6, с. 58–59]. Эта галлюцинация повлекла паралич руки Анны О. В изложении истории-3 автор спокойно сообщает: «случайно возникший паралич правой руки, вызванный сдавливанием нерва и переросший впоследствии в правосторонний парез с контрактурами и потерей чувствительности» [6, с. 62].

Таким образом, мы понимаем цену ранее сообщенных автором сведений в истории-1 и истории-2. Понятно, что Фрейд галлюцинацию и паралич правой руки включил в одну причинно-следственную цепь только в своем воспаленном воображении. Если даже у пациентки и была галлюцинация со змеями, вызванная в результате интоксикации морфином, то реально она не повлияла на паралич руки. Просто автору очень захотелось для физического симптома истерии отыскать психологическую причину, он ее и нашел. Когда Брейер увидел, что нафантазировал

то в молодости, в студенческие годы, я был знаком с одной девушкой (между прочим, тоже еврейкой и немножко похожей на Бертю Паппенхейм как внешне, так и по характеру; она училась на Филологическом факультете, знала пять языков и т.д.). Она утверждала, что может вспомнить, что происходило в любой день ее жизни осознанного возраста. Я задавал ей некоторые даты, и она, немножко подумав, рассказывала. Я, конечно, не мог проверить правильность ее воспоминаний, но не было похоже, что она меня обманывает (как-то смысла в этом не было). Такая способность вообще-то не противоречит законам природы и тому, что мы знаем о человеческой памяти. При наличии аналогичной способности Берте Паппенхейм не составляло труда «проигрывать заново» любой день из своего прошлого, в том числе и день ровно год назад.

²² Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.

его подопечный, он велел ему в истории-3 не упоминать ни о каких змеях и черепахах, а заодно и о «противной собачке», которая пила воду из стакана, и прочей чепухе, которую я не цитировал.

В отношении отца Анны О., болезнь которого якобы спровоцировала истерию дочери, в истории-3 сказано так:

«Контрактура, равно как и другие примкнувшие к ней расстройства, проявлялись у нее лишь на фоне временного помрачения сознания, когда больная пребывала в *condition seconde*, между тем как в нормальном состоянии к ней возвращались все умственные и физические способности, поэтому ни она сама, ни ее близкие, чье внимание, правда, было сосредоточено исключительно на тяжело больном отце Анны, ничего не замечали» [6, с. 63].

Всё! Другого упоминания о нем здесь нет. Таким образом, мы начинаем понимать, что и болезнь отца понадобилась Фрейду по той же причине, что и галлюцинация со змеями. Он хотел *физические* последствия увязать с *психическими* причинами. Однако Брейер (я все-таки склоняюсь, что редакцию истории-3 провел он – больше просто некому) воспротивился такой трактовке событий.

Когда отец подхватил какую-то неизвестную легочную инфекцию, он был изолирован от дочери, которая уже болела. Читатель, наверное, не забыл, что глухота, согласно истории-1 [6, с. 56–57], могла возникнуть из-за того, что (а) отец заходил к дочке в комнату, (б) беседовал со своим знакомым, (в) просил ее принести вина, (г) она что-то подслушивала у двери отцовской комнаты, (д) отец поперхнулся и раскашлялся. Отсюда, между прочим, следует, что отец ее был вполне здоров, когда дочка была уже больна. Так, значит, не он был причиной психического расстройства дочери!

Когда Брейер познакомился со статистическими исследованиями Фрейда, у него, наверное, волосы на голове встали дыбом. Чтобы не позориться перед своими коллегами он, видимо, заставил писателя-фантазера убрать из истории-3 эту выдуманную этиологию. Однако Брейер не настоял, чтобы его ученик убрал другие связи физического и психического, так что в последнем описании всё-таки остались несколько глупостей. Например, психоаналитик написал:

«Сама больная не понимала, каким образом танцевальная музыка может вызвать у нее кашель... из угрызения совести [*психическая причина*] у нее всегда возникали спазмы гортани [*физическое последствие*], а под влиянием двигательных импульсов, которые ощущала охочая до танцев девушка, спазмы гортани превращались в нервный кашель» [6, с. 64].

Зависимость физического от психического Брейер не признавал.

В начале истории-3 автор, указывая причину, вызвавшую болезнь, называет избыточную «психическую энергию» Анны О., которая «постоянно задавала работу воображению» и из-за чего

«она привыкла грезить наяву (устраивать «мой театр»)... Тем не менее, даже это не выходило еще за пределы нормы... Почва... была подготовлена за счет того, что ее привычные фантазии обернулись помрачением сознания с галлюцинациями. Примечательно, что уже в тот момент, когда болезнь проявилась впервые, обнаружились все ее основные черты, оставшиеся неизменными на протяжении почти двух лет» [6, с. 62].

И этого Брейер не мог написать.

В сновидении об инъекции Ирме все трения между Фрейдом и Брейером возникли из-за того, что Брейер искал физические причины болезни Ирмы-Берты, а Фрейд – психические; о сексуальности там не сказано ни слова. При описании истории болезни Анны О. Фрейд снова уделит основное внимание главной на тот момент проблеме психического и физического. Это доказывает, что оба текста были написаны Фрейдом и только им. Брейер – и это мы увидим позже, когда обратимся к написанному им тексту, – упорно настаивал на физических причинах истерических симптомов.

Для большей убедительности приведем две цитаты из книги «Толкование сновидений». Из них будет видно, как колеблется Фрейд в отношении причины истерии Ирмы-Берты. А вдруг окажется прав Брейер, и ее истерические реакции вызваны не психическими причинами, а органическими. Эти сомнения терзали его в самом начале 1880-х годов; по прошествии нескольких лет сомнения исчезли. Если вначале подопечный-идеалист еще как-то прислуши-

вался к мнению своего наставника-материалиста, то позже он стал его раздражать. Через десять лет это раздражение переросло в глухую ненависть.

Фрейд пишет:

«Я пугаюсь при мысли, что мог не заметить у нее органического заболевания. Это вполне естественный, постоянный страх специалиста, который повсюду видит почти исключительно невротиков и привыкает относить на счет истерии почти все явления, которые кажутся другим врачам органическими. С другой стороны, мною овладевает – я и сам не знаю откуда – легкое сомнение в том, что мой испуг не совсем добросовестен. Если боли у Ирмы имеют органическую подкладку, то опять-таки я не обязан лечить их. Мое лечение устраняет только истерические боли. Мне чуть ли не кажется, будто я хочу такой ошибки в диагнозе; тем самым был бы устранен упрек в неудачном лечении» [2,²³ с. 118].

В другом месте мы у него читаем:

«Конец сновидения показывает, что боли пациентки проистекают от тяжелого органического заболевания. Мне представляется, что и этим я хочу свалить с себя всякую ответственность. Психический метод лечения неповинен в наличии дифтерита. Мне всё же неловко, что я приписываю Ирме такое тяжелое заболевание исключительно с той целью, чтобы выгородить себя. Это слишком жестоко. Мне необходимо, таким образом, высказать убеждение в благоприятном исходе, и я довольно удачно вкладываю это утешение в уста доктора М. [Брейера]. Я поднимаюсь здесь, так сказать, над сновидением, но это требует особого объяснения» [2, с. 123].

Таким образом, главный вопрос, волновавший Фрейда с 1880 по 1900 год, с которым он приставал к Брейеру, спорил и, в конце концов, поссорил с ним, касался проблемы соотношения психического и физического в этиологии душевных заболеваний. Сексуальная тематика, возникла у него позже, когда он решил переиздать книгу «Исследование истерии», внедрив в ее текст соответствующие фрагменты. После выхода ее в свет он стал уверять окружающих, что о сексуальности он задумывался, еще учась в университете. Вместе с этим он стал говорить, что важнейшей чертой психоанализа является не толкование сновидений или свободные ассоциации, а именно сексуальная направленность всех психических проявлений человека.

– XI –

Посмотрите, с чего начинается болезнь, – с галлюцинации о змеях, которая до смерти напугала Фрейда. Он вызывал, по всей видимости, Брейера; не успел тот приехать, как «кошмарное видение» исчезло вместе со «свистком паровоза», на котором приехал «долгожданный врач» [6,²⁴ с. 58–59]. Данный эпизод произошел летом 1880 года, когда у Фрейда закончилась годичная служба в армии. Знал ли он Анну-Берту до службы? Разумеется! Это прекрасно ощущается по приведенной им характеристике, которая цитировалась выше [6, с. 39], и не только. Весь текст истории болезни Анны О. свидетельствует, что ее доктор, проводивший в ее доме дни напролет, прекрасно знает пациентку.

В истории-3 автор говорит, что первичные признаки болезни (галлюцинации и паралич) сохранились у пациентки в течение двух лет, т.е. до лета 1882 года. Но это не так! Документально подтверждено, что указанные истерические симптомы продолжались у нее до 1887 года, когда Анна-Берта выписалась из клиники Инцесдорф и уехала в Германию. Так, почему Фрейд говорит о двух годах? Потому, что летом 1882 году он ввел Ирме-Берте слишком большую дозу морфина. Ее жизнь повисла на волоске. Брейер, Экснер и Флейшль боролись за ее жизнь и спасли первую пациентку Фрейда. Эти трагические события описаны во второй главе книги «Толкование сновидений», которая называется «Метод толкования сновидений. Образец анализа сновидения» [2, с. 105–130]. Образцовым «сновидением» – хотя сном это, конечно, не было – Фрейд называл «сновидение об инъекции Ирме». После сильной интоксикации Ирмы-Берты «домашнего врача» выгнали из дома Паппенхеймов, и он не мог каждодневно наблюдать за пациенткой. Вот откуда взялись два года! Но «лечащим врачом» Ирмы-Берты Фрейд считался еще более двух лет.

²³ Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.

²⁴ Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.

Теперь вспомним, что в «образцовом сновидении» об Ирме все события вращаются вокруг опасной инъекции морфина, ни о каком гипнозе там речь не идет. Из «Толкования сновидений» мы узнаем, как после впрыскивания Ирме-Берте большой дозы морфина врач Отто (на самом деле Флейшль) обвинил безответственного студента в неумелом и опасном использовании шприца. Но, согласно идее сбывающихся в сновидении желаний, Фрейд стал обвинять в этом преступлении не себя, а самого Флейшля. В «Правде...», однако, было показано, что не профессор Флейшль, а именно безответственный студент-недоучка ввел наркотик пациентке. Следовательно, и здесь в описании истории болезни Анны-Берты галлюцинации, параличи и прочие симптомы истерии могли быть вызваны инъекциями морфина.

Учитывая, что нерадивый студент не владел гипнозом, все описанные им гипнотические состояния Анны-Берты вызывались введением ей морфина. Фрейд рассуждал просто: так как поведение людей в состоянии гипноза и в состоянии наркотического воздействия схоже, следовательно, *наркотик вызывает гипноз*. В то время путем гипнотического внушения некоторые врачи, в частности, Брейер, производили «очищение больной души» (ее катарсис). Таким образом, психоанализ Фрейда вырос из метода очищения, известного с древнейших времен, только в гипнотическое или гипноидное состояние он вводил свою первую пациентку при помощи морфина.

Описание первой истории болезни с Анной О. из «Исследования истерии» и описание «образцового сновидения» об Ирме из «Толкования сновидений» сделаны примерно в одно и то же время. Оба описания Фрейда пронизаны обманом и пустыми фантазиями автора. Жуткие картины, в которых пальцы Анны О. превращались в змей с человеческими черепами, не мог нарисовать в своем воображении Брейер. Кошмарная сцена нравилась Фрейду, он слово в слово воспроизвел ее через тридцать лет перед американской аудиторией. Ему хотелось еще и еще раз прокручивать эпизоды со змеями в своем патологическом сознании, дополняя их новыми подробностями: *«у нее [Анны О.] появлялись пугающие галлюцинации, собственные волосы, шнурки и т.п. казались ей черными змеями»* [6, с. 43]. Эти страшилки действовали на досужую публику сногсшибательно, на что и рассчитывал коварный мошенник.

Такие же картины ужаса он вырисовывал и во второй истории болезни, касающейся уже Эмми фон Н. Она тоже видела, как

«ножки всех стульев и спинки всех кресел превратились в змей, какое-то чудовище с клювом стервятника набросилось на нее и исклевало все ее тело, а следом за ним на нее накиннулись и все остальные дикие звери» [6, с. 86–87].

Поскольку эта дамочка была намного сумасброднее рассудительной Анны-Берты, Фрейд посвятил описанию ее страшных и просто уродливых фантазий не одну страницу книги (см. [6, с. 78–85]). Этим он хотел доказать, что мнемонические образы и другие психические факторы могут спровоцировать физическое заболевание. Например, фрау Эмми фон Н. рассказывала ее лечащему врачу галлюцинацию, которую она видела во время смерти брата и в результате чего она стала сильно заикаться, хотя заикалась она и раньше. Подобная нелогичность постоянно бросается в глаза. Не больная, а он решает, что явилось причиной той или иной истерической реакции. Больная же, как правило, не помнит, когда и что послужило причиной.

Так, Фрейд почему-то решил, что заикание фрау Эмми возникло во время ее дежурства у постели тяжело больной дочери, когда она старалась вести себя как можно тише. Фрау так сильно прижала к себе дочурку, что чуть ее не задушила. Врач также решил, что на истерическую болезнь повлияло множество других тошнотворных событий в жизни пациентки. В частности, Эмми рассказала, как однажды она увидела мать, лежащую на полу, и как на ее глазах в сумасшедший дом увозили кузину. Эмми хотела позвать на помощь, но не могла – голос ей отказал. Пациентка говорила Фрейду о том, как однажды, приподняв камень, она увидела раздавленного крота и у нее на несколько часов пропал голос. Через четыре года после припадка мать умерла, и Эмми нарисовала ее перекосившуюся гримасу, а Фрейд сделал из этого соответствующие выводы. В сумасшедший дом поместили не только мать Эмми, но и служанку, которая работала в доме Эмми. Домработница тоже рассказывала жуткие истории из своей жизни. Эмми пересказывала их Фрейду, а он нам.

При чтении книги «Исследование истерии», мы чувствуем, какое наслаждение испытывает автор, слушая ее рассказы. Вот аналитик протоколирует очередную вереницу историй, как через год после смерти матери Эмми была у кого-то в гостях. Ее отправили в соседнюю комнату за книгой, где она увидела *«приподнимающуюся с постели женщину, в точности похожую на ту,*

что послала ее за этой книгой». Далее Эмми вспоминает, как она ухаживала за своим больным братом, у которого из-за злоупотребления морфином стали появляться невыносимые приступы боли. Сидя у его постели, она была сильно напугана внезапно появившимся из-за шторы бледным лицом тетки.

«Мне показалось, – пишет Фрейд, – что я подбираюсь совсем близко к причине ее неослабевающей боязни непредвиденных ситуаций, и спросил, когда еще она испытывала что-нибудь подобное».

И Эмми охотно отзывается на просьбу «доктора». Она рассказывает ему новую историю, как в ее доме стал появляться «другок», имевший привычку незаметно проскальзывать в ее комнату; как после смерти матери она тяжело заболела и поехала подлечиться в санаторий, а там какой-то сумасшедший несколько раз за ночь заходил в ее комнату, и даже усаживался на ее кровать; как на обратном пути незнакомый мужчина четыре раза неожиданно открывал дверь купе и пристально смотрел на нее.

После чтения этих записей читатель вправе задаться вопросом, насколько здоров сам Фрейд? Понятно, что Эмми – психически ненормальная женщина. Но посмотрите на ее лечащего врача, разве его подход к больной можно назвать нормальным? Как будто бы не насладившись описанными сценами сумасшествия, аналитик заставляет Эмми вновь и вновь пережить кошмарные минуты. В пересказанных отрывках помимо сюрреалистического содержания поражает также патологическая заинтересованность автора.

Тексты Брейера заметно отличаются от фрейдовских, хотя бы потому, что язык профессионала не может не отличаться от языка дилетанта. Брейер писал отстраненно о чисто теоретических вещах, избегая конкретных примеров. Иногда он говорил о пациентах, каких-то заинтересовавших его эпизодах из их жизни, но это были в основном короткие фрагменты. В одном месте «Теоретической части» Брейер даже заговорил о галлюцинациях, но ему и в голову не пришло рассказывать содержание случайной игры воображения. Фрейд же днями, месяцами и целыми годами выслушивал, конспектировал и анализировал всё, что говорили ему взбалмошные женщины о своих снах и галлюцинациях.

Здравомыслящий Брейер, наверное, не мог бы выдержать этого потока больного сознания ни одной минуты, однако он отлично знал, кому всё это может нравиться. Наставник понимал, что искать смысл или какую-то закономерность в галлюцинациях или снах невозможно, но его помощник придерживался иного мнения. Чтобы почувствовать между ними разницу, нужно сравнить написанные ими тексты; фрейдовских мы начитались вдоволь; далее обратимся к брейеровским. Из сравнения стилей и содержания мы легко догадаемся, кто из них сидел возле Анны О. с утра до вечера на протяжении двух лет.

– XII –

Для усвоения образа мыслей Брейера обратимся к «Теоретической части», которая, однако, не целиком написана Брейером. Это попрание авторских прав со стороны Фрейда произошло с первых же строк «Теоретической части». Потом, руководствуясь идеями Брейера, мы поймем, почему в написанный им текст попали фрагменты, нарушающие линию повествования автора. Сказанное касается содержательной стороны дела, но и стилистика прекрасно показывает, кто какой текст написал.

«Теоретическая часть» делится на шесть подразделов, первый из которых называется: «Являются ли все истерические феномены идеогенными?» Термин *идеогенный* означает «порожденный идеями», к которым Брейер относит в первую очередь представления или мнемонические образы. Таким образом, Брейер поднял главную проблему конца XIX века. Его вопрос подразумевал и ответ: *нет, не все*. Более того, говорит он, это только кажется, что источником истерии являются идеогенные феномены, фактически же она вызвана преимущественно физиологическими, реже психическими причинами, а идеогенными в последнюю очередь, да и то с ними нужно еще разбираться.

По его мнению, идеогенные факторы вступают в силу, когда в результате «чрезмерной возбудимости нервной системы» и «внутри мозгового возбуждения» истерия уже развилась и патологические рефлексии «проторили себе дорогу» (эти термины им часто используются). Но даже в этом случае, говорит Брейер, пассивные представления и мысли не способны вызвать

истерическую реакцию, поскольку им не хватает энергии. Ее вызывают аффекты, которые «конвертируются» (одно из ключевых понятий его теории) в симптомы истерии.

Физиолог (или, более широко, физиологист) в некоторых ситуациях отдает приоритет психологическим факторам, но при этом язык его остается «физиологическим». Так, например, говоря о влиянии психики человека на его физиологическую систему, Брейер выразился специфическим образом, сказав о «*проникновении внутримозгового возбуждения в пределы нервной системы*» [6, с. 293]. Далее, через нервы «внутримозговое возбуждение», а, по сути, психическое возбуждение, может воздействовать на сенсорный аппарат, вазомоторный и т.д. Заявив о первичности «внутримозгового возбуждения», Брейер тут же стремится подчеркнуть роль раздражения, вызванного со стороны «периферических нервов».

Он пишет:

«Впрочем, в этих условиях не только раздражение, вызванное притоком внутримозгового возбуждения, но и вполне адекватное функциональное раздражение вызывает со стороны периферических нервов слишком резкие и противостественные реакции. Сердцебиение учащается не только в минуту душевного волнения, но и вследствие физического напряжения, а сосудодвигательные нервы способны спровоцировать сжатие артерий (которым обусловлен, например, симптом «мертвых пальцев»), не подвергаясь никакому воздействию со стороны психики. И если незначительная травма сустава влечет за собой развитие соответствующего невроза, то вследствие скоротечного бронхита аналогичным образом возникает астма на нервной почве, а кратковременное несварение оборачивается постоянными желудочными коликами. Стало быть, то обстоятельство, что у таких людей внутримозговое возбуждение [психический фактор] может свободно проникать в пределы нервной системы [физический фактор], следует признать лишь частным проявлением их общей чрезмерной возбудимости...» [6, с. 293].

Таковы типичные «уловки» физиологиста, который всяческими путями стремится умалить психический фактор. Строя всё новые и новые конструкции из физических подсистем человеческого организма, Брейер может говорить о физиологических процессах бесконечно. В то время, как действие психики на физиологию у него сводится к простому проникновению «внутримозгового возбуждения» во владения физиологических подсистем.

Не будем сейчас оценивать этот подход в категориях «правильно» или «не правильно». Речь идет о предпочтениях, языке и форме подачи идей типичного физиологиста, каким был Брейер. У психологиста, к которому относится Фрейд, и язык другой, и приоритеты расставлены в обратном порядке: физиология играет подчиненную роль, выступая на последнем этапе развития истерии в виде патологии, а на первом месте стоят идеогенные причины, слившиеся с психическими, которые уже никак не назовешь «внутримозговыми возбуждениями».

Фрейд думал так: если истерия имеет сугубо психическое происхождение, то и вылечить ее можно психологическими средствами. Таким образом, в сверстанном им «Исследовании истерии» возникло принципиальное противоречие. В качестве первой части книги верстальщик включил статью-предупреждение под заголовком «О психическом механизме истерических феноменов». И в качестве четвертой части он включил написанный им текст, озаглавленный «О психотерапии истерии». А к этому психологическому материалу он добавил под названием «Теоретическая часть» брейеровский текст, написанный в защиту физиологического обоснования истерии.

Для брейеровского текста очень подошло бы название «О физиологическом механизме истерических феноменов». Можно предположить, что Фрейд из вредности и чувства мести к Брейеру мог бы заменить ключевое слово в названии его статьи. Ведь в «Предупреждении» речь, собственно, не идет о каких-то механизмах возникновения истерии, как это мы наблюдаем в статье Брейера. Статья 1893 года озаглавлена явно неправильно.

– XIII –

«Теоретическую часть» Брейер начал с того, что привел цитату из книги Мёбиуса, который в 1888 г. утверждал: «Истерическими являются все патологические феномены, обусловленные представлениями» [6, с. 226]. По поводу использованного здесь термина «представление», Брейер специально в небольшой преамбуле к «Теоретической части» заметил:

«На нижеследующих страницах о мозге мы ведем речь редко, а о молекулах и вовсе не упоминаем. Психологические процессы следует описывать на языке психологии, пожалуй, иначе их и описать-то невозможно. Если мы заменили бы слово «представление» словосочетанием

«возбуждение в коре головного мозга», то последнее могло бы показаться нам понятным только потому, что, несмотря на новый наряд, мы угадали бы в нем черты старого знакомого и без лишнего шума восстановили бы в правах былое «представление». Ибо представления возникают у нас постоянно и известны нам досконально, а «возбуждение в коре головного мозга» представляется скорее неким допущением, обозначением того, что мы только надеемся когда-нибудь познать. Подобная замена одних терминов другими напоминает бессмысленный маскарад. Это может послужить оправданием того, что здесь в ходу почти исключительно психологические термины» [6, с. 225].

Основной смысл процитированного предостережения гласит: умеете за психологическими терминами типа «представление» увидеть физиологическую подкладку – «возбуждение в коре головного мозга». Использование мною слова «представление» не делает меня психологом, т.е. сторонником психологического объяснения истерии. На первом месте у меня стоит физиология, психология – на втором.

Преамбула имеет и продолжение; приведем и его:

«Вот еще к чему я заранее прошу проявить снисхождение. Когда наука стремительно развивается и совершенствуется, мысли, высказанные впервые одиночками, очень скоро становятся всеобщим достоянием. Взвзвись изложить свои соображения по поводу истерии и ее [А] причин, уже не возможно не высказать, не повторить множество тех мыслей, которые некогда были собственностью одного ума, а ныне принадлежат всем. Едва ли теперь можно установить, кто высказал их первым, поэтому ничего не стоит принять чужую мысль за свою собственную. Надеюсь, это послужит нам оправданием, если кому-то покажется, что мы приводим мало цитат и не проводим четкую границу между своими и чужими соображениями. То, что изложено на нижеследующих страницах, меньше всего претендует на оригинальность» [6, с. 225–226].

Здесь в точке [А], по-моему, вмешался психологист Фрейд: он написал «психологических» причин. Но вставка этого слова противоречит всему содержанию статьи. Следовательно, первоначально фраза Брейера звучала иначе: либо как «по поводу истерии и ее *физиологических* причин», либо просто: «по поводу истерии и ее причин». Такой принцип восстановления исходного текста можно было бы назвать *голографическим*. Он помогает восстановить локальные искажения, внесенные Фрейдом, исходя из общего духа книги. Этот интегральный прием широко пользовался мной²⁵ при расшифровке сновидения об инъекции Ирме.

Из процитированного отрывка преамбулы проступает и характер Брейера: с одной стороны, его некоторая беспечность, с другой – щепетильность. Его манера творчества отличается от манеры творчества Фрейда, который при написании, например, «Толкования сновидений», прорабатывал имеющуюся в его распоряжении литературу и, выписывая обширные цитаты, воспроизводил мнения большого числа авторов. Брейер же – практик; чувствуется, что библиографические раскопки его тяготят. Он торопится излить суть дела, которую тщательно обдумал, но беспокоится, как бы кого не обидеть, не сказать чего-то такого, что до него уже говорили. У Фрейда проявление подобной щепетильности не наблюдается.

Ниже приводятся большие фрагменты брейеровского текста, которые помогут нам понять и содержание его теоретических положений, и манеру излагать свои мысли. Цитата начинается со сравнения истерии с легочным заболеванием. Таким образом, автор с самого начала хочет демонстративно подчеркнуть органическую сущность истерии. В приведенном фрагменте встречается пометка [В], которая могла появиться случайно, помимо Фрейда.

«Прежде, чем что-либо обсуждать, – пишет Брейер, – очевидным образом необходимо уточнить, что именно мы называем *истерией*. Я называю истерией болезнь, картина которой обнаружена опытным путем и составлена на основе наблюдений, точно так же, как картина легочной чахотки при туберкулезе. Приобретая новые знания, мы вносим поправки и уточнения в картину болезни, известную по опыту, но при этом не можем, да и не должны разрывать ее на куски. Как явствует из результатов этиологических исследований, отдельные патологические процессы, развивающиеся при легочной чахотке, обусловлены различными факторами; туберкулез вызывает

²⁵ В.Э.: Здесь у автора получилась интересная картина: не Акимов пользовался приемом, а прием пользовался Акимовым. С точки зрения русского языка это выглядит забавно, но, может быть, с точки зрения какого-нибудь другого языка (чувашского?) именно так и происходит? Поэтому в данном месте я оставляю текст автора неизменным, хотя во многих других местах этих текстов поправлял русскую грамматику.

палочки Коха, а распад ткани, образование каверн, септическую лихорадку – другие микробы. Тем не менее, туберкулезная чахотка является целостным заболеванием, и неверно было бы растаскивать его части, объявляя «специфически туберкулезными» лишь те изменения тканей, которые вызваны палочками Коха. Точно так же должно сохранять и целостность истерии, даже если выяснится, что симптомы ее обусловлены различными факторами: одни возникли за счет действия психологического механизма, а другие появились без его помощи.

А в том, что так оно и есть, лично я убежден. Лишь, некоторые истерические феномены являются *идеогенными*, а если принять на веру определение Мёбиуса, то придется разделить на две половины не только саму истерию, но и каждый симптом, возникший у одного и того же больного.

По аналогии с *заключением по аналогии*, к которому пришел Мёбиус, можно было бы заключить: «Поскольку представления и ощущения очень часто вызывают эрекцию, полагаем, что только они ее *всегда* и вызывают, и даже периферические импульсы должны пройти окольным путем, через психику, прежде чем послужить причиной развития этого вазомоторного процесса».

Несмотря на очевидную ошибочность этого заключения, подкрепить его можно было бы никак не меньшим количеством фактов, чем тезис Мёбиуса, касающийся истерии. Если уж на то пошло, то следует скорее предположить, что, по аналогии с множеством физиологических процессов, как то: слюноотделение, слезоотделение, изменение сердечной деятельности и т.п., процесс этот может развиваться как под влиянием представлений, так и под воздействием периферических или каких-то других, но только не психических раздражителей. Доказать обратное пока не удалось. Так что можно с уверенностью сказать, что многие симптомы, именуемые «истерическими», обусловлены не только представлениями.

В пример можно привести самый заурядный случай. Скажем, у какой-то женщины при малейшем волнении проступают на шее, груди и лице красные пятна, которые затем сливаются воедино. Их появление обусловлено представлениями, и, стало быть, согласно определению Мёбиуса, они являются истерическими симптомами. Однако аналогичное, хотя и более локальное, покраснение наблюдается у нее и при раздражении кожи, при прикосновении и т.д. Выходит, что оно истерическим симптомом не является. Стало быть, один и тот же симптом бывает иногда истерическим, а иной раз таковым не бывает. Остается лишь гадать о том, относится ли данный эретизм сосудодвигательных нервов к числу специфических истерических симптомов или является обычным признаком «чрезмерной возбудимости нервов». Но если строго придерживаться определения Мёбиуса, то единое явление всё равно придется разложить на части, признав истерическим лишь то покраснение, которое было вызвано волнением.

Точно так же обстоит дело и с истерическими болями, которым уделяется столько внимания на практике. Казалось бы, уж они-то обусловлены преимущественно представлениями и являются, по существу, «болевыми галлюцинациями». Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что одного представления, каким бы ярким оно ни было, недостаточно для того, чтобы вызвать боль. Необходимы еще особые изменения в состоянии аппарата, отвечающего за проведение импульсов боли и болевую чувствительность. Необходимо также и повышение степени возбудимости сосудодвигательных нервов для того, чтобы на коже при волнении проступили красные пятна.

Безусловно, само словосочетание «болевая галлюцинация» весьма метко характеризует эту невралгию, но заодно заставляет нас прикладывать к ней такие же мерки, с какими мы привыкли подходить к галлюцинациям. обстоятельный разговор на тему галлюцинаций был бы здесь неуместен. Поэтому скажу лишь одно: на мой взгляд, «представление», мнемонический образ, не подкрепленный возбуждением перцептивного аппарата, каким бы ярким и живым этот образ ни был, никогда не сможет приобрести черты объективной реальности, каковые отличают галлюцинацию...

Тяжелый невроз, связанный с суставом и постепенно развившийся после легкой травмы этого сустава, безусловно, обязан своим возникновением определенным психическим факторам. Из-за того, что внимание пострадавшего сосредоточено на поврежденной конечности, соответствующие нервные пути становятся более возбудимыми. Но это не означает, что повышенная чувствительность сустава в буквальном смысле обусловлена представлениями.

То же самое можно сказать о патологическом снижении чувствительности. Трудно вообразить, а еще труднее доказать, что анальгезию всего тела или какой-то части тела, не сопровождаемую анестезией, вызывают представления. И даже если бы полностью подтвердились данные Бине и Жане, которые установили, что гемианестезия обусловлена особым психическим состоянием, расщеплением психики, то ее следовало бы назвать «психогенным», но никак не «идеогенным» феноменом, а значит, согласно определению Мёбиуса, она не была бы истерическим симптомом.

Коль скоро многие типичные истерические феномены, по всей вероятности, идеогенными не являются, тезис Мёбиуса можно смягчить. Не будем утверждать, что «истерическими являются только те симптомы, которые возникли по вине представлений», а ограничимся следующим предположением: очень многие истерические феномены, возможно, в большей степени, чем кажется ныне, являются не идеогенными [В]. А вот *основным патологическим фактором*, за счет которого

могут оказывать болезнетворное воздействие, как представления, так и непсихологические раздражители, *всегда является изменение степени возбудимости нервной системы*. До какой степени данное изменение обусловлено психическими факторами, вот это уже – другой вопрос» [6, с. 227 – 231].

– XIV –

Несомненно, образ мысли Брейера можно считать образцовым для ученого. Ничего подобного мы не видели у Фрейда, мышление которого нельзя назвать не только «научным», но и просто «рациональным». К сказанному Брейером добавить нечего: его текст не нуждается в разъяснении и комментариях – всё предельно понятно. Что касается неточности [В], то она очевидна и состоит в отсутствии частицы «не» в словосочетании «являются не идеогенными», что выглядит просто опiskой.

После формулирования вопросов для следующего подраздела, автор должен был бы непосредственно к нему и переходить. Но на пути ко второму подразделу «Теоретической части» читатель неожиданно натывается на инородный текст, не принадлежащий перу Брейера. Язык отца-основателя трудно не узнать, он слишком специфичен. Прочитываем вставленный им абзац, который обозначим как [С1].

«Мы рассчитывали, – пишет Фрейд, – дать кое-какие разъяснения по поводу этой причинно-следственной связи в «Предупреждении», основываясь на наших наблюдениях. Однако ограничились лишь тем, что безо всяких объяснений стали использовать понятие *возбуждения*, которое необходимо излить или отреагировать. Это понятие, будучи основополагающим для теории истерии и учения о невробазах в целом, тем не менее требует и заслуживает более тщательного изучения. Прежде чем приступить к этому исследованию, я хотел бы принести извинения за то, что нам придется опять затронуть основные вопросы, связанные с устройством нервной системы. Подобное «нисхождение к Матерям» всегда действует немного угнетающе; однако когда пытаешься докопаться до корней какого-то явления, волей-неволей приходится продвигаться вглубь. Прошу поэтому проявить снисхождение к нижеследующим соображениям, которые по началу могут показаться запутанными!» [6,²⁶ с. 232–233].

Запутанными? О чем это он? Брейер излагает свои мысли ясно. И зачем надо извиняться «за то, что нам придется опять затронуть основные вопросы, связанные с устройством нервной системы»? Разве непонятно, что Фрейду не интересно читать «устройство нервной системы» и прочих физиологических подробностей, которые только-то и волновали Брейера. Если кого-то эти неуместные извинения Фрейда не убедили, и он еще не распознал языка отца-основателя, то сейчас я укажу на одно словосочетание во вставке [С1], которое убедит любого скептика в том, что перед нами текст, написанный Фрейдом.

Дело в том, что во вставке [С1] есть гётевские слова «нисхождение к Матерям». Они встречаются в адресованном Стефану Цвейгу письме Фрейда, которое я выше (подраздел VI) уже процитировал. Говоря о Брейере, Фрейд написал Цвейгу: «он получил ключ от обители Матерей, но не воспользовался им. При всех его талантах, в нем нет ничего от Фауста». Сергей Панков в примечании к гётевским словам, приведенным в конце первого подраздела, воспроизвел соответствующие строки из «Фауста»:

«Не так он прост, как кажется на вид,
Волшебный ключ твой верный направитель
При нисхожденье к Матерям в обитель» [6, с. 444].

Лауреату премии Гёте явно понравились эти слова и он, как видим, дважды воспользовался ими: один раз он вставил их в брейеровский текст, второй – в письмо, направленное Цвейгу. Тот, кто думает, что и Брейеру они могли приглянуться, тот верит в чудеса. Немецкий поэт оставил нам десятки тысяч чудесных стихотворных строчек: всякое совпадение здесь практически исключено.

В конце концов, можно было бы поверить и в чудо, если не знать натуры родоначальника психоанализа. Но процитированная вставка [С1], кроме всего прочего, имеет другой очевидный признак авторства Фрейда. При написании первого подраздела «Теоретической части» Брейер,

²⁶ Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.

конечно, не думал о статье 1893 года, которая вошла в книгу «Исследования истерии» в качестве «Предупреждения». Мне кажется, что Брейер и не подозревал, что Фрейд написал данную статью. Отец-основатель, завладев текстом Брейера, уже не советовался с ним по поводу компоновки ни статьи 1893 года, ни книги 1895 года. Если бы Брейер узнал, что его подопечный включил в книгу статью под заголовком «О психологическом механизме истерических феноменов», он бы сделал всё от него зависящее, чтобы книга «Исследование истерии» не вышла бы в свет. Фрейду же с первых строк важно было показать преемственность данной работы с ранее опубликованной, в которой он сделал выводы, противоречащие основным представлениям Брейера.

Таким образом, там, где в «Теоретической части» упоминается «Предупреждение», там непременно над текстом поработал Фрейд. Говоря слово «Предупреждение», он подчеркивал важность психологических механизмов и неважность физиологических. Только этим принципиальным обстоятельством можно объяснить появление в самом начале «Теоретической части» аналогичной вставки [C2] со словом «Предупреждение». В ней Фрейд писал:

«В «Предупреждении», предваряющем наши исследования, мы изложили те мысли, на которые навели нас наблюдения, и я полагаю, что по существу они верны. Однако ради краткости нам пришлось по большей части ограничиться в «Предупреждении» лишь намеками на наши соображения. Поэтому и позволительно теперь, когда соображения наши подкреплены историями болезни, изложить их более обстоятельно. Разумеется, мы и здесь не собираемся рассматривать «истериию в целом», да это и невозможно. Однако следует более подробно, вразумительно, а может быть, и с известными оговорками разъяснить всё то, что не получило в «Предупреждении» должного обоснования и было там лишь слегка намечено» [6, с. 225].

По содержанию и стилю вставка [C2] выпадает из повествования Брейера, но по тональности схожа со вставкой [C1]. Мы видим, чем был озабочен Брейер, размещая свои два абзаца перед изложением первого подраздела «Теоретической части», и о чем печется Фрейд, вставляя первый и заключительный абзацы. Брейер думает на тему, заявленную в заголовке первого подраздела: «Являются ли все истерические феномены идеогенными?» Фрейд же озабочен темой преемственности работ 1893 и 1895 годов, отчего в его вставках [C1] и [C2] ощущается какое-то топтание на месте, в противоположность стремительному, богатому на мысли тексту Брейера. Кажется, что Фрейд остановился и обернулся назад, чтобы напомнить читателю, мол, помните о психологических принципах, изложенных в нашей ранее опубликованной статье. Брейер же с порога устремился вперед: он спешит донести читателю свои мысли о физиологическом механизме возникновения истерии.

Из тех же соображений преемственности Фрейд делает вставку [C3] и в самое начало первого подраздела, который начинается так:

«В «Предупреждении» речь шла о психическом механизме истерических феноменов», но не о психическом механизме истерии...» [6, с. 226].

Я уверен, что Брейер никогда бы не стал заниматься подобным схоластическим пустословием, даже если бы он стоял на психологической платформе. Его рациональному уму чужда эта игра словами; видно, как он набрал воздуха в легкие, чтобы сделать стремительный рывок в ясную для него перспективу. Чувствуется, что Брейер писал первый подраздел на едином дыхании, фрейдовские же вставки нарушают не только смысл, но и темп брейеровского изложения.

– XV –

После определения Мёбиуса «Истерическими являются все патологические феномены, обусловленные представлениями» Брейер еще раз акцентирует внимание на тотальности этого положения:

«Предлагая такое определение, Мёбиус не намеревается внести в терминологию изменения, в соответствии с которыми истерическими следовало бы впредь называть только «идеогенные симптомы», порожденные представлениями, а попросту полагает, будто все истерические симптомы являются идеогенными. «Поскольку представления очень часто служат причиной появления истерических симптомов, мы полагаем, что они являются таковыми всегда». Это он называет

заклучением по аналогии; я бы назвал это скорее *обобщением*, которое следовало бы еще проверить на предмет правомочности» [6, с. 227].

Между двумя цитатами из Мёбиуса Фрейд успевает втиснуть вставку [D]:

«Позднее он [Мёбиус] добавил, что лишь *некоторые* патологические феномены, с точки зрения содержания, вторят представлениям, из-за которых они возникли, а именно те из них, что были вызваны внушением, произведенным извне, или самовнушением. Это происходит, например, в том случае, когда возникшая у пациентки *мысль* о том, что рука ей не повинуется [идеогенный феномен], вызывает паралич руки [истерический феномен]. Другие истерические феномены, хотя и обусловлены представлениями, с точки зрения содержания им не соответствуют. Например, в одной нашей истории болезни упоминается о том, что паралич руки [истерический феномен] возникал у пациентки при виде предмета, похожего на змею [идеогенный феномен]» [6, с. 226].

Утверждения, изложенные во вставке [D], противоречат физиологической позиции Брейера. Чтобы это подтвердить, перенесемся в последний, шестой подраздел «Теоретической части», в которой читаем:

«Коль скоро даже стигмы [пятна], эти исконные симптомы истерии, не являются идеогенными, мы не можем считать идеогенность квинтэссенцией истерии, хотя современные исследователи иной раз склоняются к такому мнению [в частности, Мёбиус]. Казалось бы, стигмы являются самыми явственными, наиболее характерными признаками истерии, ведь именно они служат надежным критерием при постановке соответствующего диагноза, и тем не менее их вряд ли можно назвать идеогенными. Но если в основе истерии и впрямь лежат особые свойства нервной системы, то комплекс идеогенных симптомов, обусловленных воздействием психических факторов, подобен зданию, воздвигнутому на этом фундаменте, причем зданию многоэтажному. Дабы получить верное представление о конструкции подобного здания нужно составить план каждого яруса. Так и в ходе исследования истерии необходимо прежде всего разобраться в переплетении факторов, которыми обусловлены симптомы болезни. Если бы мы попытались истолковать истерию, обращая внимание на одну-единственную причинно-следственную связь, то очень многие истерические феномены так и остались бы не постижимыми; с таким же успехом мы могли бы изобразить все покои многоэтажного дома на плане одного яруса.

Мы уже имели возможность убедиться в том, что не только стигмы, но и некоторые другие нервные симптомы отнюдь не обусловлены представлениями, а являются прямым следствием коренной аномалии нервной системы, таковы по большей части нервные боли, вазомоторные явления, судорожные приступы, которые, возможно, являются сугубо двигательными актами.

Ближайшие к ним идеогенные феномены являются попросту производными конверсии возбуждения, вызванного аффектом (см. стр. 246). Они возникают под влиянием аффекта людей, предрасположенных к истерии, и поначалу представляют собой, по словам Оппенгейма, всего лишь «ненормальный способ выражения душевных порывов». Возникая снова и снова, подобный феномен превращается в настоящий истерический симптом...» [6, с. 296 – 297].

Что касается Фрейда, который внедрил в текст Брейера вставку [D], то его понять можно. Его постоянно тянуло высказаться по поводу придуманной им легенды об Анне О., в которой, по его мнению, доминировали психические феномены. Отец-основатель с завидным упорством эксплуатировал пример с параличом руки, который якобы «возник у пациентки при виде предмета, похожего на змею». Вводя вставку [D], он не только исказил позицию Брейера, но и категорическую позицию Мёбиуса. Ведь из приведенных Брейером цитат однозначно следует, что Мёбиус считал идеогенными *все без исключения* истерические симптомы, и таковыми они будут *всегда*. Брейер же, напротив, доказывал, что далеко *не все* и *не всегда* истерические симптомы имеют происхождение от идей или представлений больного.

Во втором подразделе «Теоретической части» мы сталкиваемся с любопытнейшей фальсификацией текста оригинала, к которой Фрейд будет прибегать тоже не единожды. Следует отметить, что в этом подразделе Брейер, как ни в каком другом месте книги, показал себя ученым-физиологом. В нижеприведенном фрагменте брейеровского текста виден исключительно механистический образ мысли, свойственный многим физиологам того времени, в том числе и русским: Сеченову и Павлову. В этом тексте упоминается друг и коллега Брейера, *Экснер*, который после смерти Брюкке занял директорское кресло в Физиологическом институте и помог Брейеру получить звание академика. Читатель может спросить: «Ну, и что с того? Брейер сделал эту ссылку из благодарности к Экснеру». Возможно, это и так, но ниже я расскажу, как

упоминание этой и других фамилий привело к целой веренице фальсификаций, которые осуществил впоследствии Фрейд.

Вот обещанный текст.

«Скорее всего, – пишет Брейер, – мы попросту опишем те же факты другими словами, если скажем, что во время сна связующие и проводящие нервные пути в мозгу не обладают проходимостью, необходимой для передачи возбуждения психическим элементам (возможно, клеткам коры головного мозга), этой проходимостью они в полной мере обладают во время бодрствования.

Невозможно объяснить то обстоятельство, что проводящие нервные пути могут становиться непроходимыми, если не предположить, что во время бодрствования они пребывают в состоянии тонического возбуждения (которое Экнер именует «межклеточным столбняком»). Именно этим внутримозговым тоническим возбуждением обусловлена их проходимость, а когда тоническое возбуждение идет на спад или убывает, человек погружается в сон.

Было бы неверно сравнивать проводящий нервный путь в мозгу с телефонным проводом, подвергающимся электрическому возбуждению лишь в тот момент, когда по нему передается сигнал. Скорее, он подобен тем телефонным линиям, по которым постоянно движется гальванический ток и в которых после его исчезновения вызвать возбуждение уже невозможно. Обратимся, пожалуй, к более удачному сравнению. Представим себе осветительную электроустановку, снабженную разветвленной системой проводки и предназначенную для передачи электроэнергии на расстояние. Она должна быть устроена таким образом, чтобы можно было зажечь лампу или запустить двигатель, просто подключив их к проводке. Дабы установка всегда была готова к работе, напряжение в электрической сети должно сохраняться и в тот момент, когда она бездействует, на что динамомашине требуется некоторое количество энергии. Аналогичным образом сохраняется определенное количество энергии и в проводящих нервных путях мозга, который во время бодрствования, находясь в покое, тем не менее, должен быть готов в любое мгновение приступить к работе» [6, с. 235].

В дальнейшем данное сравнение работы мозга во время сна и бодрствования с работой электроустановки физиологист Брейер будет интенсивно эксплуатировать. Ничего подобного мы не находим в текстах, написанных психологом Фрейдом. Брейер при описании сна прибегает к физическому моделированию. Так мыслят, например, и современные разработчики компьютерных систем типа машины Тьюринга или искусственного интеллекта. Фрейд же при описании сна начинает излагать ускользающие из памяти сновидения, отчего большая часть рассказанного им материала, выглядит фантастически. Брейер никогда бы не опустил до такого уровня мышления, он был настоящим ученым и умел последовательно думать. Любой человек, мышление которого организовано по образцу мышления Брейера, легко заметит это.

– XVI –

Уродуя брейеровский текст, Фрейд не увидел той глубокой пропасти, которая разделяет психологиста и физиологиста. Психологист считает, что мозг – орган души, физиологист думает иначе: душа – продукт деятельности мозга; для психологиста душа первична, мозг вторичен, для физиологиста наоборот. Психологист не знает, где сосредоточена душа, и это его не особенно интересует. Примитивно мыслящие психологисты часто думают, что она находится «на небе», подразумевая под этим расплывчатым понятием, видимо, космос. Физиологист, напротив, считает месторасположение «души» одной из приоритетных проблем физиологии. Он пытается выяснить, где проходит граница психического и физического, т.е. тонкой души и грубого рефлекса.

Кабанис, на которого ссылался Брейер, в период Французской революции изучал агонию обезглавленных на гильотине человеческих тел и пришел к выводу, что инструмент казни якобинцев вполне «гуманен», так как смерть наступает мгновенно, и мозг человека не воспринимает боль. С ним не соглашались его коллеги и приводили в пример лягушку. Отрежьте лягушке голову и посмотрите, что она будет делать. Ее обезглавленное тело сядет в привычную для лягушки позу, и будет сидеть неподвижно несколько часов без движения. Если вы уколите иголкой ее лапку, она отпрыгнет обычным для нее образом. Это означает, что лягушка и без головы чувствует и реагирует на болевой укол. Физиологи доказали, что у лягушки рефлексные дуги, ответственные за прыжок, замыкаются не через головной, а спинной мозг. А это, в свою очередь, означает, что лягушачья «душа» как бы разлита по всему ее телу.

Мейнерт, на которого также ссылался Брейер, в течение всей своей жизни изучал, какая часть коры головного мозга ответственна за зрительные, слуховые и прочие функции. Можно сказать, что он создал своеобразный глобус мозга, где поместил карту души. Фрейд некоторое время у него учился. В октябре 1886 года в качестве отчета о стажировке в Париже он прочел доклад о мужской истерии перед массовой аудиторией. Выслушав доклад, Мейнерт высмеял докладчика, сказав, что у него «верные идеи стары, а новые идеи ложны» (см. главу 8 «Лечение разговором» {МОИ № 56}).

В 1891 году Фрейд выпустил первую свою монографию «Афазия», которая с треском провалилась. В ней он критиковал теорию Мейнерта об «анатомических локализациях души», не удосужившись ее как следует изучить и проверить (см. главу 5 «Образ мыслей Фрейда»). Злополучная книга, не вошедшая даже в его «стандартное» издание трудов, имела посвящение Брейеру, который, конечно, от этой его льстивой любезности был не в восторге. Фрейд не понимал, что Брейер был еще большим физиологистом, чем Мейнерт. Свою вторую книгу, «Исследования истерии», Фрейд написал совершенно варварским способом. Тот, кто считает, что Фрейд и Брейер были единомышленниками по вопросам истерии, тот мало что понимает в жесточайшей борьбе, развернувшейся на рубеже веков между физиологистами и психологистами.

Физиологист знает, что радость, горе или гнев, кипящий в нашей душе, проецируются на соответствующие группы мышц и работу других физиологических систем. Паралич руки, галлюцинация и прочие нарушения работы целостного организма он будет рассматривать с точки зрения своей модели человека. Возможно, его модель примитивна, вызывает у психолога и философа улыбку, однако у физиологиста есть перспектива. За конечное число итераций он может довести модель до той степени точности, которая, в конце концов, объяснит основные патологические явления в жизнедеятельности человека. Психологист же всегда находится в положении гадалки, для которой главным инструментом познания является фантазирование и красноречие.

В «Исследованиях истерии» мы постоянно сталкиваемся с этими двумя борющимися мировоззрениями, наблюдая при этом, как не очень осмотрительный психологист выбрасывает наиболее ценные куски текста физиологиста, правит его и что-то вставляет свое. В результате текст «Теоретической части» оказался сильно поврежденным, нить рассуждения автора во многих местах прервана вставками. Однако Фрейду не удалось стереть различия между психологическим и физиологическим образом мыслей и не только потому, что он слишком торопился или действовал необдуманно, а потому, что это в принципе невозможно. Даже тогда, когда физиологист Брейер признавал приоритет психологического фактора над физиологическим, он не превращался в психологиста Фрейда по причине материалистического и конструктивного взгляда на мир, которого был лишен его оппонент.

– XVII –

Теперь перейдем к упоминавшемуся в цитате Экснеру. Мышление этого ученого тоже прекрасно организовано и предназначено для открытия истины, а не сокрытия ее. Брейер ставил директора Физиологического института на одну доску с Мейнертом, Оппенгеймом, Лангом и прочими гигантами физиологической мысли, которые упоминались в его работе. Посмотрите, к примеру, как Брейер сослался на Экснера во второй раз. Он пишет:

«Энергия распределяется неравномерно из-за того, что в нервной системе происходит, по словам Экснера, «сосредоточение проходимости», при которой степень проходимости участвующих путей возрастает...» [6, 236–237].

Читая две ссылки на Экснера, Фрейд, очевидно, подумал: «А чего бы это Брейеру не сослаться на меня? Чем я хуже Экснера?» Таким образом, у него зародился озорной план подделать текст Брейера самым бесхитростным способом. Он решает закавычить несколько брейеровских слов и поставить возле них свою фамилию, говоря тем самым, что закавыченные слова принадлежат ему. Что из этого получилось, мы сейчас посмотрим.

Брейер написал:

«Стало быть, даже когда клетки мозга пребывают в состоянии покоя, восполнив запас энергии, часть этой энергии высвобождается и вызывает прирост возбуждения, поскольку энергия не употребляется для выполнения тех или иных функций. Это и порождает ощущение неудовольствия, которое возникает всякий раз, когда какая-то потребность не удовлетворяется. Но

означенное ощущение тут же исчезнет, стоит лишь употребить высвободившуюся избыточную энергию для выполнения какой-нибудь функции. Мы можем заключить, что сброс излишней энергии является потребностью организма. Этот вывод, в свой черед, наводит нас на мысль о том, что в организме прослеживается [F1] «тенденция к сохранению константы внутри мозгового возбуждения» (Фрейд)» [6, с. 238].

На первый взгляд кажется, что, закавычив несколько последних слов в абзаце и поставив свою фамилию, Фрейд добился изумительного эффекта. Теперь получилось, что Брейер пользуется сложным словесным оборотом, придуманным якобы его помощником. Однако, как говорилось выше, Фрейд не учитывал менталитет Брейера и свой личный. Внимательному читателю понятно, что Фрейд закавычил не свои слова, а Брейера. Отец-основатель никогда не размышлял в подобных категориях и на такие темы. В то время, как Брейер далее на базе закона сохранения «мозгового возбуждения» развил свою гомеостатическую модель, которую Фрейд никогда и нигде не использовал в своих рассуждениях о снах и галлюцинациях. Таким образом, невероятно, чтобы он использовал словесный оборот типа [F1].

Причем Фрейд закавычил словесный оборот, стоящий в конце абзаца. Эта первая вставка своей фамилии в скобках была удобна для него, поскольку в конце абзаца, по-видимому, имелось пустое место. Последующие же ссылки на Фрейда, Фрейд редко помещал в простых скобках, так как пытался дать в свое оправдание какие-то разъяснения. Между тем из нижеследующего становится ясно, что Брейер не придавал большого значения закавыченным словам. Для него это была случайная череда слов, которая могла варьировать в широких пределах. Приведу цитату, которая демонстрирует варибельность закавыченной словесной формы.

Брейер пишет:

«Итак, организм стремится к тому, чтобы уровень внутримозгового тонического возбуждения оставался неизменным. Мы не сможем этого уяснить, если не рассмотрим потребности, которые таким образом удовлетворяются. Мы понимаем, зачем температура тела у теплокровных существ поддерживается на среднем уровне, поскольку по опыту знаем, что при такой температуре создаются оптимальные условия для деятельности внутренних органов. Столь же естественным мы считаем и стремление к тому, чтобы неизменным оставался уровень содержания воды в крови и т.д. Полагаю, что уровень внутримозгового тонического возбуждения тоже может быть оптимальным. Когда тоническое возбуждение достигает этого уровня, мозг обретает способность воспринимать любое внешнее раздражение, все рефлексы проторяются, но лишь в той степени, в какой это необходимо для осуществления нормальной рефлекторной деятельности...» [6, с. 239].

Теперь спросим, какой вклад внес Фрейд в развитие теории равновесия основных параметров организма? Зачем бы Брейер ссылался на своего подопечного, который ничего не понимает в гомеостазе (этого термина тогда еще не было). От постоянства температуры тела и неизменного уровня воды в крови Брейер переходит к другим гомеостатическим механизмам регулирования, которые связаны, в частности, с недостатком кислорода в легких, с долгим отсутствием пищи в желудке, с потребностью наркомана в очередной дозе наркотиков и, наконец, он приходит к удовлетворению сексуальных потребностей.

О последнем механизме равновесия Брейер рассуждает самым бесхитростным образом.

«На первых порах, — пишет он, — в период полового созревания, половое возбуждение вызывает смутные, аморфные, неопределенные чувства. Как правило, с возрастом устанавливается прочная связь между этим эндогенным возбуждением, обусловленным деятельностью половых желез, и восприятием лиц другого пола или мыслью о них; а при влюбленности, которая являет собой удивительный феномен, возбуждение увязывается с мыслью о каком-то определенном человеке. Подобное представление подчиняет себе всё возбуждение, высвобождаемое половым влечением; оно становится «аффективным представлением». Это означает, что, возникая в сознании, оно вызывает прирост возбуждения, хотя источником возбуждения является не само представление, а половые железы» [6, с. 242].

Проблемы сексуальности Фрейда, конечно, интересовали, но не в этом аспекте; его не интересовали физиологические подробности, которым его наставник здесь уделил внимание. Пример с половым созреванием не выходит за рамки гомеостатической темы. Данный пример подтверждал общую мысль Брейера: всякому психическому возбуждению можно и нужно поставить в соответствие какой-либо физиологический дисбаланс. Далее автор пытается выстроить механизм, объясняющий ненормальное функционирование сложной психофизической

системы. Не будем разбирать работу его гомеостатической модели. Пусть тот, кого это интересует, сам прочтет соответствующие места из книжки. Мы же сосредоточим свое внимание на других фальсификациях Фрейда.

– XVIII –

Видно, что не Брейер, а сам Фрейд подкорректировал фразу [F2]: *«возбуждение, вызванное аффективным представлением, преобразуется за счет «конверсии» (Фрейд) в соматический симптом»* [6, с. 249]. Откуда это следует? Дело в том, что вставка [F2] стоит в подразделе, который называется «Истерическая конверсия». Брейер так часто и свободно пользуется словом «конверсия», что мы понимаем – это слово из его лексикона. Фрейд же представил дело так, будто он предложил своему наставнику некий сугубо научный термин. Между тем к третьему подразделу Брейер подходит последовательно, и мы видим, что теория конверсии – это его теория, которую он строил постепенно шаг за шагом. Он воспользовался довольно простым, не специфическим словом, обозначив им процесс, который отнюдь не прост и носит довольно специфический характер. С помощью конверсионного механизма психическое возбуждение, выраженное в аффекте, трансформируется в патологический рефлекс. В каждом конкретном случае конверсия имеет определенные особенности, накладываемые той или иной физиологической подсистемой.

Разъясняя идею конверсии, Брейер написал:

«Таким образом, производится полная «истерическая конверсия»: исходное внутримозговое возбуждение, связанное с аффектом, преобразуется в возбуждение, поток которого устремляется по периферическим проводящим путям; исходное аффективное представление, которое прежде вызывало аффект, ныне может вызвать лишь ненормальный рефлекс».

И здесь же для иллюстрации истерического рефлекса Брейер прибегает к своей излюбленной модели электроустановки, конструкцию которой он до этого рассказывал на нескольких страницах.

«Если на этом участке проводка возникают различные электрические явления (провод нагревается, начинается искрение и т.д.), то лампа, подключенная к этому проводу, не горит; так и аффект не возникает, если возбуждение, вызывая ненормальный рефлекс, преобразуется за счет конверсии в соматический симптом [истерии]» [6, с. 251].

Фрейд использовал слово «конверсия» в историях болезни фрау Эмми фон Н., фрейлин Элизабет фон Р. и Сесилии М., причем он скорее противопоставил брейеровской конверсии, носившей физиологический оттенок, некий психический механизм, связанный с символизмом: «не сойти с места», «не иметь опоры». Эти слова-символы, по мнению Фрейда, запускают конверсионный механизм и поэтому играют более важную роль, чем, собственно, сама конверсия.

Но у Фрейда всякий символизм всегда переходил в мистическую плоскость, отчего его методика лечения выглядит шарлатанской или, во всяком случае, очень ненаучно. Он пишет:

«Но по-настоящему решающим для выбора направления конверсии должен был стать другой способ ассоциативной связи, продиктованный тем обстоятельством, что на протяжении многих дней одна ее болезненная нога соприкасалась с распухшей ногой отца, когда она меняла повязку. С тех пор определенное место на ее правой ноге, к которому прикасалась его нога, стало очагом и отправной точкой боли, искусственной истерогенной зоной...»

Когда нет разветвленной связи [я бы сказал здесь, мистической связи], не возникает и истерический симптом, не открывается путь для конверсии; и я могу заверить, что заболевания фрейлин Элизабет фон Р. в смысле детерминирования [т.е. диагностики или идентификации заболевания] относится к числу простейших. Мне доводилось распутывать узлы и посложнее, особенно в случае фрау Сесилии М.» [6, с. 214].

Теперь сравните по стилю и содержанию текст Брейера, который цитирован выше [6, с. 251], где тоже говорится о конверсии. Понятно, что, произнося слово «конверсия», каждый из авторов имел в виду свое, так что Брейер никогда бы не сослался на человека, который извратил

смысл использованного им слова. Фрейд ввел этот термин в истории болезни фрау Эмми фон Н. следующим образом:

«Как явствует из нашего «Предупреждения», напечатанного вначале, мы рассматриваем истерические симптомы как аффекты и остатки возбуждения, которое травмировало нервную систему... при истерии значительная часть «суммарного напряжения» травмы превращается в чисто соматический симптом... Если мы ради краткости назовем характерное для истерии превращение психического напряжения в стойкие соматические симптомы «конверсией», то можно сказать, что в случае фрау Эмми фон Н. доля конверсии невелика...» [6, с. 111–112].

В «Предупреждении» отсутствует слово «конверсия», а вся «механика» возникновения истерии сводится к психогенным и идеогенным причинам, против которых восстал Брейер. В частности, там используется выражения «идеопатические симптомы истерии» [6, с. 18] и «психическая травма», например, в контексте: *«психическая травма или воспоминание о ней действует подобно чужеродному телу, которое после проникновения вовнутрь еще долго остается действующим фактором»* [6, с. 20]. Последняя фраза повторена в конце четвертого подраздела «Теоретической части»: *«Но если воспоминание о травме и впрямь напоминает чужеродное тело, которое после проникновения вовнутрь еще долго остается действующим фактором»* [6, с. 268]. Что говорит о внесении Фрейдом данной поправки в брейеровский текст.

Главный вывод первого подраздела, да и всего «Предупреждения» Фрейд процитировал в «Теоретической части»:

«Перефразируя изречение *cessante causa cessat effectus* [с устранением причин прекращается и ее действие], мы вполне можем сделать из этих наблюдений вывод о том, что побудительное происшествие (т.е. воспоминание о нем) каким-то образом продолжает оказывать воздействие еще в течение многих лет, но не косвенно, не посредством промежуточных звеньев причинно-следственной цепочки, а непосредственно, как побудитель болезни, подобно душевной боли, воспоминание о которой в состоянии бодрствующего сознания еще долго вызывает слезы: истерики страдают по большей части от воспоминаний» [6, с. 21–22, с. 268].

Мысль о прямом воздействии представлений, воспоминаний или мнемонических образов на истерические симптомы повторена и в других местах, например [6, с. 248], где говорится, что в основе истерических «феноменов лежат воспоминания».

– XIX –

При описании истерического заболевания Сесилии М., которое, по словам Фрейда, послужило поводом для написания «Предупреждения», мы получаем точные разъяснения относительно того, как нужно трактовать механизм действия символизма Фрейда и его слова о «прямом» или «непосредственном» воздействии воспоминания, представления или образа на истерические симптомы, в данном случае, на лицевою невралгию.

«Мне не терпелось узнать, – пишет отец-основатель психоанализа, – не была ли невралгия обусловлена психическими факторами. Когда я попытался воскресить в памяти пациентки травматическую сцену, она тотчас преисполнилась чувством глубокой обиды на мужа, рассказала об одной беседе, состоявшейся между ними, об одной его реплике, которую она расценила как жестокое оскорбление, затем неожиданно схватилась за щеку, громко вскрикнула от боли и промолвила: «Я восприняла это как пощечину». Но тут боль и приступ разом прошли. Не приходится сомневаться в том, что речь здесь шла о символизации; ей показалось, будто она и впрямь получила пощечину» [6, с. 217].

Я уже рассказывал, как Фрейд лечил несчастную Дору от правосторонней невралгии троичного нерва. В ее случае он установил аналогичную причину: «то, что выдавалось за невралгию лица, соответствовало самонаказанию, раскаянию из-за пощечины, которую она когда-то дала господину К., и из-за мести мне в переносе, тянущемся еще оттуда» (см. главу 10 «Теория сексуальности»²⁷). На примерах Доры, Сесилии М. и других пациентках Фрейд

²⁷ В.Э.: Здесь и еще раньше автор ссылается на главы книги «Удод» (ОЖАК-2 = МОИ № 56) так, будто она единственная, и книги «Правда...» (ОЖАК-1 = МОИ № 55) не существует. Это показывает, что данный текст (основа его) на самом деле писался в 2005 году параллельно с книгой ОЖАК-1 (представляет собой не вошедшие в напечатанную книгу ее части).

показывал действие мистического символизма на возникновение и лечение истерии. Он пользовался терминами «конверсионная символизация» и «защита», но они абсолютно не касались физиологической модели Брейера.

Фрейд в основном фантазировал относительно событий, произошедших с Сесилией М. много лет назад, например, так: «она уловила печальный взгляд и восприняла его как укор, который поддал ей повод оттеснить вереницу других мыслей». При этом он игнорировал физические причины:

«больше ничем объяснить появление невралгии в тот момент невозможно, если только не предположить, что тогда у нее слегка болели зубы и лицо, а это не так уж и маловероятно, поскольку в то время она как раз была на первых месяцах первой ее беременности» [6, с. 218].

Мы уже видели (подраздел XI), как Фрейд выискивал в рассказах фрау Эмми фон Н. причины ее заикания. Он представлял в своем уме страшные картины (ее сумасшедшую мать, больную дочурку, которую она чуть не задушила в объятиях, сына-морфиниста) и всякий раз говорил себе: «Вот причина ее истерического симптома!»

Таким образом, фантастическое мышление Фрейда абсолютно не совместимо с научным мышлением Брейера. Его наставник ставил перед собой задачу построения *конструктивной модели* истерии и пытался доказать, что воспоминания напрямую не связаны с истерическим заболеванием; они лишь опосредовано, через сложные физиологические механизмы, наподобие спускового крючка, воздействуют на истерию. Если предполагать причиной истерии воспоминания, представления или мнемонические образы, то нарушается энергетический баланс, которым Брейер руководствовался при создании своей гомеостатической модели.

Спекулятивно мыслящий Фрейд ничего не понимал в физиологических построениях Брейера, который для иллюстрации своего сложного механизма использовал модель электротехнической установки. Поэтому абсурдно думать, что отец-основатель психоанализа принимал участие в разработке вышеупомянутой электротехнической модели и на ее основе физиологической концепции в целом. Можно не сомневаться, что Брейер, придумавший конверсионный механизм, не стал бы отмечать слово «конверсия» именем человека, который не понимает суть конверсии и всячески принижает ее значение в объяснении истерических симптомов.

Но посмотрите, как ловко Фрейд использовал эту, казалось бы, совершенно невинную фальсификацию [F2]. В очерке 1914 года об истории психоанализа он пишет:

«Упомянув в своей теоретической части в «Исследованиях истерии» о конверсии, Брейер всякий раз указывает в скобках мое имя [на самом деле есть только одна сноска на Фрейда], словно эта первая попытка теоретического обоснования [истерии] была исключительно моим научным открытием. На мой взгляд, меня можно назвать лишь автором этого термина, между тем как сама идея возникла у нас двоих одновременно» [3, ²⁸ с. 102–103].

В связи с этим пассажем Пол Розен пишет:

«В 1914 году Фрейд лез из кожи вон, чтобы выразить свою благодарность за то, что между ними никогда не было ссор относительно приоритета в научном открытии. Например, в их совместной работе была введена концепция «конверсии»...»

Далее Розен приводит процитированное только что место из работы Фрейда 1914 года, после чего продолжает:

«Однако редактор и переводчик Фрейда, Джемс Стрейчи, считает, что здесь имеет место некая ошибка. В своей части работы Брейер использует термин «конверсия» (или его дериваты) по крайней мере 15 раз. Но лишь однажды (в первом случае...) он добавляет имя Фрейд в скобках» [4, с. 106].

Отсюда мы видим, что даже редактор так называемого *Стандартного* собрания сочинений Фрейда на английском языке не подозревал, на какую низость готов был автор, труды которого он издавал.

²⁸ Фрейд З. *История психоаналитического движения* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 2. – СПб.: ВЕИП, 2006.

Розен добавляет, что ненависть Фрейда по отношению к Брейеру была настолько сильной, что

«выражение этой ненависти не пропускалось в печать редакторами». «Невестка Брейера вспоминает, – пишет Пол Розен, – как однажды она шла по улице со своим стариком свекром; внезапно он увидел Фрейда, идущего прямо им навстречу, и Брейер инстинктивно раскрыл руки в дружеском жесте. Фрейд прошел мимо, притворившись, что не заметил его, что дает некоторое представление о том, сколь глубокую душевную рану должен был нанести ему этот разрыв» [4, с. 108].

Об этом вопиющем факте говорил и Пол Феррис [5]²⁹ (см.: главу 14 «Друг-враг Брейер» книги «Правда о Фрейде и психоанализе» {МОИ № 55}). И вот после этого нам подсовывают некролог, сочиненный Фрейдом на смерть Брейера, где мы читаем уйму проникновенных слов, написанных во славу усопшего. Чтобы иметь право подобное писать об умершем, надо при его жизни относиться к нему с искренним почитанием.

– XX –

Когда неискушенный человек читает «Теоретическую часть», у него создается впечатление, что Фрейд принимал равное участие с Брейером не только в создании теории гомеостатического равновесия физиологических параметров организма и теории конверсии аффекта в истерический симптом, но и во всех прочих его теоретических разработках. Выпишу из брейеровского текста несколько сфабрикованных ссылок на Фрейда, сделанных, разумеется, рукой самого Фрейда [FN]:

«вызывая у него дисфорию и то, что Фрейд именуется «приступами тревоги»» [6, с. 255]; «мы можем вслед за Фрейдом назвать все истерические симптомы такого происхождения «ретенционными истерическими феноменами»» [6, с. 256]; «истерический симптом, по выражению Фрейда, всегда «сверхдетерминированный» [6, с. 257]; «Фрейд установил, что почву для формирования комплекса представлений... создает и произвольная амнезия» [6, с. 261]; «Результаты аналитических исследований и наблюдений, проведенных Фрейдом, свидетельствуют о том, что расщепление психики может быть обусловлено также «защитой»» [6, с. 285] и т.д.

Работая над «Историей психоаналитического движения» в 1914 году Фрейд забыл, что он сделал в 1908 году, когда правил текст «Теоретической части», написанный Брейером. Фальсификатор вставлял свою фамилию не «всякий раз» перед словом «конверсия», а перед различными словосочетаниями, которые тогда брались практически наугад. При таком обилии ссылок на родоначальника психоанализа у неискущенного человека должно было создаться впечатление, будто не Фрейд ученик Брейера, а Брейер ученик Фрейда, а вся «Теоретическая часть» «Исследований истерии» написана в соответствии с учением *Великого Учителя Человечества*.

Именно на основании ссылок типа [F1], [F2], ..., [FN] Фрейд на протяжении многих десятилетий вбивал людям в головы ложные представления о своей компетентности и превосходстве над наставником. Фальшивое письмо к Форелю (1907), «История психоаналитического движения» (1914), некролог на смерть Брейера (1925) и многое-многое другое – всё это писалось гениальным мошенником во славу этого же *Гениального Мошенника*, разоблачение которого у многих его поклонниц (прочтите, например, [Третью беседу](#) с очаровательной дамой Е.) вызывает приступы гнева.

Фриц Виттельс, который с 1905 по 1910 годы работал с Фрейдом, а в 1924 году выпустил одну из первых биографий отца-основателя (см. «Добавления к моим книгам и статьям о Фрейте, сделанном на исходе 2006 года»), недоумённо писал:

«Таким образом, мы видим у колыбели психоанализа трех ученых: Шарко, Брейера и Бернгейма. Из этих трех наименьшей известностью пользовался Брейер, если бы сам Фрейд не упоминал без конца имени Брейера и не выдвигал его как истинного основоположника психоанализа. Я сам, а также и другие всегда удивлялись, что Фрейд столь высоко ценил сообщение Брейера» [7,³⁰ с. 53].

²⁹ Феррис П. *Зигмунд Фрейд*. – Мн.: Попурри, 2001.

³⁰ Виттельс Ф. *Фрейд. Его личность, учение и школа* (Книга написана в 1924, переведена на русский в 1925; второе стереотипное издание вышло в Московском издательстве КомКнига в 2006 году).

Виттельс высказывает предположение, что *психоаналитический метод* мог возникнуть без Брейера:

«Да он и был действительно осуществлен во Франции, где о Брейере ничего не знали. Кроме того, мы вскоре увидели, что существеннейшие открытия Фрейда, составляющие в наше время сущность психоанализа, не имеют ничего общего с Брейером. В виду того, что Фрейд неохотно гипнотизировал [правильнее сказать, не умел этого делать], сообщение Брейера [о случае с Анной О.], по моему мнению, не только не помогло ему в его работе, но оказало скорее задерживающее влияние...

Брейер, во всяком случае, не заметил ни фиксации своей пациентки на отце [проявление Эдипова комплекса], ни перенесения на личность врача [сексуальное влечение к Брейеру], ни сексуальной символики [змея, явившаяся Анне-Берте в ее галлюцинациях, была символом фаллоса]. Динамическая сторона вытеснения должна была тем более ускользнуть от него, так как он гипнотизировал. Весь конфликт остался во мраке. Но в виду того, что как раз эти механизмы составляют сущность учения Фрейда, приходится не соглашаться с ним, когда он так демонстративно выдвигает на первый план имя Брейера. Впрочем, ему и самому временами казалось, что он в этом зашел слишком далеко» [7, с. 53–54].

Виттельс абсолютно не понимал фрейдовской игры. При помощи Брейера отец-основатель мошеннической психиатрии достигал сразу нескольких целей. Одна из них заключалась в том, чтобы отвести подозрение, будто в основе психоанализа лежат французские корни. «Да нет же, – уверял Фрейд общественность, – всему виной – удивительное исцеление брейеровской пациентки. Другое дело, что врач до конца не разобрался, почему вылечилась Анна О., и что лежало в основе ее болезни. Это потому, что Брейер был до мозга костей физиологистом, я же – психологист, я понимаю, что болезнь возникла и развилась на базе Эдипова комплекса, проявленного к ее больному отцу. Фригидность пациентки – явление кажущаяся, на самом деле ее обуревали сексуальные фантазии, которые излились на Брейера, но который, к сожалению, не смог разглядеть их у больной».

Примерно так Фрейд представлял события, в частности, в некрологе на смерть Брейера.

«Ко времени публикации нашего «Исследования», – сообщает он, – уже можно было сослаться на работы Шарко и исследования Пьера Жане, которые, казалось бы, опередили некоторые открытия Брейера. Однако, в тот период, когда он занимался своим первым случаем (1881–1882 гг.), ни одна из этих работ еще не появилась. «Психологический автоматизм» Жане был издан в 1889 году, а его вторая книга «Психическая природа истериков» увидела свет не ранее 1892 года. Таким образом, в своих исследованиях Брейер был совершенно самостоятельным и руководствовался лишь теми размышлениями, на которые навел его конкретный случай из практики».

Цитируемая литература

1. Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1997.
2. Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.
3. Фрейд З. *История психоаналитического движения* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 2. – СПб.: ВЕИП, 2006.
4. Розен П. *Фрейд и его последователи*. – СПб.: ВЕИП, 2005.
5. Феррис П. *Зигмунд Фрейд*. – Мн.: Попурри, 2001.
6. Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.
7. Виттельс Ф. *Фрейд. Его личность, учение и школа* (Книга написана в 1924, переведена на русский в 1925; второе стереотипное издание вышло в Московском издательстве КомКнига в 2006 году).

Часть третья

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/Anna3.htm>

– XXI –

Перед тем, как двигаться дальше, напомним, какова была ситуация с наукой на период написания книги «Исследование истерии» (об этом более подробно рассказывалось в главе 3 и главе 4 книги «Психология познания» {МОИ № 56}). При расшифровке сновидения об инъекции Ирме (см. главу 17 книги «Правда о Фрейде и психоанализе» {МОИ № 55}) было выяснено, что Фрейд с лета 1880 года по лето 1882 года находился подле Берты Паппенхейм. Брейер только курировал его, а в кризисный момент кроме него у постели больной появились Экснер и Флейшль – два профессора-ассистента Брюкке.

В 1891 году Флейшль умер (не без помощи, как я думаю, отца-основателя, см. главу 18 «Мстительность Фрейда»). Еще через год умер Брюкке; Экснер занял его место на посту директора Физиологического института. Вскоре за кончиной Эрнста Брюкке (1819–1892) один за другим из жизни ушли выдающиеся физиологи мира – Герман Гельмгольц (1821–1894), Карл Людвиг (1821–1895), Эмиль Дюбуа-Раймон (1818–1896). На физиологическую науку начала стремительно наступать спекулятивная психология во многом благодаря переходу Вильгельма Вундта (1832–1920), наиболее авторитетного тогда исследователя, на виталистическую позицию.

Ученики и преданные последователи старой физиологической школы в лице Экснера, Мейнерта, Геринга, Оппенгейма, Ланге, Фореля и других оказывали жесточайшее сопротивление надвигающейся угрозе. Они понимали, что за виталистическим психологизмом последует прямое мошенничество, каковым был стремительно прогрессирующий психоанализ Фрейда, дававший многочисленные метастазы в виде учений Юнга, Адлера и других апостолов-отступников. Имея у себя под носом агрессивного, беспардонного Фрейда и его скандальную компанию (Штекеля, Абрахама и прочих), Брейер как, ни кто другой, понимал опасность наступающего агрессивного дилетантства.

Джонс описывает эти баталии между физиологами и психоаналитиками так:

«9 ноября 1908 года Абрахам прочел свою работу по эротическим аспектам единокровности перед тем же обществом [Обществом психиатрии и нервных болезней]. Это привело к яростному взрыву негодования со стороны знаменитого Оппенгейма, который заявил, что у него не хватает слов, чтобы достаточно резко и решительно высказаться против таких чудовищных идей... Вскоре после этого Оппенгейм опубликовал работу в поддержку Дюбуа из Берна, сделавшего выпад против психоанализа. Ложные обобщения Фрейда, считал он, сделали его метод опасным, а сообщения, опубликованные им и его последователями, производят впечатление современной формы колдовской магии. Настоятельной обязанностью противников Фрейда является вести войну против этой теории и ее последствий, так как они быстро распространяются, приводя публику в беспомощное замешательство» [1,³¹ с. 251].

В «Теоретической части» Брейер делал ссылки на работу Оппенгейма «Лабильность молекул» [6,³² с. 231, с. 293]. В примечании мы читаем:

«В 1890 году Оппенгейм выдвинул теорию травматического невроза, обусловленного изменением степени возбудимости центральной нервной системы под воздействием сильного внешнего раздражителя» [6, с. 444].

Добавим к сказанному, именно на эту теорию Оппенгейма существенно опирался Брейер при создании собственной теории, объясняющей возникновение истерии через физиологические механизмы и гипноидное состояние.

Брейер, разумеется, был на передовом фронте борьбы физиологов с психоанализом – в этом нет никаких сомнений. Считать, что в это время он продолжал оставаться другом Фрейда ни в коем случае нельзя, и думать, что Брейер смог бы написать в 1907 году хвалебное письмо Форелю относительно Фрейда, главного зачинщика психоаналитической смуты, совершенно абсурдно. Наоборот, он, как ведущий специалист Физиологического института, вместе с его

³¹ Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1997.

³² Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.

директором Экснером, возглавили борьбу с чумой двадцатого века. Все другие физиологи Вены в борьбе против психоанализа сплотились вокруг этого института. Именно с этой целью, мне кажется, Герин и Экснер помогли Брейеру в 1894 году получить звание академика, что существенно укрепило его статус в науке. До этого общественность Вены воспринимала его как талантливого врача; мало кто знал, что он, как ученый, долгие годы исследовал вестибулярный аппарат птиц.

О каком-то научном контакте между наставником и подопечным говорить смешно. То, о чём говорил Фрейд, у Брейера могло вызвать только улыбку и смех. Когда раздалась критика Адольфа фон Штрюмпеля в адрес авторов «Исследования истерии» и Брейер, быть может, впервые прочитал свою «Теоретическую часть», до неузнаваемости искаженную Фрейдом, между ними произошел разрыв. В главе 19 «Сон о трех памятниках» {МОИ № 55} автор «Толкования сновидений» демонстрирует степень ненависти к своим институтским коллегам.

Мстительность – основной мотив поведения Фрейда; он не прощал ничего и оправдывал себя в любой ситуации, какую бы подлость он не совершил по отношению к близким людям. Фрейд начал мстить своему бывшему наставнику с первых дней их знакомства за то, что он богат, известен, умен, благороден. Брейер одалживал Фрейду огромные суммы денег и никогда не требовал их возврата. Эта чудовищная материальная и духовная зависимость от наставника давила на больную психику подопечного с колоссальной силой в течение двадцати лет. Многолетняя зависть высасывала из отца-основателя все жизненные соки.

Низкие натуры не принимают рациональных решений; они действуют под влиянием своих животных инстинктов. Игра с толкованиями сновидений позволила Фрейду рационализировать его негативные эмоции. Теперь его личные переживания удачно сочетать с бурной общественной деятельностью, при которой его ненависть к старшим товарищам получала некое «научное» обоснование. В статьях и книгах родоначальник психоанализа изображал своего заклятого врага Брейера в виде несчастного друга, который не сумел разобраться с современной психологией. Фрейд представил себя Брейером, а Брейера – Фрейдом, заблудившимся в дебрях науки. Подопечный перевернул реальную ситуацию с ног на голову, при которой подопечный хлопал своего наставника по плечу и говорил: «Ничего, старина, не расстраивайся, и я когда-то ошибался».

Отец-основатель – страшный человек; на протяжении многих лет он сживал со свету своего друга-врага Флейшля, портрет которого висел у него в парадном холле. Брейер тоже оказался у него на пути, и можно не сомневаться – с ним он поступил так же жестоко, как и с бедным профессором. Не надо думать, что законы психологии менее постоянны, чем законы физики. В сходных ситуациях человек поступает сходным образом.

Мщение Фрейда не происходило по заранее продуманному плану; оно также не было прервано в одночасье: Фрейд еще долгое время общался с Брейером, что отражено в переписке его с Флиссом. В письме от 18 декабря 1892 года впервые отчетливо говорится о «ссоре с господином партнером», т.е. с Брейером. В начале 1893 года у него начались боли в сердце, о чем он не раз жаловался Флиссу. Своему новому другу Фрейд сообщал, что его осматривал Брейер, но при этом никаких разговоров о науке не велось. «Трудности в отношениях с Брейером» упоминаются также в нескольких осенних письмах 1893 года, но явный разлад в их отношениях наблюдается с весны следующего года.

В письме от 19 апреля 1894 года Фрейд писал:

«У меня появилась бешенная аритмия, сопровождавшаяся постоянной тяжестью, давлением и жжением в области сердца, жгучей болью в кисти левой руки, некоторая отдышка – подозрительно умеренная, словно органического происхождения, – и все эти проявления долгое время продолжали заявлять о себе в приступах, которые случались у меня по два–три раза в день, сопровождались депрессией, заменившей мою обычную лихорадочную активность и сопровождавшейся видениями о смерти и сценах прощания... Для врача, который ежечасно пытается углубить свое понимание неврозов, особенно мучительно то, что он не может определить, какая же депрессия у него самого: умеренная или ипохондрическая. В такой ситуации ему необходима помощь со стороны. Прошлым вечером я зашел к Брейеру и поделился своим мнением, что мои проблемы с сердцем не являются результатом никотинового отравления, а указывают на наличие хронического миокардита, который несовместим с курением» [3,³³ с. 47].

³³ Шур М. *Зигмунд Фрейд: жизнь и смерть*. – М.: Центрполиграф, 2005.

В следующем письме он сообщал, что *«Брейер вполне допускает возможность версии, не связанной с отравлением [никотином]»* [3, с. 52]. Тот факт, что Фрейд своими ногами дошел до Брейера, говорит нам о нетяжелом заболевании сердца. По-видимому, депрессия носила ипохондрический характер. Отца-основателя периодически охватывала то депрессия, то фобия смерти, то просто сильное переживание за свое здоровье. Например, им явно больше руководил страх за свою жизнь, чем реальная опасность, когда он дал себя несколько раз прооперировать Флиссу; в результате его нос пострадал, в общем, напрасно. Мигрень, желудочно-кишечные боли, отдышка, оспа – вот небольшая часть длинного списка болезней, на которые он жаловался Флиссу. Между тем Фрейд раздражался или, по крайней мере, оставался индифферентным к жалобам на головную боль его берлинского друга.

– XXII –

Удивительно спокойно вел себя Фрейд, когда умирал отец. *«Его состояние меня не угнетает»* – эта строчка из письма к Флиссу, пожалуй, наиболее точно передает душевное настроение Фрейда в тот период. В июле 1896 года он писал об отце:

«Я действительно уверен, что это его последние дни, но я не знаю, когда именно наступит конец, и не решаюсь его покинуть... Я не желаю, чтобы его болезнь затянулась, как не желаю и личных мучений для моей незамужней сестры, которой приходится ухаживать за ним и которая очень от этого страдает» [3, с. 110].

Однако в августе Фрейд встретился с Флиссом, поехал отдыхать с братом Александром в Северную Италию. По приезду он снова пишет Флиссу:

«Мой отец лежит при смерти. Временами он забывается, неуклонно двигаясь по пути к воспалению легких и роковому исходу» [3, с. 111].

Наконец 23 октября 1896 года отец умер.

И опять же в этот момент Фрейд больше переживал за себя, чем за отца. 26 октября он описал последние часы его жизни Флиссу и добавил: *«Всё это произошло в мой собственный критический период, в результате чего я совершенно подавлен»* [3, с. 113]. «Критических периодов», т.е. периодов вероятной смерти, Фрейд рассчитывал, исходя из нумерологической теории Флисса. Он собирался умереть в 41, 51, 61 и 81 год. Отец умер, когда Фрейду было 41 с половиной, сам он скончался, когда ему было 83 с половиной. 2 ноября 1896 года Фрейд писал: *«смерть старика глубоко потрясла меня. Я высоко ценил его, очень хорошо понимал... Сейчас я чувствую себя совершенно убитым»* [3, с. 113]. Но вместе с тем в этом же письме Фрейд сообщил Флиссу, что на похороны отца опоздал, так как задержался в парикмахерской, которую он неизменно посещал каждое утро, а также добавил: *«Я вновь доволен состоянием своего носа и сердца»* [3, с. 114].

Несмотря на отчужденность между ним и Брейером, Фрейд время от времени навещался к нему, чтобы тот послушал сердце, нет ли в нем шумов или аритмии. Всё это происходило на фоне невротической тревожности, затяжных депрессий, периодической ипохондрии, резких перепадов настроения и непрерывной озабоченности грядущей смертью. Брейер, разумеется, самым тщательным образом исполнял свой врачебный долг, успокаивал его, как мог, но чувствуется, что ему фрейдовское нытье порядком поднадоело. Макс Шур приводит множество отрывков с жалобами Фрейда и реакцией на них Брейера; они в точности подходят на жалобы тех исторических женщин, которых он лечил.

«То, что особенно мучает меня, – пишет Фрейд, – так это неясность моего положения. Я был бы удивлен, если бы у меня обнаружили ипохондрию, но я не вижу причин, по которым я мог бы склониться к этой версии. Я очень недоволен тем, как ко мне здесь относятся. Брейер полон очевидных противоречий. Когда я сказал, что чувствую себя лучше, он ответил: «Ты не представляешь, как я рад это слышать». Эти слова напоминают о серьезности моего положения. Если в другой раз я спрашиваю о чем-то взволновавшем меня, то получаю в ответ: «Ничего страшного; что бы это ни было – оно уже позади».

Однако он [Брейер] не обращает на меня никакого внимания, не видел меня две недели подряд. Я не могу понять, в чем дело: то ли это какая-то определенная линия поведения, то ли он просто совершенно безразличен; то ли дело настолько плохо, что об этом не стоит даже и говорить. В целом же я заметил, что со мной обращаются как с больным, причем весьма уклончиво и

двусмысленно, вместо того, чтобы успокоить меня, сказав всё, что можно сказать в ситуации такого рода, то есть всё, что известно. Было бы колоссальным облегчением, если бы я мог разделить твою уверенность; даже новый период отлучения [от курения] стал бы менее трудным испытанием. Впервые наши мнения расходятся. С Брейером мне проще; он вообще не высказывает никаких суждений [по поводу курения]» [3, с. 57].

В это же самое время Фрейд передает Брейеру какие-то написанные им части рукописи «Исследования истерии», судя по письмам, касающиеся раздела «Истории болезни» (во всяком случае, он об этом пару раз написал Флиссу). Если Брейер и получил их, то, я думаю, он воспринял их как плод больного воображения своего пациента, что-то наподобие паранойи или нездорового творчества. Сам больной 22 июня 1894 году писал:

«Фактически я провел весь день размышляя о неврозах, но, поскольку научные контакты с Брейером практически прекратились, теперь я могу надеяться только на свои силы, поэтому работа идет так медленно» [3, с. 58].

Примерно об этом же он не раз писал и до, и после этого. Отсюда видно, что Брейер не воспринимал Фрейда как полноценного исследователя, с которым можно всерьез обсуждать какие-то научные проблемы.

Вся ситуация с внезапным заболеванием сердца, наблюдавшаяся в течение всего двухгодичного периода работы над книгой, по-моему, носила сложный психопатологический характер. Вероятно, потеряв контакт общения на научной почве, Фрейд инстинктивно пытался установить новый канал связи через сердечное заболевание. Кроме того, его тянуло к Брейеру, как преступника тянет к жертве. Наконец, Шур написал о гомосексуальном влечении Фрейда к Брейеру, о котором было открыто сказано в письмах последнего периода дружбы с Флиссом.

«В своем письме от 7 мая 1900 г., – сообщает биограф, – Фрейд намекал на некоторую «женственность» своей натуры, побуждающей его искать дружеских отношений с мужчинами. Теперь же он прямо утверждал, что подобные отношения могут рассматриваться как завуалированное проявление сублимированных «андрофильных» склонностей или же, попросту говоря, как выражение латентной мужской гомосексуальности».

Гомосексуальность самым очевидным образом проявилась к Флейшлю, Флиссу и Юнгу.

Следующий отрывок из письма говорит нам, что отношения Фрейда с Брейером тоже выходили за грань дружеских.

«Что касается Брейера, – писал он Флиссу, – то, несомненно, ты вправе называть его братом. Однако я не разделяю твоего презрительного отношения к мужской дружбе, возможно, потому, что сам в существенной мере нуждаюсь в ней. Как тебе хорошо известно, в моей жизни женщина никогда не выступала в роли товарища, друга. Если бы мужское начало в Брейере не было бы столь слабым и противоречивым, как и вся его эмоциональная сфера, он был бы прекрасным примером того, как может быть сублимирована присутствующая в мужчине андрофилия» [3, 217].

Подводя итог сказанному, можно констатировать следующее: начиная с конца 1892 года у Фрейда не было бесед на научные темы с Брейером; в переписке с Флиссом нет упоминаний о том, что книга «Исследование истерии» как-то обсуждалась. Есть лишь одно более или менее отчетливое сообщение о пересылке Брейеру последней истории болезни, касающейся Элизабет фон Р., произошедшее в июне 1894 года. Была ли эта часть передана фактически – неизвестно. В это же время Фрейд писал Флиссу, что «снимает с себя ответственность» за теоретическую часть книги, написанную Брейером. Что значат эти слова, мы догадываемся. По переписке видно, что Брейер воспринимал Фрейда «как одержимого» дурными идеями, что было близко к истине. После лета 1894 года Фрейд о книге ничего не писал. Следующее упоминание о ней последовало лишь 4 марта 1895 года. В письме к Флиссу Фрейд упоминает о торопливой работе над последней частью. В середине марта этого года рукопись была передана в печать.

В последующие годы ситуация только ухудшалась. В 1896 году Брейер взялся лечить мать Флисса; сам Флисс и Фрейд были крайне недовольны его исключительно рациональной методикой лечения. Масло в огонь подлило и другое событие. В 1897 году вышла скандальная книга Флисса «Связь между носом и женскими половыми органами в их биологическом значении», которую горячо поддержал Фрейд. Между тем книга была безжалостно высмеяна

«Венским медицинским обществом», лидером которого считался Брейер. В результате Фрейд и Флисс оказались в полной изоляции; медицинские и научные круги Вены абсолютно не воспринимали их как достойных врачей и ученых.

– XXIII –

Статья 1893 года и книга 1895 – это два звена одной цепи мщения Брейеру. Уже в 1892 году статья именовалась «Предупреждением», предполагая последующее издание книги, т.е. с самого начала она выступала в роли пробного шара, брошенного Фрейдом без оглядки на Брейера. Их «совместная» статья 1893 года, очевидно, прошла мимо Брейера. В своих работах Фрейд представлял дело так, будто Брейер оказывал сопротивление лично ему, представителю новейшего психологического течения. В действительности, с точки зрения науки, Фрейд был на тот период, как говорят математики, бесконечно малой величиной, которой Брейер пренебрег, когда писал «Теоретическую часть». Как мы знаем, в качестве мишени Брейер выбрал известного немецкого психиатра, Пауля Мёбиуса (1853–1907), автора теории психогенеза, согласно которой истерия имеет всецело психологические причины.

Скорее всего, Брейер ничего не знал о намерениях Фрейда написать статью 1893 и книгу 1895 года. Фрейд – скрытный человек; бывая у Брейера дома, он мог попросить экземпляр для ознакомления, а то и попросту украсть его. Может быть, имелись какие-то наброски, которые попали в руки Фрейда, послужившие затем основой для предварительной статьи 1893 года. Что-то определенное сейчас сказать трудно. Но то, что Брейер не влиял на компоновку статьи и книги, – факт, не вызывающий никакого сомнения. Действия Фрейда в 1893 и 1895 году, по-видимому, определялись событием 1891 года, когда вышла его книга об афазии, с посвящением Брейеру. После позорного провала этой книги автор решает ввести в задуманную им новую книгу большие куски брейеровского текста. Это давало надежду на успех книги в целом.

О профессорском звании Фрейд задумался, конечно, не в начале 1897 года, когда он сообщил об этом Флиссу, а намного раньше. Еще в 1888 году он опубликовал статью на французском языке, где рассматривалась проблема истерии и упоминалось заболевание Берты Паппенхейм без указания ее имени и псевдонима. Затем последовали следующие работы, так или иначе связанные с истерией. Назовем их: «Некоторые соображения по поводу сравнительного изучения двигательных парезов – органических и истерических» (1893); «Защитные невропсихозы. Попытка создания психологической теории приобретенной истерии, многих фобий, навязчивых представлений и некоторых галлюцинаторных психозов» (1894); «Об основании для отделения определенного симптомокомплекса от неврастения в качестве «невроза страха»» (1895); «Навязчивости и фобии. Их психические механизмы и этиология» (1895); «Критика «невроза страха»» (1895); «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» (1896); «К вопросу об этиологии истерии» (1896). (Полный перечень работ Фрейда приведен [здесь](#).³⁴)

Вся эта серия работ указывает на желание Фрейда поучить ученое звание на уровне истерических заболеваний, а не на физиологических исследованиях, которыми он занимался, участь в университете и работая в Физиологическом институте. В 1897 году он представил в Министерство образования Австрии «Содержание научных работ (1877–1897) приват-доцента д-ра Зигм. Фрейда» для присвоения ему звания профессора. Джонс сообщает, что он обращался за протекцией к Экснеру, который сказал, что кто-то очень не хочет, чтобы он стал профессором. Очевидно, этим «кто-то» был сам директор Физического института – уж он-то знал, каким ученым был Фрейд.

После получения официального отказа родоначальник психоанализа стал в своих работах всё больше затрагивать сексуальные вопросы. В 1898 году выходит первая статья, открыто сориентированная на эту тематику: «Сексуальность в этиологии неврозов». В 1902 году, благодаря стараниям двух бывших пациенток, Фрейд, наконец, получает профессорское звание (см. «Как Фрейд стал профессором» {МОИ № 55}). После этого он целиком сосредотачивается на проблемах сексуальности, которые пока нас интересовать не будут. Сейчас мы зададимся другим вопросом: «Рассматривал ли Брейер случай заболевания истерией пациентки Берты Паппенхейм?»

Да, рассматривал (это изложение истории болезни Анны О. обозначим как «история-4»). В «Теоретической части» Брейер, конечно, не пользовался псевдонимом Берты «Анна О.». В его

³⁴ <http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/freud-works.htm>

тексте встречается немало примеров из его практики тех или иных истерических заболеваний, но всякий раз он обходился без псевдонимов. Заполучив рукопись «Теоретической части», Фрейд сам вставлял это имя, добавляя при этом фразу: «описанная в первой истории болезни». Таким образом, он хотел создать иллюзию, будто Брейер при написании своей части книги полагается только на Анну О., которую он якобы вылечил от истерии по методу разговора (четыре других пациентки им не упоминаются). Между тем, для того, чтобы разъяснить своему читателю механизм расщепления психики и природу гипноидного состояния Брейер использовал множество других пациенток, среди которых Анна О., вставленная Фрейдом, ничем особенным не выделялась.

Краткое описание истории болезни Анны О., которое – так можно предположить – написал сам Брейер, размещено в пятом подразделе «Теоретической части», который называется: «Бессознательные представления и представления, не допущенные к сознанию. Расщепление психики». Предыдущий, четвертый подраздел называется «Гипноидные состояния». В обоих подразделах серьезно поработал Фрейд, для которого указанные темы были благодатной почвой, поскольку физиологист Брейер здесь максимально приблизился к психологистам и по языку, и по содержанию.

Вот как выглядела болезнь Берты в глазах Брейера:

«На примере истории болезни Анны О., на которую мне постоянно приходится ссылаться, можно показать, как это происходит [G1]. Будучи совершенно здоровой, девушка пристрастилась мечтать и размышлять о посторонних предметах, выполняя привычные обязанности. Когда обстоятельства благоприятствовали самогипнозу, в мечты пациентки проник аффект страха, под влиянием которого она погрузилась в гипноидное состояние, вызвавшее амнезию. Затем она стала погружаться в это состояние при любом удобном случае, так что запас гипноидных представлений постоянно пополнялся; впрочем, тогда гипноидное состояние еще чередовалось с нормальным бодрствованием.

Спустя четыре месяца гипноидное состояние овладело ею полностью. Поскольку истерические припадки, носившие прежде эпизодический характер, слились воедино, у нее развилась *etat de mal*, острая истерия в тяжелой форме. На протяжении нескольких месяцев пациентка не выходила из гипноидного состояния, которое принимало всевозможные формы (в течение определенного периода она пребывала в сомнамбулическом состоянии). Затем ее удалось силой вывести из этого состояния, после чего оно опять стало чередоваться с нормальным психическим состоянием. Однако и на фоне нормального состояния не исчезали соматические и психические симптомы (контрактура, гемипарез, парафазия), в основе которых, по нашим сведениям, лежали представления, возникшие у пациентки в гипноидном состоянии. Это свидетельствует о том, что подсознание остается в силе, комплекс гипноидных представлений не исчезает и расщепление психики сохраняется даже в тот момент, когда человек пребывает в нормальном состоянии.

У меня нет в запасе второго примера, но я полагаю, что и одного примера достаточно для того, чтобы пролить свет на процесс развития травматического невроза. В течение нескольких дней после несчастного случая [любой] потерпевший погружается в гипноидное состояние на почве испуга всякий раз, когда вспоминает об этом происшествии. Но с каждым разом это воспоминание всё меньше пугает человека, поэтому вскоре гипноидное состояние перестает чередоваться с бодрствованием, и соответствующие представления просто присутствуют на фоне сознательного мышления. Коль скоро человек постоянно пребывает в таком состоянии, соматические симптомы, которые прежде возникали во время приступов страха, не исчезают» [6,³⁵ с. 284–285].

– XXIV –

Первое предложение [G1] ввел, по-видимому, Фрейд, но остальная часть процитированного текста, похоже, написана Брейером. Во всяком случае, стиль и содержание истории-4 разительно отличается от стиля и содержания истории-1,2,3. Тут же возникает вопрос: если история-4 написана Брейером, то зачем бы он писал ее еще трижды в другом месте книги? Значит, истории-1,2,3 он не писал. Если бы история-4 была вставлена Фрейдом, то он разместил бы ее там же, где находятся истории-1,2,3. Уже из этих структурных соображений следует, что история-4 писал Брейер, а истории-1,2,3 – Фрейд. К этим соображениям прибавляются новые.

Дело в том, что в других местах «Теоретической части» фрейдовские вставки более заметны и неестественны. Общая картина вмешательства Фрейда в текст Брейера такова. Первых

³⁵ Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.

несколько страниц [6, с. 269–275], на которых раскрывается тема бессознательного, принадлежат Брейеру. На последней странице Фрейд привел цитату из «Предупреждения», что совершенно исключает авторство Брейера. Прямым цитированием Фрейд пользуется в начале четвертой части книги под названием «О психотерапии истерии». Приведу процитированный Фрейдом текст, размещенный в пятом подразделе «Теоретической части».

«Я утверждаю, – пишет он, подстраиваясь под Брейера, – что в основе всех феноменов, именуемых истерическими, лежит подобное расщепление, но вполне допускаю, что «расщепление сознания, ярко проявляющееся в известных классических случаях в виде *double conscience*, в рудиментарной форме наличествует при любой истерии, а предрасположенность к такой диссоциации и погружению за счет нее в аномальное состояние сознания, которое мы кратко назвали гипноидным, является основным феноменом этого невроза» [6, с. 275].

Не в правилах Брейера пользоваться категорическими словами типа «все» и «всегда», за что он критиковал Мёбиуса. Ниже мы читаем:

«Коль скоро мы, подобно Бине и Жане, утверждаем, что расщепление психической деятельности является *ключевым* моментом истерии...».

Вот это уже похоже на брейеровский стиль. Кроме того, структура предложения с цитатой, с точки зрения логики, достаточно абсурдная. Ошибка состоит в употреблении двух однотипных кванторов: «все» и «любые». У Фрейда получилось: «имеют место *все* истерические феномены..., но я допускаю... *любые* истерические феномены». Маловероятно, чтобы Брейер допускал подобного рода конструкции.

До этой вставки на с. 273–274 Брейер привел пример с «молодой дамой» (имя не называется), у которой истерические симптомы (в частности, псевдоперитонит) смешались с реальным заболеванием: «у нее развилась *«мелкокостозная дегенерация»* *обоих яичников, но никаких следов перенесенного перитонита не обнаружили*». Естественно, что пациентка являлась носителем «патогенных представлений», однако сами по себе они не инициировали истерию; пациентка умерла от вполне реального, а не мнимого заболевания. Далее Брейер обсуждает позицию Жане в отношении бессознательного и, в связи с этим, привел еще один пример: «*Когда мы занимались лечением одной дамы [G2], состояние ее не раз менялось у нас на глазах*» [6, с. 280]. Здесь в скобках Фрейд вставил уточнение [G2]: «*фрау Сесилию М.*», болезнь которой мы выше рассматривали. Брейер, рассказывая о ней, естественно, не повторял уже фрейдовских спекуляций, связанных с символикой и мистической конверсией.

Ее пример служил Брейеру иллюстрацией одного положения: «*Истерия ни в коей мере не лишает одаренного человека умственных способностей; из-за болезни истерик подчас просто не может ими воспользоваться*» [6, с. 281]. Далее он стал в общих чертах рассуждать о людях «деятельных и непоседливых» и тут Фрейд в скобках добавляет [G3]: «*Достаточно вспомнить «мой театр» Анны О., описанный в первой истории болезни*» [6, с. 282]. На следующей странице, с. 283, также имеется стопроцентная вставка Фрейда [G4]: «*Судя по результатам тщательного анализа историй болезни, в большинстве случаев главная партия в генезисе истерии принадлежит именно уходу за больным и сексуальному аффекту*». Невероятно, чтобы такой абсурд мог написать Брейер. А на следующей странице, с. 284, идет выше процитированная история-4.

Сразу же за ней тоже идут его же вставки [G5]:

«Впрочем, по этому поводу я могу лишь строить предположения, – пишет Фрейд, – поскольку анализировать подобное расстройство мне ни разу не доводилось. Результаты аналитических исследований и наблюдений, *провиденных Фрейдом*, свидетельствуют, что расщепление психики может быть обусловлено также «защитой»...» [6, с. 285].

На с. 286 имя Анны О. вставлено два раза, а на с. 287 – один раз. На с. 287 в скобках имеется к тому же примечание: «*я имею в виду прежде всего исследования Шарко*». Брейер не мог ссылаться на него, так как он, как и Мейнерт, недолюбливал фрейдовского кумира за его месмеризм, т.е. актерские пристрастия при гипнотических сеансах. Ничего дельного для науки Шарко не дал, в отличие от Жане – его преемника на посту директора клиники Сальпетриер. Таким образом, обширная область брейеровского текста была заметно потревожена Фрейдом.

В конце шестого подраздела имеется множество вставок Фрейда относительно сексуальности, но начало и середина подраздела целиком написаны Брейером. Отдавая на время приори-

тет психологическим причинам в этиологии истерии, он тут же компенсирует его несколькими примерами, в которых физиология играет главенствующую роль. В частности, он пишет, что у людей, склонных к истерическим заболеваниям,

«внутриголовное возбуждение может поступать не только в сенсорный аппарат», «но и в пределы вегетативной нервной системы, которая, как правило, ограждена от центральной нервной системы», а также «вазомоторный и висцеральный аппараты», что может «объяснить некоторые патологические феномены» [6, с. 292].

Однако:

«Когда внимание человека, обладающего такими свойствами, в силу необходимости сконцентрировано на определенной части тела, то, как сказал Экнер, «сосредоточенное проторение» проводящих путей чувствительных нервов производится слишком интенсивно. По этим путям устремляется поток свободного возбуждения, вследствие чего развивается местная гипералгезия. Поэтому болевые ощущения, возникающие по той или иной причине, усиливаются до предела, и любая боль кажется «невыносимой»... Например, вследствие травмы сустава развивается невроз, связанный с пострадавшим суставом, а неприятные ощущения, обусловленные набуханием яичников, оборачиваются затяжными болями в области яичников.

У таких людей нервный аппарат, обслуживающий систему кровообращения, в большей степени подвержен влиянию со стороны центральной нервной системы, чем у людей нормальных: от волнения у них резко учащается сердцебиение, они часто падают в обморок, слишком сильно краснеют и бледнеют» [6, с. 292]. «Поэтому, – пишет Брейер, – я отнюдь не уверен в том, что, принимая во внимание эти симптомы, которые, возможно, следовало бы назвать просто «нервическими», нужно отказаться от старой «рефлекторной теории».

Например, тошнота у беременных женщин, отличающихся чрезмерной возбудимостью, вполне может возникать рефлекторно, под воздействием импульсов, исходящих от матки, поскольку в этот момент происходит растяжение матки, или вследствие кратковременного набухания яичников... нельзя с порога отменить предположение о том, что нервические симптомы, которые появились однажды под воздействием психического раздражения, могут иной раз возникать рефлекторно, под влиянием импульсов, поступающих из отдаленных органов. Более того, рискуя прослыть приверженцем стародавней ереси, я допускаю, что даже парез ноги может возникнуть рефлекторно вследствие заболевания половых органов, а не только под воздействием психических факторов» [6, с. 293–294; фрагмент с. 293 уже цитировался в XIII].

В следующем абзаце Фрейд сделал сразу две вставки:

«Иные расстройства, связанные с изменением степени возбудимости чувствительных нервов, вообще недоступны пониманию; к их числу относятся полное отсутствие болевой чувствительности, появление на теле бляшек, лишенных чувствительности, сужение поля зрения и т.д. Возможно, в ходе дальнейших исследований удастся доказать, что тот или иной симптом такого рода обусловлен определенными психическими факторами, и проникнуть в его сущность, [G6] но пока это не произошло [G7], и поэтому я не стал бы заранее предполагать, что симптомы эти имеют психическое происхождение» [6, с. 294].

Вставка [G6] такая: «Наверняка, так оно и будет», а вставка [G7], стоящая в круглых скобках, относится уже к нашей пациентке: «*обобщать данные, полученные в ходе лечения Анны О., я бы не решился*».

– XXV –

В третьем и четвертом подразделах «Теоретической части» также имеется множество фрейдовских вставок, относящихся к Анне О.; рассмотрим их по порядку. Первая вставка находится в окружении слов Брейера, который задается вопросом: почему нормальный аффект трансформируется в ненормальный рефлекс, т.е. в некий истерический симптом соматического типа? Он предполагает, что этому способствует ослабление всего организма или наличие какого-либо больного органа, т.е. организм человека действует по принципу наименьшего сопротивления или по пословице: рвется там, где тонко. Брейер, как мы знаем, часто пользовался сравнением с электроустановкой и говорил: короткое замыкание в электроустановке, т.е. ненормальное развитие процесса, происходит там, где повреждена изоляция.

Он пишет:

«Как уже отмечалось, это происходит в том случае, когда определенный рефлекс уже проторен вследствие соматического заболевания. Например, у человека, страдающего кардиалгией, аффект тоже вызывает боль в области сердца, вследствие того, что при произвольном сокращении определенных мышц в момент возникновения исходного аффекта усиливается их иннервация.

В основе наших обычных ассоциаций тоже лежит принцип синхронности. Любое ощущение, возникшее при чувственном восприятии, вызывает в памяти другое ощущение, которое когда-то возникло одновременно с ним (классическим примером такой ассоциации является возникновение определенного зрительного образа в тот момент, когда слышишь блеянье овцы).

Если в исходных обстоятельствах одновременно с аффектом возникало какое-то сильное ощущение, то при повторном появлении данного аффекта оно возникает вновь, причем не в виде воспоминания, а в виде галлюцинации, поскольку в этот момент производится разрядка чрезмерного возбуждения. В историях болезни почти всех наших пациентов наберется множество примеров, позволяющих проиллюстрировать выше сказанное. Например, из-за воспаления надкостницы у одной женщины разболелись зубы в тот самый момент, когда ее изводил мучительный аффект. С тех пор сам аффект или просто воспоминание о нем всегда вызывали у нее невралгию под глазничной ветвью тройничного нерва.

Такое проторение рефлекса основано на всеобщем законе ассоциаций. Однако иной раз (разумеется, только в том случае, когда степень тяжести истерии достаточно высока) между аффектом и рефлексом, который он вызывает, тянутся длинные вереницы взаимосвязанных представлений. Так происходит детерминирование при посредстве символики. Зачастую связь между аффектом и соответствующим рефлексом возникает благодаря забавным каламбурам и созвучиям, но это происходит лишь в тот момент, когда человек утрачивает способность отделять вымысел от действительности, погружаясь в состояние, напоминающее сон, а подобные явления уже выходят за рамки интересующей нас группы феноменов.

Во многих случаях невозможно объяснить, чем детерминирован истерический симптом, поскольку зачастую мы можем лишь гадать о том, каково было психическое состояние человека и какие представления возникали у него в момент появления этого истерического симптома. Однако осмелимся предположить, что и в подобных случаях процесс детерминирования не слишком сильно отличается от любого такого процесса, о котором нам удалось получить полное представление благодаря удачному стечению обстоятельств» [6, с. 252–253].

Я воспроизвел брейеровский текст без вставки Фрейда. Теперь выпишу фрейдовскую вставку [G8] отдельно:

«например, Анна О. (описанная в первой истории болезни) испугавшись, порывалась отогнать привидевшуюся ей змею правой рукой, парализованной вследствие сдавливания нерва; с тех пор правая рука у нее деревенела всякий раз, когда на глаза ей попадался предмет, похожий на змею. В другой раз в момент возникновения аффекта она слишком близко поднесла к глазам часы, пытаясь различить стрелку, и с тех пор, вследствие конвергенции, одним из рефлексов, сопровождающих этот аффект, стало сходящееся косоглазие».

Хочу предложить читателю следующий эксперимент: я попрошу его указать то место в тексте Брейера, куда Фрейд поместил свой, довольно громоздкий пример [G8] с Анной О., который, вообще говоря, плохо вяжется с короткими примерами Брейера. Мне кажется, что читатель будет колебаться до тех пор, пока ему не подскажут. Подсказываю: фрейдовская вставка [G8] стоит после примера с человеком, страдающим кардиалгией. Хотя на месте Фрейда, я разместил бы ее после примера с женщиной, страдающей невралгией.

С аналогичной фальсификацией мы сталкиваемся и в другом месте, когда Брейер рассказывает об угрызении совести и исповеди. Он привел пример с «совестливым юношей», «дамой строгих правил» и вспомнил о «брадобрее Мидасе». Вдруг непрерывная ткань его текста рвется, между двумя примерами с дамой и Мидасом вклинивается совершенно инородный абзац [G9]. Цитируем его:

«Обычно это сказывается лишь на психическом состоянии человека, вызывая у него дисфорию и то, что *Фрейд*, – написал Фрейд, – именуется *приступами тревоги*. Но при наличии нескольких условий, благоприятствующих развитию заболевания, может появиться и соматический симптом, за счет которого производится разрядка. Таким симптомом может стать тошнота, если при мысли о собственной моральной нечистоплотности человека с души воротит; если же угрызения совести вызывают ларингоспазмы, может появиться нервный кашель, каким страдала *Анна О.*, описанная в первой истории болезни» [6, с. 255].

Тут же в связи с темой тошноты Фрейд вспоминает книгу Маха и цитирует из нее немаленький отрывок по поводу тошноты. К брейеровскому абзацу, оканчивающемуся рассказом о «даме строгих правил», он дает сноску, в которой пишет о «любопытной заметке», взятой им с 51 страницы трактата Бенедикта «Гипноз и внушение», вышедшего тоже в 1894 году. Понятно, что у Брейера в этом году, когда он стал ассоциированным членом Академии Наук, не было ни времени, ни желания читать трактат чуждого ему психологиста-гипнолога Бенедикта, который восхищался Месмером и давал Фрейду рекомендацию для посещения Шарко. Отсюда понятно, что упоминание о нем, а также Анне О. [G9] и Махе сделал Фрейд. Он как смерч ураганной мощности пронесся по тексту Брейера и разорвал в клочья его плавное повествование, высыпав заодно на головы читателей ворох ненужной ему информации.

Далее Фрейд внедрил несколько ссылок на самого себя [FN], которые я частично уже цитировал. Следующая вставка [G10], как и вставка [G9], связана с литературной ссылкой. Приведу небольшую выдержку, где она упоминается:

«В ходе наблюдений мы изучили два способа изъятия аффективного представления из ассоциации. Первый способ, именуемый «защитой», подразумевает произвольное подавление неприятных представлений, способных отравить человеку жизнь или поколебать чувство собственного достоинства. В статье под заголовком «Защитные неврозы», опубликованной в десятом номере «Неврологического вестника» за 1894 год, и в представленных здесь историях болезни Фрейд описал этот процесс, несомненно, имеющий большое значение для развития болезни» [6, с. 259].

В 1894 году Брейер и Фрейд уже не контактировали в научном плане, так что вряд ли постоянно занятый врач следил за публикациями своего бывшего подопечного. Но помимо отсутствия свидетельств о совместной работе Фрейда и Брейера над книгой, имеется и другое соображение по поводу ссылки, если учесть особенности литературного творчества Брейера. Он почти не упоминал названия книг и журналов, когда ссылался на кого-то из своих коллег, например, директора Физиологического института Экснера (на него имеется три ссылки). Стал бы Брейер при напряженном обдумывании своей теории вдруг вспоминать точное название фрейдовской статьи, в каком журнале, в каком году и в каком номере она была опубликована? Нет, конечно, Брейер, наверно, ничего и не слышал об этой его статье. Отсюда становится ясно, что вставка [G10] является очередной фальсификацией, осуществленной отцом-основателем, и мы знаем, зачем он это сделал.

– XXVI –

Четвертый подраздел «Теоретической части», посвященный гипноидным состояниям, имеет ссылку на Фрейда [6, с. 261] типа FN, а на последующих страницах имеется четыре вставки с именем Анны О., которые мы сейчас детально проанализируем. Первая вставка касается разъяснений брейеровской теории гипноидного состояния, которая была у него тесно увязана с теорией конверсии. Далее приведем большой отрывок, в котором слова Фрейда размещены в квадратных скобках.

Брейер утверждает, что

«на фоне самогипноза «истерическую конверсию» произвести проще, чем во время бодрствования»; проще «вызвать у пациента галлюцинации, сопровождаемые соответствующими движениями, внушая ему определенные представления, куда проще во время искусственного сна под гипнозом... Если однажды была произведена конверсия, то соматический симптом начинает возникать всякий раз, когда на фоне самогипноза появляется аффект. И, по всей видимости, впоследствии сам аффект может вводить человека в гипнотическое состояние. На первых порах, пока гипноз чередуется с бодрствованием, симптом возникает только на фоне гипнотического состояния и с каждым разом все больше укореняется. Однако осознать, оценить и подправить само побудительное представление невозможно, поскольку как раз в тот момент, когда человек бодрствует, оно вообще не возникает.

Например, у пациентки [Анны О., описанной в первой истории болезни.] контрактура правой руки, которая под воздействием самогипноза была увязана с чувством страха [и образом змеи] на протяжении четырех месяцев возникала только на фоне гипнотического (скажем – гипноидного, если первое определение кажется кому-то неуместным при описании весьма кратковременного помрачения сознания) состояния, хотя происходило это довольно часто. Аналогичным образом возникали и другие феномены, обусловленные конверсией, произведенной в гипноидном состоянии, поэтому исподволь у пациентки сформировался комплекс истерических симптомов, которые

проявились в тот момент, когда продолжительность пребывания в гипноидном состоянии увеличилась. Во время бодрствования эти феномены могут возникнуть только после расщепления психики, вследствие которого чередование бодрствования и гипноидного состояния прекращается и создаются условия для сосуществования комплекса нормальных представлений и комплекса гипноидных представлений.

Возникают ли подобные гипноидные состояния задолго до начала болезни, и как это происходит? Ответить на поставленный вопрос мне сложно, поскольку судить об этом мы можем лишь на основании наблюдений за одной-единственной пациенткой [Анной О.]. В данном случае почву для самогипноза, несомненно, подготовила привычка пациентки грезить наяву, а затем при пособничестве аффекта, неотступного чувства тревоги, склонность к самогипнозу развилась окончательно, ведь и одного этого аффекта бывает достаточно для того, чтобы ввести человека в гипноидное состояние. Можно допустить, что подобный процесс всегда развивается по этой схеме» [6, с. 262–264].

В данном примере Брейер, очевидно, имел в виду Анну О., но ее имя и упоминание о змее ввел явно Фрейд. Ранее уже говорилось, что связь контрактуры правой руки с образом змеи усматривал только он. По теории Брейера такой прямой связи не существует, поскольку мнемонический образ змеи не может служить причиной соматической патологии. Однако у неискушенного читателя при чтении этого отрывка может создаться впечатление, будто Брейер, как и Фрейд, является психологистом. Анализ двух следующих упоминаний Анны О. не представляет никакой сложности. На странице 264 Брейер говорит об увлеченном ученом и *«человеке, рисуящем в воображении причудливые картины»*. Фрейд тут же в круглых скобках вставляет: *«Достаточно вспомнить «мой театр» Анны О.»*. Эта вставка в точности повторяет вставку [G3] на странице 282. Далее Брейер пишет: *«Так что, я вовсе не намерен утверждать, что механизм возникновения гипноидного состояния [изученный на примере Анны О.] действует у всех истериков»*. В связи с расщеплением психики Брейер называл две пациентки, одна из которых Сесилия М.; очевидно, на них тоже можно было изучать «механизм возникновения гипноидного состояния».

Общий вывод, который можно сформулировать после проведенного анализа, звучит так: предположим, что в приведенных примерах отсутствуют вставки Фрейда, и весь текст написал Брейер. Даже в этом неблагоприятном для нас варианте история-4 радикально отличается от истории-3, написанной Фрейдом. Уже говорилось об историях-1,2, в которых Фрейд настойчиво фиксировал внимание читателя на строгом чередовании нормального и невменяемого состояния в зависимости от года (1881 или 1882) и времени суток (утра или вечера). В истории-3 Фрейд стал говорить о своеобразном наложении невменяемого состояния психики на нормальное.

В частности, он написал: *«истерические феномены стали возникать у нее и на фоне нормального состояния и превратились из приступообразных в стойкие симптомы»* [6, с. 64]. И в другом месте:

«Однако сколь отчетливой ни была бы граница между этими состояниями, «второе состояние» не просто внедрялось в первое, поскольку даже в самые худшие мгновения в каком-то уголке ее сознания сидел, как выражалась сама пациентка, трезвомыслящий и спокойный наблюдатель, созерцавший весь этот кавардак. Как ни странно, она могла трезво мыслить даже в тот момент, когда ею овладевал психоз; после того, как симптомы истерии исчезали, пациентка ненадолго погружалась в депрессию и потом по-ребячески обвиняла себя в том, что симулировала болезнь. Подобное происходило довольно часто» [6, с. 67].

Эти изменения, фиксируемые в истории-3 и отсутствовавшие в историях-1,2, появились у Фрейда, по-видимому, под воздействием критики Брейера. Поэтому в истории-3 и истории-4 есть немало общего: и тут и там отсутствуют дурные нумерологические закономерности с периодичностью в один год, восходящие и нисходящие ряды истерических симптомов; и тут и там авторы уделили немало внимания расщеплению сознания на нормальное и ненормальное состояние. Однако есть между двумя этими историями и принципиальное отличие: во фрейдовском варианте истории болезни Берты всё-таки присутствует эйфория по поводу открытия чудесного психотерапевтического метода, в брейеровском же этого нет и в помине.

В истории-3 мы читаем:

«О том поразительном факте, что с начала и до конца заболевания все раздражители, возникшие во втором состоянии, равно как и результаты их воздействия, надежно устранились с помощью выговаривания под гипнозом, я уже упоминал и добавить мне к этому нечего, разве

только заверить, что я это не выдумал [Брейер, очевидно, называл это выдумкой] и не внушил пациентке. Для меня самого это было сущей неожиданностью, и лишь после самопроизвольного исчезновения нескольких симптомов у меня стали складываться на основе этих наблюдений приемы лечения» [6, с. 67].

Здесь мы видим юного Фрейда, отбивающегося от критики своего шефа, который машет рукой в сторону своего подопечного и саркастически замечает: «Да не выдумывай, Зигмунд! Никакой это не новый прием лечения. Вам показалось, будто Берта сама себя вылечила, вспоминая вслух, когда у нее впервые возник тот или иной истерический симптом». В написанных Фрейдом историях развития психоанализа выздоровление Анны О. всегда выставлялось «сущей неожиданностью». Кто-кто, а Брейер знал, что никакого «неожиданного» выздоровления Берты не было, так что по наличию в тексте одного этого слова можно установить авторство.

Даже во второй истории болезни имеется упоминание о методе разговора: «Она [Эмми фон Н.] словно присвоила себе мой метод и пользуется на вид непринужденной и произвольной беседой как дополнением к гипнозу» [6, с. 80]. В истории-4 мы наблюдаем совершенно иную картину. Ее автор предложил не методику лечения, а теорию, которая объясняет истерические симптомы на основе гипноидного состояния и расщепленной психики. Брейер писал:

«Мы всегда придавали большое значение «гипноидным» состояниям, т.е. состояниям, подобным гипнотическому сну, поскольку они вызывают амнезию и создают условия для расщепления психики, ... которое лежит в основе «сильной истерии»... Разумеется, гипноидным состоянием является, прежде всего, истинный самогипноз, который отличается от искусственного гипнотического сна лишь тем, что в этом состоянии человек погружается самопроизвольно» [6, с. 261].

В понимании Брейера гипноидное состояние психики обусловлено физиологией, а не психологией человека, что очень не нравилось Фрейду. В четвертой части книги, «О психотерапии истерии», он пишет:

«Впервые мы столкнулись именно с гипноидной истерией; лучше всего ее характеризует первый случай, описанный Брейером. По мнению Брейера, психический механизм, который действовал при гипноидной истерии, значительно отличается от психического механизма конверсионной защиты».

Это касалось Брейера. Относительно своей собственной позиции Фрейд говорит:

«Я всегда убеждался, что так называемое гипноидное состояние обязано своей обособленностью тому обстоятельству, что в этом состоянии заявила о себе *психическая* группа, ранее отколовшаяся под действием защиты. Коротко говоря, я не мог избавиться от подозрения, что гипноидная истерия и защитная истерия в основе своей едины и первостепенное положение при этом занимает защита. Хотя утверждать что-либо наверняка я не берусь» [6, с. 343–344].

Подобное несогласие с Брейером Фрейд высказывал многократно и в других работах.

– XXVII –

Многие вещи становятся понятны, если к анализу привлечь статью «О психическом механизме истерических феноменов», которая вошла в книгу «Исследования истерии» в качестве «Предупреждения». Статья разбита на пять подразделов не равной величины. Из них, предположительно, перу Брейера принадлежат концовка первого, часть второго и почти весь третий подраздел, остальной текст написал Фрейд. Очень может быть, что он располагал только одной статьей Брейера, под гипотетическим названием «О физиологическом механизме истерических феноменов», которую затем использовал и в «Предупреждении» и в «Теоретической части».

Название статьи 1893 года искажил Фрейд, и главные выводы из нее сделал он. А что было разрешено сказать Брейеру? Он успел слегка затронуть две темы. Первая касалась психической компенсации обидных или оскорбительных ситуаций (в переведенном тексте используется термин «отреагировать»). Поскольку компенсация связана с эмоциональной речью, Брейер обращает внимание на ее важность в процессе лечения (гневное обличение обидчика, жалоба со слезами на глазах и т.д.). Он задумался над тем, почему одни люди пропускают оскорбления в

свой адрес мимо ушей, другие их долго помнят и негативно переживают. Он назвал два ряда условий, которые не влекут компенсации. К первым условиям были отнесены случаи, связанные с невозместимой потерей. Действительно, бессмысленно возмущаться или жаловаться по поводу смерти близких. Бывает, что травма сама по себе пустяковая, но в воображении человека из-за испуга или другой формы аффекта она производит огромное негативное воздействие. Эти условия вызывают уже невроз. Оба ряда условий часто переплетены.

Данная тема очень подходила Фрейду, поскольку перекликалась с его методом лечения разговором. Брейер пишет:

«Затем впечатления полностью изглаживаются, воспоминания блекнут, мы, как говорится, «забываем», причем на убыль идут прежде всего те представления, которые уже не затрагивают чувства» [6, с. 23].

Далее идет вставка Фрейда, относительно Берты [6, с. 23–24]. После ней какая-то часть текста Брейера, по-видимому, была выброшена и воспроизведена следующая:

«Объяснить это можно лишь тем, что подобные воспоминания занимают исключительное положение и не идут на убыль. Судя по всему, сами эти воспоминания соответствуют травмам, которые не были в должной мере отреагированы и при более обстоятельном рассмотрении факторов, помешавших отреагированию, можно обнаружить, по меньшей мере, два ряда условий, в том числе отсутствие непосредственной реакции на травму» [6, с. 24].

В том, что исходный брейеровский текст был нарушен поздними фрейдовскими вставками, можно судить по аналогичному отрывку, взятому из третьего подраздела, «Истерическая конверсия», «Теоретической части» [6, с. 258–259]. Складывается впечатление, что текст Брейера, фигурирующий в работе 1893 года, является частью текста, фигурирующего в работе 1895 года, т.е. текст [6, с. 258–259] является продолжением текста [6, с. 23–24]; оба фрагмента были написаны Брейером примерно в одно время.

Вторая тема, которую рассматривал Брейер, в «Предупреждении», касалась гипноидного состояния. Из-за правки Фрейда она изложена довольно сумбурно, поэтому нет смысла ее цитировать. Отметим лишь, что вторая тема имеет ту же характерную черту, что и первая. Эта черта свидетельствует в пользу версии существования на руках у Фрейда одной брейеровской работы, из которой он брал маленькие куски для «Предупреждения» и большие фрагменты для «Теоретической части». В результате тема гипноидных состояний раскрыта шире в четвертом подразделе «Теоретической части», чем «Предупреждении»; в поздней работе не чувствуется развитие темы.

Стиль и содержание текста Брейера в «Предупреждении» однотипен стилю и содержанию его текстов из третьего и четвертого подразделов «Теоретической части». Однако в поздней работе к этим двум подразделам тянется длинная логическая цепь, раскрытая в первом и втором подразделах, содержание которых не представлено в «Предупреждении». В нем также отсутствуют элементы содержания пятого и шестого подразделов «Теоретической части» как необходимое логическое продолжение. Ведь истерическая конверсия (третий подраздел) и гипноидные состояния (четвертый подраздел) нужны были Брейеру для объяснения расщепленной психики (пятый подраздел) и развития истерии (шестой подраздел). В отличие от Фрейда, Брейер строго последовательно излагал свои мысли. Всё это говорит в пользу того, что Фрейд просто вырвал промежуточные элементы теории Брейера для работы 1893 года.

Сравнивая содержание «Предупреждения» с содержанием «Теоретической части», а также стиль написания, можно более или менее точно установить, кому из авторов принадлежит тот или иной фрагмент текста. Например, ясно, что содержание 22-й страницы тесно перекликается с содержанием, изложенным на странице 244. По-видимому, их писал или существенно корректировал Фрейд, держа работу Брейера перед глазами. Сравните:

«В данном случае реакцией мы называем целый ряд произвольных и непроизвольных рефлексов, благодаря которым эмпирическим путем происходит разрядка аффекта: они простираются от плача до акта мести. Если человек отреагировал на событие в должной мере, то аффект в значительной степени убывает; подмеченное в обыденной жизни, это обстоятельство нашло выражение в словах «выплеснуть чувства», «выплакаться» и т.п. Если же реакция подавляется, то связь аффекта с воспоминанием сохраняется» [6, с. 22].

В другом месте читаем:

«Когда возникает душевная боль, от возбуждения позволяют избавиться учащенное дыхание и выделительные акты: рыдание и плач. Общеизвестно, что подобные реакции помогают успокоиться и унять возбуждение. Как уже отмечалось, в обыденной речи для обозначения этого явления используются выражения «выплакаться», «сорвать злобу», «перебеситься» и т.д.; таким образом, избавляются как раз от чрезмерного мозгового возбуждения» [6, с. 244].

Уже упоминалось, что фрагмент на странице 26-й зачем-то цитируется на странице 275-й. Трудно поверить, чтобы Брейер цитировал самого себя. Зато подобные повторы можно найти в «Толковании сновидений». Например, Фрейд рассказывал один и тот же сон в двух местах книги: «Я написал монографию об одном растении. Книга лежит передо мною...» [2, с. 178 и с. 307]. В первом случае он анализирует этот сон на десяти страницах, во втором – на двух с половиной, пользуясь при этом однотипными предложениями. Чем это можно объяснить? Только хаотичной манерой работы Фрейда. Ему никогда не хватало терпения предать своим сочинениям законченный вид. «Исследования истерии», «Толкование сновидений», «Три очерка о теории сексуальности», «Анализ фобии пятилетнего мальчика» и т.д. – все эти произведения оставляют [более] впечатление предварительных записей для написания будущих книг, чем сами книги.

В преамбуле четвертой части книги «О психотерапии истерии» Фрейд привел две основных выдержки из «Предупреждения». По причине их важности воспроизведем их целиком.

«В «Предупреждении» мы сообщали о том, – пишет Фрейд, – что, занимаясь изучением этиологии истерических симптомов, мы попутно открыли метод терапии, который считаем знаменательным в практическом отношении. «Сначала, к великому нашему изумлению, мы заметили, что отдельные истерические симптомы исчезали раз и навсегда, когда удавалось со всей ясностью воскресить в памяти побудительное событие, вызывая тем самым и сопровождавший его аффект, и когда пациент по мере возможности подробно описывал это событие и выражал аффект словами» («Предупреждение», с. 20).

Следом мы постарались объяснить, каким образом действует наш психотерапевтический метод: «Благодаря ему первоначально не отреагированные представления лишаются силы воздействия, поскольку он позволяет избыть с помощью слов сдерживаемые аффекты, связанные с ними, и подвергнуть их ассоциативной корректировке за счет того, что они переводятся в сферу нормального сознания (в состоянии легкого гипноза) или устраняются с помощью внушения врача, как происходит при сомнамбулизме, сопровождаемом амнезией» (с. 32).

Ниже я попытаюсь описать по порядку, насколько эффективен этот метод, в чем он превосходит иные методы, какие приемы он в себя вмещает и с какими трудностями он сопряжен, хотя самое главное уже изложено в историях болезни, приведенных выше, и поэтому кое-где повторения неизбежны» [6, с. 309].

В связи со сказанным автором сделаем два замечания. Во-первых, в преамбуле следовало бы местоимение «мы» заменить местоимением «я», поскольку речь идет о чисто психологическом методе «лечения», который для Брейера неприемлем. Во-вторых, из высказанных намерений ясно, что содержание четвертой части нас мало может интересовать, поскольку она не внесет большей ясности в решение стоящей перед нами задачи: была ли Анна О. первой пациенткой Фрейда? Ответ, собственно, уже получен: да, была. Единственное, что нас могло бы сейчас заинтересовать, так это сексуальная составляющая психотерапии и каков ее вклад в этиологию заболевания истерией.

– XXVIII –

Описывая жизнь Фрейда, историки часто вводят некие этапы в его творчестве, показывая, как он постепенно подходил к своему психоаналитическому методу. В действительности существовали лишь определенные этапы в процессе фальсификации событий начала 1880-х годов, произошедших с Анной О. С самого начала своей психотерапевтической практики отец-основатель отлично знал, как нужно путем разговоров и интерпретаций «лечить» душевнобольных. В вышедшей в 1893 году статье он лишь рапортовал миру о своем давно сделанном «революционном открытии». Брейер же был для него занозой, которая мешала ему стать «величайшим психотерапевтом мира».

В очерке 1914 года «Истории психоаналитического движения», как и в «Автопортрете» 1925 года, Фрейд писал о своей ссоре с Брейером, говоря о разногласиях по проблеме гипноидных состояний. Но эти чисто теоретические разногласия еще не были принципиальными. Реальной причиной разрыва послужила «пациентка Брейера». Сексуальной легендой об Анне О. коварный сочинитель одним выстрелом убивал двух зайцев: он объяснял причину истерии Берты и одновременно указывал причину разрыва со своим наставником.

«Разрыв этот, – *разъясняет Фрейд*, – имел более глубокие причины, но произошел так, что сначала я и не догадался о нем и понял только позже, на основании различных косвенных признаков, что разрыв уже произошел.

... Кто перечтет теперь снова историю болезни, написанную Брейером [об Анне О.], тот при свете добытых за последние двадцать лет знаний не сможет не понять символики змей, оцепенения, паралича руки и, учитывая бдения больной у постели отца, легко поймет значение каждого симптома. Его оценка роли сексуальности в душевной жизни этой больной резко разоидется с мнением врача. Больная поддавалась при лечении в самой сложной степени внушению со стороны Брейера, и ее отношение к нему может нам служить образцом того, что мы называем «перенесением».

У меня были все основания полагать, что Брейер по устранении всех проявлений болезни должен был открыть по новым симптомам у нее сексуальную мотивировку этого перенесения, но от него ускользнул общий характер этого неожиданного явления, так что он, как пораженный «*untoward event*», на этом месте оборвал исследование. Я не получил от него по этому вопросу никаких прямых указаний, но в различное время он дал мне достаточно оснований для вышеизложенных предположений. Когда я впоследствии всё решительнее настаивал на значении сексуальности в этиологии неврозов, он первый проявил по отношению ко мне то неприязненное отношение, которое мне впоследствии стало так хорошо знакомо, но которое я тогда еще не понимал, как мою роковую судьбу.

Факт грубо сексуально окрашенного, нежного или враждебного перенесения, возникающего при всяком лечении невроза-перенесения, хотя и нежелательного и не вызываемого ни одной из сторон (больным и врачом), казался мне всегда неопровержимым доказательством происхождения творческих сил невроза из области сексуальной жизни. Это доказательство еще до сих пор недостаточно серьезно оценено, так как в этом случае при исследовании не было бы собственно другого выбора. Для меня оно сохраняет свое решающее значение одинаково и даже больше, чем соответствующие результаты аналитической работы.

Утешением за этот дурной прием, который гипотеза сексуальной этиологии неврозов встретила даже в тесном кругу моих друзей (вокруг меня очень скоро образовалось пустое пространство), служила мне мысль, что я выступил на борьбу за новую и оригинальную идею» [5, с. 11–13] (в переводе С. Панкова см. [4]³⁶).

Здесь мы еще раз убеждаемся, что Фрейд изменил интерпретацию событий, произошедших в период с 1880 по 1882 год, с психофизической ориентации на сексуальную. Оказывается, Берта ухаживала за больным отцом под воздействием эдипова комплекса. Сидя у постели своего отца, она испытывала к нему сексуальное влечение. Змея – символ фаллоса, разумеется, фаллоса отца. Пальцы ее правой руки превратились не в змей, а в пять маленьких отцовских фаллосов. Паралич правой руки – символ эрекции и т.д. Действительно, любой современный психоаналитик «легко поймет значение каждого симптома», который Брейер якобы описал в первой истории болезни. А сколько неправды содержится в словах: «*в различное время он [Брейер] дал мне достаточно оснований для вышеизложенных [сексуальных] предположений!*»

Такая сексуально ориентированная интерпретация была усвоена Фрицем Виттельсом (см. подраздел XX) и всеми прочими обманутыми Фрейдом психоаналитиками, которые с удовольствием вычеркнули бы имя Брейера из списка предшественников (Шарко, Бернгейм и др.). Мы уже видели, что Брейер, вообще говоря, не чурался сексуальной тематики. У него есть два выразительных примера с 12-летним мальчиком и 17-летней девушкой [6, с. 256–258], которые, однако, мы не станем сейчас обсуждать. Скажем лишь, что эти примеры прекрасно подтверждали теоретические выводы Брейера, органично вписываясь в структуру написанного им текста. Между этими примерами Фрейд умудрился воткнуть вставку со словом «сверхдетерминированный», сильно бросающуюся в глаза, которую мы тоже не станем сейчас обсуждать.

³⁶ Фрейд З. *История психоаналитического движения* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 2. – СПб.: ВЕИП, 2006.

Вместо этого приведем другую фальсификацию, чтобы нам окончательно перейти к сексуальной тематике.

«Как установил Фрейд, – пишет Фрейд, – некоторые болезнетворные факторы, обусловленные отсутствием достаточного полового удовлетворения (по вине *coitus interruptus* [прерванный половой акт], *ejaculation praecox* [преждевременное семяизвержение] и т.п.), способствует развитию невроза тревоги, а не истерии. Но, на мой взгляд, даже в подобных случаях возбуждение, вызванное сексуальным аффектом, довольно часто преобразуется путем конверсии в соматический феномен» [6, с. 299].

Данный фрагмент стоит почти в самом конце «Теоретической части», которую Фрейд почти целиком сфабриковал. Там он ввел сексуальную тематику, которая до 1895 года практически не обсуждалась ни им, ни, тем более, Брейером.

Теперь послушайте, что пишет Фрейд сразу же за приведенной цитатой:

«Разумеется, появление истерических симптомов способствует не только сексуальные аффекты, но и такие аффекты, как испуг, страх и гнев. Об этом свидетельствуют и результаты наших исследований. Но хотелось бы лишний раз подчеркнуть, что сексуальный фактор имеет куда большее значение для развития истерии. Возможно, наивные представления наших предшественников, от которых нам досталось в наследство само слово «истерия» [в переводе с греческого «матка»], были ближе к истине, чем воззрения современных исследователей, готовых выставить сексуальное начало чуть ли не на задворки теории, лишь бы оградить больных от обвинений в безнравственности. Конечно, в целом истерики не испытывают более сильную половую потребность, чем здоровые люди, а степень выраженности половой потребности среди истериков тоже варьирует. Но заболевают они именно из-за этой потребности, а точнее говоря, из-за того, что стараются защититься от сексуальных чувств» [6, с. 300].

В этом пассаже выражена квинтэссенция сексуальной теории «позднего» Фрейда, которую он излагал много раз и из-за которой он бранил Брейера. Последний не ставил половой инстинкт выше инстинктов голода, жажды или смерти, из-за чего возникает испуг, страх и гнев. На основе своей гомеостатической модели Брейер понимал, что причиной истерии может быть любой сильный аффект, не обязательно связанный с половой потребностью. «Ранний» Фрейд тоже мыслил похожим образом, хотя делал упор на психических механизмах. У него Анна О. страдала истерическими симптомами, которые были вызваны переживаниями за отца, привидевшейся ей змеей и т.д., но никак не из-за перенесенной на Брейера сексуальной страсти. Это потом Фрейд стал трактовать отца и змею в сексуальном значении.

Приведенный отрывок переключается с несколькими местами из «Теоретической части», которые никак не мог написать Брейер. Читатель может прекрасно видеть, как внезапно прерывается текст Брейера и начинается текст Фрейда. Брейер пишет: «мы вправе предположить, что под влиянием этого процесса может развиваться и предрасположенность к истерии». Фрейд, цепляясь к этому «предположению», добавляет:

«Стало быть, мы уже признали тот факт, что сексуальность вносит немалый вклад в процесс развития истерии. Вскоре мы убедимся в том, что сексуальности отводится в этом процессе куда более важная роль, поскольку именно она всячески способствует развитию истерии» [6, с. 296].

Далее сексуальная тема захватывает Фрейда, и он начинает ее развивать в свойственной ему спекулятивно-психологической манере.

«Среди представлений, – пишет он, – которые зачастую вызывают защитную реакцию и подвергаются конверсии, следует особо выделить представления сексуального характера. Они чаще всего лежат в основе истерии, развивающейся в период полового созревания» [6, с. 298].

Фрейд забыл, что, по Брейеру, в период полового созревания начинают работать соответствующие физиологические системы, а те, в свою очередь, вызывают сексуальные образы, но никак не наоборот; физиолог доказывал, что представления не могут вызвать истерию. Фрейд пользуется терминами «защитная реакция» и «конверсия», не придавая им того теоретического смысла, который вкладывал в них Брейер. Все рассуждения Фрейда настолько расходятся с позицией его наставника, что не нуждаются в каком-то дополнительном комментарии.

Последние страницы «Теоретической части» написаны Фрейдом очень сумбурно, хотя сексуальный акцент там просматривается отчетливо. Он, как в паранойальном бреде повторяет:

«Если мое предположение соответствует действительности, то сексуальность и впрямь должна оказывать значительное влияние на развитие истерии, ибо влюбленные, да еще, пожалуй, сиделки, ухаживающие за больными родственниками [намек на Анну О., сидевшую возле больного отца], больше кого бы то ни было склонны грезить наяву. Кроме того, в момент наивысшего сексуального наслаждения человека переполняют чувства, а сфера его сознательного мышления сужается до предела, так что оргазм сам по себе очень напоминает гипноидное состояние» [6, с. 301–302].

Фрейд забыл, что под всем здесь написанным стоит имя Брейера. Получается, что ему не за что упрекать своего бывшего наставника в сексуальном аспекте. В данном отрывке Брейер предстал как заправский сексолог фрейдистского толка. Особенно комично выглядит сравнение оргазма с гипноидным состоянием. Любопытно было бы посмотреть, как на это среагировал бы Брейер.

– XXIX –

Четвертая глава «О психотерапии истерии» писалась в 1894 и 1895 годах, поэтому все рассуждения на сексуальную тематику являются поздней вставкой периода 1908 года. В преамбуле, которая приводилась выше, о сексуальности не было сказано ни слова, но начало первого раздела, похоже, написано перед переизданием книги. Здесь автор, в который раз, произносит сакраментальную фразу: «*этиологию невротозов... следует искать в сексуальных эпизодах*» [6, с. 311], а далее он бросает беглый взгляд на ранее написанные им истории болезни. Фрейд начинает комментировать их в свете новой сексуальной легенды.

Первый случай заболевания Анны О., констатирует автор,

«расценивался врачом, за ним наблюдавшим [Брейер], отнюдь не с точки зрения сексуальных невротозов, и ныне его [первый случай] попросту нельзя использовать в этом качестве. Когда я сам приступил к анализу второй пациентки, фрау Эмми фон Н., я и помыслить не мог о том, что сексуальный невротоз может служить основой для истерии. Я только-только покинул лоно школы Шарко, и даже намерение увязать истерию с сексуальностью казалось мне оскорбительным, как и самим пациенткам» [6, с. 314].

Итак, Фрейд признается, что не думал в сексуальной плоскости, когда лечил двух первых пациенток. Подводя итог всем пациенткам, которых он лечил, Фрейд написал:

«Если я и решился объединить четыре этих случая [видимо, без Анны О.] под названием истерии и не подходил к ним с мерками, пригодными для сексуальных невротозов, то объясняется это лишь тем, что лечение проводилось давно, когда я еще не занимался целенаправленным и настойчивым поиском невротической сексуальной подоплеки этих заболеваний» [6, с. 315].

Что значит «лечение проводилось давно»? В основу книги 1895 года легли довольно свежие материалы, некоторые из них относятся к началу 1890-х годов. Значит, автор пишет нам из другого времени, из 1908 года!

А теперь, дорогой читатель, заглянем в «Предисловие к первому изданию», под которым стоит дата: апрель 1895 года. В нем по поводу отобранных пациентов сказано:

«Нам пришлось отказаться от публикации наиболее содержательных и показательных историй болезни. Конечно, это касается прежде всего тех случаев, когда причиной болезни послужили обстоятельства сексуальной и супружеской жизни. По этой причине мы можем представить далеко не все доказательства того, что сексуальность, будучи источником психических травм и мотивом «защиты», вытеснения представлений из сознания, играет главную роль в патогенезе истерии. Именно яркие сексуальные эпизоды нам пришлось сразу исключить из книги» [6, с. 11].

Фрейда подвела память, хотя говорят, что она у него была отменной. Сочиняя предисловие, он забыл о своих признаниях, сделанных в четвертой части и только что процитированных. Таким образом, обман раскрылся: все ранее отмеченные нами вставки, где говорилось о сексуальности, – фальшивые. Ни от каких историй сексуального характера Фрейд не

отказывался, причины болезни, связанные с «обстоятельствами сексуальной и супружеской жизни», он не рассматривал, а «яркие сексуальные эпизоды» отсутствовали изначально. Эту его ложь нужно еще возвести в квадрат, поскольку приведенные здесь слова были написаны не в апреле 1895 года, как это указано в конце первого предисловия, а в июле 1908.

В предисловии ко второму изданию Фрейд пишет:

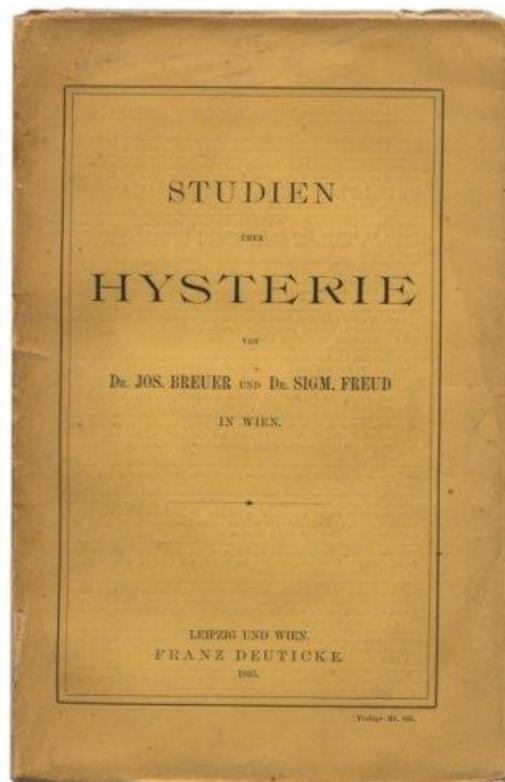
«За тринадцать лет, посвященных работе, взгляды мои настолько изменились, что невозможно было подкорректировать с учетом этих изменений прежний текст, не искажая его до неузнаваемости. Впрочем, у меня нет и повода для того, чтобы уничтожать документ, в котором запечатлены мои первоначальные представления. Я и поныне не считаю их заблуждениями, а расцениваю их как первую похвальную попытку разгадать то, в чем удалось разобраться лучше лишь ценою многолетних усилий. Внимательный читатель сможет отыскать в этой книге ростки, из которых в дальнейшем развилось учение о катарсисе (о значении психосексуального фактора, инфантилизма, травмы и символики бессознательного). Да и любому, кто интересуется развитием психоанализа на основе катартического метода, я посоветовал бы начать с «Исследований истерии» и пройти весь тот путь, который я уже преодолел» [6, с. 13].

Фрейд наивно полагал, что все экземпляры «Исследований истерии» распроданы, и никто не станет сравнивать книги 1895 и 1909 года выпуска. Составители и издатели фрейдовских произведений тоже не указывают хронологию внесенных Фрейдом изменений в текст книги, что объяснимо с точки зрения общей мошеннической идеологии психоанализа. Но в Интернете я все-таки нашел сообщение о продаже фирмой *The Manhattan Rare Book Company* «хорошо сохранившегося» редчайшего экземпляра «Исследований истерии» 1895 года издания, за который фирма просит девять тысяч долларов. Любопытно было бы приобрести и как следует изучить его, но, к сожалению, на такую покупку у меня просто нет денег. Можно ожидать, что книга «Исследования истерии» выпуска 1895 г. сильно отличается от книги выпуска 1909 г., включая оба предисловия к ней.

Фрейд в свойственной ему манере подделал и тут часть предисловия ко второму изданию, которую написал якобы Брейер. Псевдо-Брейер писал:

«Всевозрастающим интересом, который вызывает психоанализ, по-видимому, и объясняется нынешнее внимание к «Исследованиям истерии». Издатель выразил желание переиздать книгу, первый тираж которой полностью распродан. Она *перепечатывается без изменений*, хотя представления и методы, описанные в первом издании, претерпели с тех пор существенные и коренные изменения. Что касается меня, то сам я в последующие годы не особенно интересовался этим предметом, никак не способствовал изменению представлений о нем и не могу добавить от себя ничего нового к тому, что было написано в 1895 году. Поэтому я и пожелал, чтобы в новом издании *обе мои главы были перепечатаны безо всяких изменений*» [6, с. 13].

Это предисловие можно поставить в один ряд с другими подделками Фрейда типа письма псевдо-Брейера к Форелю. Главный делатель книги собственное авторство чудесного «избавления» от душевных и физических мук своей возлюбленной приписал Брейеру. Эта фальсификация была произведена гениально просто. Одним росчерком пера подопечный поставил имя своего наставника под сфабрикованным им же самим текстом, говоря при этом следующие слова: «Чтите моего Учителя, ибо он открыл новый метод исцеления ваших мерзопакостных душ. Он сделал многое, но не всё. Я понял, что мой Наставник и Друг не открыл главного, а именно: души ваши грешные погрязли в сексуальном разврате, оттого-то вы постоянно хвораете и жалуется на свою бесстыжую жизнь.

Экземпляр книги «Исследования истерии» выпуска 1895 г., выставленный на продажу фирмой «The Manhattan Rare Book Company» за \$ 9000.

Не лгите, признайтесь мне, что вы с самого рождения живете с мечтой о совокуплении с папочкой или мамочкой (в зависимости от вашей половой ориентации) и по причине лютой ревности готовы своему родителю-сопернику выпустить кишки».

После этой проникновенной проповеди за Мессией устремились сотни тысяч паломников. В столицу Австрии, психоаналитическую Мекку, прибыли учиться «истинной науке» и «самой откровенной морали» прозелиты из Америки, Англии, Германии, Швейцарии и, конечно же, России. Как же без нас? Эти дураки, живущие на Западе, сроду не умели совершать настоящих революций. Мы на полвека опоздали с коммунистической, так теперь уже на сто лет – с сексуальной. Ну, ничего, нам опаздывать – не привыкать. Наши коммунисты в XX веке отправили в Светлое Будущее полчеловечества, а сейчас, в XXI веке, российские психоаналитики уже всё человечество определенно положит под себя и научит, как нужно правильно любить.

Вена подарила миру двух знаменитых прохвостов – Месмера и Фрейда. Если первый обманывал с помощью гипноза, то второй и этим искусством не владел. Мошеннический гений Фрейда выше мошеннического гения Месмера, поскольку Фрейд построил свой обман абсолютно на пустом месте.

В 1995 г. по всему миру в среде психоаналитиков прошли пышные торжества по случаю 100-летнего юбилея выхода в свет «Исследования истерии». Да, было что праздновать. Эту книгу по праву называют Библией психоанализа. Ведь в ней содержится секрет «успешного лечения» самой известной в мире пациентки – Анны О. или Берты Паппенхейм. Теперь по отработанной на ней технологии надувают миллионы простаков. Библия Фрейда будет служить вечным памятником, с одной стороны, доверчивости и глупости пациентов, с другой – жадности и аморальности врачей.

Цитируемая литература

1. Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1997.
2. Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.
3. Шур М. *Зигмунд Фрейд: жизнь и смерть*. – М.: Центрполиграф, 2005.
4. Фрейд З. *История психоаналитического движения* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 2. – СПб.: ВЕИП, 2006.
5. Фрейд З. *Очерк истории психоанализа* / В кн.: Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М.: МПСИ, 2000.
6. Фрейд З., Брейер Й. *Исследования истерии* // Собрание сочинений в 26 томах. Том 1. – СПб.: ВЕИП, 2005.

Олег Акимов. Зигмунд Фрейд и его апостолы

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/apostoly1.htm>

1. Зигмунд Фрейд

С самого детства Зигмунд Фрейд столкнулся с большой ложью. Когда ему было 3,5 года, у него появилась сестра Анна, которую, однако, зачал не его отец, а его сводный брат, Филипп. Об инцесте узнали жители города. От позора семье пришлось в спешном порядке покинуть Фрайберг, где тогда жили Фрейды, и обходным путем, через Дрезден и Лейпциг прибыть в Вену, где когда-то жила мать Зигмунда, Амалия Натансон.

Затем десятилетний Зиги стал свидетелем еще одного семейного скандала. Его дядя, Иосиф, был осужден на десять лет тюрьмы за изготовление фальшивых денег. Есть подозрение, что Фрейды долгое время жили именно за счет этого криминального бизнеса, так как торговля текстилем у отца, Якоба Фрейда, не приносила прибыли и была, видимо, просто прикрытием. К фальшивомонетничеству был причастен всё тот же Филипп и, очевидно, мать Зигмунда, Амалия, которая с 1851 по 1856 гг. находилась в интимной связи с ним.

Понятно, что дом, в котором происходили подобные события, окутан атмосферой непорядочности. Преступный авантюризм и сексуальная распущенность, наблюдавшиеся в роду Фрейдов, по наследству передались и маленькому Зиги; на всем его последующем творчестве лежат два этих родовых пятна. Обо всём этом более подробно можно узнать из книги «Правда о Фрейде и психоанализ»³⁷.

После посещения начальных классов частной школы Фрейд в 1865 г. поступил в Леопольдштадтскую гимназию на Таборштрассе 24, которую также заканчивали, но чуть позже, его будущая супруга, Марта Бернайс (1861–1951), и ее близкая подруга, Берта Паппенхейм (1859–1936), она же – Анна О. из «Исследования истерии» (см. «Как возник психоанализ». Часть 1, а также читать две следующие части) и Ирма из «Толкования сновидений» (см. «Начало расшифровки сна» {МОИ № 55} и далее). В гимназии он проявил большие способности к литературному творчеству и заучиванию иностранных языков, но к точным и опытным наукам таланта не имел. Поэтому, поступив на медицинское отделение Веского университета, амбициозный молодой человек вскоре потерял интерес к учебе, которая сводилась в основном к изучению химии, гистологии, физиологии и зоологии. В двадцать лет он поступил работать демонстратором в Физиологический институт Брюкке, где быстро сблизился с профессором Эрнстом Флейшлем и известным в городе врачом Йозефом Брейером.

По ходатайству Брейера в середине 1878 г. 22-летний Фрейд устроился домашним врачом в дом Паппенхеймов. В течение 4,5 лет Берта находилась под его неусыпным наблюдением. В указанный период события разворачивались в следующей последовательности. С лета 1879 по лето 1880 г. Фрейд был приписан к гарнизонному госпиталю, но большую часть своего свободного времени он проводит с Бертой. Известно, что свое 24-летие (6 мая) вот-вот демобилизованный старослужащий провел на гауптвахте «за постоянные опоздания и частые самовольные отлучки».

Зигмунд Фрейд (Sigmund Freud)

³⁷ В.Э.: См. {ОЖАК-1 = МОИ № 55}.

Буквально на следующий месяц, в июне 1880 г. у Берты появляются первые симптомы истерии. Я думаю, это связано не только с Фрейдом, но и с тем, что в жизнь девушки вошел еще один мужчина прекрасной наружности – Эрнст Флейшль. Летом 1882 г. нервно-психическое расстройство приобрело настолько угрожающие формы, что ее пришлось поместить в психиатрическую лечебницу, находящуюся вдали от Вены. Ее намеренно отвезли подальше от дома, на границу Германии и Швейцарии, чтобы изолировать как от Флейшля, так и Фрейда, который проявлял к ней не только медицинский интерес.

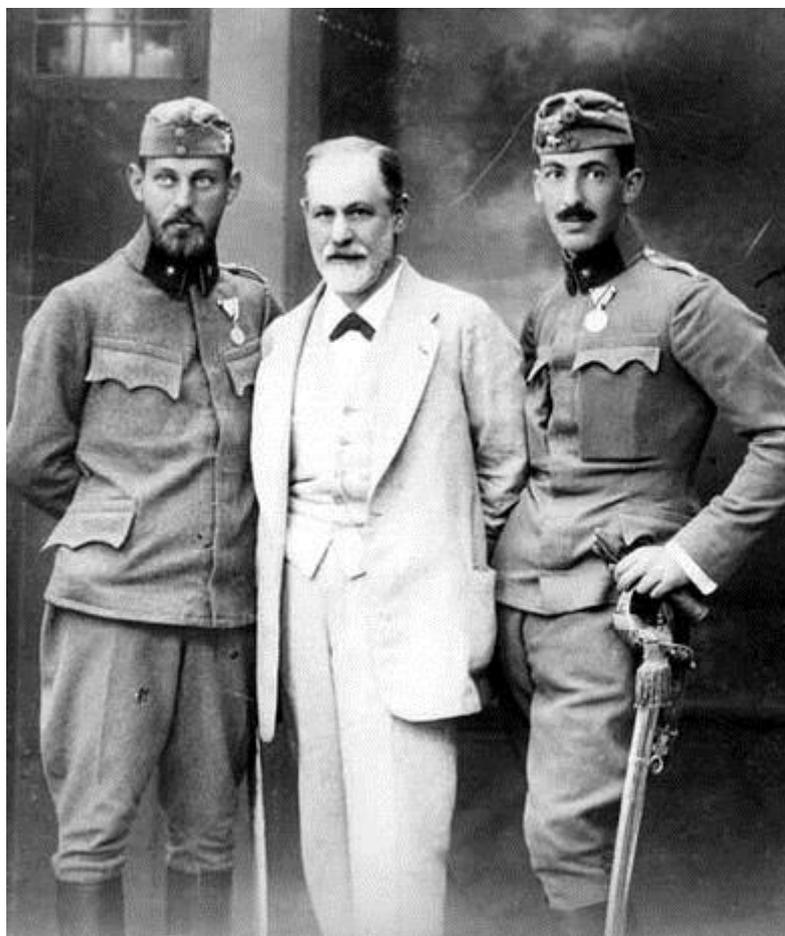
Из «образцового анализа» сновидения об инъекции Ирме (вторая глава книги «Толкование сновидений» [11]³⁸), мы достоверно узнаем, что главной героиней описанных там событий является именно Берта, которую, я предполагаю, с самого юного возраста полюбил Фрейд (см. раздел «Анализ «Анализа» {МОИ № 55}»).

Йозеф Брейер (Josef Breuer)

Эрнст Флейшль (Ernst Fleischl)

Сыновья Фрейда

В лечении Берты, кроме него и Брейера, принимал участие всё тот же профессор Флейшль. Красивая и обаятельная Берта без памяти, как и положено ее впечатлительной натуре, влюбилась в профессора, а он, разумеется, в нее. Неопытный врач, каким тогда был молодой Фрейд, из-за мучительной ревности к своему университетскому другу больше калечил девушку, делая ей инъекции морфина, чем по-настоящему лечил. Молодому ухажеру, замаскировавшемуся под домашнего врача, было строго-настрого запрещено переступить порог дома Паппенхеймов.

³⁸ Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Минск, 1997.

Он устроился в Общегородскую больницу, где пытался работать в различных отделениях, но будучи крайне безалаберным человеком, так и не нашел себе профессию по душе. Бедолага Флейшль – богатый аристократ, баловень судьбы, завсегдатай роскошных салонов Вены – пристрастился к морфину около 1872 г., т.е. задолго до встречи с Бертой. Не найдя в себе сил бороться с этим злом, он в 1891 г. путем передозировки добровольно ушел из жизни. Берту удалось спасти от наркотической зависимости, хотя она после всего случившегося еще много лет страдала нервно-психическим расстройством, развившимся на почве несчастной любви и потребления морфина.

Берта Паппенхейм
(Bertha Pappenheim)

Распространению психоанализа способствовала вся философско-научная и социально-культурная атмосфера рубежа XIX–XX вв., о которой более или менее подробно рассказывается в разделах «Психофизика XIX столетия» и «Эпистемология XIX–XX веков» {МОИ № 56}. Морфин, кокаин, психические расстройства, истерия, гипноз, увлечение мистикой, образование различных эзотерических обществ, возникновение борделей, распространение проституции, развитие сети психиатрических кабинетов, подготовка соответствующего медицинского персонала – всё это было завязано в один тугой узел. Флейшль, Брейер, Фрейд и Берта Паппенхейм, посещавшие светские «тусовки» Вены, конечно же, испытали на себе все прелести того сумасшедшего времени.

Нужно отдельно сказать, что употребление морфина было тогда чрезвычайно распространено в высшем слое общества и, что самое печальное, этот порок никем особенно не осуждался. Поль Реньяр, автор книги «Умственные эпидемии» в главе «Два модных яда – морфий и эфир» подробно описывает эпидемию морфинизма, охватившую Европу в конце XIX в. Он рассказал, что

«утонченные люди ищут в наркотических раздражениях ощущения, которые им больше не доставляют их притупленное воображение и несколько расшатанные нервы. Из этой среды выходят настоящие миссионеры морфиномании...

Всех морфиноманов характеризует одна общая черта – они любят пропагандировать свой порок. Встречаются два приятеля. Один жалуется другому на тоску и грусть: ничего его больше не привлекает, ни светские удовольствия, ни бега, ни театр – он убийственно скучает. Светский человек, тайно предающийся пьянству, не решится посоветовать другому топить горе в вине, но морфий – это лекарство [именно так он тогда воспринимался в среде даже очень просвещенных людей], а поэтому, рекомендуя его, в определенном смысле исполняешь роль врача. А ведь известно, как любят принимать на себя эту роль светские люди» [24,³⁹ с. 199–200].

Зигмунд Фрейд
(Sigmund Freud)

Так распространилась эта смертельно опасная мода на высшие слои европейского общества. Этому способствовало одно немаловажное обстоятельство. Реньяр разъясняет:

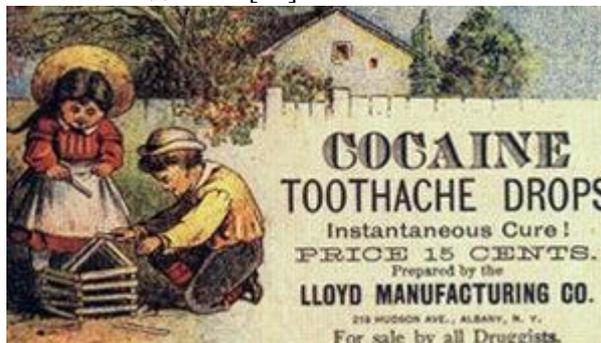
«Страсть к роскоши, охватившая все отрасли промышленности, проникла также и в морфиноманию. Маленький шприц, приспособленный для подкожного впрыскивания морфия и дающий возможность избежать внутреннего приема опиума, горький вкус которого и вызываемая им рвота весьма неприятно действуют на пациента, – этот шприц приобрел остроумные и художественные изменения. Прежде всего, ему придали такую форму, чтобы его можно было легко переносить и вместе с тем без труда прятать. Я обратился к одному из крупнейших парижских фабрикантов хирургических инструментов, и он показал мне целый арсенал современной морфиномании, носящий отпечаток вкуса, роскоши и изобретательности его покупателей» [24, с. 201].

В книге «Умственные эпидемии» приведены превосходно выполненные старинные гравюры с изображением действительно самого настоящего «арсенала морфиномании». Автор показал и описал «инструменты», упакованные в изящные шкатулочки, напоминающие коробки из-под дорогих сигар. Наверняка, Флейшль имел подобные «инструменты» смерти, наверное, очень гордился искусно выполненной инкрустацией своей шкатулки и, как дитя своего времени, широким жестом предлагал своим друзьям и подружкам отведать яда самой высшей пробы.

³⁹ Реньяр П. *Умственные эпидемии*. – М.: Emergency Exit, 2004.

После повсеместного мора мода на потребление тяжелого наркотика, каким был морфин, быстро прошла. Тогда светские люди переключились на более легкий наркотик – кокаин, пропагандой которого интенсивно занялся Фрейд. Этому занятию отведен раздел «Кокаиновая авантюра» {МОИ № 56}, где подробно рассказал, как отец-основатель в течение многих лет пропагандировал, распространял и сам потреблял кокаин. Зная ревнивый и мстительный характер Фрейда, можно не сомневаться, что он, видя, как Берту и Флейшля неудержимо тянет друг к другу, пустил в ход морфин, который давал ему Брейер на проведение лечебных процедур. Об этом мы узнаем из той же второй главы «Толкования сновидений» [11].

Но посмотрите, в какое время жил автор и всё его окружение! Морфин считался лекарством, его пропаганда не считалась преступлением, следовательно, и Фрейд не сделал ничего предосудительного, когда вводил его Берте. Таким образом, возразит мне читатель, мы не должны слишком осуждать родоначальника за то, что он использовал морфин, тем более, как сейчас выясняется, его конечные цели для всех окружающих выглядели вполне гуманно (Берта страдала невралгией) и даже научно.

В.Э.: Реклама кокаина тех лет

В самом деле, представьте себе такую картину. Молодой ученый (предположим на минуточку, что Фрейда интересовала наука) оказывается рядом с пациенткой, у которой появляются симптомы истерии. Он с жадным любопытством исследует развитие заболевания, наблюдает за ее поведением и психическими реакциями, каждодневно ведет дневник наблюдений, пытается понять механизмы возникновения истерических симптомов. Но пока что у него не всё получается: ему никак не удается загипнотизировать больную, поэтому он впрыскивает ей небольшие дозы морфина.

Он видел, как гипнотизируют Флейшль и Брейер, и помнил о господствовавшем тогда мнении: «гипноз есть навязанная истерия»; этот афоризм взят из книги «Исследование истерии» (I,3). Фрейд твердо знал, что истерия, гипноз и наркотическая интоксикация, в принципе, порождают одинаковое психическое состояние «полудрема», когда человек видит сны-галлюцинации, испытывая от всего происходящего наслаждение. «Разве в естественных и гипнотических сновидениях не сбываются наши сладкие мечты? Чем они, собственно, отличаются от наркотического опьянения? Почему бы гипноз ни заменить инъекцией морфина? В чём здесь преступление?» – спрашивал себя основоположник психоаналитической теории.

А вот в чём. Фрейд совершил злодеяние не тогда, когда ввел Берте морфин – здесь он делит более или менее равную ответственность вместе с Брейером и Флейшлем. Он совершил преступление в тот момент, когда решил заняться крупномасштабными (по мелочи это происходило и раньше) фальсификациями своей бесславной биографии. В частности, он произвел подлог своей корреспонденции и засекретил бумаги, принадлежащие не ему, а истории. Многие письма к невесте он позже подделал (см. разделы «Фрейд показывает когти» и «Друг-враг Флейшль» {МОИ № 55}). Письма своей жены, как и письма Брейера, знавшего многое о несчастной пациентке, сегодня не доступны. Опубликованы лишь те их послания, которые не касались трагических событий 1880-х гг. Его сегодняшних душеприказчиков нужно призвать к ответу и потребовать от них рассекретить материалы, связанные с преступлением против Берты. Все его письма, хранящиеся в архиве, необходимо подвергнуть экспертизе, поскольку многие из них были переписаны им или исправлены.

Фрейда можно было бы понять и простить, если бы он честно признался, что колол Берте морфин, а не морочил голову тем, будто Брейер ежедневно вводил ее в гипнотическое состояние и освобождал от истерических симптомов. Ясно, что его наставнику некогда было заниматься одной несчастной девушкой, у него на счету находились десятки тяжелобольных пациентов, известных и уважаемых в городе людей. И он, собственно, не ответствен за привыкание Берты к наркотику. Это его безответственный помощник длительное время впрыскивал ей морфин, а потом сочинил историю болезни Анны О. вместе с фальшивым «сновидением» об инъекции Ирме.

Фрейд – злоумышленник, но не он, а сотни тысяч нынешних психоаналитиков, виновны в том, что психотерапевтическая практика до сих пор не может выкарабкаться из той ямы, куда вверг ее основоположник блудливого учения. Я не стану пока называть имена сегодняшних

«героев» и публиковать списки их «заслуг» перед Отечеством. Пусть они лихорадочно готовят запасные аэродромы для отступления, им всё равно не уйти от ответственности за свои психоаналитические кушетки, мокрые от их либидо. Каждый из них получит по заслугам, дайте только развенчать трупный культ их духовного вождя.

До 1895 г. Фрейд пытался стать ученым более или менее честным путем. Он ошибался в своих теоретических исканиях, возможно, не совсем нарочно хотел выдать желаемое за действительное. Однако унижительные провалы в научной деятельности и зависть к успехам коллег окончательно вынудили его встать на путь тотальной фальсификации научной теории и врачебной практики. Он принял для себя твердое решение порвать все отношения с рационально мыслящими учеными и врачами и обратиться к дилетантам, которые смогли бы принять его как героя-мученика, по достоинству оценить его спекулятивное вероучение и, сплотившись вокруг него тесными рядами, образовать нечто, напоминающее новую церковь. Эту шулерскую игру он начал со статьи «О психическом механизме истерических феноменов», написанной совместно с Брейером и опубликованной в первых двух номерах журнала «Неврологический вестник» за 1893 г. Судя по стилистике и содержанию, ее главным инициатором и вдохновителем был больше Фрейд.

Брейер всю жизнь занимался частными вопросами физиологии, связанными с вестибулярным аппаратом птиц и животных, ответственным за равновесие. Еще в начале 1870-х гг. он совместно со своим научным руководителем, профессором Герингом, опубликовал несколько работ по механизму контроля дыхания посредством *nervus vagus*. Так что Брейер вник в проблемы психиатрии в основном ради Фрейда, который слишком уж увлекся модной, но крайне спекулятивной и во многом псевдонаучной проблематикой. В конце 1892 г. он принял посильное участие в работе, которая, однако, его интересовала мало.

Что же происходит дальше? Фрейд, подобно нерадивому ученику, начал обвинять своего умудренного знаниями и опытом учителя в невежестве, будто тот не понимает тонкой специфики психологических процессов. Как новорожденный жеребец, он стал лягать кормящую его кобылу. Вечно недовольный своим окружением, ищущий неизвестно чего и потому непрерывно озирающийся по сторонам в поисках попутчиков, Фрейд к тому времени сблизился с Вильгельмом Флиссом – дилетантом-ученым и таким же дилетантом-врачом, который приветствовал его сексуальные идеи. В 1897 г. Флисс опубликовал книгу – «Взаимоотношения между носом и женскими половыми органами». Эта узкая тема являлась частью его глобальной теории о взаимосвязи и периодичности всех процессов живой и неживой природы – типичная универсальная «теория всего», которые сочиняются во все времена псевдоучеными. В 1906 г. он опубликовал еще одну книгу – «Течение жизни. Основания точной биологии», в которой изложил более полно свое видение мира. Обретя себе друга, Фрейд потерял всякий интерес к Брейеру. Он писал «ученому-новатору», что ведет «борьбу с господином компаньоном», т.е. со своим соавтором по статье 1893 г. В следующем году разрыв между скучным консерватором-материалистом и первопроходцем революционной психиатрии дошел до того, что они перестали общаться.

Этому способствовало еще одно незначительное для Брейера, но исключительно важное и, главное, обидное для Фрейда обстоятельство. Брейер пошел на повышение: по рекомендации Эрнста Маха (известного в Австрии физика), Эвальда Геринга (научного руководителя) и Зигмунда Экснера (сослуживца по лаборатории Института Брюкке) его избирали в академики. В этой связи родоначальник, естественно, испытал жестокий приступ зависти. Он пытается спешно предпринять шаги по получению профессорского звания, но у него ничего не вышло. Процесс получения профессорского звания растянулся на многие годы и был сопряжен с унижениями, которых не выдержал соискатель (они описаны в разделе «Как Фрейд стал профессором» {МОИ № 55}). Сильные переживания расшатали в конце его нервную систему, у него началась длительная депрессия, он плохо чувствовал себя и физически, и морально, задумывался

Вильгельм Флисс
(Wilhelm Fliess)

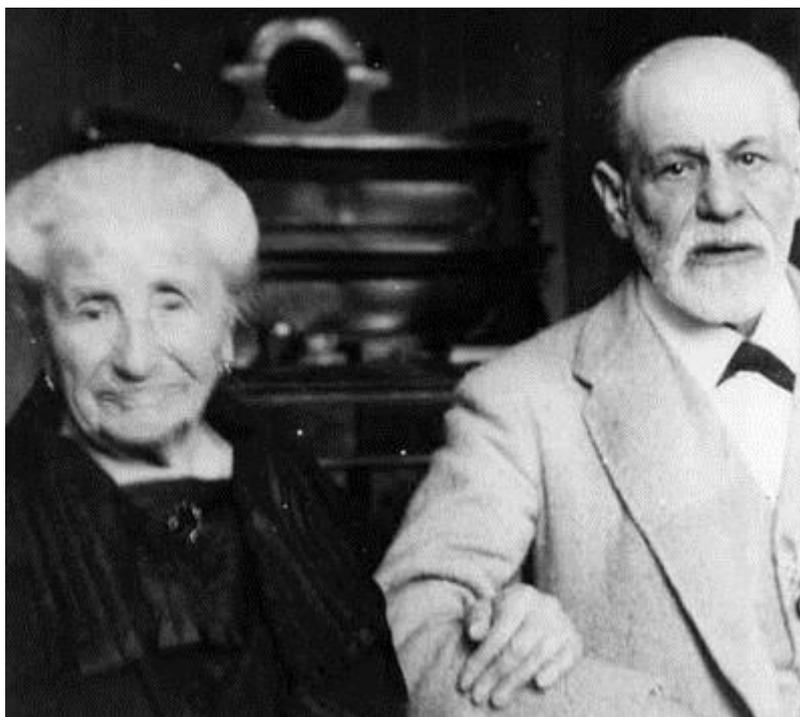

Амалия Натансон

о самоубийстве, разочаровался в семейной жизни (известно, например, что у него прекратились сексуальные отношения с женой).

Но это случилось позже, а тотчас после публикации статьи Фрейд начал уговаривать Брейера написать книгу, в которой он опять же собирался отвести себе роль главного автора. Получив статус соискателя профессорского звания, Фрейд нуждался в большой публикации, в которой мог бы представить результаты наблюдения за истерическими пациентками и кое-какие теоретические выводы. Не представлять же аттестационной комиссии написанную им ранее скандальную книгу по афазии! Однако о какой совместной работе могла идти речь, если один из них стоял на материалистических позициях, другой – на виталистических? У них возникли принципиальные разногласия по вопросам этиологии истерии. Фрейд сам отвернулся от Брейера, а теперь ластился к нему с этой, в данный момент уже несвоевременной просьбой.

Брейер относился к заблуждениям Фрейда по-отечески снисходительно. Он никогда бы не отшатнулся от него, если бы всё дело заключалось в различных взглядах на предмет исследования. Но причины сидели куда глубже – в шизотимической натуре Фрейда. Добросердечный врач, посчитав, быть может, что для его подопечного не миновал период подросткового бунтарства, пошел ему навстречу, дав, тем самым, еще один шанс найти себя в науке. К этому надо добавить, что родоначальник психоанализа умел добиваться своего, создавая доверительную атмосферу общения. Люди готовы были снять с себя последнюю рубашку, лишь бы не расстраивать просящего. Поэтому Брейер сжалился над Фрейдом и передал ему наброски давно написанной статьи, которая не была опубликована во времена их совместной работы.

amalia_freud.jpg

И вот, весной 1895 г. на свет появляется литературно-психологический роман под названием «Исследование истерии», в котором Фрейд, шизотимически раздвоившись на себя и Брейера, изложил свою методику «исцеления» Берты (Анны О.) и других пациенток. Автор представил дело так, будто благодаря новым психотерапевтическим приемам, открытым Брейером, можно полностью избавиться от истерических симптомов. Какой нужно обладать моралью, чтобы утверждать, что пациентка выздоровела, когда точно было известно, что она осталась на долгие годы больной? Много позже он стал уверять, что Берта влюбилась в Брейера, а тот не сумел разглядеть сексуальной подоплеки ее истерии. Всю свою жизнь Фрейд отрицал, что когда-либо видел несчастную девушку, которую он чуть было не отправил на тот свет. Более того, «чудный метод», превративший якобы безнадежно больную в абсолютно здорового человека, он стал пропагандировать как выдающееся изобретение в области современной психиатрии. Фрейд заверял всех, что эффективность психоаналитического метода возросла после того, как он модернизировал брейеровский метод катарсиса. Модернизация коснулась, главным

образом, причин возникновения нервно-психических расстройств. Отец-основатель объявил, что их источником является сексуально травмирующий фактор, возникающий якобы в детстве.

Зигмунд Фрейд
(Sigmund Freud)

Однако сверстанная Фрейдом в 1894–1895 г. книга провалилась, высосанный из пальца психоаналитический метод, который он сфабриковал как средство получения ученого звания, не получил признания в научном мире. Результатом этого стало то, что в 1897 г. ему было официально отказано в профессорском звании. Но путем закулисных махинаций, через одну из своих влиятельных пациенток, имевшую прямой доступ к министру образования, Фрейд в 1902 г. все же добился права рядом со своей фамилией ставить волшебное слово «профессор». После серии скандальных публикаций, в частности, таких работ как «Три очерка о сексуальности» и «Анализ фобии пятилетнего мальчика» откровенно порнографического содержания, он сумел привлечь на свою сторону горстку дилетантов, образовавших сначала небольшой кружок, насчитывающий менее десятка членов. Затем, эта инициативная группа во главе с их закомплексованным на сексе лидером начала медленное восхождение на Олимп мировой славы.

Добавим к сказанному, после выхода «Исследования» произошло окончательное размежевание Брейера и Фрейда. Этот разрыв случился не столько по причинам теоретическим, сколько этическим. Брейер продолжал идти своей дорогой честного ученого и врача. Психоаналитики, не видящие разницы между наукой и ее профанацией, обычно высказывают здесь недоумение: «И зачем он оставил истерию, вернувшись к своим прежним физиологическим исследованиям, когда его ученик добился таких громких успехов на избранном им же самим пути?» Этим досужим историкам невдомек, что психоанализ – не наука, а одна из форм шарлатанства, и ее успех у невежественной толпы является самым большим позором для истинного ученого. Мне приходилось слышать мнение одного горе-историка, который утверждал, что первостепенную роль в зарождении психоанализа сыграли три женщины: Берта Паппенхейм (Анна О.) является открывателем психоанализа, Сабина Шпильерн – первым его теоретиком, а Эмма Экштейн (в соответствии с традиционной точкой зрения, Ирма из «Толкования сновидений») – первый практик, испытывавшая на своем носу действие революционной психиатрии. Ничего более нелепого придумать невозможно.

Подобная мифология возникает от возведения Фрейда в статус богоподобной личности. Психоаналитики не могут и подумать о том, что «святой» Зигмунд обвел их всех вокруг пальца, сочинив легенду, как Брейер, в роли Иоанна Крестителя, участвовал в зарождении нового вероучения. В действительности же, его наставник с грустной иронией смотрел на этого Спасителя человечества. До 1895 г. он еще надеялся наставить своего заблудшего ученика на путь истинный. Но, убедившись в бессмысленности затеи, навсегда отошел от заполошного «Божьего Помазанника». Тем временем Фрейд решительно свернул на обходную дорожку, которой шли его родственники, когда изготовляли фальшивые деньги. Нам не известны конкретные факты его преступной деятельности, поскольку этот аферист уничтожил следы своей авантюристской биографии, но его сочинения, подобно фальшивым купюрам, несут на себе следы мошенничества – их надо только уметь выявлять.

Зигмунд Фрейд
(Sigmund Freud)

2. Мелани Кляйн

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/apostoly2.htm>

Беда нынешнего положения дел в сфере психиатрии состоит в том, что граница между наукой и ее профанацией стерлась. Этот откат назад произошел под влиянием учения Фрейда, который под вывеской уважаемой науки подсунил практикующим врачам-психотерапевтам «куклу». Психоанализ – это мираж; по научной ценности он находится ниже астрологии и хиромантии. Стоило отцу-основателю сказать, что крохотный карапуз, сосущий материнскую

грудь, испытывает сексуальное сладострастье, как сотни журналистов вместе с философами, литераторами и художниками прониклись к «прозорливому психологу» чувством глубочайшего восхищения. «Ну, до чего тонко подмечено!» – стали они восклицать в прессе и околонаучных журналах. Наш психолог рад стараться и дальше: «Если ребенок пукнул, – слышим мы от него, – он испытал особый инфантильный оргазм». И снова шквал аплодисментов с криками: «Да здравствует гениальный психолог, создавший великую концепцию детской сексуальности!» И вот уже, в соответствии с его теорией сублимации, энергию зловонных газов, сжатых в прямой кишке, пытаются направить на созидание великих произведений науки. В действительности Фрейд только называл себя ученым, в молодые годы хотел им стать, но шизотимическое устройство его психики помешало осуществлению этого замысла. Его неприветливость принималась за серьезность, а сосредоточенность на одном и том же предмете – сексуальности – за строгость выводов. Однако весь строй мыслей и образ жизни венского психоаналитика показывают, что мы имеем дело с грандиозной аферой.

Бесславной жизни Фрейда и его многочисленным фантастическим теориям посвящены две моих книги ([1] и [2])⁴¹, а также первый раздел настоящей работы, в основу которого легла ранее опубликованная в сети статья – «Фрейд как основатель ложной теории и практики». Теперь обратимся к его наиболее известным ученикам и последователям. Этот подраздел посвящен Мелани Кляйн, хотя начнем мы его не с неё. Прежде необходимо упомянуть, что в психоаналитической теории видное место отведено инфантильному эротизму и травмирующим факторам, возникающим в детстве. Однако кроме «Анализа фобии пятилетнего мальчика» [3,⁴² с. 39–121], в большей своей части сочиненного Фрейдом по воспоминаниям собственного детства, других работ на эту тему в арсенале психоаналитиков не было. Они испытывали острую необходимость в написании работ, посвященных детям.

Мелани Кляйн
(Melanie Klein)⁴⁰

И вот член Венского психоаналитического общества, Гермина Гуг-Гельмут в 1915 г. объявила о скором выходе в свет «Дневника девочки-подростка», в котором будут представлены инфантильные переживания, связанные с сексуальностью. Как было сказано, Гуг-Гельмут занималась лишь редактированием подлинного текста, целиком написанного девочкой. Фрейд поддержал ценное с точки зрения науки начинание; его письмо к инициатору столь нужного дела послужило введением к вышедшим в 1919 г. дневниковым записям. В письме говорилось:

«Дневник – это маленькая жемчужина. Я действительно считаю, что до сего времени еще никому не удавалось с такой ясностью и достоверностью проникнуть в суть психических импульсов, характеризующих развитие девочки нашего социального и культурного уровня в годы, непосредственно предшествующие периоду полового созревания... Я думаю, что опубликовать дневник – Ваш долг. Мои читатели будут Вам за это весьма благодарны» [4,⁴³ с. 96].

Вскоре после выхода «Дневника» произошло то, что должно происходить со всеми произведениями психоаналитиков, но почему-то не всегда происходит, – разоблачение. Лучано

⁴⁰ В.Э.: Из Википедии: «**Мелани Кляйн** (нем. *Melanie Klein*; 30 марта 1882, Вена – 22 сентября 1960, Лондон). Родилась в еврейской семье Морица Райзеса и Любуши Дейч. Знакомство Мелани с психоанализом состоялось в Будапеште в 1914–1915 гг., знакомство с Фрейдом – в 1918 году на 5-м Международном Конгрессе в Будапеште. Наблюдения за играми собственных детей 2–3 лет привели её к выводу, что именно на этот возраст приходится формирование Эдипова комплекса. Кляйн прошла психоаналитический курс у Шандора Ференци и по его совету стала профессионально заниматься психоанализом. В 1926 г. Кляйн переехала из Германии в Лондон, где издала монографии «Психоанализ детей» (1932) и «Зависть и благодарность» (1957). В 1942–44 гг. вела оживлённую полемику с Анной Фрейд по поводу пересмотра ряда положений учения её отца, в особенности касающихся проявлений агрессии в детском возрасте. Кляйновский психоанализ – единственная неофрейдистская школа (помимо лакановской), принимающая существование влечения к смерти».

⁴¹ В.Э.: Ссылки неверные – в списке литературы под этими номерами стоят работы: Грицак Е.Н. и Орлов М.А. Работ Акимова в списке нет.

⁴² Фрейд З. *Анализ фобии пятилетнего мальчика* / Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1990.

⁴³ Мекаччи Л. *Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа*. – М.: Смысл, 2004.

Мекаччи пишет: *«именно она, зрелая женщина сорока с лишним лет, создала этот дневник и приписала его авторство девочке, которая только открывала для себя свое тело и душу»*. Вскоре после разоблачения «Дневник» был изъят из книжных магазинов, но потом переиздан и даже переведен на другие языки.

Мекаччи ничего не говорит о том, знал ли заранее Фрейд о готовящейся фальсификации. Но по сути дела Гуг-Гельмут ничего предосудительного не сделала: она более или менее точно изложила свои представления об инфантильных переживаниях, сохранившихся у нее с детства. Аналогично поступал и Фрейд: в характере Ганса, если не всё, то очень многие черты принадлежат маленькому Зиги. Весь психоанализ пронизан литературно-художественным вымыслом. Вовсе не требуется искать следы какого-то сговора между Фрейдом и Гуг-Гельмут, чтобы доказать научную несостоятельность используемых приемов. Просто будьте более внимательны при чтении психоаналитических текстов, и вы легко ощутите жульническую психологию их авторов. Мне неизвестно, как именно был раскрыт обман с «Дневником», однако те психоаналитические книги, которые мне приходилось читать о детях, насквозь фальшивы: дети не мыслят и не ведут себя, как это изображают последователи Фрейда.

С Гуг-Гельмут случилась трагедия. Итальянский историк рассказал, что в 1924 г. ее задушил племянник, который пытался украсть у нее деньги. Когда тетя поняла, что хочет сделать подопечный, отданный ей на перевоспитание, тот набросился на нее с подушкой, задушил, а для надежности затолкал ей в рот носовой платок. Есть в этой ужасной смерти пионера в исследованиях детской души, погибшей от рук ребенка, нечто символическое. Все психоаналитики, занимающиеся детьми, были так или иначе наказаны ими, поскольку абсолютно не понимали их. Впрочем, нужно признать и тот факт, что Гуг-Гельмут была слишком плохим психотерапевтом. Для своей критики нам нужно подыскать более достойную кандидатуру. Кляйн, я уверен, годится для такой цели, поскольку считается наиболее выдающимся специалистом по детским душам.

Она родилась в 1882 г. в Вене, изучала историю и искусство в Венском университете. После окончания университета девушка уехала в Будапешт, вышла там замуж и родила дочку. О Фрейде и его учении Мелани тогда ничего не слышала. Ее муж, Артур, был знаком с братом Шандора Ференци. Где-то в 1914–1915 гг. Мелани услышала о психоанализе и заинтересовалась им. В 1917 г. она явилась на прием к известному психоаналитику Ференци, который взялся ее анализировать. Одновременно Мелани сама принялась с энтузиазмом анализировать пятилетнего Фрица – сына ее родственников, который, как говорили его родители, несколько отставал в умственном развитии от своих сверстников. Надо ли говорить, что психоаналитик-дебютант причину отставания усмотрела в отклонениях сексуального характера. Эта «оригинальная» версия и была изложена в первой психоаналитической работе Мелани, которая называлась так: «О развитии одного ребенка. Влияние сексуального просвещения и отказа от авторитета на интеллектуальное развитие ребенка». В 1919 г. Кляйн вступила в Венгерское психоаналитическое общество, причем указанная работа послужила своеобразным пропуском в тайный мир психоаналитиков.

Работа с Фрицем и с ее собственным сыном Эрихом продолжалась в течение нескольких лет. В 1921 г. была опубликована итоговая работа «Развитие ребенка». Лучано Мекаччи пишет, что мать очень хотела, чтобы Эрих был таким же славным малым, как и сын её родственников. Она надеялась, что в результате анализа любимое чадо перевоспитается в лучшую сторону. В письме к Ференци она прямо так и написала:

«Я хотела бы превратить моего сына Эриха в малыша Фрица, сына моих родственников, мать которого точно следовала моим инструкциям и с которой я могла часто видаться в неформальной обстановке. Если во всем исследовании я заменю имя «Эрих» на «Фриц», а вместо «я» стану писать «мать», мне кажется, перевоплощение будет полным» [4,⁴⁴ с. 44–45].

Это «первоплощение» состоялось только на бумаге: дурной Эрих в действительности так не превратился в хорошего Фрица. Однако в книге была продемонстрирована беспримерная «эффективность» психоанализа: желаемое выдавалось за действительное. Так что читателю казалось, что автор в процессе реального воспитания «вылепила» из скверного мальчугана добродушного малыша: психологии обоих анализируемых детей у автора удивительным образом смешались. Мекаччи пишет:

⁴⁴ Мекаччи Л. *Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа*. – М.: Смысл, 2004.

«Кляйн не только выдумывает историю своего сына, интерпретируя ее в соответствии с собственной теоретической моделью, но и включает ее внутрь другой истории – истории самой Кляйн, которая вошла в жизнь Фрица и его матери. Мать, задающая сыну вопросы о том, как, по его мнению, происходит процесс совокупления в целях зачатия, производит странное впечатление. Фриц думает, что дети сделаны из молока, но мама поправляет его в духе образовательных принципов психоанализа» [4, с. 45].

Мекаччи приводит отрывки из книги Кляйн, которые сильно напоминают диалоги из «Анализа фобии пятилетнего мальчика», написанные Фрейдом. Вот несколько реплик из диалога Фрица с матерью.

Мать объясняет Фрицу:

«Мамина пипка похожа на дырочку. Если папа вложит свою пипку в мамину и впрыснет в нее семя, то семя побежит внутрь мамы, и когда оно встретится с одним из маленьких яичек внутри мамы, это маленькое яичко начнет расти и станет ребенком». Фриц: «...я хотел бы сделать это с мамой». – «Так нельзя. Мама не может быть твоей женой, она уже жена папы; тогда у папы не будет жены». – «Но мы можем оба делать это с ней». – «Нет, так нельзя. У каждого человека только одна жена. Когда ты вырастешь, мама уже состарится. Тогда ты женишься на молодой и красивой девушке, и она будет твоей женой». В беседе с сыном кое-что поняла и сама мама: «Я сказала ему, чтобы он представил себя на месте мамы и захотел, чтобы папа сделал с ним то же, что делал с ней; но он боится (так же, как, по его мнению, должна бояться мама), что, если эта палочка – папина пипка – окажется в его пипке, ему будет больно и что тогда в его животе и желудке всё будет разрушено» [4, с. 46].

Кляйн, как и Фрейд, считает необходимым сообщать все эти сведения пятилетним детям и вот почему.

«Если мы позволим ребенку получать всю интересующую его информацию о сексе по мере того, как в нем растет жажда познания, – пишет она, – мы лишим сексуальность ее таинственности и сделаем ее куда менее опасной. Это даст гарантию, что желания, мысли и чувства не будут – как это произошло с нами – частично вытеснены и, если вытеснение пройдет неудачно, частично сохранены под бременем ложного стыда и невротических переживаний. Предотвращая это вытеснение и появление груза ненужных страданий, мы, к тому же, закладываем основы здоровья, душевного равновесия и благоприятного развития характера» [4, с. 47].

Мекаччи приведенные строки снабжает своими комментариями, но, по-моему, текст Кляйн прекрасно говорит сам за себя. Кому непонятно, что любовь, лишённая романтизма, превращается в циничный и холодный секс? Под видом просвещения автор занималась растлением своего ребенка. Мекаччи сообщает также, что Кляйн анализировала еще двоих своих детей, Ганса и Мелитту, которых закодировала именами Феликс и Грета (эти же дети фигурировали в других ее работах под именами Эрнст и Лиза). Поскольку ее троих детей анализировали еще несколько психоаналитиков, то на одних и тех же детях получился большой цикл «познавательных-воспитательных» работ.

Мекаччи приводит отрывки весьма необычного содержания, например, такой:

«Грета вела первую партию в школьном хоре. Однажды руководительница подошла к ней очень близко и заглянула ей прямо в рот. В этот момент Грета почувствовала непреодолимое желание обнять и поцеловать ее. Кроме того, в ходе анализа выяснилось, что периодически возникавшее у девочки заикание вызывалось сосредоточением либидо на говорении и пении. Повышение и понижение голоса и движения языка символизировали коитус» [4, с. 50].

Любопытно узнать плоды воспитания, которые оставила Кляйн. Мекаччи пишет, что Ганс во время прогулки в горах трагически погиб, но его сестра Мелитта уверяла, что это было самоубийство, так как он сам бросился в пропасть. В отношении Мелитты Мекаччи пишет:

«Долгие годы она не общалась с матерью. Когда Мелани в сентябре 1960 г. умерла, Мелитта, которая тоже была в Лондоне, не присутствовала на похоронах. Биограф Мелани отмечает: «В этот самый день Мелитта, оставалась до конца непреклонной, читала в Лондоне лекцию в ярко-красных сапогах» [4, с. 51–52].

Семейная жизнь у Мелитты, как и ее матери, не сложилась. Сначала она сошлась с другом матери врачом-психоаналитиком Эдвардом Глоувером, но как написал Мекаччи, «*между ними не было романтических отношений*»; «*их видели держащимися за руки на каком-то международном конгрессе*». Однако это было далеко от настоящей любви: Эдвард «*обрел в ней замену дочери, страдавшей синдромом Дауна*». Мекаччи также сообщает, что Глоувер

«развязал жесточайшую кампанию по дискредитации Мелани, виновной, по его мнению, в том, что она внесла опасный раскол в оригинальную психоаналитическую теорию Фрейда».

Оставив Эдварда, Мелитта вышла замуж за алкоголика, наркомана и гомосексуалиста Вальтера Шмидеберга, который рано умер от язвы желудка.

«Долгое время, – пишет Мекаччи, – Вальтер был частым гостем в венском доме Зигмунда Фрейда, а в тяжелые годы первой мировой войны снабжал его семью продовольствием и помогал делать необходимые запасы. В Лондоне Вальтер и Мелитта тоже нередко навещали семью Фрейда (куда входила и Анна, соперница ее матери)» [4, с. 51].

Здесь необходимо сделать некоторые разъяснения.

Впервые с Фрейдом Мелани Кляйн познакомилась в 1918 г. в Будапеште на V Международном конгрессе психоаналитиков, где он выступил с докладом «Пути психоаналитической терапии». В 1920 г. на VI Международном конгрессе, проходившем в Гааге, она сошлась с Карлом Абрахамом и последовала за ним в Берлин. В то время он помимо Берлинской возглавлял Международную психоаналитическую ассоциацию. Рассказывают, будто она «анализировала» его, хотя искушенные люди понимают, что в действительности может скрываться за откровенно интимными беседами, длившимися часами на протяжении нескольких лет. В 1925 г. Абрахам умер, но он успел познакомить Кляйн почти со всеми известными психоаналитиками Европы. Особенно близкими ее друзьями стали англичане – Эрнест Джонс, Эдвард Глоувер и жена издателя полного (стандартного) собрания сочинений Фрейда на английском языке, Аликс Стрейчи. Джонс предложил ей переехать в Лондон, где она присматривала за его двумя детьми и попутно, естественно, анализировала их.

К середине 1940-х годов в Лондоне сложилась ядро кляйновской группы, которая по вопросам детского психоанализа резко расходилась с воззрениями континентальных «ортодоксов». Обладая властным характером, Кляйн сумела убедить Джонса, Глоувера, супругов Стрейчи в своей правоте. Сначала несчастной Анне Фрейд противостоял сплоченный «женский батальон», состоящий из дочери Мелани Кляйн, Мелитты Шмидеберг, Джоан Ривери, Сюзан Айзекс и Паулы Хайманн. Но потом из-за несносного характера и авторитарных методов правления лидера группа развалилась, и прежние союзницы по ожесточенным идейным баталиям вскоре ополчились против своего бывшего лидера. Этому способствовало одно важное обстоятельство.

Дело в том, что образование Мелани Кляйн не соответствовало тому, чем она потом занималась всю свою жизнь. Поэтому в среде врачей-психоаналитиков, имеющих медицинское образование, поднялось недовольство, вылившееся впоследствии в дискуссию о психоаналитиках-дилетантах. Кстати сказать, к категории дилетантов относилась и Гуг-Гельмут, имевшая философское образование. Основным «теоретическим» вкладом этого философа-психоаналитика была следующая банальная идея: раз мы имеем дело с детьми, говорила она, значит, при их анализе должна была использоваться игра. Гуг-Гельмут только и занималась тем, что интерпретировала с точки зрения учения Фрейда поведение детей в играх. Кляйн продолжила дело своей подруги, расширив круг анализируемых детей: если Гуг-Гельмут общалась с детьми шести лет и старше, то Кляйн занималась и новорожденными.

Разумеется, истолкование детской «свободной игры» (по аналогии со «свободной ассоциацией») не могло не породить произвола. Например, если девочка возмущенно швыряла игрушку на пол, то Кляйн говорила, что эта агрессия непременно направлена почему-то на отца, хотя явных признаков для такого вывода не существовало. То же самое наблюдалось и в других случаях. Если мальчик, играясь в паровозики, сталкивал их друг с другом, она видела в этом символическое выражение якобы подсмотренного им полового акта между родителями. В среде психоаналитиков развернулась дискуссия по поводу такой произвольной трактовки детских шалостей. В первых рядах противников кляйновской интерпретации встала Анна Фрейд.

Чтобы выяснить суть ее возражений, нужно прежде хорошо знать теоретическую платформу Мелани Кляйн. Для этого лучше выбрать какую-нибудь конкретную работу и детально проанализировать ее содержание. Выше рассказывалось о первых шагах психоаналитика, сейчас обратимся к более зрелой работе, написанной мастером. Сразу по окончании второй мировой войны вышла большая ее работа под названием «Эдипов комплекс в свете ранних детских тревог». Это – вполне достойный предмет для нашего внимания. Не скрою, мое внимание кроме всего прочего было приковано любопытными рисунками, выполненными якобы мальчиком по имени Ричард, к которым автор дала не менее интересные комментарии.

Работа Кляйн о Ричарде начинается примерно так же, как и процитированная Мекаччи работа о Фрице. Некие родители обратились к автору-аналитику за помощью ввиду того, что их десятилетний сын «стал очень бояться детей, и из-за этого страха всё больше и больше избегал самостоятельно куда-либо ходить» [5,⁴⁵ с. 31]. «Развитый и одаренный ребенок» бросил школу и впал в депрессию. Автор сообщает читателю важную информацию, которая должна ему сразу же объяснить, что: «период грудного вскармливания у Ричарда был кратким и неудовлетворительным» [5, с. 32]. Психоаналитик безошибочно вам скажет: у мальчишки, наверняка, развился невроз орального типа. По ходу текста Кляйн говорит о других вещах, которым далее суждено сыграть решающую роль. Например, она как бы между прочим упомянула: мать «не понимала, что сын ее сильно любит» [5, с. 33], а отец «гордился сыном и был с ним достаточно добр». Начиная с Фрейда, вся психоаналитическая литература пишется по законам детективного жанра, когда, казалось бы, малозаметные детали, упомянутые вначале, становятся главными в конце произведения.

При анализе Ричард рисовал, например, осьминога с человеческим лицом. «Он означает, – поясняет Кляйн, – его отца и отцовские гениталии в их угрожающих аспектах и был позже бессознательно приравнен к «чудовищу»» [5, с. 35–36]. Мышление ребенка оказалось удивительно символическим: «Он объяснил, что черный цвет был его отцом, и сопровождал движение карандаша подражанием звуку марширующих солдат». Красный цвет означал самого Ричарда («беря карандаш, [он] спел веселую мелодию»), синий цвет – маму, фиолетовый – брата. Узор, раскрашенный в четыре названных цвета, изображал карту. Оказывается, Ричард проявлял большой интерес к событиям второй мировой войны. «Мать на его рисунках олицетворяла империю, которая подвергалась нашествию его отца (он – олицетворение вражеской силы). Ричард и его брат выступали на картинках в различных ролях – иногда как союзники матери, иногда как союзники отца» [5, с. 36–37].

Самым поразительным в психоанализе Кляйн было то, что свои картинки мальчик рисовал бессознательно, по методу свободных ассоциаций. Кляйн поясняет: «Он начинал рисовать, не имея никакого предварительного плана, и часто удивлялся тому, что получалось». Его рукой с карандашом водило по бумаге невидимое Оно, которое изображало рисунок непонятный для мальчика, но понятный для прозорливого ума Мелани Кляйн.

Не нужно быть большим психологом, чтобы разгадать план автора. Скорее всего Кляйн сама нарисовала шесть однотипных узоров и раскрасила их четырьмя красками (рис. 1). Каждый узор – этап изменений «европейской карты»; автор соотносила его с ходом боевых действий второй мировой войны и одновременно с определенной фазой избавления ребенка от депрессии и страха. В зависимости от фазы Кляйн усматривала в узоре то папины гениталии, то синюю птицу-мату, то еще что-нибудь. По ходу интерпретации бессмысленных рисунков она раскрывала объявленную в заголовке книги тему. Подобная процедура толкования произвольно выбранных образов сродни гаданию китайцев по трещинкам на черепашьих панцирях или по случайно брошенным веточкам тысячелистника.

Приведу интерпретацию Кляйн первого узора.

«Узор 1 выражал его [Ричарда] тревогу за тело матери, подвергавшееся нападению плохого Гитлера-отца (бомбы, грозы, ядовитые поганки). Как мы увидим при обсуждении его ассоциаций с узором 2, вся империя означала тело матери, оно было проткнуто его собственными гениталиями. На узоре 1, однако, прокол осуществлялся тремя гениталиями, представлявшими трех мужчин в семье: отца, брата и его собственными. Мы знаем, что на той сессии Ричард выразил свой ужас перед половым актом. К фантазии о разрушении, угрожавшем его матери со стороны плохого отца, добавилась угроза ей от агрессии Ричарда, поскольку он идентифицировал себя со своим плохим

⁴⁵ Кляйн М. Эдипов комплекс в свете ранней тревожности / Эдипов комплекс и эротические сны. – М.: NOTA BENE, 2002.

отцом. Его брат также выступал как нападавший. На данном рисунке его мама (голубой цвет) содержит в себе плохих мужчин или, в конечном итоге, их плохие гениталии; поэтому ее тело подвергается опасности и является опасным местом» [5, с. 43].

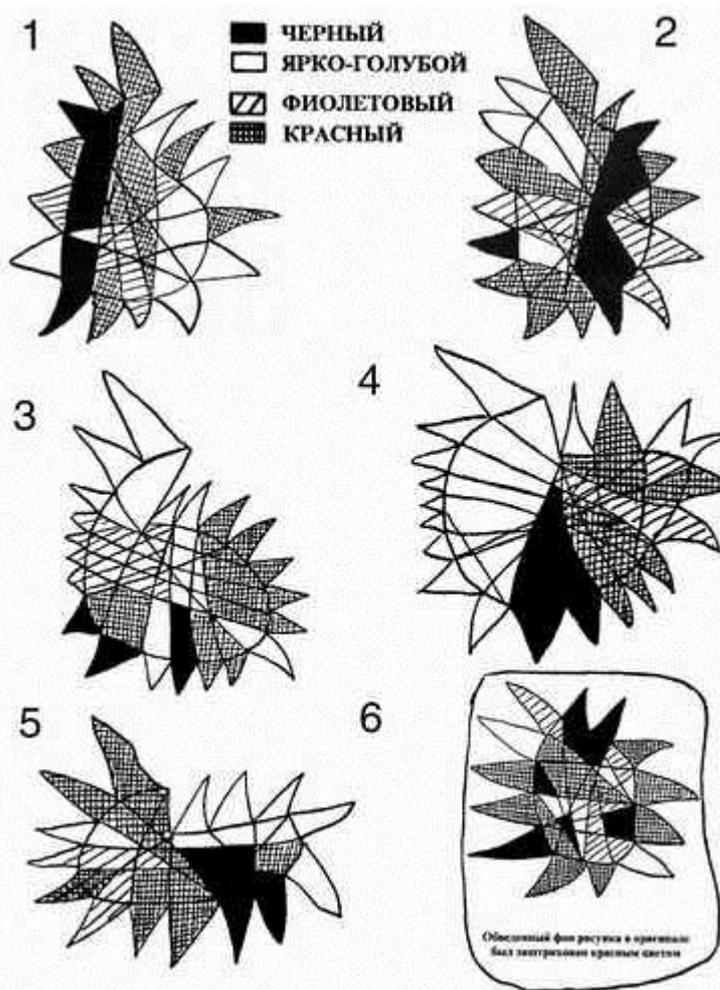

Рис. 1

По ходу военных действий возникают альянсы отдельных стран, направленные на подавление Гитлера-отца. Вот какое толкование сделала Кляйн к одному из своих промежуточных узоров.

«Узор 4 иллюстрирует тот же материал, но несколько иначе. Раскрашивая голубые сегменты, Ричард стал напевать национальный гимн и объяснил мне, что его мама была королевой, а он сам королем. Ричард стал отцом и приобрел гениталии могущественного отца. Когда он закончил рисунок и посмотрел на него, то сказал, что в нем было «много мамы» и его самого, так что они «действительно могли побить папу». Он показал мне, что в рисунке было мало плохого папы (черного цвета). Поскольку отец был превращен в безобидного младенца, то уже не было, как кажется, необходимости побеждать его...

Раскрашивая фиолетовые сегменты, Ричард напевал норвежский и бельгийский гимны и произнес: «Он нормальный». Малое количество фиолетовых сегментов (по сравнению с голубыми и красными) указывает, что его брат тоже был превращен в маленького ребенка. Напевание гимнов двух малых стран-союзниц показало мне, что слова «он нормальный» относились к его отцу и брату, ставшими безобидными детьми... Ричард чувствовал, однако, что не мог устранить отца в его опасных проявлениях. Более того, его собственные фекалии – пока они бессознательно отождествлялись с черным отцом – казались ему источником опасности и тоже не могли быть устранены» [5, с. 60–62].

Можно заранее предсказать, что последний рисунок будет символизировать полную победу Ричарда («Красной России») над черным Гитлером-отцом.

«Когда Ричард завершил рисунок этого узора, – пишет Кляйн, – он обвел его линией и заштриховал фон красным цветом. Я сочла, что это означало его «внутренность», содержавшую папу, маму, брата и его самого в отношении друг с другом. В своих ассоциациях к данному рисунку он выразил собственное удовлетворение увеличением количества голубых сегментов, т.е. его матери. Он также сказал о своей надежде, что брат будет его союзником. Его ревность к брату часто заставляла подозревать его и бояться соперника. Он далее указал, что один из черных сегментов был полностью окружен его мамой, братом и им самим. Подразумеваемый смысл состоял в том, что он вступил в союз с любимой внутренней мамой против опасного внутреннего отца... Вера в хорошую внутреннюю мать служила ему самой большой поддержкой. С усилением такой веры всегда устанавливалось ощущение надежды, уверенности и большой безопасности» [5, с. 73–75].

Подтасовку с узорами Мелани Кляйн для разнообразия дополнила еще одним рисунком, на котором изображены океан с рыбами, дно океана с водорослями и морскими звездами; на поверхности океана плавают два корабля с британскими флагами под названием «Санфиш» и «Родни» (рис. 2).

«Растения под поверхностью воды, – разъясняет Кляйн, – означали мамины половые органы (обычно имелись два растения с пространством между ними). Растения также означали груди его матери, и если одна из морских звезд находилась между растениями, то это обязательно значило, что ребенок был во власти материнской груди или совершал с матерью половой акт. Зазубрины на контуре морской звезды означали зубы и символизировали младенческие орально-садистские импульсы... Он также отметил, что перископ «Санфиш» воткнут в «Родни». Я сказала ему, что «Санфиш» (Sunfish) означает его самого (т.к. sun замещает son – «сын»), а перископ, воткнутый в «Родни» (его маму) – его половое сношение» [5, с. 57–58]. Ричард жаждал «совершить половой акт с мамой, – пишет аналитик. – Это подразумевало, что он пытался занять место своего отца и поэтому ожидал, что отец будет подозревать его» [5, с. 59].

Отсюда проистекает постоянно испытываемый сыном страх.

Такова конкретная интерпретация изображенных на рисунке деталей. Но помимо этой непосредственной интерпретации существует толкование более высокого уровня. Кляйн пишет:

«Представленный в настоящем разделе материал показывает, что позитивная эдипова ситуация и генитальная позиция стали проявляться более полно... Прежде Ричард... представлял себя в роли ребенка, поскольку под давлением тревоги он убежал в идеализируемую роль удовлетворяемого и любящего младенца. Теперь он впервые заявил, что его не было среди детей [рыб] на картинке. Это показалось мне еще одним указанием на усиление его генитальной позиции. Он почувствовал, что мог вырасти, стать сексуально потентным. Поэтому в фантазиях он мог делать со своей мамой детей, и ему больше не нужно было ставить себя в положение младенца» [5, с. 58–59].

Мелани Кляйн не только интерпретировала рисунки Ричарда, но и играла с ним, используя игрушечные кораблики. Если он ставил кораблики рядышком, то это, по мнению автора, означало половой акт родителей, впрочем, не только родителей.

«Несколькими днями раньше, как мы видели, произошел похожий случай во время игры с корабликами: «Вампир» (Ричард), коснулся «Родни» (своей матери). В тот момент это привело к резкому изменению игры, вызванному опасением Ричарда, чтобы орально-садистские импульсы не взяли верх над его генитальными желаниями. В течение последующих нескольких дней, однако, тревожность в определенной мере облегчалась, агрессия уменьшалась и одновременно некоторые из способов защиты усилились, поскольку похожий игровой инцидент (во время морской прогулки его корабль коснулся моего) мог теперь произвести, не усилив тревогу и регрессию его генитальных желаний» [5, с. 53–54].

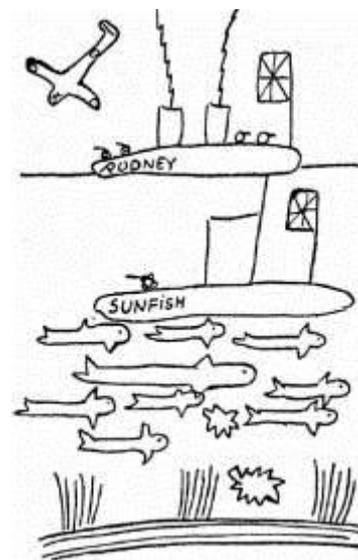

Рис. 2

Таким образом, игра в кораблики подтверждала неизменные сексуальные фантазии периодически возникавшие в голове Ричарда, когда он рисовал картинку с корабликами. Аналогичное подтверждение в справедливости интерпретации узоров Кляйн получила, когда наблюдала за игрой Ричарда с мелками. Она пишет:

«Ричард взял голубой и красный мелки (его мама и он сам) и поставил их рядом на столе. Затем черный мелок (его отец) был подвинут к ним и отодвинут красным мелком, тогда как голубой мелок отодвигал фиолетовый мелок (его брата). Эта игра выражала желание Ричарда, чтобы его мать в согласии с ним прогоняла опасных отца и брата. Его мать, как сильная фигура, борющаяся с плохими мужчинами и их опасными гениталиями, появилась так же в узоре 2, когда он сказал, что раскрашенная голубым мама на западе готовилась воевать с востоком и отвоевать там свои страны» [5, с. 73–75].

Автор этих бесподобных по своей наивности вымыслов, естественно, наделяла мифических героев шизотимическими свойствами. Она пишет:

«Ранее детское расщепление материнской фигуры на плохую и хорошую «кормящую мать» как способ справиться с амбивалентностью было очень заметно у Ричарда. Такое разделение развилось далее в деление на «кормящую» мать, которая была хорошая, и «генитальную» мать, которая была плохой. На данной стадии анализа его реальная мать занимала место хорошей «кормящей матери», тогда как я стала плохой «генитальной матерью», возбудив у него тем самым агрессию и страхи, связанные с этой фигурой. Я стала матерью, травмированной отцом в половом акте или объединившейся с плохим Гитлером-отцом» [5, с. 45].

Вообще, проблема шизотимии была для Кляйн одной из основных. В конце 1946 г. она представила на суд Британского психоаналитического общества свою работу под названием «Заметки о некоторых шизоидных механизмах», где говорится, что «младенец расщепляет на «хорошую» (удовлетворяющую) и «плохую» (фрустрирующую) грудь». Ребенок атакует плохую материнскую грудь.

«Постепенно эти атаки трансформируются в фантазии нападения на тело матери всевозможными садистскими способами. Орально-садистские импульсы, выражающиеся в стремлении лишить материнское тело всего хорошего содержимого, и анально-садистские импульсы, выражающиеся в стремлении наполнить тело матери экскрементами (включая желание проникнуть внутрь ее тела, чтобы контролировать ее изнутри), дают начало возникновению у младенца страхов преследования, играющих важную роль в развитии паранойи и шизофрении» [6,⁴⁶ с. 425–426].

Через экскременты, которыми младенец хочет наполнить мать, он отторгает «плохие» части своей «самости», а

«поскольку мать становится вместилищем плохих частей самости младенца, ...младенец ощущает ее как плохую самость. Ненависть по отношению к различным частям собственной самости в значительной мере направляется теперь на мать. Это приводит к появлению специфических форм идентификации, которые образуют прототип агрессивного отношения к объекту» [6, с. 436–437].

По мере развития ребенка механизмы расщепления принимают участие в формировании двух классических половинок психики – *Оно* и *Супер-Я*.

«Процессы расщепления *Эго* и внутренних объектов, – пишет Кляйн, – приводит к ощущению, что *Эго* разбито на части. Подобное ощущение равносильно состоянию дезинтеграции. В нормальном развитии переживаемые младенцем состояния дезинтеграции являются переходными. Среди прочих факторов, помогающих преодолеть эти шизоидные состояния, можно особо выделить удовлетворение, получаемое от хорошего внешнего объекта. Способность младенца справиться с временными шизоидными состояниями тесно связана с огромной способностью к восстановлению и высокой эластичностью психики ребенка. Если же состояния расщепления, а, следовательно, дезинтеграции, которую не способен преодолеть *Эго*, наблюдается слишком часто и

⁴⁶ Кляйн М. *Заметки о некоторых шизоидных механизмах* / Развитие в психоанализе. – М.: Академический Проект, 2001.

длаться слишком долго, то это, на мой взгляд, следует рассматривать как явный признак шизофренического заболевания, проявляющегося в младенчестве» [6, с. 439–440].

Все эти рассуждения, разумеется, не базируются на каких-то эмпирических данных. Кляйн проецирует свое безграничное пространство шизотимического мышления на очень ограниченное пространство младенца, психика которого немногим отличается от психики котенка. Высасывание младенцем молока из материнской груди (орально-садистские импульсы) или выделение им экскрементов (анально-садистские импульсы) происходят инстинктивно, поэтому у него не может возникнуть страха преследования. Автор усвоила мысль, высказанную Эрнстом Кречмером и Эйгеном Блейлером, о том, что шизофрения есть расщепление психики больного. Теперь она стала эту расщепленность приписывать всем грудным детям. Но что может служить причиной расщепления, когда вся деятельность новорожденного сводится к поглощению материнского молока и выделению экскрементов? Значит, решает психоаналитик, для него существует «хорошая» и «плохая» грудь или «хорошая» и «плохая» мать – как будто бы у младенца есть выбор!

Если на примере младенческой шизотимии еще не совсем отчетливо видны спекулятивные приемы, используемые Кляйн, то на примере четырехцветных узоров шизотимическое пространство автора ощущается в полной мере. Виной всему является *виртуальное* пространство бессознательного; автор придумывает некую механику, предполагая, что для ее существования имеется *реальное* пространство бессознательного. Шизотимик тем и отличается от циклотимика, что в своем мышлении опирается на субъективный мир фантастических образов и даже галлюцинаций, находящихся в параллельном пространстве. Слишком «свободные ассоциации» позволяют легко путешествовать из реального мира в виртуальный, и обратно, так что демаркационная линия между ними стирается, а это, в свою очередь, означает, что невозможно отделить ложь от правды. Шизотимик начинает заниматься откровенными фальсификациями, даже не подозревая об этом. Мы видели [1,⁴⁷ с. 212–220], как Фрейд, заглядывая внутрь своей души, сочинил теорию кастрационного и эдипова комплекса. Кляйн приняла всю его механику, но сделала поправки в соответствии со своей собственной теорией шизотимического младенца, стоящего якобы перед выбором между «плохим» и «хорошим».

Из анализа Ричарда она сделала следующий вывод:

«Я целиком согласна с Фрейдом, что *страх кастрации есть главная мужская тревожная ситуация*, но я не могу согласиться с его трактовкой этой ситуации как *единственного фактора*, детерминирующего подавление эдипальных желаний. Свою лепту в ту решающую роль, которую страх кастрации начинает играть на кульминационной стадии развития эдипальной ситуации, вносят ранние тревоги, имеющие самые разные источники. Так, вследствие импульсов, направленных на кастрацию и убийство отца, мальчик испытывает страх за своего отца в качестве любимого объекта и вину перед ним. Ибо в своих хороших аспектах отец является для мальчика незаменимым источником силы, другом и идеалом, к которому он обращается за защитой и руководством и которого он поэтому чувствует себя обязанным сохранить. Отсюда его чувство вины за свои направленные на отца агрессивные импульсы, это чувство в свою очередь увеличивает его стремление подавить свои генитальные желания» [5,⁴⁸ с. 142].

К этим далеко идущим результатам теоретизирования, касающимся всех мальчиков, а не только Ричарда, Кляйн решила добавить столь же смелые выводы, относящиеся к девочкам. Она пишет:

«Хотя маленькая девочка на одной из стадий своего развития и полагает, что ее мать владеет пенисом как мужской принадлежностью, это обстоятельство не играет в ее развитии той существенной роли, какую приписывал ему Фрейд. Согласно моим наблюдениям, бессознательное представление о том, что мать содержит в себе обожаемый и желанный пенис отца, лежит в основе многих феноменов, которые Фрейд описывал в аспекте отношения девочки к фаллической матери. Оральные желания девочки, направленные на отцовский пенис, переплетаются с ее первыми генитальными желаниями получить этот пенис. Эти генитальные желания предполагают стремление получить детей от своего отца, которое может быть выражено уравнением «пенис = ребенок»» [5, с. 144–145].

⁴⁷ Грицак Е.Н. *Тайна гипноза, или Операция на сознании*. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. (В.Э.: ???)

⁴⁸ Кляйн М. *Эдипов комплекс в свете ранней тревожности* / Эдипов комплекс и эротические сны. – М.: NOTA BENE, 2002.

Несомненно, всё сказанное здесь взято из сексуальных фантазий самой Кляйн, которые она спроецировала на виртуальных девочек. Ровно так же поступал и Фрейд [1, с. 220–228]; в некоторых случаях Кляйн фантазирует на сексуальные темы даже более откровенно, чем он. Но сейчас перед нами не стоит вопрос: кто – Фрейд или Кляйн – был более смел в своих шизотимических фантазиях. Проблема в другом: что дает право психоаналитикам рассуждать столь безапелляционно? Какие психические механизмы мышления приводят к ложной цепи заключений? Само же содержание выводов в данный момент нас интересует мало.

Я не нахожу другого объяснения, как только существование у шизотимиков особой «бессознательной» области психики, которая для них существует *реально*, а для, циклотимиков, – *виртуально*. Циклотимики тоже, конечно, умеют оперировать причудливыми образами и прибегают к фантазированию, однако они, в отличие от шизотимиков, не придают им статуса реальных вещей, т.е. в отношении фантазий они не обманываются сами и не обманывают других, особо подчеркивая их нереальный, в лучшем случае, гипотетический модус. Мнимое пространство с иррациональными свойствами, как это будет видно при рассмотрении теории относительности и квантовой механики, может возникать не только на сексуальной почве. Однако половые отношения между мужчиной и женщиной способны спровоцировать сильные эмоции, сопровождающиеся сладкими грезами и ревностной агрессией, которые создают изолированное пространство эротических образов под многозначительным названием *Оно*.

Не могу похвастаться обширными знаниями психоаналитической литературы, но пока мне не попадались работы типа книги «Эдипов комплекс в свете ранних детских тревог», где бы нашли место такие наивные и вместе с тем по-женски очаровательные фантазии. На ста страницах Кляйн сумела втиснуть все важнейшие приемы фальсификации, используемые в разное время и разными психоаналитиками. Та изумительная игра, которая была продемонстрирована ею во время «лечения» Ричарда, не идет ни в какое сравнение с бессмысленными приемами, использованными Фрейдом во время «лечения» маленького Ганса. Автор специально позаботилась об убедительности своих «доказательств». С этой целью она сначала играла со своим юным пациентом в кораблики и с мелками, потом просила его что-нибудь нарисовать. Разве идеальное совпадение элементов игры и рисунка не говорит нам о том, что Кляйн – психоаналитик высшего пилотажа?

Так, *step by step* она шла от голой эмпирии (рисунков и игры) к высочайшим теоретическим обобщениям, связанным с раскрытием механизма страха кастрации, который одинаково испытывают и мальчики, и девочки. Кляйн обнаружила бессознательные тревоги, которые ждет младенец со стороны отца как возмездие за то, что он сосет грудь матери. Она открыла, что всем младенцам откуда-то известно о наличии пениса у папы и влагалища у мамы. Маленькая девочка бессознательно мечтает о том, чтобы папин пенис оказался «внутри нее». По мнению автора, в родительских отношениях ребенок видит исключительно сексуальные отношения, завидует папе или маме, хочет совокупляться с кем-либо из них, мечтая убить при этом своего родителя-соперника. Кляйн на все лады повторяет фрейдовский вздор о том, что для девочки процесс дефекации олицетворяет роды, моча становится семенем, а фекалии – ее ребенком. Она говорит [7,⁴⁹ т. 3, с. 84–124], что дефекация, моча и фекалии отражают инфантильную фазу сексуальной жизни детей. Половая жизнь получит надлежащее выражение, когда дети вырастут. Аналитиков несколько не смущает, что указанные результаты были получены без статистического опроса детей. Тот единичный случай, когда Кляйн всё же что-то исследовала, представлен в ее книге в самом неудовлетворительном виде.

Подобные домысливания за маленьких детей производила и Гуг-Гельмут, и члены кляйновской группы, которые абсолютно не чувствовали за собой вины преднамеренного обмана. Все они находились в состоянии творческого вдохновения, который у шизотимической личности непременно связан с вымыслом. Произведенная Кляйн интерпретация рисунков и поступков Ричарда ниже всякой критики.

Во-первых, как уже говорилось, очень сомнительно, чтобы десятилетний мальчик с интервалом несколько месяцев рисовал однотипные узоры, показанные на рис. 1. Если ребенку предоставить полную свободу в выборе красок – а такая свобода выбора у Ричарда была, – то он перепробует на своих рисунках все краски, какие попали ему в руки. Чтобы сказать, что выбор конфигурации рисунков и красок продиктован в данном случае бессознательной частью психики

⁴⁹ Энциклопедии глубинной психологии. Т. 1–4. – М.: Интерна, Когито-Центр, 2002.

Ричарда, надо закрыть глаза на миллионы других случаев, когда это бессознательное по каким-то причинам у детей молчит. Неужели не видно, что приведенные в книге узоры были вычерчены приблизительно в одно время твердой рукой взрослой женщины, скорее всего, самой Кляйн, которая вместе с узорами привела в виде четырех квадратов условные обозначения цветов, что не стал бы делать Ричард. А вот рис. 2 действительно нарисован неуверенной рукой десятилетнего мальчика. В любом случае, рисунки 1 и 2 рисовали разные люди.

Во-вторых, – и это уже более веский аргумент – интерпретация обоих рисунков страдает субъективизмом (аналогичный произвол наблюдается в толковании других действий и поступков, не связанных с рисованием). Вряд ли существует связь между событиями мировой истории и историей болезни Ричарда. Как получилось, что вступление в войну союзнических армий Норвегии и Бельгии или победа Красной армии и вхождение ее на территорию гитлеровской Германии оказались связанными с фазами выздоровления пациента? Если вылечился Ричард, то почему с окончанием войны не вылечились все больные мира, страдающие нервно-психическими расстройствами? Ясно, что эта корреляция имела место только в воспаленном воображении Кляйн, которая способна пойти на любую фальсификацию ради демонстрации всеисцеляющего психоаналитического метода.

Между тем стиль ее изложения однозначно свидетельствует, что мы имеем дело с человеком, который не знаком с элементарными навыками экспериментального искусства и теоретической обработки данных. Трудно отыскать в истории психиатрии столь известного и вместе с тем столь некомпетентного исследователя. В этом смысле Мелани Кляйн является уникальным феноменом науки.

3. Анна Фрейд

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/apostoly3.htm>

Основным критиком техники интерпретации свободной игры ребенка стала Анна Фрейд. Она начала сомневаться в соответствии символических значений, как правило, сексуального характера, которые Кляйн присваивала игровым поступкам малышек. В третьей лекции «Введения в детский психоанализ» (1927) дочь основателя психоанализа утверждала:

«Мелани Клейн считает одним из важных преимуществ собственного метода еще и то, что при его применении не требуется предварительная подготовка ребенка. Однако отсутствие у ребенка представления о цели является возражением против сопоставления Мелани Клейн игры со свободным ассоциированием. Если свободная игра ребенка не детерминирована тем же целевым представлением, что и свободные ассоциации взрослого человека, то, пожалуй, мы не вправе считать их идентичными. Вместо символического толкования они часто имеют вполне невинное объяснение. Ребенок, опрокидывающий фонарный столб, мог накануне во время прогулки видеть нечто подобное; столкновение повозок также может быть воспроизведением виденного им на улице дорожного происшествия, а заглянувший в сумочку посетительницы ребенок вовсе не обязательно, как утверждает Мелани Клейн, таким образом, символически выражает свое любопытство, нет ли в гениталиях матери нового братика. В данном случае ребенок скорее всего поступает так под впечатлением недавнего переживания, когда кто-нибудь из посетителей принес ему подарок в такой же сумочке. Даже всем без исключения действиям и свободным ассоциациям взрослого мы не вправе придавать символический смысл, а только тем, которые возникают под влиянием аналитической ситуации...»

Подвергнем критике еще один аспект техники Мелани Клейн. Кроме действий, которые ребенок производит с предоставленными в его распоряжение игрушками, Мелани Клейн подвергает толкованию все действия, совершаемые ребенком по отношению к остальным находящимся в комнате предметам и по отношению к ней самой. И в этом она строго придерживается соответствия с аналитической ситуацией взрослого пациента... Однако возникает вопрос: находится ли вообще ребенок в таком же состоянии перенесения, как взрослый пациент, каким образом и в какой форме проявляется его перенесение, и как его можно использовать для толкования? ... Нежная привязанность, или, согласно аналитической терминологии, положительное перенесение, является

Анна Фрейд (Anna Freud)

предварительным условием для всей нашей дальнейшей работы. Ведь ребенок в еще большей степени, чем взрослый пациент, верит только любимым людям и только тогда выполняет чьи-либо просьбы, если делает это из любви к тому, кто его попросил. Для детского анализа такая привязанность необходима гораздо больше, чем для анализа взрослого пациента. Причина в том, что анализ ребенка кроме аналитических целей преследует отчасти и цели воспитательные...

[Кляйн] утверждает, что если ребенок враждебно встречает ее во время первого сеанса, относится к ней отрицательно или даже пытается ударить ее, то в этом можно усмотреть доказательство его амбивалентного отношения к своей матери. Однако, как мне кажется, причина кроется в ином: чем больше маленький ребенок привязан к своей матери, тем меньше положительных эмоций остается у него для чужих людей. Красочнее всего это обнаруживается у младенца, который относится со страхом и неприязнью ко всем, кроме матери или няни. И наоборот, положительные взаимоотношения чаще устанавливаются именно с теми детьми, которые не избалованы любовным отношением к себе со стороны домашних, кто не чувствует и сам не проявляет глубокой нежности в семейном кругу. Они получают, наконец, от аналитика то, чего долго и напрасно ожидали от своих первоначальных объектов любви...

Отсюда следует, что невроза перенесения у ребенка не возникает. Несмотря на все положительные или отрицательные побуждения, направленные на аналитика, аномальные реакции ребенка продолжают проявляться там же, где они проявлялись раньше, – в домашней среде. Отсюда вытекает очень трудная техническая задача, стоящая перед детским анализом: вместо того, чтобы ограничиться аналитическим толкованием происходящего на глазах у аналитика – толкованием свободных ассоциаций или поступков пациента, аналитик вынужден обратить свое внимание туда, где проявляются невротические реакции, – на домашнюю среду, окружение ребенка. Из всего этого вытекает множество технических и практических трудностей, с которыми мы сталкиваемся в детском анализе». [8,⁵⁰ с. 40–48].

Анна Фрейд (Anna Freud)

В четвертой, заключительной лекции Анна Фрейд подвела итог своей критики не только вульгарного подхода Мелани Кляйн; она высказала сомнения в возможности использования психоаналитических методов по отношению к детям, поскольку они не являются маленькими взрослыми. Анна Фрейд показала,

⁵⁰ Фрейд А. *Введение в детский психоанализ...* – Мн: Попурри, 2004.

«каким труднодоступным объектом является ребенок, как мало применимы к нему даже самые испытанные приемы научной терапии, и с какой настойчивостью он требует, чтобы к нему относились в соответствии с его отличительными детскими особенностями. Что бы мы ни делали с ребенком – обучаем ли его арифметике или географии, воспитываем ли его или подвергаем анализу, – мы должны в первую очередь установить определенные эмоциональные взаимоотношения между собой и ребенком. Чем труднее работа, которая нам предстоит, тем прочнее должна быть эта связь. Подготовительный период лечения, который и подразумевает создание такой связи, в каждом отдельном случае протекает по своим особым правилам, которые определяются личностью ребенка и пока совершенно не зависят от аналитической терапии и техники...

Я заметила, что... в большинстве случаев как раз самые эффективные технические приемы, применяемые в анализе взрослых, не могут использоваться для лечения ребенка, что мы вынуждены отказаться от многих достижений науки... Другие аналитики часто интересовались, не было ли у меня возможности подойти гораздо ближе, чем это возможно при анализе взрослых пациентов, к процессам развития, которые протекали в течение первых двух лет жизни и на которые всё настойчивее нацеливаются наши аналитические изыскания по раскрытию бессознательного. Эти аналитики полагают, что, поскольку ребенок находится ближе к этому важному периоду и вытеснение, в связи с этим, выражено у него пока не столь резко, то нам легко проникнуть вглубь сквозь наслоившийся на эти ранние переживания материал, и, возможно, таким образом, могут открыться неожиданные возможности для исследования. До сих пор я всегда вынуждена была отвечать на этот вопрос отрицательно» [8, с. 51–52].

Анна – большая умница. Мне не приходилось читать более разумной работы, написанной психоаналитиком, включая ее отца, чем «Введения в детский психоанализ». Удивительно, как ей удалось формально оставаться наследницей и продолжательницей дела отца, а по существу громить все его шизотимические нагромождения, которые он выдавал за науку. Анна не внедрялась в психоанализ, проводимый над взрослыми людьми, но что касается детей, то в этой сфере она продемонстрировала поразительное здравомыслие. Анна пользовалась языком психоаналитиков, но стремилась изучать детей теми обычными для науки методами, которые характеризуются строгой последовательностью и эмпирической основательностью. Главный ее метод работы состоял в том, чтобы, не пытаясь додумывать за детей, внимательно наблюдать за ними и максимально аккуратно обобщать всё увиденное и услышанное.

Анна Фрейд (Anna Freud)

Она критиковала кляйновские методы работы с детьми. Но подобная критика справедлива и в отношении взрослых – здесь не меньше, а намного больше проблем, поскольку взрослые вырабатывают защитные механизмы, скрывающие причины своих поступков. Ошибочна сама герменевтическая методология как таковая, неважно к кому или к чему она прикладывается. Между тем идеями символизма пропитан весь психоанализ. Психоаналитики в силу шизотимического строения психики обычно плохо чувствуют спекуляции на подмене вещей символами, и наоборот. Так, Брилл в своих «Лекциях по психоаналитической психиатрии» в седьмой лекции мимоходом обронил:

«Когда я читал курс лекций в Департаменте педагогики Нью-Йоркского университета, некоторые специалисты по дошкольному воспитанию спрашивали меня о том, чем объясняется привычка мальчиков ломать карандаши, засовывая их в замочную скважину. Они никогда не замечали подобных привычек у девочек. Как мне представляется, склонность к проникновению очень важная, филогенетически обусловленная мужская функция. Мальчики бессознательно помнят об этом и стремятся по мере возможности реализовать заданную активность» [9,⁵¹ с. 208].

Не знаю, как часто мальчики ломают карандаши, засовывая их в замочные скважины, но главное здесь опыт и наблюдение. Настоящий ученый на месте Брилла обязан был привести соответствующую статистику. Раз ее нет, значит, и нечего было сотрясать воздух. Но даже если бы существовала такая статистика, она еще не говорила бы в пользу того, что мальчики ломают карандаши в замочных скважинах потому, что у них имеется некая сексуальная тенденция проникать во все отверстия. Возможно, мальчики обладают большим деструктивным потенциалом, чем девочки. Это нужно проверять на целой серии корректно поставленных экспериментов, в которых бы отсутствовали отверстия и продолговатые предметы типа

⁵¹ Брилл А. *Лекции по психоаналитической психиатрии*. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

карандаша. Сама же идея сексуальной мотивации поступков мальчиков мне представляется сомнительной. Брилл мыслит здесь тенденциозно. У Мелани Кляйн эта предрасположенность к сексуальному истолкованию увиденного выражена в большей степени, у Анны Фрейд – в меньшей, но эта составляющая непременно присутствует в рассуждениях всех психоаналитиков.

Как уже говорилось, между Британским и Венским отделениями Международного психоаналитического общества вокруг методики анализа детей вспыхнула нешуточная дискуссия, задевшая самого родоначальника психоанализа. Несмотря на молодость и скромность Анна Фрейд сумела организовать прекрасную атаку на Британскую фабрику фальсификаций. Зигмунд Фрейд сочинял психоаналитические опусы в духе Мелани Кляйн, но он обожал дочь и в ее споре с Кляйн встал на сторону Анны. В 28 главе биографии Фрейда Джонс писал:

«В сентябре [1927] Фрейд прислал мне длинное письмо, в котором выражал серьезную жалобу на якобы проводимую мной публичную кампанию в Англии против его дочери Анны и, возможно, поэтому также против него. Единственным основанием для такого взрыва негодования Фрейда послужило опубликование мною в «Журнале» длинного отчета о дискуссии на тему детского анализа. Эта тема уже многие годы интересовала наше общество, в котором было много женщин-аналитиков, и написание данного отчета еще более стимулировалось тем, что год тому назад в Англию приехала Мелани Кляйн. Я написал исчерпывающий отчет относительно этого вопроса Фрейду, и он ответил: «Меня, естественно, очень радует, что Вы ответили на мое письмо столь спокойно и обстоятельно, вместо того, чтобы сильно на меня обидеться из-за этого письма». Но он сохранил скептическое отношение и, возможно, предубеждение к методам и заключениям Мелани Кляйн. Позднее я имел с ним несколько бесед на тему детского анализа, но мне ни разу не удалось произвести на него какого-либо впечатления, кроме признания им того, что у него нет личного опыта, которым он мог бы руководствоваться в данном вопросе» [10,⁵² с. 385].

Фрейду ли не знать, как сочиняется психоаналитическая порнография, которой Кляйн наводнила издаваемые Психоаналитическим обществом журналы и книги. Однако ни он, ни она из-за слоистого строения своей психики не могли разглядеть источников спекуляций. Анна Фрейд – совсем другое дело. Она – циклотимик, попавшая в стан шизотимиков. Ее мышление является вполне конструктивным по форме, хотя и касалось шизотимического предмета, отсутствующего в реальном мире. По ее работам видно, как она стремится не выйти за пределы действительности, но понятийный аппарат психоанализа, которым она была вынуждена пользоваться, неизбежно уводил ее в виртуальное пространство бессознательного. Такое смешение формы и предмета мышления встречается часто. Оно происходит оттого, что не всякий исследователь способен адекватно провести идентификацию собственной психики.

В своем стремлении исследовать детей максимально объективно Анна Фрейд была не одинока. В книге «Норма и патология детского развития» (1965) она писала:

«К тому, что в психоаналитической психологии в целом и в детской психоаналитической психологии в особенности не следует «ограничиваться данными, полученными психоаналитическими методами», первым из теоретиков психоанализа пришел Ганс Гартман (1950). Практики анализа эту точку зрения приняли уже давно». Анна напоминает: «В течение десятилетий оставался открытым и спорным вопрос о том, имеет ли внешнеаналитическое наблюдение значение для аналитической теории и нужно ли оно вообще. В широких аналитических кругах мнение менялось от отрицательного к положительному постепенно. В конце концов, скептиков удалось переубедить...» [8,⁵³ с. 82].

Далее идет перечисление имен психоаналитиков, выступающих за использование традиционных методов наблюдения за детьми. Причем Анна указывает, что внешний фактор оказывается важнее сексуальной мотивировки:

Анна Фрейд (Anna Freud)

⁵² Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1996.

⁵³ Фрейд А. *Введение в детский психоанализ...* – Мн: Попурри, 2004.

«То, что атмосфера аналитической ситуации оказывает гораздо большее влияние, чем эротическая направленность производных бессознательного, не могут оспорить даже радикально настроенные глубинные психологи. Это обусловлено спокойствием пациента...» [8, с. 85].

В самом деле, представьте себе ситуацию. Посреди дня приходит пациент к врачу и вдруг начинает беседу с ним на сексуальную тему. Разве это нормально? А возьмите какого-нибудь пятилетнего мальчугана, играющего в паровозики. Какое извращенное воображение должен иметь врач, чтобы в этом безобидном занятии увидеть отражение полового акта родителей? Дети увлеченно играют в те или иные игры, они рисуют и лепят из пластилина фигурки. Почему эти невинные занятия нужно наполнять сексуальным смыслом? И потом,

«Незрелая личность ребенка флюктуирует – пишет Анна Фрейд, – находится в состоянии постоянного изменения... Из-за этого для аналитика существует опасность возможной переоценки аналитического успеха. Поэтому после лечения невозможно с полной уверенностью определить, в какой степени наблюдаемые успехи обязаны терапии, а в какой – спонтанным процессам созревания и развития...» [8, с. 100].

В этой связи можно было бы вспомнить аргументацию Ганса Айзенка в отношении общей неэффективности лечения по методике психоаналитиков, которая приводилась в книге [1, с. 189–196].

Бессилие психоаналитического метода в отношении детей определяется прежде всего тем, что дети не способны свободно ассоциировать. Кроме этого, они практически не в состоянии осуществить перенос испытываемых ими чувств любви и ненависти на врача. Это означает: если ребенок любит свою мать, то его невозможно заставить полюбить врача. При долгом отсутствии матери он начинает плакать; для него врач остается чужим человеком. Аналогично, нелюбовь, например, к старшему брату не может вылиться на врача. Между тем перенос и свободные ассоциации – это те два столпа, на которых держится психоанализ.

Почему так происходит? Анна Фрейд не дает прямого ответа, хотя пытается это сделать. Мой ответ лежит на поверхности: это происходит потому, что психоанализ – игра, в которой обе стороны притворяются, будто совместно занимаются укрощением какого-то неуловимого *Оно*. Ребенок же прямодушен и не станет «играть» в «больного» и «врача» с взрослым человеком, который не хочет признаться, что это игра. Ребенок с удовольствием поиграет в «больницу», если врач согласится именно играть. Здоровый ребенок проводит демаркационную линию между реальным и воображаемым миром; взрослые шизотимики, анализирующие друг друга, такое различие сделать не в состоянии. Они вовлечены в игру, но не хотят признаться в этом. Ребенок же не различает внутри себя две сущности – свое *Я* и чужое *Оно*, он воспринимает себя только, как *Я*. Поэтому психоаналитик не может выполнить в отношении ребенка свою главную задачу: обратить бессознательный материал в сознательный; у ребенка всё находится уже в сфере сознательного.

Столкнувшись с трудностями психоанализа детей, Анна Фрейд решила сосредоточиться на сознательной части психики ребенка. В 1936 г., еще при жизни своего отца, она написала книгу «*Я и механизмы защиты*», которую начала так:

«В истории развития психоанализа существовали времена, когда теоретическое исследование индивидуального *Я* не приветствовалось. Психоаналитики утверждали, что качество научного анализа и терапевтической работы зависит от глубины погружения в человеческую психику. При перемещении внимания к поверхностным психическим слоям, т.е. при отклонении исследования от *Оно* к *Я*, возникала мысль об отступлении от психоанализа вообще. Предполагалось, что термин «психоанализ» будет соотноситься с открытиями в сфере бессознательной психической жизни, в том числе с изучением вытесненных инстинктивных импульсов, аффектов и фантазий. Адаптация детей и взрослых к окружающей среде, здоровье и болезнь, добро и зло оставались за пределами психоанализа. Он должен был заниматься исследованием детских фантазий, сохранившихся во взрослой жизни, воображаемым наслаждением и предчувствием наказания за него» [8, с. 310].

Дальше продолжаться так не может, говорит Анна. Опора психотерапевта лишь на бессознательный компонент психики порождает односторонность. Между тем конечная «цель

Анна Фрейд
(Anna Freud)

всегда была одна – корректировка отклонений и восстановление *Я*. «*Оно* – только средство для достижения цели» [8, с. 311]. Так, как же мы будем достигать нашу цель, если будем продолжать игнорировать *Я*?

Сколь ни умна была Анна, вырваться из предрассудков, господствовавших на протяжении всей ее жизни, она не сумела. Работа, начало которой только что цитировалось, появилась ради спасения психоанализа. Автор, апеллируя к слоистой психике, представила несколько механизмов защиты, с помощью которых *Я* борется с импульсами, идущими извне и изнутри, и достигает максимальной реализации. Многие вещи, о которых пишет Анна, кажутся верными с теоретической точки зрения и полезными в практическом отношении. Но они выражены столь неудобоваримым языком психоаналитиков, что, наверняка, оттолкнут циклотимика, мыслящего исключительно конструктивно. Особенно разочаровывающими получились у нее интерпретации жизненных ситуаций, в которые попадали ее пациенты. Всё портит сексуальная подоплека, лежащая якобы в основе поступков детей и взрослых. Во второй части указанной работы Анна даже взялась интерпретировать поступки Ганса из отцовской работы «Анализ фобии пятилетнего мальчика». Дочь верила каждому произнесенному и написанному слову отца, который никогда не рассказывал ей, как он придумывал историю с Гансом. Такова натура всех шизотимиков: они лгут, но не могут сознаться в обмане ни себе, ни, тем более, другим.

Анна Фрейд (Anna Freud)

Если пример с фальшивым Гансом можно еще как-то понять, то совершенно непонятно, как эта благоразумная женщина оказалась на позиции своей идейной противницы Мелани Кляйн. В первой главе книги, «Норма и патология детского развития», мы читаем:

«Железная мини-дорога, в зависимости от того, как в нее играет ребенок, характеризует целый ряд бессознательных фантазий: нескончаемая последовательность столкновений выдает, что играющий ребенок бессознательно озабочен загадкой родительских половых сношений, пристрастие к туннелям и подземным дорогам соответствует любопытству по отношению к полостям тела; тяжело груженные вагоны символизируют мысли о беременности; концентрация на исправном функционировании и большой скорости игрушки имеет корни в радости мальчиков по поводу функции пениса» [8, с. 91].

К сожалению, одаренная дочка Фрейда с младых ногтей впитала пустые мудрствования отца по поводу оральной, анальной и фаллической ступеней развития инфантильного эротизма. Вслед за отцом она стала писать о прямой зависимости между характером взрослого человека и детскими фазами развития сексуальности. Чуть выше цитированного отрывка Анна написала:

«Когда дети по отношению к объекту или в иных случаях проявляют жадность, ненасытность, повышенную требовательность, зависимость, когда у них присутствует страх отравления или имеются другие осложнения с питанием, мы не сомневаемся в том, что они зафиксировались на оральной стадии и что регрессия к этой точке фиксации представляет из себя постоянную опасность для их дальнейшего развития. Когда на поверхность выступает жгучее тщеславие и импульсивное поведение, мы делаем заключение о фиксации в уретральной фазе» [8, с. 88–89].

Эта надуманная проблема обсуждалась в книге [1, 242–248], где доказывалась полная несостоятельность приведенных положений. К сожалению, дочь на веру, абсолютно некритично восприняла всё, что когда-то нафантазировал ее отец. В итоге она, как и ее отец, оказалась потерянными для науки человеком.

Пока еще ничего не говорилось о личности Анны Фрейд; заполним этот пробел.

Она родилась в конце 1895 г. и отец любил ее больше всех своих детей. Если бы Марта родила мальчика, то он бы носил имя Вильгельм в честь Вильгельма Флисса. Об этом Фрейд написал своему другу в письме от 3 декабря (ее день рождения), однако он не сообщил ему, почему дочь была названа Анной. Я думаю, что это имя было дано ей из тех же соображений, что и кодовое имя Берты Паппенхейм, Анна О., и как-то связано с сестрой Фрейда, Анной. Люди, носящие одинаковые имена, по его мнению, непременно должны иметь одинаковую судьбу или какие-то общие качества. К выбору имен родоначальник психоанализа относился очень серьезно,

поскольку верил в тайную связь символов и вещей. В целом, каббалистические выкладки выглядят бессмысленно, но некоторые вещи смотрятся довольно любопытно.

Например, фамилия *Freud* созвучна слову *Freude*, что означает *удовольствие*, причем с сексуальной коннотацией: слово *Freudenmächen* переводится как *проститутка*. Не только с фамилией, но и с именем Фрейду не повезло. Мальчика назвали иудейским именем *Шломо* (полное имя *Шломо бен Якоб*) и светским *Сигизмунд*. Последнее имя он носил 21 год, пока не сменил на имя *Sigmund*. Замена имени связана со щекотливым моментом: Сигизмунд был персонажем многочисленных еврейских анекдотов довольно скабрёзного содержания, которые, однако, Фрейд любил рассказывать и одно время даже собирал, когда интересовался феноменом остроумия. Чтобы над ним не смеялись, Фрейду надо было выбросить из своего имени две буквы, тогда получалось вполне европейское имя, которое носили некоторые его знакомые. Разумеется, всё это – случайные совпадения, как и то, что слово, составленное из первых букв имен его детей, звучит по-еврейски как *Moshe (Moshe), Mouceï*. Напомню имена детей и год их рождения: *Mathilde* (1887), *Martin* (1889), *Olivier* (1891), *Sophia* (1893), *Hanna* (1895), *Ernst* (1892). Однако перейдем от забавной игры с буквами к личности Анны Фрейд.

В книге Мекаччи «Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа» автор пишет:

«В конечном итоге отношения между Анной и Дороти расценили как лесбийские. По-другому и быть не могло». Он поясняет почему: «Семья Фрейда, когда сыновья покинули ее, включала, помимо Зигмунда, его жену Марту, сестру жены, Минну Бернайс, Анну и, с 1929 года, домработницу Паулу Фихтель. Затем она расширилась, вобрав в себя семью Дороти Берлингер, проживавшую в Вене этажом выше в том же доме. Две квартиры были связаны внутренней телефонной линией. Отношения с Дороти стали основной составляющей жизни Анны и явились еще одним образчиком психоаналитического созвездия».

Мекаччи приводит слова журналистки Детлеф Бертельсен, которая писала:

«Истинный смысл отношений между Дороти Берлингер и Анной Фрейд тоже ускользал от Паулы. Даже в старости слово «лесбиянка» не значило для нее ровным счетом ничего. Однако, когда Дороти Берлингер звонила по телефону, Паула испытывала ревность». Журналистка сообщила также, что детей Дороти «анализирует Анна Фрейд, которая вообще-то является любовницей их матери; а та, в свою очередь, проходит сеансы у отца Анны, который в свое время исследовал душу собственной дочери» [4,⁵⁴ с. 41–43].

Гиперсексуальность, наблюдавшаяся еще в семье маленького Зиги, имела продолжение у его детей. Очевидно, это была доминирующая наследственная черта фрейдского рода.

При Хэмпстедской клинике детской терапии Анна вместе с Дороти создала детский приют и форпост детского психоанализа. Бертельсен писала, что воспитательницы детей

«должны были отвечать как минимум двум из трех обязательных условий: обладать высоким интеллектом, принадлежать к еврейской национальности и иметь лесбийские наклонности».

Крепкие узы дружбы между Анной и Дорой напоминают отношения Берты Паппенхейм с Мартой Бернайс. В связи с дружбой между женщинами, вспоминается один из снов в «Толковании сновидений» (6А). Действия сна касается произведения Доде «Сапфо». При его анализе Фрейд пишет:

«Подобно тому, как Доде избрал имя *Сапфо* не без намерения связать его с известным пороком, так и элементы сновидения, в которых одни люди находятся наверху, а другие внизу, указывают на фантазии сексуального характера...» [11,⁵⁵ с. 311].

Анна Фрейд (Anna Freud)

⁵⁴ Мекаччи Л. *Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа*. – М.: Смысл, 2004.

⁵⁵ Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Минск, 1997.

Члены семьи Фрейд, разумеется, хорошо знали о греческой поэтессе Сапфо, жившей во времена Солона и Фалеса Милетского на острове *Лесбос* (отсюда происхождение термина *лесбиянка*). Вокруг Сапфо собралась группа знатных женщин и девушек, посвятивших себя богине любви, Афродите. Злые языки, принадлежащие консервативной аристократии, поговаривали, что в ее доме царил форменный разврат. Одновременно сообщалось, что она пользовалась уважением у более продвинутых горожан; они-то и отдавали ей на воспитание своих дочерей. Сапфо разучивала с ними песни и выступала с хором, состоящим из воспитанниц, перед жителями родной Митилены.

Геродот в своей «Истории» [II, 135] рассказывает о связи ее брата Харакса с египетской гетерой Дорихой. Сапфо осудила поступок брата в двух своих стихотворениях, дошедших до нас [12,⁵⁶ с. 336]. Несмотря на этот общеизвестный факт, бедную Сапфо всё еще называют «продажной распутницей». Это несовместимо и с ее ролью наставницы добропорядочных девушек, которые готовились выйти замуж за людей знатного происхождения. Верно, что древнегреческая поэтесса распевала под лиру песенки фривольного содержания вроде «Невинность моя, невинность моя, куда от меня уходишь? – Теперь никогда, теперь никогда к тебе не вернусь обратно!» [13,⁵⁷ с. 339]. Однако сама она оставалась пурпурным яблоком, о котором говорится в другом ее стихотворении: «Вон там высоко-высоко рдеет на приподнятой ветке пурпурное яблоко. Про него, наверное, забыли при сборе? – Нет, его там не забыли, просто достать не сумели».

Страбон писал:

«Сапфо – удивительное явление. Ведь насколько я знаю, за всё то время, которое сохранилось в памяти людей, не появилось ни одной женщины, которая могла бы хоть отдаленно с ней сравниться в области поэзии» [14,⁵⁸ с. 617 (578)].

Первоначально поэтесса оставила после себя восемь книг, причем, например, первая книга включала 1320 стихов, разбитых на 330 строф. Гораций собрал сборник ее стихов уже в семи книгах, куда входила любовная лирика, свадебные песни и гимны богам, но многие ее произведения уже были навсегда утеряны. Из всего огромного поэтического наследия до нас дошло всего пять произведений полностью и несколько десятков разрозненных строк.

Девичник, возникший в доме Фрейда, в котором верховодила Анна, напоминал девичник, организованный Сапфо. Я нахожу нечто общее в характерах Сапфо и Анны. Дочь Фрейда, кажется, не сочиняла стихов, но ее научные труды, как и стихи Сапфо, лишены пошлости, которую мы находим у Кляйн.

Анна не искала любви мужчин; они ей были не нужны для приобретения детей. Свою материнскую любовь она отдавала беспризорным детям.

Ролан Бессер в статье «Жизнь и творчество Анны Фрейд», помещенной в третьем томе «Энциклопедии глубинной психологии», касаясь жесткой дискуссии, вспыхнувшей между представителями двух школ детского психоанализа, писал:

«Анна Фрейд в отличие от своего отца никогда в этом споре не вела себя резко. Хотя она всегда подчеркивала свои творческие расхождения с Мелани Кляйн и последовательно настаивала на своем, по характеру она была слишком сдержанной и скромной, чтобы жестко отвечать на нападки противников. И в вопросе о неврачебном [дилетантском] анализе Анна Фрейд также была гораздо более сдержанной и готовой пойти на компромисс, чем ее отец. Это проявляется прежде всего в дискуссиях на конгрессах, где она никогда резко не возражала противникам неврачебного анализа, а скорее старалась в сдержанной форме высказать свое мнение и по возможности избегать споров по этому поводу» [7,⁵⁹ т. 3, с. 12].

Итак, умна и скромна – два первых слова, характеризующих личность Анны Фрейд. Ум и скромность – это явно от матери. И что эти две замечательные женщины, дочь и мать, нашли в неумном и нескромном Зигмунде Фрейде?

⁵⁶ *Эллинские поэты VII–III века до н.э.* – М.: Ладомир, 1999.

⁵⁷ Геродот. *История.* – М., 2001.

⁵⁸ Страбон. *География.* – М., 1994.

⁵⁹ *Энциклопедии глубинной психологии.* Т. 1–4. – М.: Интерна, Когито-Центр, 2002.

4. Отто Ранк

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/apostoly4.htm>

Анна Фрейд – естественный наследник и продолжатель дела, начатого Зигмундом Фрейдом. Кого еще можно было бы назвать рядом с ней, кто так же преданно служил отцу-основателю?

Пожалуй, Отто Ранк, особенно в первые годы работы, когда он всегда находился на расстоянии вытянутой руки от него. Со стороны казалось, что он любимый сын отца, которому по завещанию на равных с Анной обещано нажитое отцом духовное состояние. Психологический портрет этого новоиспеченного брата Анны мастерски нарисовал фрейдовед Пол Розен. Касаясь отношений Ранка с Фрейдом, он писал:

««Уступчивость» – слишком мягкое понятие, хотя слово «рабство» не передает готовности Ранка к сотрудничеству. До первой мировой войны Ранк был известен своей услужливостью даже в той среде, где уважение к отцу и авторитетам вообще были нормой. На собраниях Ранк всегда был под рукой у Фрейда, чтобы подать ему воды или зажечь сигару» [15, ⁶¹ с. 10]. Розен пишет, что «Ранк был его личным любимчиком, был больше, чем просто учеником»,

Отто Ранк (Otto Rank)⁶⁰

он недвусмысленно претендовал на место приемного сына. По молодости, уезжая на летний отдых, Фрейд брал с собой сестру жены, Минну; позднее он часто выезжал с Анной, но когда та заболела коклюшем, он взял с собой Ранка. Это – явно знак безграничного доверия и привязанности со стороны «папы».

Ранк чуть ли не поселился в доме Фрейда, эгоистическая натура которого требовала постоянного присутствия объекта его симпатии. Кроме того, собачья привязанность Ранка придавала поведению Фрейда в обществе внешний аристократический налет (внутреннего аристократизма и благородства души в нем никогда не было). Хозяин нуждался в услужливом лакее, который готов претворять в жизнь любое его поручение. Стоило Фрейду кивнуть или показать глазами, как Ранк тут же со всех ног бросался исполнять только ему понятное задание. По-видимому, Ранку нравилось играть роль слуги, а Фрейду – роль господина; оба от этой игры получали немалый выигрыш. Чтобы заслужить доверие, слуга обязан был продемонстрировать свою незаинтересованность в личном успехе, показать равнодушие к деньгам и славе, непрерывно доказывать, что всё делается им ради науки и на благо Психоаналитического общества. Господин же, в свою очередь, внутренне презирая слугу, тем не менее, проявлял отеческую заботу о нем.

⁶⁰ В.Э.: Из Википедии: «**Отто Ранк** (нем. *Otto Rank*; наст. фамилия *Розенфельд*, 22 апреля 1884, Вена – 31 октября 1939, Нью-Йорк). Отто Ранк родился 22 апреля 1884 года в Вене в бедной еврейской семье младшим из двух сыновей. Отец авторитарно направлял его образование, считая что юный Отто должен стать инженером-машиностроителем. Окончив ремесленное училище с аттестатом зрелости, Ранк работал в мастерской. В это время он самостоятельно изучал психологию, окончил Венскую школу искусств, проявляя особый интерес к мифологии и литературе. Взял себе фамилию доктора Ранка из пьесы Г. Ибсена «Кукольный дом». В 1906 году познакомился с Зигмундом Фрейдом, представив ему рекомендательное письмо Альфреда Адлера, который являлся семейным врачом Розенфельдов, и рукописи трех работ. В результате Отто Ранк закончил Венский университет и в 1912 году получил степень доктора философии. В 1912 году Ранк становится секретарем Венского психоаналитического общества, а с 1913 году являлся членом тайного комитета. С 1919 по 1924 г. он возглавлял издательство, в котором осуществлялась публикация психоаналитических работ. Став первым психоаналитиком без медицинского образования, О. Ранк начал принимать пациентов, устроив приёмный кабинет в том же доме, где находилась его квартира. Он ведал управленческими и финансовыми делами психоаналитического сообщества, был вице-президентом Венского психоаналитического сообщества. В 1929 году Ранк подал в отставку, фактически предопределив окончательный разрыв с Зигмундом Фрейдом. В начале 30-х г.г. О. Ранк работал психоаналитиком в Париже. В 1935 Отто Ранк переехал в США, где занимался преподавательской и терапевтической деятельностью, сопровождавшейся выдвижением новых психоаналитических идей. 31 октября 1939 года Отто Ранк скончался в Нью-Йорке в результате аллергической реакции на содержащее серу лекарство, которое он использовал при лечении инфекции горла».

⁶¹ Ранк, О. *Травма рождения*. – М.: Аграф, 2004.

«Старший сын Фрейда, Мартин, – пишет Розен, – сердился и несколько ревновал к Ранку, который занимался финансовыми делами Фрейда; лишь после их разрыва он смог взять денежные вопросы на себя» [15, с. 9–10].

Фрейд доверял Ранку не только свои деньги, но и самое дорогое, что у него было, – свои мысли. Ранк был его личным секретарем и поверенным лицом. Он не только выполнял рутинную работу вроде составления подробного каталога большой библиотеки Фрейда или регистрации корреспонденции и документов, он еще собственноручно писал циркулярные распоряжения, которые Фрейд лишь подписывал. Формально это оправдывалось тем, что Ранк обладал каллиграфическим почерком, тогда как Фрейд писал очень неразборчиво. Но в действительности, Ранк лучше, чем Фрейд, знал, как составить бумагу казенно-приказного содержания.

Разумеется, дело не ограничивалось одной формой. Ранк превосходно угадывал, что именно в данный момент хочет Фрейд, и выражал в письменном виде то, что никогда не посмел бы самостоятельно высказать вслух на заседании Комитета или на собрании Психоаналитического общества, где он молча писал протоколы. Будучи самым младшим из членов Комитета, Ранк не пользовался у них уважением. Считалось, что его работа в руководящих органах психоаналитическим движением носит чисто формальный характер. Из-за пресмыкающегося характера с ним никто особенно не считался; при коллективном обсуждении решений он не делал каких-то особых заявлений. Если бы такое однажды случилось, то Фрейд, скорее всего, вышвырнул бы его на улицу. Но фактически Ранк больше остальных комитетчиков влиял на принятие судьбоносных решений, так как именно он составлял официальные распоряжения. Он с самого начала незаметно влиял на интеллектуальный климат, царящий в Психоаналитической ассоциации, поскольку взвалил на себя объемистый труд по ведению всей канцелярии Венского психоаналитического общества. Оказывается, что секретарь обладал обостренным чувством собственного достоинства, что дало о себе знать в последующих событиях.

И так-то письменное слово всегда отличается от сказанного; в случае же с Ранком ситуация усугублялась вдвойне. Все догадывались, что «сын» оказывает заметное влияние на «папу», но не знали в какую именно сторону. Розен пишет:

«Фрейд обсуждал с Ранком всё, что он писал, и прислушивался к словам ученика. В начале 1920-х годов ходил слух, будто Ранк недолгое время анализировал Фрейда. Хотя это совершенно неправдоподобно – возможно, они просто рассказывали друг другу свои сновидения – всё же такая сплетня отражает степень близости этих людей» [15, с. 13].

Являясь личным секретарем Фрейда, Ранку принадлежат не одна страница его сочинений. В 1911 г. «папа» сделал его ответственным за выпуск журнала *«Imago»*, в котором освящались немедицинские приложения психоанализа. В 1919 г. Ранк стал управляющим Международного психоаналитического издательства. Под его непосредственным руководством выходили произведения Фрейда, которые он редактировал, составлял для них библиографию и писал примечания. В частности, «Толкования сновидений» имеют такой вид, какой они имеют, не только благодаря Флиссу, перед которым Фрейд исповедовался, но и Ранку, которому принадлежит редакция текста и многочисленные вставки, отсутствовавшие в первых изданиях книги. Таким образом, тихий и неприметный помощник незаметно превратился в вождя психоаналитического движения. Это не могло не вызвать ревности и возмущения у комитетчиков. Рано или поздно отлучение Ранка от Общества должно было случиться. Но прежде чем рассказать о нем, вернемся к самому началу эпопеи.

Ранк пережил Фрейда всего на один месяц, хотя родился на 28 лет позже него в Вене в семье беспробудного пьяницы по фамилии Розенфельд. Стесняясь своего непутевого папаши, сын выбрал себе другую фамилию. Один этот факт говорит о наличии обостренного чувства собственного достоинства. Так оно в действительности и было: за наигранной кротостью и неприятельностью скрывались непомерные амбиции, горделивый нрав и болезненное самолюбие. Однако стартовые условия, данные ему судьбой, никак не способствовали этим внутренним устремлениям. Поэтому-то и была выбрана тактика безропотного подчинения внешним обстоятельствам.

Окончив краткосрочные курсы художественного промысла, Ранк в начале своей трудовой деятельности работал обыкновенным наемным рабочим на стекольной фабрике. Но уже тогда урывками он находил время для чтения серьезной литературы. С Фрейдом его познакомил пролетарский врач Альфред Адлер, нередко бывавший в доме Ранков, в котором непременно кто-

нибудь болел. В возрасте 22 лет Отто предстал перед 50-летним Фрейдом. Мэтр окинул придирчивым взглядом несимпатичного и жалкого вида ремесленника, который, однако, довольно нахально вручил ему свой опус под претенциозным названием «Художник».

«...Его рукопись, – писал потом Фрейд, – демонстрировала необыкновенную степень понимания. Мы способствовали тому, что он получил образование в гимназии и университете, и посвятили его в немедицинские аспекты психоанализа. Наше маленькое общество обрело надежного и старательного секретаря, а я нашел в лице Отто Ранка самого верного помощника и сотрудника».

Ранк мечтал получить образование и вырваться из той нищеты, в которой он оказался по вине родного отца. В доме же отца-основателя модного к тому времени психоаналитического учения «художник» находился не только на материальном, но и на полном духовном обеспечении.

«С помощью Фрейда, – пишет Розен, – он в 1912 г. получил диплом в Венском университете. Фрейд стал идеальным заменителем родного отца Ранка» [15, с. 8].

Как и Мелани Кляйн, Ранк закончил искусствоведческое отделение, но, несмотря на возражения многих членов Психоаналитического общества, «папа» разрешил «сыну» вести частную психоаналитическую практику. Таким образом, Ранк, как и многие приближенные к телу гуру, пополнил ряды дилетантов, поскольку до конца своих дней так и не соизволил получить хотя бы фельдшерское образование.

В главе 22 «Комитет» Джонс дает краткие характеристики всем членам «Комитета носителей колец», в том числе и Ранку. Биограф пишет:

«Ранк был выходцем из более низкого социального слоя, чем другие члены Комитета, и это, возможно, объясняло его заметную робость и почтительность в обращении к нам в те дни. Более вероятно, что это было связано с его несомненными невротическими наклонностями, которые позже оказались столь губительными. Он обучался в технической школе и мастерски обращался с любым инструментом. Фрейд побудил его получить университетский диплом. Я никогда не знал, как он живет, и подозревал, что Фрейд, по крайней мере, частично, поддерживал его. В обычае Фрейда было делать такие вещи тихо, чтобы никто другой о них не знал. Он часто говорил нам, что если кто-либо из нас станет богатым, то его первой задачей будет обеспечить Ранка. Однажды он сказал мне, что в средние века такой умный мальчик, как Ранк, нашел бы себе покровителя, однако добавил: «Возможно, сделать это было бы не столь легко, ведь он такой некрасивый». Так получилось, что ни один из членов комитета не обладал внешней привлекательностью. Из Ранка вышел бы идеальный личный секретарь, в действительности он и был им для Фрейда во многих отношениях. Он всегда всё делал охотно, никогда не жаловался на любую ношу, которую взваливали на его плечи, и участвовал во всевозможной работе, выполняя любые поручения» [10, ⁶² с. 274].

Невысокие амурные качества окружавших Фрейда мужчин – не случайны. «Папа» был до крайности ревнив к своим «деткам» и не терпел, чтобы кто-либо из учеников имел перед женщинами преимущества. Основоположник сексуальной теории был научен горьким опытом своих ближайших друзей-коллег – Эрнстом Флейшлем и Виктором Тауском, которым он за их мужскую обаятельность помог сойти в могилу. Играя роль врача-психиатра, Фрейд соглашался лечить только тех, кто дарил ему искреннюю любовь. Пациентка лично ему не симпатичная, не могла рассчитывать на его помощь. Да и объективно о каком «лечении» может идти речь, когда либидо – главный объект психоаналитического воздействия – никак не проявляет себя. Наивно думать, что теория, основывающаяся на сексуальности, имеет несексуальную практику. Только тот врач может рассчитывать на успех, кто сумел установить прямой контакт между своим собственным либидо и либидо пациента. Что же касается знаменитых соратников по цеху (Джонс, Штекель, Ференци и др.), то все они, увидев красивую женщину, начинали неровно дышать. Однако «анализировали» они их вдали от Вены, Фрейд не потерпел бы рядом с собой более или менее успешно «лечащего» врача.

От Джонса также не ускользнула одна из самых заметных черт характера Ранка – шизотимическая нервозность, развившаяся, очевидно, под воздействием его непомерного честолюбия и испытываемых им материальных ограничений. От биографа мы узнаем, что Ранк,

⁶² Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1996.

как и Фрейд, страдал частыми и глубокими невротическими срывами. Так, в 1917 г. Ранк «дважды переживал тяжелые приступы депрессии». Однако первая мировая война его психически и физически закалила.

«Я был изумлен теми заметными изменениями, – пишет Джонс, – которые произошли с Ранком за годы войны. В последний раз я видел его худощавым юношей, робким и подобострастным, имеющим ярко выраженную привычку пристукивать каблуками и кланяться. Теперь передо мной стоял жилистый, выносливый мужчина, с властными манерами, который первым делом положил на стол огромный револьвер. Я спросил его, зачем он ему нужен, на что Ранк бесстрастно ответил: «На всякий случай». Как удалось ему пронести этот револьвер через таможенный досмотр? Когда чиновник показал на его оттопыренный карман, Ранк спокойно ответил: «Хлеб». Такое изменение в личности Ранка совпало с возобновлением его работы в Вене после войны и, должно быть, явилось гипоманиакальной реакцией на три сильных приступа меланхолии, которые он пережил, находясь в Кракове» [10, с. 320].

Очевидно, в период первой мировой войны Ранк сумел освободиться от унижительного лакейского комплекса, отчасти навязанного ему отцом, а отчасти приобретенного им самостоятельно в силу его неприглядной внешности. Он вдруг осознал, что его внешние и внутренние данные ничуть не хуже, чем у других. Довоенная психотерапевтическая практика предоставила ему возможность близко узнать внутренний мир женщин. Он понял, что для них мужская красота отнюдь не главное, главное в любви быть сильным и уверенным в себе.

«В конце войны, – пишет Розен, – 9 ноября 1918 г., Ранк женился; через два дня после военного быстрого церемонии он привез свою жену в Вену к Фрейду. Когда Беата Минцер (Тола) влюбилась в Ранка, ей было чуть больше двадцати лет. Знакомство с Фрейдом для этой стеснительной и неопытной польской девушки было равнозначно завтраку при дворе короля. Фрейд был «императором, о котором слагали легенды, просвещенным, но абсолютным властителем своего царства». Тола Ранк была красива и не лишена элегантности, а муж ее был почти уродлив. Но они были прекрасной парой; она была женственна и предана ему в духе девятнадцатого столетия. Тола Ранк сразу стала членом семьи Фрейда, его приемной невесткой. Тола была почти ровесницей его дочери Анны, и он ввел ее в свой круг... Жене Отто, очевидно, было отведено особое место в его сердце. Когда у нее родилась дочь, она приветствовалась как родная внучка Фрейда; семья Фрейда участвовала в выборе коляски, а его золовка Минна изготовила матрас. До сих пор дети Фрейда производили на свет лишь сыновней, так что это была, так сказать, его первая внучка» [15,⁶³ с. 11–12].

Жена Фрейда, Марта, не любила принимать гостей, жена Ранка, напротив, обожала шумное веселье. Помимо сортировки стола для важных персон она помогала мужу редактировать и издавать журналы и книги по психоанализу. Нередко она записывала под диктовку Фрейда письма и распоряжения, словом, была полноправным членом большой семьи. Подруга Толы вспоминает, что Фрейд «хлопотал вокруг Толы, как если бы она была его родной дочерью». Эта подруга вряд ли понимала, что для открывателя эдипова комплекса не существует других привязанностей, кроме сексуально окрашенных. «Папа» настоял на членстве своей «приемной дочки» в Венском психоаналитическом обществе. По формально-церемониальным соображениям, которые придумывал сам Фрейд, 30 мая 1923 г. она прочла доклад на тему: «Роль женщин в эволюции человеческого общества». Таким образом, она, как и ее муж, стала «одной из последних квалифицированных аналитиков в Америке без медицинского образования». Розен пишет, что

«Тола была предана Фрейду; как жена Отто она не играла независимой роли в близком Фрейду кругу. В то время она не ввела в психоанализ новых теорий или техник. Она посещала в Вене семинар Анны Фрейд по детскому анализу и в ноябре 1925 г. давала деньги на психоаналитическую прессу» [15, с. 30–31].

Тола тяжело переживала за разрыв, неизбежно случившийся между Фрейдом и ее мужем, который превратился в самостоятельного игрока.

⁶³ Ранк, О. *Травма рождения*. – М.: Аграф, 2004.

«Когда сложности достигли апогея, – пишет Розен, – Фрейд жаловался ей на неблагодарность Отто. Хотя между ней и мужем уже существовала определенная отстраненность, она поехала с ним в Париж в 1926 г. Еще не было окончательно ясно, что она встанет на сторону «отца» против своего мужа, но она продолжала сохранять связь с Фрейдом. Каждый год она ездила в Вену и навещала Фрейда и своих близких друзей. Однажды Фрейд задал ей резкий личный вопрос об Отто, и она тактично защитилась: «Почему Вы меня об этом спрашиваете, Вы ведь знаете, что я думаю и чувствую, зачем делать это еще тяжелее для меня?» Она говорила, что у нее маленький ребенок и она предпочтет хранить верность партнеру по браку. Позже она рассказывала, что напоминала Ранку о том, что сделал для него Фрейд и как Фрейда ранил его уход. Но она очень редко говорила с мужем о его проблемах с профессором или о прочих неприятностях. Оба супруга были замкнутыми и даже скрытными в том, что касалось их жизни. Тола не могла прямо сойтись с Фрейдом, когда она продолжала жить с Отто. Но в результате, когда ее брак почти распался и она начала практиковать анализ, она стала более открыто занимать сторону Фрейда» [15, с. 31].

Как в случае с Лоу Канн и другими женщинами, трудно сказать, насколько далеко зашли отношения между Толлой и Фрейдом. Розен, как и Джонс, пытается отвести подозрения, но как-то уж очень несмело. Он пишет, что

«Тола была экстравагантна в денежных вопросах. Не то чтобы для нее были важны деньги как таковые – она к ним вовсе не стремилась, – но она тратила их слишком беспечно» [15, с. 32].

Ранк не располагал большими деньгами, поэтому не мог ничем особенно порадовать свою жену. Фрейд же всегда использовал слабости людей для достижения своих целей. Он часто делал широкие жесты, выкладывая кругленькие суммы на роскошные подарки, за которые была бы благодарна любая, самая избалованная женщина. Добившись внимания со стороны женщин, Фрейд быстро терял к ним интерес. В результате понятных всем психологам отношений Отто и Тола расстались: он уехал в Америку, она – во Францию. После смерти мужа, накануне второй мировой войны Тола тоже переехала из Европы в Америку. До своей кончины в 1967 г. она, как и Анна Фрейд, занималась проблемами детского психоанализа.

В главе 27 «Разлад» Джонс подробно описывает отход Ранка от венских психоаналитиков. Это – событие обычное: все друзья, с кем Фрейд начинал работать, непременно покидали его, причем, как правило, со скандалом. На сей раз, уход Ранка был тесно связан с ревностью Джонса, который тоже проходил по списку «приемных детей». Между «братьями» часто происходили трения на почве издательской деятельности.

«Он постоянно рассказывал Фрейду о том, – пишет Джонс, – каким невыносимым коллегой я оказался, а природный скептицизм Фрейда обычно изменял ему в таких личностных ситуациях. Я продолжал уверять Фрейда, что ему не стоит беспокоиться на наш счет, что мы с Ранком наверняка сможем привести в порядок наши дела, но его мнение обо мне ухудшилось» [10,⁶⁴ с. 337].

Сначала «папа» принял сторону «сына» Ранка, с которым жил под одной крышей; «сын» Джонс был отрезан от него Ламаншем. Основные проблемы гнездились вокруг издания собрания сочинений Фрейда и работы Международной психоаналитической ассоциации, где функции обоих братьев-комитетчиков тесно переплетались. В августе 1923 г. на заседании Комитета в отсутствие Фрейда конфликт приобрел форму открытого противостояния. Джонс пишет:

«Кажется, я высказал какое-то критическое замечание насчет Ранка – я не могу сейчас вспомнить кому, – и этот недружелюбный жест с моей стороны сразу же стал известен всем. Я извинился за то, что оскорбил чувствительного Ранка, но он отказался принять мои извинения и потребовал, чтобы меня исключили из Комитета. Естественно, другие члены Комитета не соглашались с этим требованием; Абрахам особенно энергично защищал меня, но произошла очень болезненная сцена, во время которой Ранк не мог контролировать свой гнев, а я, озадаченный, хранил молчание» [10, с. 341–342].

И хотя первоначально Фрейд играл на стороне Ранка, впоследствии он принял сторону Джонса. Этому способствовало одно важное обстоятельство, с которым Фрейд не мог не считаться.

⁶⁴ Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1996.

В декабре 1923 г. вышла книга Ранка «Травма рождения», которую родоначальник учения воспринял настороженно. Еще до выхода книги в свет по поводу ее главной идеи он с опаской заметил: *«Любой другой использовал бы такое открытие для достижения собственной независимости»*. Однако своему «приемному сыну» он тогда еще полностью доверял, тем более что Учитель придавал немалое значение моменту рождения человека и первоначально одобрил разрабатываемую Ранком тему. *«Я не знаю, – сказал он как-то Ференци, – сколько здесь правды – 66 или 33%, – но, в любом случае, это самое важное достижение с момента открытия психоанализа»* [10, с. 344]. Тот, кто знаком с шизотимическим нравом Фрейда, прекрасно понимает, что его одобрение или неодобрение труда коллег зависит не от содержания этого труда, а от его расположения к автору и внешних факторов. Как только раздался первый критический залп из Берлина по автору со стороны противников психоанализа, Фрейд тут же изменил свое мнение в отношении книги Ранка. В связи с этой переменчивостью Фрейда Джонс написал:

«Такие колебания вместе с высказываемыми им время от времени противоречивыми замечаниями об этой теории, естественно, затрудняли возможность узнать, каково же было его действительное мнение» [10, с. 344].

Правда состоит в том, что Фрейд никогда не имел определенного мнения относительно чужой теории; единственное, в чем он был уверен на все 100%, так это в истинности своих теоретических построений. Шторм возмущения, разразившийся в Берлине, вынудил Фрейда окончательно пересмотреть свое отношение к «Травме рождения». Он осудил книгу, причем сделал это публично, чтобы автор – не дай Бог! – пошел по стопам двух других его некогда любимых «сыновей» – Адлера и Юнга, отступничество которых «папа» очень болезненно переживал. В циркулярном письме от 15 февраля 1924 г. Фрейд по-дружески, но решительно критикует своего «сына» за то, что он назвал «началом трудностей».

«Я установил происхождение барьера против инцеста из истории первобытной человеческой орды, – писал Фрейд, – и поэтому видел в реально существующем отце подлинное препятствие, которое заново выстраивает барьер против инцеста. Здесь Ранк со мной расходится. Он отказывается рассматривать филогенез и считает страх, противостоящий инцесту, простым повторением страха рождения, так что невротическое вытеснение врожденно определяется процессом рождения. Справедливо, что этот страх рождения переносится на отца, но, согласно Ранку, отец является только предлогом для такого переноса. По существу, предполагается, что это отношение к матке или женским гениталиям является амбивалентным с самого начала. Здесь заключено противоречие» [10, с. 346].

Спор между двумя психоаналитиками – это спор между схоластами, которые оба не правы. Поэтому не станем углубляться в детали их схоластического спора, скажем лишь, что «сын», удалившись еще в период первой мировой войны от своего «отца», многое переосмыслил. Из рассказа Джонса следует, что Ранк изменил не только свои привязанности к определенным людям, но поменял и свое мировоззрение. Стремясь получить материальную и духовную самостоятельность, он бежал от Фрейда сначала во Францию, а потом в Америку. Там он не рассказывал о своем конфликте с Учителем, так что за границей его воспринимали в качестве верного ученика и последователя Фрейда, что сильно облегчало ему жизнь. В такой выгодной для себя роли он трудился в течение многих лет на поприще частной психоаналитической практики, а также участвовал в реализации нескольких социальных проектов, инициированных Пенсильванским университетом.

Розен пишет:

«Американские аналитики, почти все концентрировавшиеся в Нью-Йорк Сити, отчаянно нуждались в тренинге. Они стекались к Ранку с просьбами об анализе, чтобы научиться лучше вести собственную практику. Насколько им было известно, Ранк прибыл к ним как верный эмиссар Фрейда. Ранк взял много пациентов, всех на относительно короткий период, брал большую, чем американские аналитики, плату и пытался распространять свои новые идеи. Американцы ждали от Ранка объяснения некоторых теорий Фрейда, но обнаружили, что он и сам их критикует» [15, с. 24]. Джонс добавляет: «Брилл в мрачных тонах сообщал о тех странных доктринах, которые Ранк провозглашал в Нью-Йорке, и о той неразберихе, которую они породили. Ученики Ранка радостно говорили, что больше нет необходимости анализировать сновидения и делать какие-либо

толкования помимо толкований, связанных с травмой рождения, кроме того, они освобождались от необходимости вдаваться в неприятную тему сексуальности» [10, с. 351].

Фантазии психоаналитиков – товар штучный. Каждый шизотимический ум создает свое виртуальное пространство мифологических образов. У Фрейда оно одно, у Кляйн – другое, у Ранка – третье. Немного надежд на то, что субъективное бессознательное двух шизотимиков целиком совпадут. Каждый самостоятельно мыслящий психоаналитик рано или поздно расходился с основателем учения.

Последний раз Ранк виделся с Фрейдом на его семидесятилетие, в 1926 г., хотя ушел из Венской епархии только в 1929 г. Как написал Фрейд, *«он не желал отказываться от какой-либо части своей теории, в которой отразился его невроз; и он не делал ни малейшего шага для того, чтобы приблизиться к Венскому обществу»*. Несмотря на то, что Фрейд и Ранк всё еще нуждались друг в друге, ждали взаимных уступок и надеялись на примирение, неумолимые законы шизотимического отталкивания сделали свое дело: «приемный сын» окончательно «отвязался» от своего «отца» и превратился в «блудного».

Джонс привел отрывок из письма Фрейда, где говорилось, в общем-то, правильные вещи:

«Ранка увело в сторону его открытие, так же как это случилось с Адлером, но если он станет независимым на его основе, его не ждет такая же удача, как Адлера, так как его теория противоречит здравому смыслу обычной публики, которой льстило адлеровское стремление к власти... Когда Ранк придет в себя, то, несомненно, настанет время вспомнить его огромные услуги и незаменимость и простить ему все его отклонения. Однако я не смею надеяться на это; опыт показывает, что когда кто-либо дает волю своим чувствам, он идет этим путем до самого конца. Я чувствую себя очень подавленным при мысли, что Джонс окажется прав в своем суждении о Ранке» [10, с. 350].

Джонс одним из первых предупредил Фрейда об опасных тенденциях в намерениях Ранка. Он заметил, как тот стал искренне презирать ближайшее окружение Фрейда, «этих шумных пустословов... [с] их детской ревностью». И хотя Ранк в минуты депрессии еще не раз и не два пытался вернуться в гнездышко «папы», он, в конце концов, упорхнул из него навсегда. Он перебрался в Париж, а Тола оставалась жить в доме Фрейдов. До своей кончины Ранк был еще дважды женат. Со своей второй супругой, Анаис, он познакомился во Франции, когда Тола была еще с ним. Они встретились с Анаис Нин и Генри Миллером в 1926 г. К этому времени их новые знакомые успели получить некоторую известность в Европе как писатели. В отношении второй жены Розен поясняет:

«Проза Ранка была тяжеловесна и сложна для чтения, и он хотел, чтобы она [Анаис] переписала его книги, конденсируя и проясняя их содержание. Он ее анализировал, она сама начала практиковать и помогала ему в качестве личного секретаря» [15, с. 34].

Перед нами обычная для психоаналитиков история. Отношения между пациенткой и врачом-аналитиком всегда становятся доверительными, по-другому и не бывает. Врачи-аналитики исповедовали в отношении пациентов две диаметрально противоположные тактики. Одни говорили: для эффективного лечения надо, чтобы пациентка полюбила своего аналитика (без уточнения, каким образом); другие, наоборот, – отрицали любовь. Вторых было меньше, но к ним относился Фрейд, поэтому с их точкой зрения приходилось считаться. Однако мы знаем, что родоначальник психоанализа был человеком крайне неискренним, поэтому вряд ли вторая тактика могла быть защищена его авторитетом. Кроме того, сама придуманная им психотерапевтическая практика требовала установления предельно позитивного отношения между пациентом и врачом, чтобы лечение было эффективным (психоаналитики называют подобные любовно-симпатические отношения лукавым термином «положительный перенос»). Таким образом, всерьез можно считать лишь одну тактику верной – первую. Причем она возникает помимо воли участников психоаналитического процесса, поскольку пациент заранее видит во враче своего спасителя. В самом деле, кто из врачей будет отрицать, что полное доверие и любовь к врачу может творить чудеса? Пациент просто забывает о своих страхах и депрессии, когда врач на его доверие отвечает как минимум вниманием и симпатией.

Отто расстался с Анаис по той же причине, что и с Голой: в своей медицинской практике он повстречал другую женщину. В итоге, за два месяца до своей внезапной кончины он женился в третий раз на своей американской секретарше Эстеле Бьюэл. Она выполняла для него всю ту

же работу, которую брали на себя две предыдущие жены. Ранк умер от аллергии к лекарству, содержащему серу; он выпил его, когда заболело горло. Тогда ему не было и шестидесяти; он только что закончил книгу и строил радужные планы на будущее. Анаис в дневнике о безвременно ушедшем Отто оставила запись:

«В памяти встает живой образ, ясный и отчетливый, взгляд спокойный и пронизательный, его любопытство и интерес, обилие плодотворных идей. У него были хандра, глубокие депрессии, разочарования, фрустрации, но он не становился желчным и циничным. Его вера не угасала, как и его способность чувствовать и реагировать. Он не ожесточился, не стал бессердечным» [15, с. 42].

Не являются ли эти добрые слова, сказанные в адрес аналитика, доказательством эффективности его метода? Нет, не являются. Ранк, как и Фрейд, не имел право лечить других, поскольку сам был человеком психически нездоровым. Все психоаналитики – один в большей, другой в меньшей степени – нуждаются в психиатрической помощи. Отношения между пациенткой и врачом по условию договора остаются в тайне, но по сочинениям Фрейда, Кляйн и других врачей нам хорошо известна их сексуальная паранойя. Теперь возьмите в руки книгу Ранка «Травма рождения», и вы обнаружите все те же шизотимические фантазии, которые выдаются за последнее слово психиатрической науки. Автор без специального на то образования пытается развить идеи Фрейда в крайне странном направлении.

Кому-то может показаться, что данное сочинение – случайный выброс сублимированного либидо больного человека, а издательство «Аграф» выпустило его связи с первоапрельским розыгрышем. Но оказалось, что это не так: книга вышла «по постановлению Ученого Совета Института психологии и сексологии», который находится в северной столице. Главный редактор русского издания В.А. Медведев снабдил труд Ранка аннотацией, где написано, что автор *«попытался встать вровень с создателем психоаналитической вселенной, попробовать по-новому осветить созданный Фрейдом мир»*. Ученым из Санкт-Петербурга показалось, что автор развил стройную систему аргументов, с помощью которых обосновываются важные положения психоанализа, касающиеся бессознательных мотивов поведения индивида в обществе. В основе этой установки, по мнению Ранка, лежат пространственные отношения, которые каким-то образом регистрируются мозгом младенца или даже эмбриона, а затем бессознательно проецируются на повседневную жизнь детей и взрослых. Тем самым удается *«получить глубокое понимание ядра бессознательного, на котором Фрейд основывал свои предположения; такое понимание может оказаться всеобъемлющим и научным»* [15, с. 45]. На самом же деле, мы сталкиваемся с шизотимическим пространством автора, который приписал эмбриону и новорожденному свое нездоровое видение пространственной ситуации. Ранк, как в свое время Фрейд и Кляйн, обращает взор не на реальный, а на придуманный мир виртуальных образов. Чтобы в этом убедиться, обратимся к тексту упомянутой книги.

В разделе «Инфантильная тревожность» Ранк пытается объяснить «универсальный детский страх перед животными» [15, с. 56] с точки зрения сексуальности, но делает это совершенно абсурдным образом. В частности, он уверен, что страхи детей перед большими животными такими, как лошадь и корова, *«связаны с состояниями беременности, о котором ребенок... имеет не только смутные воспоминания»* [15, с. 57]. По мнению автора, ребенок думает, что животное хочет его съесть и, тем самым, вернуть в материнскую утробу. Но кому хочется сидеть в темном и тесном пространстве? Ребенок, естественно, туда возвращаться не хочет, поскольку каким-то образом догадывается, что в этом случае ему придется вновь испытать *«ужасную травму рождения»*.

Перед нами старая схема теоретизирования, которой пользовались и Фрейд, и Кляйн, а именно: «додумывания» за ребенка. Все психоаналитики верят, будто дети догадываются, откуда они появляются и только прикидываются наивными, когда спрашивают родителей, как они появились на свет. Стеснительным родителям приходится обманывать, рассказывая сказку об аисте, который нашел их в капусте и принес в своем клюве. В действительности же дети прекрасно знают и о детородных органах, и о существующих между родителями половых отношениях, и о материнской утробе, где они провели девять долгих месяцев, только эти знания сидят у них глубоко в подкорковой области, так что наружу прорываются сексуальные символы в виде совершенно невинных фраз и поступков. Таким образом, Ранк, как и его учителя, вкладывал в головы несмышленных детишек свои уродливые фантазии.

Иногда психоаналитический прием проецирования сумасбродных идей автора на детское поведение обнаружить сложно. Но, к счастью для нас, предмет исследования Ранка таков, что его

психотимическая методика очевидна и откровенно разоблачает сама себя. Наш незадачливый автор допускает элементарную ошибку восприятия реального мира. Дело в том, ребенок не может сравнить огромный живот лошади или коровы с животом матери, в котором он провел девять месяцев. Находясь в утробе, ребенок не в состоянии оценить размеры живота своей матери, даже если бы он обладал развитым зрением и тактильной чувствительностью (в утробе они еще не сформировались). А раз так, то ребенку нечего бояться большого живота лошади по этой причине. Понятно, что Ранк рассуждает с позиции внешнего наблюдателя, плохо представляя себе утробную жизнь ребенка. Образ внутреннего пространства, например, ящика, когда вы сидите внутри него, принципиально отличается от образа того же ящика, когда вы на него смотрите со стороны.

О ящиках, символизирующих беременные животы, часто говорил и Фрейд. На эксплуатации идеи «емкости для вынашивания детей» он в «Анализе фобии пятилетнего мальчика» сочинил целую сказку. Большое животное в виде белой лошади он превратил в фобию несчастного Ганса. Есть у родоначальника психоанализа рассуждения и о крысе, и о волке и о прочей живности. Ранк же «зоологические» рассуждения своего Учителя развил и довел до полного абсурда.

На первый взгляд кажется, что ошибка пространственного воображения не слишком принципиальна. Однако на этом оптическом обмане строится фактически вся теория Ранка. Так, он утверждает, что ребенок боится не только больших, но и маленьких животных: «мышей, змей, лягушек, жуков» и послушайте почему. Он пишет, что страх, связанный с ними,

«объясняется их специфической способностью полностью исчезать в небольших дырках в земле. Они как бы осуществляют желание вернуться в материнское укрытие. И чувство ужаса возникает именно потому, что они материализуют собственное стремление человека, а именно – вернуться в утробу матери, и он боится, что они могут проникнуть и в его тело» [15, с. 58].

Возражения на эту аргументацию лежат на поверхности. Во-первых, перечисленные Ранком «фаллические животные» не обязательно прячутся «в небольших дырках в земле», а если даже какой-то жучок или червячок прячется в дырочке, маленький ребенок, скорее всего, ничего не знает об этом. Во-вторых, и это уже системная ошибка автора, сидя в животе матери, ребенок не приобретает опыта по захвату самого себя утробой. Младенец также не представляет себе исчезновение пениса отца во влагалище матери, как думает автор, поэтому ему незнаком «эротический образ» исчезающей в норе мыши или червяка.

Автор явно «притянул за уши» сексуальную тематику, когда пытался объяснить естественный страх перед этими «малыми животными». Человек в любом возрасте испытывает антипатию к змеям, тараканам, жабам, и не потому, что они живут в дырках, напоминающих половое отверстие женщины. Такое сходство обнаруживают только сексуально озабоченные мужчины, у которых мгновенно возникает рой сексуальных ассоциаций в ответ на предмет, внешне напоминающий женские или мужские гениталии. Перед перечисленными животными мы испытываем инстинктивный страх, так как боимся, что они покусают нас. Это столь же естественная боязнь, что и боязнь, например, высоты. Мужчинам так же неприятно видеть «фаллическое животное», как и женщинам, хотя у них нет того «главного отверстия», вокруг которого Ранк пытается выстроить свою аргументацию. Он уверяет читателя, будто *«психоанализ давно рассматривает всех маленьких животных, насекомых и т.д. как символических представителей детей и зародышей, не только в связи с их небольшими размерами, но и благодаря их способности увеличиваться»* [15, с. 58]. Всё, что увеличивается в размерах, говорит автор, *«становится символом пениса или, скорее, идеалом пениса, именно благодаря своей способности полностью входить в дыры и исчезать в них»*.

Сопоставление с эрекцией пениса кажется особенно неуместным; подобная аналогия может прийти в голову только взрослому дяде; грудной же ребенок не знаком с этим явлением. Ранк приводит множество сомнительных положений, не только из своего личного опыта, но бездумно повторяет идеи, высказанные его предшественниками.

«Мы с удивлением узнали из анализа, проведенного Фрейдом, – пишет он, – что у мальчиков есть чрезвычайно сильно вытесненный аналог зависти к пенису, присущей девочкам... Речь идет о бессознательном желании мальчика рожать детей через анус. Это фантазийное желание, которое благодаря бессознательной идентификации ребенка и фекалий («анальный ребенок»), а позже ребенка и пениса, сохраняется в бессознательном, и представляет собой попытку восстановить

первичную ситуацию, в которой ребенок еще был «анальным». Это было до того, как он узнал о существовании женских гениталий, первичное восприятие которых оставалось физиологически определенным, но которые впервые стали психологически представлять травму рождения» [15, с. 76].

Задайтесь теперь вопросом, сколько мальчиков мечтает рожать детей через задний проход? Автор, очевидно, не особенно мучился этим вопросом и целиком доверился своему старшему наставнику, который утверждал, будто все мальчики воспринимает свой кал в виде ребеночка или пениса. Таким образом, мы видим, что воображение Ранка, как и воображение Фрейда, перегружено навязчивыми образами самого непристойного содержания. Эти свои эротические видения автор вкладывает в головы безвинных ребятишек, ссылаясь при этом на некие ранее проведенные наблюдения. Автор теории родовой травмы уверен, что новорожденный на всю жизнь запомнил женские гениталии, поскольку прошел через них и испытал сильную физическую боль, которая и запечатлелась в бессознательном отделе его психики. Однако, кому здесь непонятно, в чьей голове прочно засел образ женских гениталий – у младенца в бессознательном или у Ранка в сознании?

Создается впечатление, что последователи Фрейда вступили в соревнование, кто из них красочнее разовьет сексуальные фантазии своего учителя. В «Анализе фобии пятилетнего мальчика» Фрейд наставлял: каждый мальчик думает, что у всех девочек имеется пенис. Ранк взялся дополнить теорию своего Учителя:

«Мальчик хочет как можно дольше отрицать существование женских гениталий, чтобы избежать любых воспоминаний об ужасе прохождения через этот орган, о страхе, который до сих пор отдается во всем его теле».

По его утверждению, бедная девочка испытывает чувство неловкости, *«негативное отношение к своим гениталиям»*, поскольку она знает, что ее детородные органы, причиняют страдания рождающимся детям.

«Эта установка, – пишет Ранк, – и проявляется в так называемой «зависти к пенису», в которой основную роль играет вовсе не сознательная мотивация Эго (зависть). Напротив, доказано, что оба пола пытаются похожим образом отрицать и обесценивать женские гениталии, поскольку человек, независимо от пола, подвергает гениталии матери первичному вытеснению» [15, с. 76–77].

Ранк пишет, что мужчина, совершая половой акт, бессознательно стремится возвратиться в матку женщины.

«Но и в случае женщины, – продолжает автор, – как показывает аналитический материал, ситуация аналогична. С помощью клиторального либидо, столь интенсивно ощущаемого при мастурбации, женщина способна – и даже слишком способна – идентифицироваться с пенисом или мужчиной и косвенно приблизиться к возвращению в утробу».

Ей на бессознательном уровне кажется, что пенис мужчины является ее ребеночком. В связи с этим, говорит Ранк:

«Женщина достигает гораздо более глубокого и нормального удовлетворения этого первичного желания, проявляющегося как материнская любовь, в акте идентификации с плодом» [15, с. 78].

Этим сексуальным бредом Ранк покрывает десятки страниц своей книги, которую рекомендовал к изучению Ученый Совет Санкт-Петербургского института психологии и сексологии. Когда читаешь книгу «Травма рождения», не можешь отделаться от навязчивого вопроса: а не получил ли автор при своем рождении травму головы? В какие глухие времена людям приходило в голову принимать мышей, жучков и паучков за «фаллических животных»? Ни в античную эпоху Сапфо, ни в эпоху Ренессанса, когда папство погрязло в разврате, кажется, таких аморальных глупостей никто не писал. Может быть, автор этих зооэротических текстов в процессе творчества испытывал особую форму сладострастия? Уж не знаю, что и думать. Подозреваю, что психоаналитики открыли шлюзы для извержения какой-то патологической формы слабоумия, копившееся на протяжении истории человечества и вот, наконец, приобретающая легальную форму ложной науки, оно вылилось на головы граждан. Мне кажется, что вся

гениальность Фрейда как раз и состоит в том, что он сумел зажечь зеленый свет для извержения этой несусветной глупости, выдавая её за вершину мудрости.

Я лишь слегка коснулся нескольких первых разделов книги, которые, однако, ясно показывают шизотимический склад ума ее автора. Вряд ли имеет смысл разбирать последующие разделы книги Ранка, претенциозно озаглавленные «Героическая компенсация», «Религиозная сублимация», «Художественная идеализация», «Философская спекуляция» и т.д., если ее автор столь неудачно стартовал. Даже Джонс, терпимо относящийся к эротическим фантазиям Мелани Кляйн, не удержался и о «Травме рождения» написал так:

«Эта книга, плохо и невразумительно составленная, была написана в гиперболическом стиле, более подходящем для объявления новой религиозной веры. Не было представлено никаких данных, которые можно было бы проверить, и большая часть книги состояла из экстравагантных рассуждений в области искусства, философии и религии. В клинической области из этой книги следовало, что все психические конфликты имеют отношение к связям ребенка со своей матерью, а то, что может казаться конфликтом с отцом, включая эдипов комплекс, является всего лишь маской, скрывающей основные конфликты, относящиеся к рождению. Поэтому психоаналитическое лечение должно состоять исключительно в концентрировании с самого начала на навязчивом побуждении пациента повторять в ситуации переноса драму рождения, происходящее же в результате этого перерождение и будет излечением» [10, с. 343].

5. Георг Гроддек

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/apostoly5.htm>

Георг Гроддек является видным психоаналитиком и довольно известным литератором, на творчество которого ориентировался известный писатель Генри Миллер, любовник Анаис Нин, на которой женился Отто Ранк. В распоряжении Гроддека находился небольшой санаторий в курортном городе Баден-Баден. Свободного времени у него было много, поэтому он занялся литературным трудом, а заодно и психоанализом, который, однако, поначалу резко критиковал. Переписка с Фрейдом как раз и началась в 1917 г. с раскаяния и извинений за непонимание и критические выпады. Учитель простил заведующего санаторием, после чего они стали друзьями до самой кончины Гроддека в 1934 г. на 69-м году жизни.

Со стороны казалось, что Фрейд весьма почтительно относится к Гроддеку, но в действительности он молча презирал его за непредсказуемость и льющуюся через край вульгарность. Опасаясь экстравагантных выходок своего нового друга, Фрейд писал ему письма в заискивающем тоне. Как по отношению к своим бывшим друзьям, основатель психоанализа хвалил начальника санатория за его литературный талант, расточал любезности по поводу прозорливого ума новообращенного психоаналитика, но принимать подобную лесть за истинные чувства было бы ошибкой. Это показывает и настороженное поведение Фрейда. Во многих письмах Гроддек просил его посетить санаторий одному или с детьми и супругой, но основатель психоанализа сторонился встречи с экспансивным человеком и всякий раз отшучивался или под надуманными предложениями вежливо отказывался.

Еще до знакомства с Фрейдом, в 1913 г., Гроддек выдвинул странную теорию, согласно которой повышение температуры при инфекционных заболеваниях обусловлено не только усилением притока крови к органам, пораженным болезнью, но и сексуальным возбуждением. Он объявил, что только одни наши «намерения» могут вызвать органические заболевания вроде воспалений, опухолей и кровотечений. Намерения, говорил он, возникают под действием сексуального возбуждения, которое, таким образом, является причиной болезни. Теоретик не желал упрощать свою теорию, предположив, что семя или особый половой гормон непосредственно воздействует на те или иные органы. Ему нужно было, чтобы процесс протекал через психическую субстанцию. Открыв эту окольную дорогу для либидо, Гроддек в анализе стремился усилием своей воли воздействовать на телесные заболевания пациента.

Таким образом, мы вновь сталкиваемся с виртуальными сферами, порожденными шизотимическим сознанием. Ясно, что невозможно обнаружить причинную связь между чирьем и

Георг Гроддек
(Georg Groddeck)

сексуальным вождением, но Фрейд был убежден в ее существовании и всячески поощрял спекулятивные исследования Гроддека. Если болезни возникают под действием неправильных мыслей пациента, говорил он, то они могут лечиться под действием правильных слов психоаналитика. Контакт между пациентом и врачом возникает традиционным для психоаналитиков способом – посредством переноса. Уже в первый год знакомства Учитель написал своему ученику:

«Я отстаиваю свои права на Вас и вынужден утверждать, что Вы аналитик высшей категории, если сумели раз и навсегда ухватить суть вещей. Тот, кто признал, что перенос и сопротивление – основа лечения, безоговорочно принадлежит нашему «дикому племени»».

Гроддек тоже относился к Фрейду с большим пиететом. Например, письмо от 8 ноября 1923 г. начинается словами:

«Досточтимый господин профессор, прошло немало времени с тех пор, как я подал весточку о себе. Тем чаще я думаю о Вас. По сути, мысль о Фрейде никогда не покидает меня».

Далее Гроддек пишет, что он наблюдал, как две роженицы разрешились от беременности. Наблюдая за ними, он заметил, что

«в области родовспоможения психоанализ может достичь самых благоприятных результатов». «В особенности, – уточняет Гроддек, – меня заинтересовало протекание послеродового периода. Удастся проследить до истоков и искоренить противоестественный отказ женщины самой кормить ребенка. У одной из них на 24 часа исчезло молоко, и вновь началась лактация после того, как удалось выявить застарелую и тщательно скрывавшуюся враждебность к ее матери. И, прежде всего, мне стало ясно, что целый ряд осложнений у грудничков вызывается матерью (сознательно или бессознательно), а после анализа матери они исчезают. Всё это было столь поучительно, что во мне растет желание приобрести больше технического опыта в родовспоможении» [7,⁶⁵ т. 1, с. 66].

В письме от 17 апреля 1921 г. Фрейд писал о художественном стиле своего нового друга: «*Ваш стиль замечателен, речь звучит как музыка*». У Гроддека среди психоаналитиков была почетное прозвище – «поэт». После приведенных слов Фрейд повел разговор об *Оно*. Отец-основатель всячески подчеркивал, что понятие *Оно* им позаимствовано у Гроддека. В книге «*Я и Оно*» он пишет:

«Я говорю о Г. Гроддеке, неустанно повторяю: то, что мы называем *Я*, в жизни проявляется преимущественно пассивно, что в нас, по его выражению, «живут» неизвестные и подвластные нам силы. Все мы испытывали такие впечатления, хотя бы они и не овладевали нами настолько, чтобы исключить всё остальное, и я открыто заявляю, что взглядам Гроддека следует отвести надлежащее место в науке. Я предлагаю считаться с этими взглядами и назвать сущность, исходящую из системы восприятия и пребывающую вначале предсознательной – именем *Я*, а те другие области психического, в которые эта сущность проникает, и которые являются бессознательными, обозначить, по примеру Гроддека, словом *Оно*» [7, с. 430–431].

Многие летописцы психоаналитического учения в связи с немецким словом *Es* (*Оно*) часто называют имя Ницше, который использовал его в своем известном сочинении «Так говорил Заратустра». Философ употребил данное местоимение в смысле *сверхчеловека*, поселившегося в человеке. Он сравнивал *Оно* с молнией, сверкнувшей в «человеческой туче». Во многом данный термин был выбран психоаналитиками по тактическим соображениям: для продвижения спекулятивных идей в массы. Подобно тому, как Фрейд кивал в сторону Брейера, он указывал пальцем на Ницше, мол, этот великий мыслитель думал примерно так же, как и я. Но тот, кто серьезно разбирался в механике взаимодействия психических слоев *Оно*, *Я* и *Сверх-Я*, превосходно понимает, что Ницше, а тем более Гроддек имеют весьма отдаленное отношение к разработке теории слоистой психики. Фрейд начал думать над трехуровневой структурой задолго до прихода Гроддека, причем многое из того, о чем он писал, было взято им, по-видимому, у Платона.

Сочетание психоаналитических способностей и писательского дара – скорее правило, чем исключение. Гроддек, как и Фрейд, обладал хорошими литературными способностями. В 1921 г.

⁶⁵ Энциклопедии глубинной психологии. Т. 1–4. – М.: Интерна, Когито-Центр, 2002.

он написал роман скандального содержания под названием «Поиск души». Это произведение особенно оскорбило пастыря Оскара Пфистера, который наряду с другими членами Психиатрического общества настойчиво уговаривал Фрейда не публиковать его в психоаналитическом издательстве «Verlag». Джонс о романе Гроддека писал:

«Это была пикантная книга, с рядом непристойных мест. Несколько аналитиков, в особенности Пфистер, считали, что это не тот тип книги, который годится для открытой публикации научным издательством, а швейцарское общество провело митинг протеста. Но Фрейд нашел эту книгу занятной, единственно, что он сказал в ответ на негодующие письма, которые продолжали в большом количестве приходить из Швейцарии, было: «Я энергично защищаю Гроддека от вашей порядочности. Что бы вы сказали, если бы являлись современниками Рабле?»» [10,⁶⁶ с. 354].

Находясь подле него три десятка лет и зная о Фрейде, кажется, всё, Джонс тем не менее не был в состоянии понять многие его поступки. Вот и сейчас он не смог назвать истинные мотивы, побудившие Фрейда опубликовать книгу Гроддека, а они таковы. Как мы хорошо знаем, в 1905 г. Фрейд издал «Три очерка по теории сексуальности», которые врачи и культурная общественность Европы отнесла к самой низкопробной литературе. Поначалу автора очерков причислили к писателям порнографического жанра, бессовестно претендующего на звание врача-психиатра. И вот, через полтора десятка лет теперь уже Гроддек оказался в таком же положении, в котором находился Фрейд. Отчасти из сочувствия, но главным образом всё же из соображения личной безопасности он стал на защиту Гроддека, так как этот «паяц и шут гороховый» брал на себя функцию громоотвода, гасящего молнии общественного гнева, вызванного сексуальными непристойностями психоаналитического учения. «Искатель души» или, как его называла Лу, «человек-клоп» (по аналогии, «человек-крыса», «человек-волк»), прекрасно экранировал литературные изыски самого Фрейда. Для него автор пошлого романа играл роль пограничного столба, дальше которого психоаналитикам не рекомендовалось заходить. Его коробило, когда Гроддек, лицемерно строя из себя добропорядочного семьянина, являлся на очередное заседание Психиатрического общества с новой «подружкой», которую он «снял» в своей санатории. Но Фрейд решительно гасил возмущенные голоса и был сполна вознагражден за эту адвокатскую деятельность со стороны своего подзащитного.

Никто иной, как Гроддек, в 1927 г. выдвинул своего покровителя в претенденты на получение Нобелевской премии. Эта инициатива, хотя и безуспешная, была живо подхвачена известными художниками литературного пера – Томасом Манном и Стефаном Цвейгом. В общем, Гроддека можно считать образцовым продуктом действия постоянно используемого Фрейдом принципа «разделяй и властвуй». Фрейд не просто умело лавировал в компании непрерывно грызущихся между собой психоаналитиков, ему было намного проще управлять группой враждующих между собой шизотимиков, в которой Гроддек являлся эпицентром возмущения. Когда «аналитики-профессионалы» особенно из американского и швейцарского Психиатрических обществ призывали изгнать из их рядов этого «аналитика-дилетанта», Фрейд категорически возразил: «Ну, зачем же мы будем предавать анафеме Гроддека, ведь он предложил такое ценное теоретическое приобретение, как понятие *Оно*».

Выразителем идеологии фрейдизма был Шандор Ференци – правая рука Фрейда. Он имел самый огромный авторитет в Комитете и обладал наибольшим влиянием на общий климат в психоаналитическом движении. Время от времени он пописывал статейки, задающие направление мысли для активных участников нового «культурного течения». Написал он и небольшое эссе на злобу дня по поводу скандальной книги Гроддека. Начал он так:

«Вероятно, многим читателям немецкой литературы известен темпераментный врач Гроддек, ненавидевший сумрак научных суждений профессоров, своими глазами наблюдавший людей, их болезни и процессы лечения; описывал всё собственными словами, не позволяя запихнуть себя в прокрустово ложе ученой терминологии» [17,⁶⁷ с.145]. Ференци отметил, что автор не искал «литературной славы, вероятно, он видит в романе подходящую форму для выражения своих убеждений, своих достижений в понимании людей, их жизни, их болезней».

Далее идеолог-рецензент кратко остановился на характеристике «искателя души». В нем живут два человека – шут и гений. «*Воюя с клопами, которые завелись в его доме, наш герой*

⁶⁶ Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1996.

⁶⁷ Ференци, Ш. *Тело и подсознание*. – М.: NOTA BENE, 2003.

«сходит с ума», а точнее освобождается от всех социальных оков» [17, с.148–149]. Под маской шута он говорит представителям высшего света гениальную правду. Герой книги Гроддека побывал также в тюрьме, кегель-клубе, больничной палате, зоологическом саду, картинной галереи, вагоне 4-го класса, среди проституток, карточных шулеров, шантажистов; и всюду он гениально шутит.

«Лейтмотивом же его шутовства-дурачества является крохи воспоминаний о драматической войне с клопами, символику он неоднократно подчеркивает на протяжении романа. И вообще радуется как ребенок каждому символическому сравнению, что мастерски показано автором. ... Сексуальность есть центр, вокруг которого вращается весь символический мир, вобравший в себя человеческие желания и мечты. В мире господствует это грандиозное единство, а раздвоение души и тела – лишь суеверие» [17, с.149–150].

Как у всех шизотимиков, у Гроддека мы находим виртуальное пространство для своего безудержного фантазирования. Автор проводит более чем странную идею, будто человек думает не только мозгом, но и всем своим телом. Поскольку душа разлита по всему организму, говорит Гроддек, получается так, что и мозоль в состоянии мыслить, и «даже испражнения могут выразить мысль». Излишне говорить, что произведение Гроддека изобилует сексуальными реминисценциями. По его мнению, «эрогенные зоны могут быть представлены формами лица, например, двойным подбородком». Основное предназначение человека – роды; женщина делает это известным всем способом, мужчина – сублимирует.

«Мечта о рождении детей настолько пронизывает человеческие стремления, что отражается телесно в виде тучности: «стать жирным можно лишь из-за неудовлетворенного желания родить ребенка». «Искатель души» «наиболее грубо выступает против ученых, особенно против врачей, чья ограниченность является излюбленной мишенью его острот. С легкой иронией он критикует догматику психоаналитиков, но это выглядит нежностью по сравнению с жесткой сатирой, с которой он громит «школьных психиатров»» [17, с.150–151].

Выпады Гроддека против профессионалов были вызваны не только его личным презрением к ним, но и ожесточенной дискуссией, развернувшейся в этот период вокруг вопроса: «Имеет ли право дилетант проводить ψ-анализ больного?» Себя Гроддек демонстративно называл «аналитиком-дилетантом». Впрочем, среди психоаналитиков, включая самого Фрейда, никогда и не было настоящих специалистов. В психоаналитики шли те, кто не мог проявить себя профессионалом в какой-либо конкретной области деятельности. Из всех дилетантов, окружавших родоначальника психоанализа, уважение заслуживала разве что его дочь, которая, не учась в университете и закончив лишь низшие педагогические курсы воспитателей, тем не менее, обладала некоторой природной рассудительностью.

Первые женщины-психоаналитики – Гуг-Гельмут, Мелани Кляйн, Мария Бонапарт, Лу Андреас-Селоме – тоже не кончали никаких университетов, однако же, на фоне Анны Фрейд выглядели взбалмошными и неразумными «классными» дамами, которые свою половую распущенность выдавали за особую этику. Среди мужчин-психоаналитиков, окружавших Учителя, Гроддек был в своем дилетантстве не одинок. Отто Ранк получил университетский диплом искусствоведа, Ганс Закс – диплом юриста, а ведь они входили в шестерку комитетчиков, влияющих на политику, проводимую Международным психоаналитическим обществом. Близким к Фрейду был священнослужитель Оскар Пфистер. В принципе, психоаналитиком мог стать любой, кто признавал фрейдистское учение и готов был принять участие в его распространении. Психоаналитическое общество никогда не представляло собой содружество ученых. «Папочка» окружил себя бездарными льстецами, которые, как драчливые дети, боящиеся отцовского гнева, смотрели ему в рот в ожидании приказа. Все самостоятельно думающие исследователи от него ушли. Если не считать Брейера и Флисса, первыми, кто оставил Фрейда, были Адлер и Юнг.

В довольно объемистой работе «Проблема дилетантского анализа», написанной в 1926 г., Фрейд высказался в пользу дилетанта и против врача-медика или специалиста в области традиционной психиатрии. Другого и не следовало ожидать: не мог же он прогнать от себя апостолов – близких и преданных ему учеников, занимающихся пропагандой его вероучения. Упомянутая работа лишней раз доказывает, что ее автор создал не науку, а религию. Фрейд – проповедник, готовый выступить со своей проповедью только перед толпой невежд. Он рассказывал о чудесном выздоровлении Анны О., в которое поначалу верила лишь самая легковверная публика. О чуде исцеления этой душевнобольной рассказывалось сотни раз во всех

частях света, так что по прошествии нескольких десятилетий произошла естественная канонизация и институционализация учения ловкого проповедника. Со временем мифы приобрели статус «общеизвестных фактов науки», которые обыватель не ставил под сомнение. Когда же Фрейд выступал перед профессионалами, его псевдонаучные фантазии неизменно подвергались громогласному осмеянию.

И вот, сделавшись одним из самых известных медиумов мира, Фрейд открыто высказался против профессиональной психиатрии. Уже в речи 1909 г. перед американской аудиторией он сказал:

«Я узнал не без чувства удовлетворения, что большинство моих слушателей не принадлежит к врачебному сословию. Не думайте, что для понимания моих лекций необходимо специальное врачебное образование» [18,⁶⁸ с. 60].

Позднее он проникся большим презрением к специалистам, от которых в молодые годы неоднократно испытывал унижения. В работе «Проблема дилетантского анализа» он писал:

«Можно было бы напомнить, насколько недружелюбно, даже враждебно относится врачебное сословие к анализу с момента его возникновения. Из этого следует, что врачи и сегодня не имеют на него никакого права» [19,⁶⁹ с. 147–148].

Фрейд считал психоанализ «основанием» и «фундаментом» психологии вообще, крохотной частью которой являлась врачебная психиатрия. Психоаналитическое образование, по мнению отца-основателя, должно включать

«историю культуры, мифологию, психологию религии и литературоведение. Без хорошей ориентации в этих областях аналитик не сможет понять большую часть своего практического материала. Поэтому он может, ничуть не вредя своим целям, пренебречь главной массой того, чему обучает медицинский институт. Как знанием строения костей предплюсны, так и структурой углеводорода, расположением волокон черепно-мозговых нервов, всем, что на сегодня медицина знает о бациллах – возбудителях болезней и борьбе с ними, о сывороточной реакции и новообразованиях в тканях. Конечно, всё это само по себе необычайно ценно, но для будущего аналитика совершенно бесполезно. Это не поможет ему прямо ни в том, чтобы понять и вылечить невроз, ни в том, чтобы это знание принесло что-то такое, что обострило бы его интеллектуальные способности, к которым его деятельность предъявляет наибольшие требования» [19, с. 138].

Пренебрежение медицинскими знаниями привело к тому, что Фрейд и его сторонники исключили из сферы своего внимания материальные причины психических заболеваний. Современные психоаналитики также не задумываются о возможном повреждении мозговой ткани, никогда не берут в расчет физическое нарушение связей внутри нейронных сетей и редко прибегают к медикаментозному лечению. Во всех случаях они используют одну и ту же рецептуру заговора, состоящую из психоаналитической похлебки в виде свободных ассоциаций, переноса и вытесненных травм.

В послесловии, написанном в 1927 г., Фрейд разоткровенничался и признался:

«Я вообще не являюсь хорошим врачом. Я стал врачом из-за объективной невозможности осуществить мое первоначальное намерение. Мой жизненный триумф заключается в том, что на большом окольном пути я вновь нашел первоначальное направление. В детские годы я не ощутил у себя потребности помогать страдающим людям. Мои садистские наклонности были не слишком велики, так что я не нуждался в особом внимании к ним и в их исправлении. Я никогда не играл в «доктора», мое инфантильное любопытство, очевидно, удовлетворялось другим путем. В юношеские годы могущественной была потребность понять кое-что из загадок этого мира, а возможно, и самому внести что-либо в их решение. Запись в число студентов медицинского факультета подходила для этого лучше всего. А затем начались мои безуспешные попытки с зоологией и химией, пока я, наконец, под влиянием фон Брюкке – наибольшего авторитета, который когда-либо воздействовал на меня, – не остановился на физиологии. Конечно, в те времена физиология почти всецело ограничивалась гистологией. В то время я уже сдал все медицинские экзамены, без всякой заинтересованности в практической деятельности врача, пока предостерегающие слова уважаемого учителя не обратили мое внимание на то, что в моей бедной материальной

⁶⁸ Фрейд З. *О психоанализе* / Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М.: МПСИ, 2000.

⁶⁹ Фрейд З. *Избранное* / Перевод с нем. Николаев В.И. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

ситуации, мне лучше бы отказаться от научной карьеры. Так я пришел от гистологии нервной системы к невропатологии, а на основе этих интересов к лечению неврозов. Но я думаю, что недостаток в подлинной медицинской установке врача не очень сильно повредил моим пациентам» [19, с. 148–149].

Берта Паппенхейм, она же – Анна О., на которой Фрейд, собственно, и выковал свой психоаналитический метод, вряд ли согласилась бы с последним утверждением. Тем не менее, из этого пассажа ясно, что вначале по финансовым соображениям родоначальник психоанализа ушел из сферы рациональной науки (гистологии и физиологии), а потом из-за отсутствия сострадания к больным и нежелания стать профессионалом в медицинской практике он оставил и поприще традиционного врача. Однако, как бы искренне не звучали его приведенные выше слова, мы должны помнить о шизотимической психике написавшего их. Те утверждения, которые Фрейд выпячивал вперед, нужно воспринимать в зеркально-симметричном отражении. Если написано: «В то время я уже сдал все медицинские экзамены», то надо читать: «в то время я еще не сдал все медицинские экзамены»; если он благодарит Брюкке, то в действительности он его ненавидит; если отказ от научной карьеры он объясняет стесненными материальными обстоятельствами, то не верьте этому: Брюкке сумел бы решить эту проблему, прояви студент большее прилежание.

Фрейда никогда не переполняли альтруистические чувства. К страданиям больных он оставался равнодушным и, вообще, людей он не любил, хотя и заявлял, что психоанализ возник из желания помочь людям. В двух предыдущих книгах – [1] и [2] – немало говорилось о его огромном желании прославиться, только он не знал, в какой конкретно области. После окончания университета Фрейд перепробовал множество медицинских специальностей – от хирурга до дерматолога, – но ни в одной из них он не смог доказать свою профессиональную пригодность. И лишь подвизавшись в качестве психотерапевта, будущий отец-основатель выдумал теорию и практику врачевания, где отвел себе роль медиума-толкователя бессознательных проявлений – сновидений, оговорок и описок. В эту мошенническую психиатрию поверили миллионы обывателей, обеспокоенные своим душевным здоровьем. Однако настоящими знаниями Фрейд не владел, так что специалисты, работавшие рядом с ним на ниве традиционной медицины, постарались отмежеваться от дилетанта, объявившего себя знатоком тайных сил «глубинной психики».

Дискуссию по вопросу противостояния врача и дилетанта автор работы «Проблема дилетантского анализа» закрыл следующими доводами. Да, сказал он, аналитик должен располагать знаниями, которые превосходят знания фельдшера и массажистки, но квалифицированное образование врача ему не к чему. Тут же возникает вопрос: как можно лечить с помощью общих знаний истории культуры и религии, не относящихся непосредственно к здоровью человека? Оказывается можно, если прибегнуть к особо сочиненной проповеди.

«Хорошо обученному дилетанту-аналитику, – заверил Фрейд, – будет совсем нетрудно создать себе репутацию, которая подобает светскому священнику. Формулой «светский священник» вообще можно было бы описать функцию, которую аналитик, будь он врач или дилетант, осуществляет по отношению к лечащейся публике. Наши друзья среди протестантских, а недавно и католических духовников часто освобождают свою паству от жизненных проблем тем, что восстанавливают их доверие, предоставляя им часть аналитического объяснения их конфликтов... Мы, аналитики, ставим нашей целью дать, по возможности, полный и далеко идущий анализ пациента; мы не желаем облегчить свою работу путем принятия пациента в католическую, протестантскую или социалистическую общину, но обогащаем его из его же собственных глубин тем, что мы предоставляем его Я недоступную ранее энергию, которая из-за подавления лежит связанной в бессознательном пациента, а также ту другую энергию, которую Я должно непродуктивно растрачивать на поддержание вытеснений» [19, с. 151–152].

Фрейд – дилетант и все его дилетантские аргументы мы слышим сегодня от «потомственных целительниц», «лечащих» онкологические заболевания заговором, т.е. всё тем же психоаналитическим методом «целительного» словоблудия. Кто из профессиональных врачей будет защищать дилетантов и заверять народ в том, что «целительными словами» может овладеть любой желающий, стоит ему заплатить членские взносы в кассу Психоаналитического общества? Не идите к протестантам, католикам и социалистам, призывает нас Фрейд, идите к нам, в психоаналитическую общину, мы научим вас, как дурачить простаков. Деятельность настоящих ученых принимает совершенно иные формы, не имеющие ничего общего с

мистическими заклинаниями. Разве не ясно, что Фрейд действовал как обыкновенный мошенник, убедивший доверчивую публику, будто он, произнося слово «бессознательное», переносится в потусторонний мир сексуальной энергетике, откуда черпает недоступную простым смертным «целительную силу».

Жизнь Фрейда и деятельность основанного им Психоаналитического общества – это, по существу, типичная жизнь афериста-лжепророка, который окружил себя небольшой группой заговорщиков и огромной толпой фанатиков, наивно поверивших в медицинские чудеса. Из последнего процитированного отрывка видно, что Фрейд рассматривал психоанализ в качестве нового вероучения, а себя – в роли Мессии. Чем его учение отличается от учения Моисея? Что в нем истинно научного? Произнесением нескольких «ученых» словечек он собирался одарить человека скрытой в нем психической энергией. Но не так ли во все времена поступали народные чудодеев? Древние волхвы хотя бы для отвода глаз приготавливали «живую воду» и «эликсир бодрости», а здесь и этого нет. Неужели за многие сотни лет не все слова были говорены или пропущена какая-то их колдовская комбинация, приводящая людей к исцелению от всех душевных недугов? Нет ничего удивительного и в том, что один бессовестный авантюрист смог одурачить тысячи своих коллег (такие случаи история знает), только это еще не значит, что перед нами выдающийся доктор. Чтобы заставить о себе заговорить миллионы, не нужно обладать интеллектуальными или моральными достоинствами; истина заключена как раз в обратном.

6. Вильгельм Штекель

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/apostoly6.htm>

Вильгельм Штекель считался аналитиком-профессионалом, однако Фрейд отзывался о нем крайне нелестно: «Он – всего лишь звонарь». Эта характеристика «папочки» в адрес «шалопутного сынишки» вызвана следующими обстоятельствами. Джонс вспоминает:

Вильгельм Штекель
(Wilhelm Stekel)

«Фрейда очень раздражала привычка Штекеля рассказывать на собраниях Общества эпизоды из своей жизни, которые, как Фрейд знал по опыту, являлись целиком вымышленными, а затем вызывающе смотреть на Фрейда, как бы провоцируя его на нарушение профессиональной этики опровержением его слов. Однажды я спросил Фрейда, считает ли он *Я-идеал* универсальным атрибутом человеческой психики, и Фрейд с задумчивым видом отвечал: «Вы думаете, Штекель обладает *Я-идеалом*?»»

Джонс привел фразы, которые Штекель частенько повторял на заседаниях Психоаналитического общества, собиравшегося по средам в квартире Фрейда.

«Только этим утром, – заверял он присутствующих, – я столкнулся с аналогичным случаем...». Далее шло повествование мгновенно сочиненной им истории с «пациентом в среду», как окрестили больного, которого Штекель приводил в качестве примера. Если его просили каким-либо способом доказать сообщенную им странную информацию, он сердито отвечал: «Я нахожусь здесь для того, чтобы делать открытия; другие люди могут их доказывать, если им это заблагорассудится» [10,⁷⁰ с. 263].

Понятно, что сообщаемые Штекелем факты, пишет Джонс, «ни у кого не вызвали большого доверия»; «у него полностью отсутствовала научная совесть». Фрейда раздражало, что Штекель не подчинялся заведенным им правилам солидной игры. Фальсификациями занимались многие, но они старались хотя бы создать видимость науки; этот же «паяц» ничуть не беспокоился о приличии. Его вызывающее поведение сильно раздражало психоаналитиков, в том числе и Фрейда. К шутловству добавлялись и другие пороки его испорченного характера. В письме к Ференци от 17 октября 1912 г. Учитель написал: «Штекель – свинья, он постоянно сеет вокруг себя недовольство и мелочную зависть, разжигает возмущение по самым ничтожным поводам». Но «свинство» Штекеля не проистекало от его злонамеренности; в общем, он был добрым и веселым малым. Любимый предмет психоаналитиков – лингвистика; они разложили фамилию Штекеля на два компонента – *St. Ekel*, что означает «святая дрянь».

⁷⁰ Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1996.

Уже неоднократно говорилось, что всякий психоаналитик был, прежде всего, литератором, мастером слова и, конечно же, большим фантазером. Это железное правило никем не нарушалось, во всяком случае, для психоаналитиков первого призыва, к которым относился Штекель. Не стеснясь, он придумывал такие душещипательные истории, что исповеди Блаженного Августина и Жан-Жака Руссо покажутся блеклыми и недостаточно искренними. Обычно Штекель сочинял малые произведения – новеллы, рассказы и фельетоны, многие из которых носили остро публицистический характер, но были у него и большие романы. Почти во всех его произведениях так или иначе затрагивалась характерная для психоаналитиков сексуальная тематика. Штекель, Гроддек, да и сам Фрейд положили начало литературному течению, которое затем развивалось в тесном взаимодействии с экзистенциалистской философией и сюрреалистическим восприятием действительности. Чтобы получить представление об этой художественной форме, можно порекомендовать прочесть что-нибудь написанное Шницлером, Камю или Сартром.

По поводу литературных дарований Штекеля Джонс пишет: он

«писал очень бегло, но небрежно, являлся прирожденным журналистом грубого пошиба, для которого производимый эффект был намного важнее, чем истинность сообщаемых фактов. И действительно, он частично зарабатывал себе на жизнь, постоянно поставляя фельетоны в местную прессу» [10, с. 263].

Лу Андреас-Саломе в письме к Фрейду от 25 февраля 1924 г. обвинила его в «погоне за сенсациями, граничащими с непристойностью». Его излюбленный литературный прием – гипербола; ею он пользовался постоянно и весьма изобретательно. Мекаччи привел большой отрывок его типичного сочинительства, в котором описывается психология некоего «зеркального человека». У читателя, которого больше интересует наука, чем литература, после прочтения этого рассказа непременно возникнет вопрос: существуют ли такие люди на самом деле?

«Господин Дж.Л., – пишет Штекель, – тридцать девять лет. Он может совершить половой акт только в том случае, если видит себя за этим занятием [в зеркале]. Интерес к половой партнерше для него вторичен. Самое страстное его желание – покрыть зеркалами стены и потолок своей комнаты. Он влачит жалкое существование, поскольку копит деньги в надежде осуществить свою мечту и сделать это с размахом. В своих фантазиях во время мастурбации пациент всегда видит себя в такой комнате, полной зеркал. Обычно он мастурбирует, глядя на свое отражение в зеркале. Это – «зеркальный человек». Он носит с собой множество карманных зеркал и часто подносит их к своему лицу» [4,⁷¹ с. 101].

Гиперболический эффект возникает в силу заикливания на одном и том же предмете, в данном случае, зеркале. Автор решил выдать за паранойю выдуманную черту человека, жизнь которого целиком замыкается на этот предмет. Возможно, что толчком для этого рассказа послужил реальный случай, только автор слишком уж усилил и расширил его болезненное пристрастие к зеркалам.

Подобно Фрейду, Штекель ушел из жизни добровольно в 1940 г. В молодые годы он часто мастурбировал, после чего сильно переживал, о чем написал в автобиографии. На этой почве у него развилась импотенция, а затем сильный невроз. Одна из первых работ Штекеля, написанных в 1895 г., т.е. до знакомства с Фрейдом, посвящена странной теме – коитусу в детстве. Таким образом, слишком многое говорит о том, что этого душевно нездорового человека нельзя было подпускать к пациентам, страдающим, как и он, нервно-психическими расстройствами. Однако, не умея помочь себе, психоаналитики смело шли на помощь другим. В принципе, это понятная ситуация: если у врача диабет, он, естественно, будет особенно внимателен к диабетикам. Аналогично поступал и Штекель: у своих пациентов он в первую очередь допытывался, какие проблемы у них с сексом, занимаются ли они онанизмом и не страдают ли от импотенции. Другое дело, что причина заболевания пациента часто лежала совершенно в иной плоскости. Тогда шокирующие вопросы психоаналитика выводили его из равновесия. Как показывает практика, психоанализ часто приводил не к улучшению состояния больного, а к его резкому ухудшению.

⁷¹ Мекаччи Л. *Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа.* – М.: Смысл, 2004.

Никто не мог длительное время находиться рядом с Фрейдом, чтобы не петь ему дифирамбы и Штекель не был исключением. Например, об «Анализе фобии пятилетнего мальчика» он написал:

«Я не знаю такого документа, который позволял бы настолько глубоко проникнуть в самую суть жизни ребенка и столь же полно раскрывал бы конфликты человека искренней души».

Обманщик обычно подозревает в своем грехе других. Наверняка, Штекель считал Учителя таким же обманщиком, как и себя самого, поэтому его отзыв об «исповеди малыша Ганса» вряд ли был искренним. В «Исходах психоаналитического лечения» Штекель писал:

«Каждый невротик бережет тайну своего невроза, как драгоценному сокровищу, как золото Рейна, которое он никому не позволит похитить» [20,⁷² с. 83].

Обманывая сам, Штекель не верил и своим пациентам, что подавалось под вывеской «закономерного сопротивления» больного лечению. Это антигуманное понятие было введено в психоанализ Фрейдом как раз из-за постоянного неприятия пациентами методов «лечения» врача. В качестве альтернативного понятия у него выступал «позитивный перенос».

Однако Штекель, которому с трудом удавалось вызвать симпатию пациента к своей персоне, сделал ставку на первой, негативной категории. Так, под прикрытием клятвы Гиппократова, обязывающей не разглашать медицинские тайны, он стал буквально мучить своих беззащитных пациентов, при этом заверял своих коллег, что пациент ради обмана врача пойдет на любые хитрости. В частности, больной начинает изучать специальную литературу по психоанализу с целью упредить возможные ответные действия врача. Но, говорит Штекель, «я вполне согласен с Фрейдом, который не советует подготавливать пациентов к пониманию психоанализа и помогать этим лечению», так как «аналитик, подготавливающий своих больных чтением, похож на стратега, раскладывающего перед неприятелем план своих военных действий». По его мнению, из опасения лишиться своего невроза, пациент затевает длительную игру с лечащим его врачом, и так как намерения врача ему становятся известны, он нередко одерживает победу в навязанном им поединке.

«Чем глубже я проникаю в сущность анализа, – пишет Штекель, – тем тверже мое убеждение, что анализ есть непрерывная борьба с сопротивляющимся больным, который не хочет быть здоровым, хотя он патетически заявляет всегда противоположное» [20, с. 85].

Штекель поделился своим опытом борьбы с уловками пациентов. Однажды он попросил пациента проинтерпретировать свою повышенную чувствительность к скрежету мела по ученической доске. Пациент, знавший о приверженности врача к теории сексуальных символов, не долго думая, выпалил: мел – символ фаллоса, доска – символ влагалища. «Мудрый» врач быстро сообразил, что этим прямолинейным толкованием его хотят ввести в заблуждение. Он решил перехитрить «образованного» больного, предложив несексуальную трактовку указанных предметов: мел – символ кости, доска – символ бархатистой кожи.

И тут, говорит Штекель, пациента неожиданно прорвало; оказывается, кожа и кости сильно беспокоили пациента. Психоаналитик пишет: «Вчера он говорил целый час о каннибализме. Он открыл множество садистских фантазий, которые играли большую роль в его детстве» [20, с. 93]. Пациент рассказал о торговце «сладкой ветчиной», у которого в магазине имелся потайной люк, куда проваливались непонравившиеся ему покупатели («сладкая ветчина» была приготовлена из мяса этих несчастных покупателей). На впечатлительного ребенка, каким был пациент, оказали гнетущее воздействие история о «съеденной возлюбленной», он также верил антисемитским басням о евреях, которые пьют кровь младенцев. Задача психоаналитика, назидательно поучал Штекель, как раз и состоит в том, чтобы избавить больного от подобных «страшилок».

Но давайте задумаемся, о чем, собственно, написал автор. Он утверждает, что все те, кого раздражает скрежет мела о доску или металла о стекло, являются психически ненормальными людьми, заработавшими в детстве упомянутый или похожий на него комплекс. Но на чем обосновывается такой страшный для пациента вывод? По Штекелю получилось, что мел и доска

⁷² Штекель В. *Исходы психоаналитического лечения / Зарубежный психоанализ.* – СПб. Питер, 2001.

могли символизировать по паре взаимоисключающих вещей; в действительности же вариантов толкования может быть бесконечно много. Создается впечатление, что аналитик, говоря о коже и кости, заранее знал о предметах, беспокоящих пациента. Как можно было угадать с этой интерпретацией? Понятно, что плодотворно лечить при наличии многозначности невозможно. Неожиданное попадание в десятку подсказывает нам, что «каннибальскую» историю, как и историю с «зеркальным человеком» Штекель, вероятнее всего, придумал – уж слишком у него всё хорошо сошлось. Теперь представьте на месте его пациента – себя. Что вы почувствуете, когда из вашего отвращения к скрипу рессор конного экипажа психоаналитик делает следующий вывод: это раздражение вызвано скрипом кровати, когда отец домогался вас в детстве? Сам травмирующий эпизод, уверяет он, стерся из вашей памяти, но чувство отвращения – осталось. Разумеется, вам и в голову не придет, что этот милого вида «доктор» может так бессовестно обманывать.

В 1911 г. Штекель опубликовал главный научный труд своей жизни – «Язык сновидений», где развил свою теорию символов. Книга оказала решающее влияние на формирование психоанализа. В связи со штекелевским тотальным символизмом Фрейд в третьем издании «Толкований сновидений» внес серьезные изменения в интерпретацию некоторых снов. Об этом он написал следующее:

«Я обнаружил присутствие символизма в сновидениях с самого начала. Но лишь постепенно, с расширением опыта я по достоинству оценил весь его размах и значение и сделал это под влиянием... Вильгельма Штекеля... [Он] пришел к своей интерпретации символов интуитивно, благодаря особому дару непосредственного их понимания... Продвигаясь вперед в наших психоаналитических исследованиях, мы обратили внимание на пациентов, у которых такого рода непосредственное понимание символизма сновидений было выражено в удивительной степени... Этот символизм не специфичен для сновидений, а характерен для бессознательного формирования и восприятия идей вообще, в особенности в рамках одного народа; его можно обнаружить в фольклоре, народных мифах, легендах, лингвистических идиомах, в мудрых пословицах и широко распространенных остротах в еще большей мере, чем в сновидениях».

Фрейд добавил полтора десятка страниц [11,⁷³ с. 285–302] к пятой главе, где привел обширный перечень расшифровки символов сновидения и дал несколько показательных примеров сексуального толкования снов в свете штекелевского символизма (кое-что я процитировал в девятой главе своей книги [1]).

После ухода Штекеля из Психоаналитического общества Фрейд писал о нем чрезвычайно сдержанно. Так, в историческом очерке 1914 г. он написал:

«Я мог установить символику сновидения гораздо раньше, чем нашел указания на этот счет в сочинениях Шернера. Я оценил в полном объеме это средство выражения сновидения лишь позже, отчасти под влиянием исследований Штекеля, сначала заслуженного в психоанализе деятеля, а затем проявившего небрежность» [21,⁷⁴ с. 19]

(«небрежность», видимо, в толковании снов). За глаза отец-основатель высказывался о книге Штекеля весьма нелюбезно: она, говорил он, «унижает нас, несмотря на внесенный ею новый вклад». Однако Штекель гордился тем, что оказался полезен своему Учителю. В связи с этим он говорил: «Карлик на плече гиганта может видеть дальше, чем сам гигант». Услышав эти слова, Фрейд ехидно заметил: «Может это и так, только это не относится к вше в волосах астронома» [10, с. 264].

Штекель сочинял пошловатые стишки и пришел к своей теории символического сновидения именно через поэзию, в которой символизм в начале XX в. был одним из самых модных течений в Европейской культуре. Однако многие исследователи культуры, говоря об идеологии символизма, ссылались не на манифесты поэтов-символистов, а на «ученое» сочинение психоаналитика-символиста. Так, исследователь мифов, Джозеф Кэмпбелл, в своем известном труде «Тысячеликий герой» (1948) привел содержание и трактовку нескольких сновидений из книги Штекеля, которые будут интересны и нам, так как позволят проследить,

⁷³ Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Минск, 1997.

⁷⁴ Фрейд З. *Очерк истории психоанализа* / Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М.: МПСИ, 2000.

каким образом одна спекулятивная концепция могла оказать воздействие на самые различные культурологические изыскания.

Кэмпбелл пересказал сновидение, взятое из штекелевской книги «Язык сновидений», в следующем контексте:

«Специфические психологические проблемы человека очень часто с трогательной простотой и силой раскрываются в сновидении: «Я должен был взобраться на гору. На пути было множество разного рода препятствий. Мне приходилось то перепрыгивать через канаву, то пробираться через густой кустарник, и наконец я вынужден был остановиться, потому что у меня перехватило дыхание» [22,⁷⁵ с. 108].

Какую «специфическую психологическую проблему человека» характеризует это сновидение, т.е. кого имел в виду Штекель? Оказывается, он пересказал сон заики. Теперь снотолкователи решают, что заикам должны сниться подобные «препятствия», которые выдают их внутреннюю «проблему». Данный случай, позаимствованный Кэмпбеллом у Штекеля, – типичный пример ненаучного подхода к предмету исследования.

Разумеется, человеку, потерявшему правый глаз, часто сняться кошмары, будто он теряет и левый глаз. Таким образом, «проблема» дает о себе знать в сновидениях. Однако в пересказанном сновидении препятствия в виде канавы и кустарника могут отражать реальный пейзаж, который сновидец, когда-то видел наяву. Почему всякий раз, когда будут сниться канавы и кустарники их надо привязывать к заиканию? Ответственный психотерапевт должен воздерживаться от высказывания случайно возникшей у него ассоциации, чтобы не травмировать психику обратившегося к нему за помощью пациента. Полагаться же на сновидения как первейший источник для психоаналитических выводов – значит уподобляться гадалке, которая верит в существование связи между картами и судьбой человека. Чтобы убедиться в ненадежности теории Штекеля, нашему читателю предлагается проинтерпретировать содержание восьми сновидений, изначально опубликованных в книге «Язык сновидений», а затем воспроизведенных, как наиболее показательные, в книге «Тысячеликий герой». Попробуйте по этим сновидениям сказать что-то о людях, которым эти сны приснились.

Сон 1: «Я стояла у озера, которое казалось совершенно спокойным; внезапно налетела буря, поднялись высокие волны, так что всё мое лицо забрызгало водой».

Сон 2: «Я следовал за девушкой, которая шла впереди меня по темной улице; я мог видеть ее только сзади и восхищался ее великолепной фигурой. Меня охватило страстное желание, и я побежал за ней. Внезапно луч света, будто бы отпущенный пружиной, пересек улицу и преградил мне путь. Я проснулся с колотящимся сердцем».

Сон 3: «Я сел в машину, но не знал, как ею управлять. Сидящий за мной человек давал мне указания. Наконец всё пошло, как следует, и мы приехали на площадь, где стояло много женщин. Мать моей невесты приветствовала меня с огромной радостью».

Сон 4: «Камень разбил лобовое стекло моего автомобиля. Теперь я была открыта ветру и дождю. И я заплакала. Доберусь ли я когда-нибудь до нужного места на этом автомобиле?»

Сон 5: «Я увидел лежащую на земле половину лошади; у нее было только одна передняя нога; лошадь пыталась встать, но ей это не удавалось».

Сон 6: «Меня укусил ребенок».

Сон 7: «Я оказался закрыт в темной комнате вместе со своим братом. У него в руке был большой нож. «Ты сведешь меня с ума и доведешь до сумасшедшего дома», – сказал я ему. Он рассмеялся со злым удовлетворением, отвечая: «Ты никуда не денешься от меня. Нас сковывает цепь». Я посмотрел на свои ноги и впервые заметил, что меня с братом сковывала толстая железная цепь».

Сон 8: «Человеку снится, что он находится совершенно один в глубоком подвале. Стены помещения, в котором он находится, становятся всё уже и уже, так что он не может шевельнуться».

Я лично считал бы следующие ответы близкими к истине.

Сновидец 1 – скорее всего мы имеем дело с девушкой, у которой глаза, что называется, на мокром месте.

⁷⁵ Кэмпбелл Дж. *Тысячеликий герой*. – М.: Рефл-бук, АСТ, К.: Ваклер, 1997.

Сновидец 2 – это сексуально озабоченный мужчина, которому однажды помешал луч света (возможно, свет автомобильной фары) реализовать свое вожденное желание, отчего он и напугался.

Сновидец 3 – неопытный водитель, который опозорился перед матерью невесты и многими другими женщинами; после этого случая горе-водитель взял урок вождения у более опытного шофера; сновидение является компенсацией испытанного унижения, хотя в реальности ничего подобного, по-видимому, не происходило.

Сновидец 4 – девушка, попавшая в небольшую автомобильную аварию, которая ее напугала; возможно, в это время лил дождь и дул сильный ветер; с тех пор она страдает гидрофобией (боязнью воды) и не любит, когда ветер обдувает ее лицо (порывы воздуха, вероятно, напоминает ей о неприятном происшествии).

Сновидец 5 – видел (возможно, в детстве) страшную картину: лошадь (может быть, собака, кошка или другое животное) попала под поезд, в результате чего туша животного оказалась сильно покалеченной; очевидно, лошадь пыталась встать или совершала какие-то другие беспомощные движения.

Сновидец 6 – мать, которая не любит своего ребенка; укус – мщение ей за эту нелюбовь.

Сновидец 7 – брат когда-то (быть может, в детстве) создавал большие проблемы для пациента, но родственные «цепи» мешали освободиться от проблем, которые, возможно, как-то связаны со свободой перемещения. Очень вероятно, что брат запирает будущего пациента в чулане или другой «темной комнате», отчего тот приобрел страх перед замкнутым пространством (клаустрофобия).

Сновидец 8 – человек явно страдает клаустрофобией. По мнению психоаналитиков, причина страха замкнутого пространства может быть любой, но обычно она сексуально окрашена. Возможно, сновидец в юности мастурбировал в закрытом помещении, когда некто неожиданно вошел и увидел, чем он там занимался. С тех пор пациент боится остаться один в закрытом помещении, так как подсознательно ему кажется, что другие непременно обвинят его в «страшном грехе».

На самом деле Штекель привел сны следующих сновидцев.

Сновидец 1 – «девушка, которая боялась краснеть, когда она покраснела, ее лицо покрывалось испариной».

Сновидец 2 – «гомосексуалист; луч света является фаллическим символом».

Сновидец 3 – «импотент, нашедший в психоаналитике своего учителя».

Сновидец 4 – «девушка, которая потеряла свою девственность, и это беспокоило ее».

Сновидец 5 – «поэт, которому приходилось зарабатывать на жизнь, работая журналистом» (похоже на самого Штекеля).

Сновидец 6 – «человек, страдающий психосексуальным инфантилизмом».

Сновидец 7 – «в роли брата выступала сама болезнь пациента».

Сновидец 8 – по мнению Штекеля, это сновидение связано с ощущением материнской утробы, хотя не исключены абсолютно противоположные мотивы, связанные со страхом перед могилой.

Этим небольшим экспериментом, я хотел показать читателю, что интерпретация сновидений непременно сталкивается с проблемой неопределенности. Снотолкование порождает ошибочную методику диагностики психических расстройств, так как по ним совершенно невозможно установить причины заболеваний. Если бы пациент начал возражать против предложенной психоаналитиком трактовки, врач счел бы это за сопротивление лечению. Вот почему Штекель так много говорил о сопротивлении больных его лечению: очевидно, пациенты часто и активно сопротивлялись его интерпретации снов.

Мой скептический вывод относительно научности психоанализа снов, конечно, не разделяет Кэмпбелл. Этот атеистически настроенный исследователь мифов уверен, что методика снотолкования является вполне научной и отличается от снотолкования древних «спасителей душ», поскольку, говорит он, основывается преимущественно на естественном символизме, а не на религиозных и мистических знаменьях. После цитирования сновидений из книги Штекеля Кэмпбелл обнадеживает своего читателя следующим заявлением:

«Не может быть никакого сомнения в том, что психологические проблемы, которые предшествующие поколения решали с помощью символов и ритуалов своего мифологического и религиозного наследия, сегодня мы... должны решать самостоятельно или, в лучшем случае, лишь с пробным, импровизированным и зачастую не очень эффективным направляющим руководством. В

этом наша проблема как современных, «просвещенных» индивидуумов, для которых вследствие рационализма все боги и демоны перестали существовать. Тем не менее в том множестве мифов и легенд, что дошли до нас и собраны со всех уголков земли, мы по-прежнему способны узреть за общими начертаниями нечто такое, чем отмечен и наш человеческий путь. Однако для того, чтобы внять и последовать ему, человек должен каким-то образом пройти очищение и отречение. И наша проблема отчасти состоит в том, как это сделать» [22,⁷⁶ с. 109].

Что касается меня, то я сомневаюсь в том, что приведенные Штекелем и вновь воспроизведенные Кэмпбеллом сновидения достоверны. Если Штекель не выдумал их сам, то уж точно выбрал их самым предвзятым образом из множества чужих сновидений. И это помимо того, что было сказано о неоднозначной трактовке всякого снотолкования. Кроме книги Штекеля, Кэмпбелл пользовался также сборником сновидений психоаналитика Глемента Вуда, который во введении к своему сборнику написал:

«Материал сновидений, представленный в этой книге, взят мною более чем из тысячи сновидений, присылаемых мне каждую неделю для анализа, в связи с моей постоянной рубрикой, которая появляется в ежедневных газетах страны. Он был дополнен сновидениями, анализ которых я проводил в ходе своей частной практики» [22, с. 52].

Подобными сборами сновидений занимались и авторы книги [23]⁷⁷. Лаберж и Рейнголд отмежевались от психоаналитических интерпретаций. Свои исследования они проводили на базе Стэнфордского университета, в лабораториях которого проводились вполне научные наблюдения за физиологией и психологией сна. В их книге рассказывается о теории и практике так называемого *осознанного сна* («сон при не полностью выключенном сознании»), который помогает самореализации человека. Британские ученые не обещают излечить своих клиентов (в большинстве своем физически и психически здоровых людей) от каких-то тяжелых заболеваний. Их задачи по сравнению с целями психоаналитиков выглядят достаточно скромно – «повысить качество бодрствующей жизни». Осознанные сновидения, по утверждениям испытуемых, «бывают необычайно яркими, насыщенными, приятными и радостными». Они «рассматриваются как щедрый источник творческих идей в науке, искусстве, бизнесе и частной жизни. Многочисленные примеры демонстрируют, как осознанные сновидения помогли людям подобрать имя своему будущему ребенку, сменить машину, разобраться в абстрактных математических понятиях и т.д.». Что ж, подобного рода катарсис посредством самовнушения представляется достаточно реалистичным. Однако по своей эффективности осознанный сон, видимо, не далеко ушел от древней техники медитации и религиозного бдения.

Мишель Фуко в своем многотомном исследовании «История сексуальности» [25]⁷⁸ подробно рассматривает содержание «Сонника» Артемидора Далдианского, жившего в I–II вв. («Сонник» переводился на русский язык [26]⁷⁹, однако все нижеследующие цитаты даются по Фуко.) Артемидор

«почитал делом чести добыть любую книгу о снотолкованиях». «Я много лет, пренебрегая клеветой, водился с теми оболганными рыночными гадалками, которых люди важные и надменные обзывают нищими, обманщиками и шутами; и в эллинских городах и на праздничных сборищах, и в Азии, и в Италии, и на самых больших и людных островах я терпеливо выслушивал рассказы о древних вещих снах и их исполнении, ведь в таких исследованиях нельзя было и действовать иначе» [25, с. 15; из вступления].

Опираясь на книги античных авторов, Артемидор

«стремился написать сочинение методическое и методологическое: с одной стороны, пособие, руководство, которое бы направляло рутинную повседневную практику, а с другой, – теоретический трактат, обосновывающий интерпретативные процедуры» [25, с. 12]. «Главное для него, – пишет Фуко, – объяснить читателю, как нужно действовать: разложив сон на элементы, раскрыть его

⁷⁶ Кэмпбелл Дж. *Тысячеликий герой*. – М.: Рефл-бук, АСТ, К.: Ваклер, 1997.

⁷⁷ Лаберж С. и Рейнголд Х. *Исследование мира осознанных сновидений*. Пер. с англ. Д. Е. Шумова – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1995.

⁷⁸ Фуко М. *История сексуальности-III: Забота о себе*. – М.: Дух и Литера, Грунт, Рефл-бук, 1998.

⁷⁹ *Сонник* / Пер. М. Гаспарова, В. Зимитниев и др. под общ. ред. Я. Боровского. – Вестник древней истории. – 1989, № 3 – 1991, № 3.

«диагностический» смысл, а затем истолковать целое, исходя из элементов, и, памятуя о целом, расшифровать каждую часть» [25, с. 13].

Эта мысль была одной из основных и у психоаналитиков. Артемидора «не занимают чудеса, и в отличие от большинства текстов данного жанра его книга не опирается на практику культовой терапии» [25, с. 14].

Таким образом, автор «Сонника», как и нынешние психоаналитики, претендовал на некую научность своих изысканий.

«Его волнует прежде всего здоровье», – пишет Фуко, – но он беспощадно критикует экзальтированных снотолкователей, которые ищут чудесного исцеления, идущего якобы от Асклепия. ... Голому изложению выводов Артемидор предпочитает хорошо продуманное исследование и дискуссию о методе. ... Автор, владеющий всей наличной информацией, сопоставляет ее с данными, полученными из других источников, проверяет собственной практикой, анализирует и подкрепляет доказательствами: таким образом, все обосновано, а не взято «наудачу, что кому придет в голову» [25, с. 15–16].

Свой анализ Артемидор начинает с «простых» сновидений:

«Так, естественно, что влюбленный видит себя во сне с предметом своей любви, испуганный видит то, чего он боится, голодающему снится, будто он ест, жаждущему – будто он пьет, а объевшемуся – что его рвет или что его душат из-за возникшей преграды трудно-перевариваемой пищи...» (I, 1).

Такие сновидения диагностировать легко: они суть «воспоминания о настоящем» и, демонстрируя сновидцу состояние («переживания») его тела и души, указывают в первом случае на недостаток или избыток чего-либо, а во втором – на его страхи или желания («надежды»)» Не таков вещий сон. Он «действует тем, что ведет нас к осуществлению предсказания» и после пробуждения «становится толчком к делу», «преображает душу, формирует ее и лепит». Таким образом, простое сновидение

«говорит об индивидууме, второе [вещий сон] – о событиях в мире; первое отражает состояние тела и души, второе – предвосхищает развитие [событий] в цепи времен; одно представляет игру недостатка и избытка в плане влечений и отвращений, другое шлет душе знамения, одновременно формируя ее. И если сновидения желаний указывают на реальность души в ее актуальном состоянии, то бытийные сны говорят о будущих событиях, которые сбудутся в соответствии с мировым порядком» [25, с. 17–18].

Далее Артемидор различает сновидения

«ясные, не требующие расшифровки или интерпретации, и иносказательные, образы которых наделены смыслом, отличный от внешнего проявления». «Среди вещих снов <...> различаются прямосозерцательные и аллегорические. Прямосозерцательные сны – это те, содержание которых схоже с тем, что в них привиделось. Аллегорические сны <...> знаменуют одно через другое, и во время этих снов душа естественным образом намекает на что-то» (I, 2).

Перед современными снотолкователями стоят все те же проблемы, что и перед Артемидором, а именно:

«Как узнать в каждом данном случае, имеешь ли дело со сновидением состояния [тела и души] или же с событийным сном [сон о событиях в мире]? Как установить, означает ли видение именно то, что в нем «привиделось» [прямосозерцательный сон], или же следует предположить, что оно лишь «знаменует одно через другое» [аллегорический сон]?» [25, с. 17–19].

Надо ли говорить, что на эти вопросы по сей день не найдены ответы.

Артемидор рассуждал ровно так, как рассуждают и нынешние психоаналитики. Для античного психоаналитика

«сновидения состояний, коль скоро они возникают, могут принимать две формы: большей частью желание или отвращение у человека проявляется прямо и открыто, и тогда он «видит во сне именно то, чего желает или боится». Но людям «опытным и искушенным в толкованиях» их желания

являются «в символической форме», – при этом душа снотолкователя может сыграть с ним «ловкую шутку». Ведь если обычному человеку снится, например, женщина, которую тот вожделеет, или же долгожданная смерть хозяина, то искусная и недоверчивая душа человека опытного в снотолковании никогда не покажет ему просто состояние желания, в котором он пребывает, а прибегнет к хитрости, в результате чего сновидец увидит не самое возлюбленную, но нечто, ее обозначающее: «лошадь, зеркало, корабль, море, животное женского пола, женскую одежду... »» [25, с. 19–20].

В основе расшифровки аллегорий лежит принцип сходства, причем аналогии ищутся по всем направлениям – образным, языковым и символическим. Например,

«снится грязь – значит, тело наполняют вредоносные субстанции; и отождествление имен: «баран» (*krios*) означает «хозяина, правителя, царя» в силу игры слов *krios/kreion*; и символическое родство: лев снится атлету в знак победы, барс же знаменует несчастье; и отсылка к поверью, пословице, мифу: медведица, ассоциируемая с аркадской Каллисто, – знак женщины; и принадлежность к одной категории существования: так, свадьба и смерть могут «намекать друг на друга» во сне постольку, поскольку и та, и другая суть *telos*, или «предельные события» жизни; и сходство в действиях: больному жениться на девице – к смерти, потому что с женихом «происходит всё то же, что и с покойником» [25, с. 22; II, 12, 49, 65].

Фуко интересуется история сексуальных отношений, поэтому он детально разбирает сексуальные сновидения, которым Артемидор посвящает три главы (с 78 по 80) книги I своего «Сонника», состоящего из пяти книг. Французский исследователь пишет:

«Артемидор выводит общее правило, согласно которому образы женщин в сновидении суть символы («подобия») «того, что приключится со сновидцем»: каковы «обстоятельства» привидевшейся женщины, какова она «видом и поведением, таковы и обстоятельства его [сновидца] ждут» [25, с. 25–26]. Рассматриваются три категории женщин: жена, любовница, гетера. Если снится «соединение» с супругой, это благоприятный знак, поскольку оно признанно и законно, а «жена есть для сновидца его ремесло и занятие, доставляющее ему удовольствие, или же то, над чем он начальствует и властвует». Поэтому «сон означает что от всякого такого будет ему [сновидцу] выгода, потому что и от выгоды людям приятно, и от любовных соединений приятно». В этом отношении нет никаких различий между супругой и любовницей. Иное дело гетеры. Анализ, предлагаемый Артемидором, весьма любопытен: гетеры должны были бы сниться к добру: во-первых, видеть женщину, то есть источник наслаждения, вообще благоприятный знак, а во-вторых, они «прозываются податливыми и отдаются без отказа». В конечном счете, «соединение с гетерами в блудилище означает малый стыд и малый расход», – ведь и посетители таких домов испытывают и стыд, и расход», – что, несомненно, несколько понижает ценность события, о котором говорит сон, изображающий этих женщин.

Но особенно отрицательно влияет на значение сна место встречи с гетерами; тому есть две причины. Одна лингвистическая: хотя слово, которым именуют «блудилище», – *ergasterion*, – обозначает также и мастерскую, и лавку, что придает ему положительный оттенок, его, равно как и кладбище, зовут еще «местом для всех», «общим местом», короче говоря, публичным домом. Вторая причина касается мотива, весьма распространенного в сексуальной этике философов и медиков, – речь идет о пустой трате спермы, о ее потере без «прибыли», то есть без потомства, которое должна приносить женщина: в блудилище же «семя человеческое» погибает зря. Ввиду такого двойного основания сон о посещении гетеры может предвещать смерть.

В дополнение к классической триаде «жена/любовница/проститутка» Артемидор упоминает и случайных, или «незнакомых», женщин. Смысл такого сна зависит прежде всего от социальной значимости представленной в нем женщины: если она «хороша собой, приятна, в дорогих тонких платьях и с золотыми ожерельями, а в любви податлива», тогда сон к добру. Если же она «стара, некрасива, отвратительна, дурно одета, бедственно живет и неподатлива», тогда предсказание неблагоприятно.

Домочадцы – слуги и рабы – составляют другую категорию возможных сексуальных партнеров. Здесь мы оказываемся вовлечены в порядок прямого обладания: раб свидетельствует о богатстве не по аналогии, но составляют его неотъемлемую часть. Таким образом, само собою разумеется, что удовольствие, которое дает сновидцу «соединение» с партнерами этого типа, означает, что в будущем он получит удовольствие от своего имущества, которое, «очевидно, сделается больше и богаче». Здесь осуществляют законное право, извлекают выгоду из собственности. Следовательно, в силу своей «статусности» и законности это сон благоприятный. Причем, пол партнера, – девушка это или юноша, – конечно же, не имеет значения; главное, что он раб...

К добру видеть «соединение» со знакомой женщиной, незамужней и богатой, «ибо кто кому предлагает свое тело, тот как бы предлагает и то, что при этом теле имеется»: одежду, драгоценности и прочие материальные блага. Сновидение, напротив, неблагоприятно, если женщина замужем и пребывает во власти супруга: закон запрещает вступать с ней в связь и карает прелюбодеев, а значит, в будущем сновидца ждет наказание того же толка...

Отметим, что безусловно признавая инцест «мать/сын» достойным морального порицания, он часто толкует его в благоприятном смысле, поскольку видит в образе матери некую модель, своего рода «матрицу» множества социальных связей и форм деятельности. Так, «ремесло – это мать-кормилица», следовательно, соитие с ней предвещает «обилие работы и заработка от ремесла». Родина – тоже мать, поэтому сон о «соединении» с ней благоприятен «для демагогов и политиков» и сулит возвращение домой изгнанникам. Мать еще и плодородная земля, из которой мы вышли; обладание ею снится к добру, если сновидец «судится из-за земли, хочет купить землю, заниматься земледелием», но для большого это сон зловещий, поскольку «проникновение» в землю-мать означает смерть» [25, с. 26–30].

Этих фрагментов, по-видимому, достаточно, чтобы почувствовать сходство теорий снотолкования, разработанных фрейдистами и античным психоаналитиком.

Цитируемая литература

1. Грицак Е.Н. *Тайна гипноза, или Операция на сознании*. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003.⁸⁰
2. Орлов М.А. *История сношений человека с дьяволом*. – М.: Республика, 1992.
3. Фрейд З. *Анализ фобии пятилетнего мальчика* / Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1990.
4. Мекаччи Л. *Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа*. – М.: Смысл, 2004.
5. Кляйн М. *Эдипов комплекс в свете ранней тревожности* / Эдипов комплекс и эротические сны. – М.: NOTA BENE, 2002.
6. Кляйн М. *Заметки о некоторых шизоидных механизмах* / Развитие в психоанализе. – М.: Академический Проект, 2001.
7. *Энциклопедии глубинной психологии*. Т. 1–4. – М.: Интерна, Когито-Центр, 2002.
8. Фрейд А. *Введение в детский психоанализ...* – Мн.: Попурри, 2004.
9. Брилл А. *Лекции по психоаналитической психиатрии*. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
10. Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1996.
11. Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Минск, 1997.
12. *Эллинские поэты VII–III века до н.э.* – М.: Ладомир, 1999.
13. Геродот. *История*. – М., 2001.
14. Страбон. *География*. – М., 1994.
15. Ранк, О. *Травма рождения*. – М.: Аграф, 2004.
16. Фрейд З. *Заметки о любви в перенесении* / Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М.: МПСИ, 2000.
17. Ференци, Ш. *Тело и подсознание*. – М.: NOTA BENE, 2003.
18. Фрейд З. *О психоанализе* / Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М.: МПСИ, 2000.
19. Фрейд З. *Избранное* / Перевод с нем. Николаев В.И. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
20. Штекель В. *Исходы психоаналитического лечения* / Зарубежный психоанализ. – СПб. Питер, 2001.
21. Фрейд З. *Очерк истории психоанализа* / Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М.: МПСИ, 2000.
22. Кэмпбелл Дж. *Тысячеликий герой*. – М.: Рефл-бук, АСТ, К.: Ваклер, 1997.
23. Лаберж С. и Рейнголд Х. *Исследование мира осознанных сновидений*. Пер. с англ. Д. Е. Шумова – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1995.
24. Реньяр П. *Умственные эпидемии*. – М.: Emergency Exit, 2004.
25. Фуко М. *История сексуальности-III: Забота о себе*. – М.: Дух и Литера, Грунт, Рефл-бук, 1998.
26. *Сонник* / Пер. М. Гаспарова, В. Зимитниевич и др. под общ. ред. Я. Боровского. – Вестник древней истории. – 1989, № 3 – 1991, № 3.
27. Гримак Л.П. *Тайны гипноза. Современный взгляд*. – СПб.: ПИТЕР, 2004.
28. Кандыба В.М. *Техника мысленного гипноза*. – СПб.: Лань, 2004.
29. Степанов С.С. *Век психологии: имена и судьбы*. – М.: Эксмо, 2002.

⁸⁰ В.Э.: Грицак и Орлов в тексте не упоминаются; под [1] и [2] в списке должны быть книги самого Акимова «Правда...» и «Удод».

Акимов О.Е. Образец обмана общественности

Коллективное бессознательное Шпильрейн, Юнга и Фрейда
<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/000-1.htm>

1. Введение

– I –

Получаешь истинное наслаждение от исследования сложных проблем чистой математики или фундаментальной физики. Но свое предназначение я вижу и в том, чтобы скрупулезно изучать механизм манипуляции сознанием больших групп населения, который является частью института науки и образования. Механизм, о котором идет речь, одновременно и прост, и сложен. Его сложность доказывается хотя бы тем, что подавляющая масса искушенных умов даже не догадывается, что ею беззастенчиво манипулируют. Коварство пропагандистской машины заключено в примитивном, но эффективном методе оболванивания через популяризацию. Так, например, известный борец с лженаукой, Мартин Гарднер, в свое время написал страшно популярную брошюру под названием «Теория относительности для миллионов», которая причинила физике такой вред, какой за сто лет не нанесли ей все лжеученые мира.

Законы распространения наукообразной идеологии релятивизма и фрейдизма ничем особым не отличаются от законов распространения религиозной веры или политической идеологии. Быстрота экспансии ложных учений определяется низким уровнем защиты населения от жульничества. Приемы мошенничества в науке тоже далеко не новы. Кто не знает, что поставщики ненаучного знания пользуются обманчивыми ярлыками типа «академический», «научно обоснованный» или «прошедший многолетние испытания в лаборатории». Ведь никто не скажет вам, что предлагаемое учение «не отвечает действительному положению дел» и создано оно «артелью плутов», хотя именно это является истинной характеристикой данного учения. Напротив, каждый стремится свою интеллектуальную продукцию представить в выгодном свете, как отвечающую всем критериям научности.

Тут же возникает вопрос: как с этим бороться? Мой вам совет для этой формы обмана: не покупайте совсем или будьте особенно бдительны к той книге, которую сопровождает подобного рода реклама. Единственным аргументом должна быть ясность и непротиворечивость концепции. Не будьте падки на учения, пользующийся массовым спросом: ширпотреб не имеет никакой интеллектуальной ценности. Не доверяйте никаким экспертам, отзывам профессоров и академиков, всё сами «пробуйте на зуб».

Смотрите, как, в конечном счете, происходит разоблачение мошенничества в сфере торговли? Предположим, вы купили красивую коробку с пищевым продуктом аппетитного вида, где не стоит просроченная дата. Вы попробовали – не вкусно или, того хуже, отравились. С теоретическими знаниями дело обстоит примерно так же. Через непосредственную пробу происходит выявление истины. Поменьше внимания уделяйте сертификату качества, сопровождающему интеллектуальный продукт и побольше самому продукту. Доверьтесь своему интеллектуальному чутью. Если вы ничего не поняли из первых трех страниц прочитанного текста, значит, приобретенная вами книга лично вам не подходит, что бы ни говорили о ней окружающие. Не приобретайте книги и учебники, которые сегодня вам непонятны; скорее всего, они не будут понятны вам и в будущем.

Однажды по молодости по совету моего хорошего знакомого я стал собирать книги Н. Бурбаки «Элементы математики» в надежде, что когда-нибудь в них разберусь. Много времени и умственных усилий я затратил на них прежде, чем понял, что мой образ мышления сильно отличается от образа мышления авторов указанного многотомного сочинения. Нечто похожее происходило у меня с книгами по теории относительности. Я боготворил Эйнштейна, Борна, Паули, Ландау и др., но, сколько бы я ни читал их, полной ясности ко мне так и не пришло.

Причем по самым принципиальным вопросам. Со временем я обнаружил, что авторы этих книг сами путаются и ошибаются по большинству вопросов. Сегодня я улавливаю, что в написанных ими книгах есть много общего с книгами по средневековой алхимии и схоластике, которые ничего не дали науке. Об этом своем открытии я написал в учебнике «Естествознание: Курс лекций» [35]⁸¹.

Признаюсь, в юные годы я довольно плохо распознавал ложь и фальсификацию в сфере официальной науки. Вера моя в людей, получивших высшие ученые степени и академические звания, была безгранична. Меня сильно раздражала самоуверенность стариков, каких-нибудь инженеров-пенсионеров, младших научных сотрудников, которые осмеливались критиковать теорию относительности и предлагали детерминистскую трактовку волновой функции электрона взамен вероятностной.

Прошли годы, теперь я вижу их правоту: действительно, указанные концепции преимущественно держатся на спекулятивной идеологии формализма, игнорируя наглядные пространственно-механические модели. Мои радужные надежды, связанные с беспочвенными галлюцинациями релятивистов, потихоньку растаяли. Упования на единую теорию поля сейчас находятся на нуле. Теорию Большого взрыва можно сравнить в лучшем случае с космогоническим мифом древних греков.

Самая большая вина ученых-карьеристов и одновременно апологетов верхоглядства, что они объявили себя правыми на все времена, зачисляя честных физиков, критикующих их уродливые измышления, в аутсайдеры. В итоге, настоящие ученые, бескорыстно работающие на ниве науки, в силу как раз своей бескомпромиссной позиции, ничего не могли добиться в жизни. Слава Богу, привилегированная каста релятивистов уходит из жизни естественным путем и немного находится желающих греться в лучах славы Эйнштейна. Важно, чтобы молодежь имела перед своими глазами как можно больше примеров, раскрывающих ложность теорий, на которых стоит возведенный в XX веке фанерный Храм Науки. Пусть строители этой красочно размалеванной бутафории разоблачают народных чудотворцев, мы с вами займемся серьезным делом.

– II –

Образцом обмана общественности (сокращенно, ООО) в сфере психологии для меня послужили события, произошедшие в первом десятилетии XX века, вокруг русской пациентки Сабины Николаевны Шпильрейн из Ростова-на-Дону, которая в течение нескольких лет была любовницей Карла Густава Юнга. В данной работе показывается, что именно она вдохновила швейцарского врача-психотерапевта на создание учения о коллективном бессознательном. Обман, к которому прибег Юнг и к которому причастен непосредственно Фрейд, носит тотальный характер, потому что затрагивает как концептуальную сторону юнгианского учения, так и практическую методику аналитической психотерапии. Фальсификация касается важнейших фактов истории психологии. В частности, искажению подверглись биографии главных героев рассматриваемых ниже событий – Шпильрейн, Юнга и Фрейда.

Сабина Шпильрейн
(1885–1942)

Кроме того, этот всеобщий обман я считаю еще и образцовым, так как он представляет собой типичное социальное явление, паттерн которого постоянно воспроизводится не только в религиозно-политической сфере, что до некоторой степени выглядит естественно, но и в науке. В физике наиболее показательным примером является, конечно, вековая ложь, связанная с релятивистской догмой. Первая работа по теории относительности 1905 года, вопреки широко распространенному мнению, принадлежит не столько Альберту Эйнштейну, сколько его первой жене, Милеве Марич. Эта работа была её аттестационной диссертацией, дающей право преподавать в высших учебных заведениях.

Об этом факте говорит не только тщательное исследование текста указанной работы, но и свидетельства очевидцев – Майи Эйнштейн, сестры Альберта, и Макса Борна, известного физика-релятивиста, лично хорошо знавшего супругов Эйнштейнов с 1908 года. Диссертация Эйнштейна, которую он, в отличие от диссертации Марич, сумел с грехом пополам защитить,

⁸¹ Акимов О.Е. *Естествознание: Курс лекций*. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. {ОАКЛ-2 = МОИ № 62}

касалась так называемого броуновского движения. Муж пытался помочь жене в написании и защите ее диссертации. С этой целью он приписал к ее «Электродинамической части» работы свою «Кинематическую часть». Верно, что именно кинематика образует ядро релятивистской догмы, только было бы большой ошибкой считать ее верной теорией.

Эйнштейн намного хуже Милевы знал математику, и всю жизнь придерживался, в сущности, антинаучного, формально-феноменологического подхода к науке. Этот подход отличается от конструктивного тем, что рассматривает математику в качестве искусственного языка условно принятых символов. Формалисты-феноменалисты уверены в том, что математическим языком можно описать любые, самые «сумасшедшие», по словам Бора, идеи, пришедшие человеку в голову. Для этого нужно лишь изловчиться, чтобы нужным образом подобрать систему отправных принципов, из которой затем формальным путем вывести математические выражения, пускай даже самого нелепого вида.

Мозги конструктивиста устроены совершенно иначе, чем у формалиста-релятивиста. Он прекрасно знает, что математический концепт – это такая же объективная вещь, что и физический. Объективный концепт не может быть создан по воле субъекта путем конвенции, т.е. договора с другими субъектами научной корпорации. Конструктивный подход [36]⁸² состоит в поиске адекватной математической модели, имитирующей материальные процессы реально существующего мира. Конструктивист не придает слишком большого значения символическому языку и никогда не будет в своих рассуждениях отталкиваться от формальной системы аксиом, так как его ориентиром является модель, структуру которой он шаг за шагом уточняет в процессе сравнения с реальностью. В физике, как целостной науке, непрерывно охватывающей мезо-, макро- и микромиры, нет места водоразделам и, если они там появились, значит, мы имеем дело с подгонкой и фальсификацией, неминуемо ведущие к противоречиям. Релятивистская картина мира – это один большой клубок противоречий.

Откуда взялась эта картина, рассказывать можно долго. Если ее историю возникновения характеризовать одним словом, то им будет слово «ложь». В нескольких словах данная история выглядит так. Формалист-феноменалист Эйнштейн написал «Кинематическую часть» (о ней выше уже говорилось) настолько ошибочно, что ни один релятивист мира после него не рискнул его математический бред воспроизвести где-нибудь в релятивистских книгах и учебниках. Однако армия вздыхателей по его провидческому дару в течение века трудилась над созданием крайне запутанного догмата, который нынешний рядовой школьник, студент, преподаватель и академик не смеет даже поставить под сомнение.

По всему миру были созданы «Общества ограниченной ответственности» для популяризации теоретического абсурда, а также по поддержанию на недостижимой высоте культа отца-основателя релятивистской схоластики. Эти ООО «Эйнштейн» призваны образец обмана общественности, первоначально связанный с работой 1905 года, копировать, тиражировать и модернизировать, выдавая новые миражи за последнее слово науки – самой непредвзятой, самой точной и, разумеется, выверенной в опыте. Я не стану далее заниматься разоблачением неприглядной работы конкретных ООО «Эйнштейн». Но заверяю читателей, что законы экспансионистской деятельности таких церковных учреждений абсолютно те же, что и ООО «Анна О.». Об этом ООО рассказывалось уже немало, но коротко напомнить суть дела, мне кажется, здесь необходимо.

– III –

Блистательный эталон лжи, связанный с Анной О., подарил миру Зигмунд Фрейд – не менее талантливый «ученый», чем «гениальный» Альберт Эйнштейн. Забросив учебу в университете, он начал помогать известному в Вене врачу, Йозефу Брейеру, лечить нетяжелых больных, страдающих расстройством психики. Первой его пациенткой стала Берта Паппенхейм, которую он лично знал и был даже влюблен в нее. В течение длительного времени он являлся к ней на дом или в пансионат «*Belle Vue*», расположенный близ Вены, где она содержалась, и вел «целительные» беседы, параллельно экспериментируя на ней действие морфина. Эти беседы он записывал в форме «медицинских» дневников-протоколов, которые затем включил в книгу «Исследование истерии».

⁸² Акимов О.Е. *Конструктивная математика*. – М.: Издатель АКИМОВА, 2005. {ОАКЛ-1 = МОИ № 61}

Обман начинается с того, что Фрейд авторство своих абсурдных дневниковых записей приписал матери пациентки, заявив при этом, что Брейер на примере Берты Паппенхейм (ей было дано имя Анны О.) открыл новую методику лечения больных истерией путем откровенного собеседования. На самом же деле Брейер ничего подобного не открывал. Он лишь формально курировал лечение, проводя всё свое рабочее время с тяжелыми больными.

В конце концов, безответственные эксперименты Фрейда с наркотиком привели к привыканию и тяжелому заболеванию Берты-Анны морфинизмом. Родные пациентки выставили Фрейда за дверь и запретили ему общаться с ней. Брейер, не на шутку перепугавшись, срочно занялся интенсивным лечением морфинистки-истерички путем, прежде всего, снижения потребления наркотика. В клинике Бинсвангера, где впоследствии лечилась Берта-Анна, сохранилась история болезни, по которой можно проследить на конкретных цифрах каждодневное снижение дозы морфина. Исследование на эту тему не так давно провел Клаус Шлагманн (Schlagmann), опубликовавший статью [23]⁸³, в которой доказывает, что к морфину первым прибегнул кто угодно, но только не Брейер.

За медицинскую «помощь» Фрейд получал хорошее денежное вознаграждение от Брейера, так как считался не только помощником, но и близким его другом – так он, по крайней мере, говорил окружающим. Фактически же, Фрейд возненавидел Брейера еще во время лечения Берты-Анны, т.е. в 1880–1882 гг. Основанием для ненависти послужило принципиальное расхождение во взглядах на причины нервно-психических расстройств. Брейер был приверженцем материалистической или физиологической школы, Фрейд – идеалистической или психологической. Между психологами и физиологами на рубеже веков развернулась жесточайшая борьба, о которой я рассказал в книге «Психология познания. Удод»⁸⁴ [1].

К выходу книги 1895 года «Исследование истерии» отношения между Фрейдом и Брейером окончательно испортились. В это время Фрейд хотел получить звание профессора, для чего ему нужно было написать солидный ученый труд. Одновременно, сгорая от ненависти к своему наставнику, он искал эффективное средство отмщения. Книга, написанная якобы им в соавторстве с Брейером, ловила этих двух зайцев. Приобретя у своего бывшего друга прекрасную работу, написанную с физиологических позиций, Фрейд внес в нее многочисленные изменения, носящие спекулятивно-психологический характер. Об этом он, конечно, не поставил в известность своего «соавтора».

Позднее, в 1908 году, при переиздании «Исследования истерии» Фрейд вновь сильно изменил как свой, так и брейеровский текст, переориентировав его на сексуальную тематику, практически отсутствовавшую в первом варианте книги. Эти «белые нитки» отлично видны при внимательном чтении фрейдовской фальшивки. Ведь ясно, что нельзя сочинение, написанное серьезным ученым с глубокими материалистическими убеждениями, переделать в труд, дилетанта с мистико-психологическими предрассудками. Записи, которые вел Фрейд, наблюдая течение болезни Берты-Анны, мало чем отличаются от записей, относящихся к его четырем другим пациенткам. Манера суждений и теоретические выводы, сделанные Брейером (они тоже присутствуют в книге), резко расходятся с тем, что делал Фрейд. Анализу его натяжек и фальсификаций, которыми переполнена книга «Исследование истерии», посвящена работа «Анна О. – первая пациентка Фрейда»⁸⁵ [2].

В 1899 году вышла книга «Толкование сновидений», которая выросла из анализа так называемого «сновидения» Ирмы (его рассказ никаким сновидением, конечно, не был) [7,⁸⁶ с. 105 – 130]. Этим именем автор закодировал всё ту же пациентку и свою несчастную любовь по имени Берта. Сон Берты-Ирмы⁸⁷ об инъекции морфином рисует нам отчетливую панораму событий, происходивших в начале 1880-х годов. В ее сновидении фигурируют три врача: доктор М. (Брейер), Отто (Флейшль) и Леопольд (Экснер – второй ассистент Брюкке). Обстановка, в

⁸³ Шлагманн К. (Schlagmann) «Entwertungen der Behandlung von Bertha Pappenheim» (Источник: <http://www.oedipus-online.de>).

⁸⁴ В.Э.: См. {R-OJAK-2 =МОИ № 56}.

⁸⁵ В.Э.: Сейчас (2012.06) у Акимова на сайте нет работы с таким названием, и URL отсутствует. Но по теме подошла бы работа «Как возник психоанализ» (см. выше). Возможно, тут какая-то путаница с переименованиями.

⁸⁶ Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.

⁸⁷ В.Э.: Сон-то приснился или «приснился» не Берте-Ирме, а самому Фрейду. Странно, что Акимов может находиться в таком глубоком заблуждении после того, как на протяжении всей книги {OJAK-1 =МОИ № 55} называл это явление «сном ОБ Ирме» и разбирал все его детали, особенно в главе 16.

которой происходит действие сна, взволнованная, почти паническая по причине впрыскивания большой слишком большой дозы морфина. Фрейд обвиняет в этом Отто, но прекрасно понимает, что виноват во всем сам.

В общем, из содержания этого сна видно, какие любовно-ревностные отношения испытывал Фрейд по отношению к Берте Паппенхейм и Эрнсту Флейшлю, хотя в книге «Толкование сновидений» описывается еще одна сцена (прогулка на лошадях с Флейшлем), где эта тема просматривается лучше [7, с. 235 и далее]. Разбору главного сочинения родоначальника психоанализа посвящена книга «Правда о Фрейде и психоанализе» (о расшифровке сна об инъекции Ирме читайте на страницах [3,⁸⁸ с. 125–147]).

– IV –

Выше уже говорилось, что всякий обман общественности имеет некие общие признаки и всегда воспроизводится там, где разум и мораль дремлют. ООО «Анна О.» не так давно дало метастазу, ООО «Сабина Ш.» в виде «Психоаналитической ассоциации Ростова им. Шпильрейн (ПАРИШ). В программу деятельности этого Общества, возглавляемого В.И. Николаевым, входят «коллективные супервизии», проведение «семинаров по сновидениям», «по психоаналитической теории и технике». «Главные теоретические ориентации» ПАРИШ – «классический психоанализ (в том числе, кляйнианская школа) и аналитическая психология».

Своей задачей Общество видит: «налаживание связей с психоаналитически ориентированными психотерапевтами России и мира», «ежегодное проведение конференций им. Шпильрейн». Председатель и члены организации мечтают основать в Ростове-на-Дону психоаналитический институт, издательство и музей Сабины Шпильрейн. Многие уже делается по увековечению ее памяти, в частности, по решению мэра Ростова-на-Дону М.А. Чернышева на доме № 3 по улице Пушкинской вывешена мемориальная доска со следующим текстом: «В этом доме жила знаменитая ученица К.Г. Юнга и З. Фрейда, психоаналитик Сабина Шпильрейн. 1885–1942 гг.». На месте гибели Шпильрейн посажен дуб с памятной табличкой: «Я тоже была однажды человеком. Меня звали Сабина Шпильрейн».

Любой человек достоин уважения только потому, что он человек. И всё-таки любопытно, кем была та женщина, которую звали Сабина Шпильрейн. На мемориальной доске, прикрепленной к дому, где она жила, говорится, что она была «знаменитой ученицей» двух гигантов аналитической мысли. Но чем именно она была знаменита, чему училась и в каких человеческих отношениях состояла с учителями? При поиске ответов на эти вопросы я воспользовался, прежде всего, материалами сайта «Психоанализ на Руси» (<http://psychoanalyse.narod.ru/>), созданный стараниями Виктора Николаева и Людмилы Бугаёвой. Часть текстов, размещенных на их сайте, дается в переводе Сергея Панкова.

В частности, следующий раздел я начну с документа от 25.09.1905, взятого из статьи Цви Лотана «В защиту Сабины Шпильрейн» в его переводе. Согласно версии перевода Панкова документ называется «Отчет о состоянии фройляйн Шпильрейн профессору Фрейду из Вены, предоставленный фройляйн Шпильрейн для использования на ее усмотрение». Ее прямой смысл получается такой: «Отчет о состоянии Сабины, представленный Сабиной, для использования на усмотрение Сабины». Несмотря на явно искаженное содержание предложения, допущенное Панковым, мы всё-таки в состоянии выделить первоначальный смысл, заложенный в оригинале названия документа. Я думаю, его можно представить примерно следующей фразой: «Отчет о состоянии Сабины, представленный Юнгом, для использования на усмотрение Фрейда».

Это одна из «шероховатостей» перевода, которых не так уж и мало я обнаружил в тексте переведенной Панковым книги «Исследование истерии». И вот однажды он написал мне письмо, заканчивающееся словами:

«...Я профессиональный переводчик и литератор, никакого отношения ни к психоаналитиком, ни к физикам, ни к любителям подлога, вроде Олега Акимова..., я не имею».

Слово «подлог» «профессиональный переводчик и литератор» использует здесь не по назначению, поскольку данный термин предполагает существование у меня какого-то злого умысла. Я же был просто введен в заблуждение тем, что переводчик текста под названием

⁸⁸ Акимов О.Е. *Правда о Фрейде и психоанализе*. – М.: Издатель Акимова, 2005.

«Этюды об истерии», Николаев В.И., не указал свою фамилию. Поясню подробнее суть данного недоразумения.

Во второй беседе [34]⁸⁹ я рассказал г-же С – цитирую:

«Статья «Анна О. – первая пациентка Фрейда» [2] выросла из письма с моими претензиями содержательного и формального характера к переводчику книги «Исследования истерии», Сергею Панкову [теперь я понимаю, что свое письмо я отправлял Виктору Николаеву]. Ранее он уже опубликовал перевод этой книги в Интернете [точнее, часть книги под названием «Этюды об истерии»], причем намного лучшего качества. Вопросов к нему было много, начиная с названия книги. Обратите внимание, г-жа С, на окончание первого слова: правильнее, мне кажется, было бы сказать «Исследование истерии». Мы же говорим «Толкование сновидений», а не «Толкования сновидений».

Название – еще мелочь, возможно, это спорный момент. Изданный же Решетниковым первый том ССФ местами просто невозможно понять. Не считаю себя большим знатоком русского языка (корректору после меня всегда достается много работы), но приводить в своем тексте какую-то белиберду я не намерен. Поэтому из двух переводов, а главное из понимания контекста, я пытался сконструировать что-то удобоваримое. Всякий желающий может сравнить мой вариант построения предложений с тем, который дается в книге. Смысл предложений я, естественно, не меняю, но строю их более корректно с точки зрения русского языка. Вот, что я имел в виду, говоря о «шероховатостях» переводного слога».

Панков мне написал:

«Уважаемый автор статьи, позвольте полюбопытствовать, на каких основаниях вы всё это утверждаете. Я не получал от вас никаких писем, я никогда не публиковал и не публикую свои переводы в интернете. Из каких двух переводов вы конструировали свои версии, я понятия не имею».

В ответном письме я разъяснил Панкову: путаница возникла потому, что сначала прочитанная мною статья о Брейере заканчивалась сноской: «*См. перевод книги «Этюды об истерии» Некролог, написанный Фрейдом*». Так как за перевод «Некролога» расписался Панков, то я, естественно, подумал, что ему принадлежит и перевод «Этюдов». После выхода «Исследований истерии» я был обескуражен новым переводом, причем заметно худшего качества. В частности, я по-прежнему придерживаюсь мнения, что название книги Фрейда и Брейера следует переводить как «Исследование истерии», хотя в немецком варианте употреблено множественное число. Такой перевод не только более предпочтителен, с точки зрения русского языка, но и отвечает сложившейся у нас в стране традиции. Если бы Панков ее не ломал, то Мазину, написавшему послесловие к книге, не пришлось бы постоянно путаться. На первой странице [4,⁹⁰ с. 369] своего «Рождения психоанализа в переводе» он сначала два раза написал «Исследования», на третий раз решил написать «Исследование», потом снова несколько раз использовал множественное число, но закончил [4, с. 407] всё-таки единственным числом.

Рассказывая об этом случае, я хочу не только развеять случайно возникшее недоразумение, но и донести до читателя ту форму анализа текста, которая была апробирована мной при чтении книг «Исследование истерии» и «Толкование сновидений». Я сосредотачиваюсь не столько на единичных предложениях и даже абзацах, в которые могут вкрадываться те или иные языковые ошибки, допущенные не только переводчиком, но и автором, сколько на духе сочинений. Я пытаюсь распознать и те смыслы, которые не выражены в лингвистическом виде, но которые мы ощущаем через психологию автора. Так, например, зная натуру Фрейда и Юнга, мы можем в написанном ими тексте уловить намного больше, чем они хотели сказать. Часто авторы выставляют события в выгодном им свете, при этом многое искажают или умалчивают.

При таком семантическом способе исследования отдельные текстовые ошибки большой роли не играют, хотя истина, добытая таким путем, для человека с улицы может показаться малоубедительной, так как его верхоглядство мешает ему проникнуть в суть дела. Вот почему мне не нравятся интернет-форумы, на которых, как правило, каждый участник торопится заявить свою точку зрения и плохо слышит позицию другого. Я же рассчитываю на дотошного читателя, который, не спеша, шаг за шагом вникает во все приводимые аргументы и тщательно

⁸⁹ Акимов О.Е. *Три беседы с очаровательными дамами* (вторая беседа).

⁹⁰ Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Том. 1. *Исследования истерии* / Перевод С.С. Панкова, – СПб.: ВЕИП, 2005.

прочитывает приводимые фрагменты произведений. Он сам должен проделать немалый труд, так как часто невозможно сказать, что доказательство того или иного положения целиком находится «вот здесь», в данном конкретном месте. Моя аргументация порой сильно рассредоточена по большому числу книг и статей, так что, выражаясь техническим языком, на фоне белого шума полезный сигнал бывает едва слышимым. Однако многократным сканированием всего текстового массива нам удастся обнаружить зерно драгоценной истины и составить единственно верное представление о предмете исследования.

– V –

В заключение этого вводного раздела хочу поблагодарить Виктора Николаева из Ростова-на-Дону, хозяина сайта «Психоанализ на Руси» и руководителя общества ПАРИШ. Именно его неумная энергия подтолкнула меня на написание данной работы. На его сайте я прочитал:

«Шпильрейн Сабина Николаевна (1885–1942?) – символ психоаналитической России, врач-психоаналитик, член трёх психоаналитических обществ: Венского, Швейцарского и Российского. Именно с именем Шпильрейн, точнее с её взаимоотношениями с К.-Г. Юнгом, связано открытие контрпереноса. А ещё с её именем продолжает быть связано много тайн. На долгие годы Шпильрейн исчезла из истории психоанализа, чтобы вновь возродиться после публикации переписки Фрейда с Юнгом и книги итальянского психоаналитика Альдо Каротенуто».

По-моему, это какая-то уничижительная для пациентки из России дезинформация. Обычно лукавым термином «контрперенос» фрейдисты обозначают сексуальные желания врача, возникшие в ответ на сексуальные желания пациентки. Никаким научным открытием сей бесстыдный факт, конечно, не является. Да, действительно, Фрейд впервые использовал этот «фиговый лист», чтобы прикрыть срам любовных отношений между Сабиной и Юнгом. Позже «контрпереносом» психоаналитики стали называть все сексуальные безобразия, возникающие между врачом и пациенткой. Если отбросить пафосный, но малозначачий «символ психоаналитической России», о котором до недавнего времени никто ничего не слышал, и членство в трёх психоаналитических обществах, которое тоже было во многом символическим, то на долю Шпильрейн остается роль одной из многих любовниц Юнга, что выглядит достаточно оскорбительным для нее. Отсюда вытекает одна из главных моих задач – более справедливая расстановка акцентов в вопросе жизни и деятельности Сабины Шпильрейн.

На сайте «Психоанализ на Руси» можно обнаружить немало странных работ, которые тоже будут мишенью моей критики. Мне приходилось пользоваться книгами Юнга и Фрейда, а также Нолла, Розена, Джонса, Эткинда и других авторов, которых нет на этом сайте. Но не они вдохновили меня на труд. Статьи Овчаренко, Лотана, Кремериуса, Штефан, Вирц и, разумеется, самой Шпильрейн, – вот главный источник моего вдохновения. Меня удивило то, что перечисленные авторы, толкуя известную любовную историю и превознося заслуги пациентки из России за ее работу «Деструкция как причина возрождения» [24]⁹¹, которая мне кажется весьма слабой (другие ее работы [25]⁹² вообще не имеют никакой научной ценности), почти ничего не говорят о ее мощном эзотерическом влиянии на творчество Юнга. Так, например, Цви Лотан посвятил около десятка своих работ (три из них [10]⁹³, [11]⁹⁴, [12]⁹⁵ опубликованы на сайте Николаева) исключительно нравственной оценке эротических отношений между Сабиной и Юнгом. Российские же фрейдисты, по-моему, совершенно ошибочно увязывают имя Шпильрейн

⁹¹ Шпильрейн С. *Деструкция как причина возрождения* [Dr. Sabina Spielrein (Wien). *Die Destruktion als Ursache des Werdens*. «Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen», том IV, 1912 г., 465–503 стр.]

⁹² Шпильрейн С. *Удовлетворение посредством символики стопы* (1913), *Забывтое имя* (1914), *Ренаточкина теория возникновения людей* (1920), текст «Три вопроса» (1923).

⁹³ Лотан Ц. *В защиту Сабины Шпильрейн*. [Lothane, Z. (1996): *In defense of Sabina Spielrein*. In: International Forum of Psychoanalysis 5, S. 203–217. Lothane, Z. (1997a): *In defense of Sabina Spielrein*. In: Mahony, P., Bonomi, C., Stensson, J. (Hg.) (1997a): *Behind the Scenes Freud in Correspondence*. Stockholm (Scandinavian University Press). S. 81–109.]

⁹⁴ Лотан Ц. *Послесловие к книге Spielrein, S.* (2003): *Tagebuch und Briefe. Die Frau zwischen Jung und Freud*.

⁹⁵ Лотан Ц. *Совращение психоанализом или без оного. Что ищут девушки-еврейки у германских героев и vice versa?* [Psychosozial, 29. Jahrgang, Nr. 105, 2006, Heft III, S. 97–124].

с психоанализом. Скорее она была медиумом, который сообщал Юнгу трансцендентную истину о том, как нужно строить его мистическое учение о коллективном бессознательном.

2. Мастурбация

– VI –

«25.09.1905.

Отчет о состоянии фройляйн Шпильрейн профессору Фрейд из Вены, предоставленный фройляйн Шпильрейн для использования на ее усмотрение.

Дорогой профессор Фрейд, дочь фрау Шпильрейн, фройляйн Сабина Шпильрейн, студентка медицинского факультета, страдает истерией. Пациентка имеет серьезный наследственный порок, ее отец и мать были истериками, в особенности таковой была мать. Брат пациентки с юных лет страдает истерией в тяжелой форме. В настоящее время пациентке 20 лет, ее болезнь отчетливо проявилась на протяжении последних трех лет. Тем не менее, патогенные эпизоды и переживания, разумеется, относятся к ранней поре ее жизни. Я тщательно проанализировал ее состояние с помощью Вашего метода и вскоре добился обнадеживающих результатов.

По существу, анализ показал следующее.

С четырехлетнего до семилетнего возраста отец в наказание порол пациентку по ягодицам, что, увы, привело к преждевременному появлению довольно стойких ныне сексуальных чувств. Раннее пробуждение сексуальности выражалось в том, что пациентка занималась мастурбацией, стискивая бедра. Акту мастурбации всегда предшествовала порка. Однако со временем порка утратила значение неопременного условия сексуального возбуждения; теперь для этого было достаточно обычной угрозы или даже намек на грубость, например строгого выговора, угрожающих жестов и т.п. В конце концов она стала испытывать сексуальное возбуждение при виде отцовских рук; ей невыносимо было наблюдать за ним во время трапезы, поскольку она не могла отделаться от мысли о дефекации, ударах по ягодицам и т.д. В сферу этих чувств был вовлечен и младший брат, который тоже с ранних лет занимался мастурбацией. Малейшая угроза наказания младшего брата возбуждала пациентку и всякий раз, когда она становилась свидетельницей порки мальчика, ее тянуло заняться мастурбацией. Со временем ее стало возбуждать агрессивное поведение окружающих, например их приказания и требования. В уединении ее преследовали неотвязные мысли, она воображала всевозможные пытки, которые являлись ей во сне. К примеру, ей не раз снилось, что она обедает, сидя на ночном горшке, и тут же опорожняется, а вокруг нее теснится толпа зевак; в другой раз ей приснилось, что ее сечет плетью толпа черни и т.д.

В связи с этим жизнь в отчем доме стала невыносимой, и спустя год после того, как она учинила множество скандалов, ее отправили на лечение в Швейцарию, в частную клинику доктора Хеллера в Интерлакене, где лечащий врач оказался неготовым к ее дьявольским переменам настроения и манипуляциям. Она доводила всех до отчаяния. Вероятно, персонал частной клиники так и не сумел с ней совладать, и ее перевели в нашу лечебницу. Поначалу она продолжала и здесь изводить санитаров. Но благодаря анализу, ее состояние заметно улучшилось, и оказалось, что она – весьма интеллигентный и талантливый человек, способный на самые тонкие чувства. Впрочем, она проявляла известную неосмотрительность и пристрастность, совершенно не понимая, как подобает себя вести в соответствии с правилами хорошего тона, что, несомненно, следует отнести на счет ее русского характера.

Состояние ее настолько улучшилось, что прошлым летом она смогла продолжить свои занятия. Встречи с родными по-прежнему причиняют ей боль, но ее мать отказывается это понимать, хотя причиной тому стало все вышеописанное. (Кстати, фрау Шпильрейн известно многое о комплексе ее дочери.)

В ходе лечения пациентку угораздило влюбиться в меня. Она постоянно потчует мать ужасными небылицами об этой любви, и отнюдь не последним поводом к тому является тайное злорадство, которое она испытывает, запугивая мать. Поэтому ее мать готова в случае необходимости передать ее на попечение другого врача, с чем я, естественно, согласен» [10]⁹⁶.

Отец Сабини

⁹⁶ Лотан Ц. *В защиту Сабини Шпильрейн*. [Lothane, Z. (1996): *In defense of Sabina Spielrein*. In: International Forum of Psychoanalysis 5, S. 203–217. Lothane, Z. (1997a): *In defense of Sabina Spielrein*. In: Mahony, P., Bonomi, C., Stensson, J. (Hg.) (1997a): *Behind the Scenes Freud in Correspondence*. Stockholm (Scandinavian University Press). S. 81–109.]

Перед нами история болезни Сабины, написанная Юнгом. Насколько она правдива, сейчас судить сложно. Существуют иные истории этой пациентки. Приведем одну из них, где мастурбации отведено более скромное место. Документ написан рукой Ренаты Хёфер:

«Детство и юность Сабины Шпильрейн были экстремально тяжёлыми. Ребёнком она подвергалась физическим наказаниям со стороны отца, и, скорее всего, сексуальному насилию со стороны взрослых. Уже в три года она страдала от тяжёлых физических и психических расстройств, мучивших её всю юность. Так во время еды на неё находил неудержимый хохот, сопровождавшийся выражениями возмущения и презрения, а также высовыванием языка. Она не могла больше прикасаться или смотреть на правую руку отца, руку, реализовывающую физическое наказание, без того, чтобы не возбуждаться сексуально. А следствием этого был чрезмерный онанизм. Иногда ей удавалось унять тревогу, наделяя себя в фантазии божественной властью. Но состояние её ухудшалось.

В 18 лет она стала впадать в приступы смеха и крика, завершавшихся истерическим плачем, переходящим в глубокую депрессию. Тем не менее, учёба ей удавалась, она играючи овладела несколькими языками. Родители, состоятельные евреи Ростова-на-Дону, были вынуждены отправить свою старшую дочь (у неё было три брата и сестра, умершая в 6 лет от тифа) на лечение к психиатрам. После нескольких провалившихся попыток Шпильрейн в 1904 году оказалась в Психиатрической клинике Цюриха, прогрессивной больнице, хорошо известной во всём мире. Лечил её 29-летний доктор Карл Густав Юнг, в то время младший врач больницы. Сабине Шпильрейн было 18 лет.

Несмотря на сегодняшний интерес к ней как необычной и значительной женщине, пережитый ею в детстве и юности травматический опыт обычно не замечается биографами и авторами. По-видимому, это связано с тем, что они не придают большого значения детству и юности Шпильрейн. И, тем не менее, на мой взгляд, расхождения и разлука, надежды и достижения в жизни этой женщины можно понять лишь с учётом всего пережитого ею» [30]⁹⁷.

Возможно, история, написанная Ренатой Хёфер, выглядит более объективно, однако далее наше внимание будет сосредоточено всё-таки на истории, написанной Юнгом. Не важно, насколько объективна была его оценка симптомов заболевания Сабины, важно, что этот врач обратил внимание на ее мастурбацию. Не будем также вникать в выстроенные Юнгом (со слов пациентки или ее матери) причинно-следственные связи возникновения этого симптома. Нас будет интересовать лишь степень влияния факта мастурбации на образ мыслей врача.

Такая «субъективная» постановка задачи определена целью, сформулированной в предыдущем разделе. Напомню, что уровень общности между мироощущениями Юнга и Шпильрейн сильно недооценивается нынешними исследователями. Я также не вижу веских оснований зачислять Шпильрейн в лагерь психоаналитиков фрейдистского толка. Это просто не их случай. При всей бедноте ее литературного наследия в нем можно отыскать лишь юнгианские мотивы при очень слабых фрейдистских реминисценциях.

Да, она многократно ссылалась на Фрейда, некоторое время работала с ним и его последователями, но ведь и Юнг в ту пору не сильно чурался Фрейда и фрейдистов. Тем не менее, взгляды австрийского врача радикальным образом отличаются от взглядов швейцарского, причем мировоззренческая эволюция последнего происходила под сильным воздействием Сабины Шпильрейн. Таким образом, цель настоящей работы состоит в том, чтобы очертить вокруг русской пациентки тот круг в истории психологии, который она должна по праву занимать. Заранее скажу, что радиус этого круга намного больше, чем думают члены ООО «Сабина Ш.» (ПАРИШ). Не столько Шпильрейн была ученицей Юнга, как это сказано в тексте мемориальной доски, сколько он внимательно прислушивался к мнению анимы по имени Шпильрейн. Сабина выступала в роли медиума или оракула, который рассказывал Юнгу, как нужно строить учение о коллективном бессознательном.

В моих предшествующих исследованиях было показано, что Анна О., которую лично знал не только Брейер, но и Фрейд, сыграла решающую роль в деле становления психоанализа. Теперь я задаюсь вопросом, а не была ли Сабина Шпильрейн для Юнга тем же, чем была Берта Паппенхейм (она же Ирма и Анна О.) для Фрейда? Мой ответ положительный. Да, русская пациентка, привезенная в середине августа 1904 года в Швейцарию, в психиатрическую клинику Бургхёльцли (или Бургхольцли – так тоже пишут) и впоследствии сделавшаяся любовницей Юнга, была для него, условно говоря, той Анной О., которая вдохновила врача на создание

⁹⁷ Из истории сексуальных злоупотреблений в психоанализе и аналитической психотерапии.

грандиозной доктрины эзотерического содержания, под названием «юнгианство». Сейчас степень ее влияния мы проследим на незначительной, казалось бы, черте характера Сабины – склонности к мастурбации. Но посмотрите, какой каскад мыслей вызвала у швейцарского аналитика эта крохотная черта характера, которую из ложной вежливости нынешние историки психологии никогда не называют.

– VII –

В книге «Либи́до, его метаморфозы и символы» Юнг пишет:

«Однажды я лечил больную, страдавшую кататоническим угнетением. Так как дело шло о легком психозе интроверсии, то нечего было удивляться наличности многочисленных истерических черт. В начале аналитического лечения, рассказывая об одном очень болезненном обстоятельстве, она впала в состояние истерического полубоморока, в течение которого проявила все признаки полового возбуждения. (Всё указывало на то, что во время этого состояния она изъела из сознания мое присутствие, по весьма понятным причинам.) Возбуждение перешло в мастурбацию (*frictio fomorum*)».

Разъяснение. Можно не сомневаться, что Юнг прибег здесь к гипнозу, которым он широко пользовался, особенно в начале своей психотерапевтической практики. Однако говорить об этом он не мог, поскольку экспериментирование в сексуальной сфере над пациентками, когда они находятся в гипнотическом сне, вызывало резкое осуждение медиков и негодование в обществе. Еще во времена Месмера врачи-гипнологи часто склоняли своих пациенток заниматься с ними оральным сексом. Месмеризм или магнетизм пользовался дурной славой в Европе и преследовался в медицинских кругах. Однако по прошествию нескольких десятилетий, когда в европейской науке проснулся жгучий интерес к психологии и проблемам работы сознания, месмеризм вновь возродился, но уже под другим названием – гипноз. Скандалы на сексуальной почве вспыхнули с новой силой.

Психоанализ – это лечение любовью, когда сексуальные отношения между врачом и пациентом сделались нормой. Претензии этического характера со стороны традиционных медиков психоаналитиками отвергались на том зыбком основании, что курс лечения протекает при бодрствующем сознании пациентки, при ее добровольном согласии и заключении договора с ее родственниками. Врачи-психоаналитики обычно сильно возмущаются, когда их подозревают в сексуальных злоупотреблениях. Они готовы пойти на любую фальсификацию фактов, лишь бы отвести от себя подозрение. Между тем эта этическая проблема всегда была и остается по сей день актуальной, так как сладострастного человека, работающего в интимной обстановке, никакими моральными кодексами не остановишь. Злоупотребления были, есть и будут до тех пор, пока существует безнравственная методика психоанализа или его модификаций. Нижеследующий текст ясно говорит нам, что Сабина находилась в состоянии гипноза, а не обморока.

«Этот акт [мастурбация] сопровождался странным жестом: она делала указательным, пальцем, левой руки на левом виске очень энергичные кругообразные движения, как если бы она хотела просверлить там отверстие. После этого наступило «полное забвение» происшедшего, и ничего нельзя было узнать о странном жесте рукою. Хотя в этом действии легко можно было признать перенесенное на висок ковыряние во рту, в носу и в ушах, которое, являясь прелюдией к онанизму, относится к области *ludus sexualis* раннего детства, к упражнению, подготавливающему деятельность пола, однако это действие по впечатлению своему казалось мне всё-таки более знаменательным: почему именно, это в начале мне не было еще ясно.

Много недель спустя я имел возможность говорить с матерью пациентки [добавлю: мать Сабины, которая, между прочим, имела медицинское образование, находилась в переписке с лечащим врачом]. От нее я узнал, что пациентка уже ребенком отличалась большими странностями. Будучи двух лет, она обнаруживала склонность, сидя спиной к открытой двери шкафа, целыми часами захлопывать дверь, ударяя в нее ритмически головою, чем она доводила всех окружающих до отчаяния. Немного спустя, вместо того, чтобы играть как другие дети, она стала сверлить пальцем в штукатурке стены дома отверстие. Она производила это при помощи небольших вращающих и скользящих движений и занималась этой работой целыми часами. Для родителей она продолжала оставаться полною загадкой.

С четырех лет она начала онанировать. Ясно, что в этом раннем инфантильном действии следует видеть преддверие дальнейших актов. Особенного внимания заслуживает здесь, во-первых, то, что действие производится не на собственном теле, а во-вторых, то, что оно совершается с таким упорством (маленькие крошки, которые при этом выпадали, она клала в рот и ела). Невольно

усматриваешь причинную связь между этими двумя моментами и говоришь себе, что это упорство проистекает, вероятно, оттого, что ребенок совершает это действие не на своем теле; сверля в стене, он никогда не достигает того удовлетворения, какое имеет, совершая то же действие онанистически на своем теле.

Несомненно онанистическое сверление пациентки может быть прослежено вплоть до самого раннего детства, предшествующего периоду местной мастурбации. Психологически это время окутано тьмою, ибо индивидуальное воспроизведение вполне отсутствует, также как и у животного. У животного в течение всей жизни преобладает то, что свойственно его породе, отсюда определенность образа жизни, тогда как у человека понемногу начало индивидуальное пробивается через родовой тип. Признавая правильность этого соображения, приходится в особенности удивляться поступкам этого ребенка, совершенным в столь раннем возрасте и потому непонятным в своей кажущейся индивидуальности.

Мы знаем из дальнейшей биографии этого ребенка, что его развитие, которое, как это бывает всегда, неисследимо переплелось с параллельно совершающимися внешними событиями, привело к душевному расстройству, особенно хорошо известному индивидуализмом и оригинальностью своих проявлений, именно к *dementia praecox*. Своеобразие этой болезни, по-видимому, покоится... на более сильном проявлении фантастического образа мыслей и вообще ранних инфантилизмов. Из этого мышления проистекают многочисленные соприкосновения с мифическим творчеством и всё, что мы принимали прежде за оригинальные и совершенно индивидуальные создания, часто оказываются ныне ничем иным, как образованиями весьма близкими продуктам стародавнего времени. Полагаю, что этот критерий приложим ко всем образованиям этой странной болезни, вероятно также и к этому особенному симптому сверления.

Мы видели уже, что онанистическое сверление пациентки относится к раннему детству; это означает, что ныне оно было вызвано из того прошлого и произошло это именно тогда, когда больная после нескольких лет замужества, потеряв своего ребенка, с которым она себя отождествила в своей чрезмерно нежной любви, впала в прежнюю мастурбацию. Когда ребенок умер, то у матери, тогда еще вполне здоровой, выступили симптомы раннего инфантилизма в форме почти нескрываемых приступов мастурбации, связанных с вышеупомянутым сверлением».

Разъяснение. Сообщенный только что факт на первый взгляд не согласуется с биографией Сабины Шпильрейн. Юнг говорит о некой замужней женщине, потерявшей ребенка. Между тем нам доподлинно известно, что Сабина имела трех братьев и горячо любимую сестренку, которая, однако, в шестилетнем возрасте умерла. Сабина нянчилась с ней как с дочкой, очень любила её и сильно переживала её смерть. Трагедия произошла в момент полового созревания Сабины (15 лет), когда ее слабая подростковая психика и без того испытывала сильнейшие напряжения. Юнг, желая скрыть от читателя имя пациентки, сделал ее молодой матерью, лишившейся своего дитя. Но, по существу, он не слишком исказил реальную ситуацию; напротив, последние слова лишний раз убеждают нас, что перед нами Сабина Шпильрейн.

Аналитик увязал смерть Эмилии – так звали сестру-дочку – с психическим расстройством пациентки, что, видимо, не является большой ошибкой, если учесть переходный возраст и возбудимость ее психики. Но было бы ошибкой полагать, что смерть близкого человека напрямую связана с онанизмом. Очень сомнительно считать, будто ковыряние во рту, носу или ушах, сверление штукатурки или игра ребенка с дверцей шкафа является некой «прелюдией к онанизму». Подобную каузальную корреляцию можно обнаружить в абсурдных рассуждениях Фрейда, однако не станем сейчас по этому поводу втягиваться в дискуссию с психоаналитиками. Я хочу лишь заметить, что Юнг по ходу изложения истории болезни «анонимной» пациентки сообщает нам любопытные сведения о Сабине, почерпнутые им, по-видимому, из бесед или переписки с ее матерью. Продолжим цитировать Юнга с прерванного места.

Сабина, ее мать и сестренка-дочка Эмилия (фото сделано около 1900 года)

«Было замечено, что первичное сверление обнаружилось в то время, которое предшествовало локализации инфантильной мастурбации на половом органе. Это констатирование потому имеет

особенное значение, что сверление тем самым должно быть отличаемо от подобной, но позднейшей привычки, которая проявилась после мастурбации. Позднейшие дурные привычки обычно представляют собою замену уже вытесненной мастурбации или попыток в этом направлении. В качестве такой замены эти привычки (сосание пальцев, жевание ногтей, дерганья, ковыряние в ушах и в носу и т.д.) сохраняются дальше и у взрослых как вполне определенные симптомы вытесненной массы *libido*.

Как выше было сказано, деятельность *libido* протекает первоначально в области функции питания, причем в акте сосания пища принимается при помощи ритмического движения со всеми знаками получаемого удовлетворения. С ростом индивида и с развитием его органов *libido* пролагает себе путь к новым потребностям, к новой деятельности и к новому удовлетворению. Тогда дело идет к тому, чтобы первичную модель ритмической деятельности, порождающую чувство удовольствия и удовлетворения, перенести в область других функций, имея в виду конечную цель, именно сексуальность.

Значительная часть «*libido* голода» должна быть преобразована в «*libido* пола». Этот переход совершается не вдруг, в период половой зрелости, как это обычно полагают неспециалисты, а очень постепенно в течение большей части детства. *Libido* в состоянии лишь с большим трудом и крайне медленно освободить себя от своеобразия функции питания, чтобы войти в своеобразие функций пола. В этой переходной стадии, насколько я об этом могу судить, различимы две эпохи: эпоха сосания пальцев и эпоха передвинутой ритмической деятельности. Сосание пальцев относится по своему характеру еще совершенно в районе питательной функции, но имеет перед ним то преимущество, что в собственном смысле функция питания уже отсутствует и налицо только ритмическое действие, конечной целью которого является удовольствие и удовлетворение без принятия пищи. Вспомогательным органом выступает здесь рука. В эпоху переложной ритмической деятельности роль руки как вспомогательного органа становится еще яснее, обретение удовольствия имеет место уже не в области рта, а в других областях. Возможностей здесь много.

Большую часть предметов интереса *libido* становятся прежде всего другие отверстия в теле, далее кожа и особенные места последней. Выполняемая здесь деятельность, как то трение, сверление, дерганье и т.п., проходит в известном ритме и служит к порождению чувства удовольствия. После более или менее продолжительного пребывания *libido* на этих станциях она идет дальше, пока не достигает половой области и не становится там поводом к первым онанистическим попыткам. На своем пути *libido* уносит с собою немало элементов из функции питания в половую область, чем и объясняются легко эти многочисленные и внутренние соприкосновения между функциями питания и пола. Если после осуществленной оккупации половой области обнаруживается какое-нибудь препятствие к применению той формы *libido*, которая стоит теперь на очереди, то по известным законам происходит регрессия к ближайшим предшествующим станциям обеих вышеупомянутых эпох» [8,⁹⁸ с. 149–152].

– VIII –

Юнг излагает здесь модные в его время полукультурологические, полубиологические взгляды, навеянные эволюционной теорией Дарвина и открытым Геккелем законом, который гласит: филогенез повторяет онтогенез. Описание мастурбации, которую он лично наблюдал у Сабины Шпильрейн, предварительно погрузив ее в гипнотический сон, и все вытекающие отсюда соображения относительно метаморфоз *libido*, в общем, еще не выходят из берегов фрейдистской доктрины. Но потом аналитик всё чаще и чаще обращается к древневосточным трактатам и индусским традициям. Так, например, он цитирует из древневосточного источника:

«Атман был так велик, как женщина и мужчина, когда они держат друг друга в объятиях...». Далее Юнг комментирует: «Мы встречаем здесь учение о сотворении мира особенного рода, что требует обратного перевода на язык психологии: вначале было *libido* неразличимое и двуполое, затем последовало разделение его на две составляющие – мужскую и женскую. ...*Libido* здесь покидает ту деятельность, к которой оно, собственно, призвано в качестве половой функции и совершает регрессию к дополовой ступени».

Как видим, Юнг с помощью древнеиндийской философии постепенно начинает расширять личностное *libido* до коллективного бессознательного.

«Согласно воззрению Упанишад, – продолжает аналитик, – это происходит в целях возникновения человеческого искусства, а отсюда и вообще высшей духовной деятельности».

⁹⁸ Юнг К. *Либи́до, его метаморфозы и символы*. – СПб.: ВЕИП, 1994.

Это уже похоже на фрейдистскую сублимацию, протекающую, однако, на уровне коллективного бессознательного. При этом внимание впечатлительного Юнга продолжает цепляться за наблюдаемую им у Шпильрейн мастурбацию.

«Данный ход развития, – пишет он, – не представляет собою для психиатра ничего странного, так как уже давно известным психопатологическим фактом является близость онанизма и чрезмерной деятельности фантазии.

Сексуализация духа путем аутоэротизма столь часто наблюдалась, что излишним было бы приводить примеры. Путь *libido* шел, следовательно, как мы можем заключить по этим опытным данным, первоначально в том же направлении, как и у ребенка, лишь в обратной последовательности: половой акт был вытеснен из собственно ему принадлежащей зоны и переложен в аналогичную зону рта, причем рту было придано значение женского органа, руке же или пальцам фаллическое значение. Таким образом, во вновь оккупированную регрессивно деятельность дополовой ступени привносится сексуальная значимость, которая, конечно, этой ступени прежде частично принадлежала, но имела совершенно иной смысл.

Некоторые функции дополовой ступени обнаруживают длительную целесообразность и потому впоследствии сохраняются в качестве сексуальной функции. Так, например, зона рта продолжает оставаться эротически важной, что означает, что ее оккупация становится долговременной. Что касается рта, то мы знаем, что он обладает сексуальной значимостью и для животных: во время сокоупления жеребцы кусают кобыл, также и коты, петухи и т.д. Другое значение рта – аппарат речи. Он служит существенным образом для порождения приманных звуков; эти звуки представляют собою большею частью те звуки царства животных, которые получили наилучшее развитие. Что касается руки, то мы знаем о ее важном значении как органа контррекции, например у лягушек. Многообразное эротическое применение руки у обезьян известно.

Когда возникает противление против собственной сексуальности, то запруженная *libido* скорее всего доводит до чрезмерного функционирования те *collateralia*, которые способны компенсировать противление; это и происходит с ближайшими функциями, служащими введением к половому акту, то есть с функциями руки и рта. Половой акт, против которого направлено противление, заменяется сходным актом дополовой ступени, идеальным примером которого является сосание пальцев и сверление. Подобно тому, как у обезьян нога выполняет иногда функции руки, так и ребенок не затрудняется часто в выборе предмета сосания и всовывает в рот вместо пальцев руки, большой палец ноги. Этот «жест» встречается и в индусском ритуале, только там большой палец ноги всовывается не в рот, а держится против глаз.

Благодаря половому значению руки и рта, этим органам, которые служат на дополовой ступени чувству удовольствия, приписывается способность рождать; эта способность тождественна с тем вышеупомянутым предназначением, имеющим в виду оттого именно внешний предмет, что дело идет там о *libido* пола или о *libido* размножения. Если вследствие действительного добывания огня половой характер, истраченный на это *libido*, успел выразиться вполне, то зона рта является без адекватной деятельности: рука достигла таким образом своей чисто человеческой цели, совершив первый акт своего искусства.

Рот имеет, как мы видели, еще дальнейшую важную функцию, у которой столько же полового отношения к предмету как и у руки, именно функцию порождения приманных кликов. При распадения аутоэротического кольца – рука-рот – когда фаллическая рука превращается в орудие добывания огня, привлеченная к зоне рта *libido* ищет пути к другой функции, который и приводит ее совершенно естественно к уже имеющейся функции криков во время течки. Приток *libido*, впадающий сюда, должен был вызвать обычные последствия: именно повышение деятельности вновь оккупированной функции, т.е. выработку приманных кликов» [8, с. 162–163].

– IX –

Акт мастурбации Юнг связывает с добыванием огня и, вообще, сексуальную энергию в психическом ее выражении он практически полностью отождествляет с огненной энергией в ее прямом физическом выражении. Таким образом, от онании Сабины автор проводит жирную черту к либидо вселенского масштаба.

«Что должно остаться в тайне, – пишет Юнг, – чего вообще не следует ни видеть, ни делать, некое деяние, сопровождаемое тяжкими наказаниями души и тела, всё это, по-видимому, должно быть чем-то вообще запретным, но получившим специально культовое разрешение. После всего того, что выше было сказано о генезисе добывания огня, уже нетрудно более отгадать, что именно является запретным: это есть онания.

Выше я сказал, что то была неудовлетворенность, которая сломала аутоэротическое кольцо перенесенной половой деятельности на собственном теле и открыла таким образом далекие горизонты культуры, но я не упомянул, что это лишь неплотно сомкнутое кольцо перенесенной онанистической деятельности в состоянии замкнуться прочнее, когда сделано другое значительное открытие, именно настоящей онаниии. Таким путем деятельность переносится на надлежащее место и, смотря по обстоятельствам, обеспечивает на долгое время достаточное удовлетворение; однако сексуальность оказывается обманутой в своих истинных намерениях. Естественное развитие оказывается обойденным, так как напрягшиеся силы, которые могли бы и должны были бы служить культурному росту, отнимаются от последнего, благодаря онаниии: вместо переложения *libido* совершается регрессия в половую область, что является прямою противоположностью целесообразному процессу.

Но психологически онания есть изобретение, значения которого отнюдь не следует недооценивать: благодаря ему оказываешься огражденным от судьбы, так как половая потребность уже не в состоянии отдать открывшего онанию на произвол жизни. Благодаря онаниии имеют в руках волшебное средство: стоит только отдаться воображению и при этом онаниировать, как получаешь в свое обладание все плотские утехы и при этом не имеешь надобности суровым трудом и тяжелой борьбой с действительностью отвоевывать себе мир своих желаний. Алладин трет свою лампу и услужливые духи отдают себя в его распоряжение; так изображает сказка тот большой психологический выигрыш, который получается от дешевой регрессии к местному половому самоудовлетворению. Символ Алладина весьма тонко вскрывает двусмысленность магического добывания огня.

Близкую связь порождения огня с мастурбацией доказывает еще один случай... Один слабоумный батрак совершил несколько поджогов. На одном пожаре, виновником которого он был, поведение его показалось подозрительным, потому что он, засунув руки в карманы, стоял у двери одного дома, находившегося напротив пожарища, и с видимым удовольствием наблюдал за огнем. Во время освидетельствования в лечебнице для душевных больных он подробно рассказывал о пожаре и при этом делал подозрительные движения рукою, находившейся в кармане брюк. Немедленно произведенное телесное освидетельствование показало, что он онанировал. Впоследствии он признался, что онанировал всякий раз, когда наслаждался зрелищем огня, вызванного его поджогом» [8, с. 169–170].

Склонившаяся над книгой Сабина в кругу всех членов семьи – отца, матери и трех братьев: Исаака, Яна и Эмиля⁹⁹ Шпильрейна (фото сделано в период ее учебы в университете)

Позднее в примечании 14 к главе 3 «Переложение *libido*, как возможный источник первобытных человеческих изобретений», откуда взяты все вышеприведенные цитаты, автор вновь вспоминает Сабину Шпильрейн, но уже не как «первый учебный случай» (термин, используемый Юнгом в письме к Фрейдю), а в ее новом качестве, врача-психотерапевта. В Цюрихском университете, куда она поступила сразу же по завершению лечения в 1905 году, под руководством Юнга она исследовала несколько случаев заболевания шизофренией (*dementia*

⁹⁹ В.Э.: Все трое были расстреляны в 1937–1938 гг.; до этого были преподавателями ВУЗов.

praesox). В 1911 году результаты многолетних исследований были оформлены в виде ее единолично написанной диссертации, хотя, понятно, что высказанные там идеи во многом были сформулированы ее руководителем.

Юнг заинтересовался идеями Фрейда еще в 1902 году, вскоре после выхода книги «Толкование сновидений». Сабина была той первой пациенткой, которая предназначалась для проверки действенности нового способа лечения, предложенного венским коллегой. На первом международном конгрессе, проходившем в сентябре 1907 году в Амстердаме, Юнг доложил об успешном проведении эксперимента по лечению пациентки из России по фрейдовскому методу. Впрочем, его первое публичное выступление по психоаналитической теме было провальным. Докладчик подвергся обструкции со стороны традиционных психиатров. Эткинд поясняет:

«Один из присутствовавших авторитетов заявил, что метод Фрейда нельзя принимать всерьез, поскольку каждое слово им трактуется в сексуальном смысле, а это крайне вредно для пациентов; сам он просто запрещает своим пациентам упоминать что-либо, относящееся к сексу... Что же касается Юнга, – продолжает Эткинд, – то он превысил регламент и отказался подчиниться председателю, требовавшему закончить доклад. Когда же его вынудили сойти с трибуны, он с возмущением покинул зал» [20,¹⁰⁰ с. 165].

Эткинд не сообщает нам имя «авторитета», но Джонс сделал это. Более того, он посвятил двадцатую главу оппозиции, беспощадно критикующей психоаналитическую доктрину, базирующуюся на сексе.

«Юнгу явно требовалась любая поддержка перед таким тяжелым испытанием, – писал Джонс. – Ашаффенбург повторил свое предыдущее авторитетное заявление о ненадежности метода Фрейда, так как каждое слово в нем интерпретируется в сексуальном смысле. Это является не только очень болезненным, но часто также непосредственно вредным для пациента. Затем, ударяя себя в грудь с чувством собственной правоты, он клятвенно заверил, что запрещает своим пациентам даже упоминать какую-либо сексуальную тему... Юнг сказал в своем выступлении, что он нашел утверждения Фрейда правильными во всех случаях истерии, которые он изучил, и заметил, что эта тема символизма, уже знакомая поэтам и сочинителям мифов, является новой для психиатров.

На следующий день нападки на психоанализ продолжил Конрад Альт. Он сказал, что, помимо методов Фрейда, всегда было известно, что сексуальная травма влияет на развитие истерии. *«Многие истерики очень тяжело страдали от предрассудков своих родственников, считающих, что истерия может возникать лишь на сексуальной почве. Для нас, немецких неврологов, потребовалось приложить колоссальные усилия, чтобы разрушить этот широко распространенный предрассудок. Теперь, если мнение Фрейда относительно развития истерии будет признано в какой-то степени обоснованным, бедных истериков снова станут осуждать, как и раньше. Такой шаг назад принесет величайший вред»*. Среди бурной овации он пообещал, что никогда ни одному его пациенту не будет позволено лечиться у кого-либо из последователей Фрейда, с их бессознательной деградацией в полнейшую непристойность» [19,¹⁰¹ с. 251].

За выступлением Юнга, защищающего психоанализ, внимательно следил Фрейд. Джонс перед только что процитированным отрывком написал:

«Фрейда пригласили принять участие в этом симпозиуме, но он решительно отказался. Он писал на этот счет Юнгу: *«Они явно ожидали услышать мою словесную дуэль с Жане, но я ненавижу гладиаторские бои перед лицом титулованной толпы и едва ли соглашусь с решением равнодушной публики, высказывающей мнение по поводу моих познаний»*. Тем не менее позднее он ощущал некоторые дурные предчувствия при мысли о том, что наслаждается приятным отдыхом в то время, как кто-то другой ведет борьбу от его имени. Так что как раз перед началом конгресса он написал Юнгу ободряющее письмо:

«Я не знаю, ждет ли Вас успех или неудача, но мне хотелось бы быть с Вами именно теперь, наслаждаясь чувством, что я больше не одинок. Если Вам нужна моя поддержка, я могу рассказать о долгих годах почетного, но болезненного одиночества, которое началось для меня с тех пор, как я впервые мельком взглянул на этот новый мир; о потере интереса и понимания со стороны моих ближайших друзей; о тех тревожных моментах, когда я сам считал, что ошибаюсь, и пытался понять, как можно следовать такими нехоженными тропами и, несмотря на это, содержать свою семью; о постепенном усилении моего убеждения, которое цеплялось за

¹⁰⁰ Эткинд А.М. *Эрос невозможного. История психоанализа в России*. – М., 1993.

¹⁰¹ Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1997.

«Толкование сновидений» как за скалу во время бури; и о той спокойной уверенности, которой я, наконец, достиг и которая дала мне силы ждать, пока не откликнется голос извне. Им оказался Ваш голос!»»

Похоже, Сабина Шпильрейн превратилась в пропагандистское оружие в руках Юнга, который бросился с ним в бой против врагов фрейдизма. В первое десятилетие XIX века он безгранично верил в силу психоанализа и перед лицом общего врага даже не помышлял о критике Фрейда. Очевидно также, что из этих же пропагандистских соображений аттестационная работа бывшей пациентки, которая не только быстро и без осложнений вылечилась сама, но и готовилась лечить других, была опубликована в престижном научном журнале «*Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*», находившемся, впрочем, под редакторским контролем научного руководителя Шпильрейн. На эту работу, которая называлась «О психологическом содержании одного случая шизофрении», Юнг многократно ссылается в своей книге «*Либи́до, его метаморфозы и символы*», так как сам вложил немало труда.

– X –

В связи с интересующей нас темой, Юнг написал:

«Большая г-жи Шпильрейн (Jahrb. III, S. 371) приводит в несомненную связь огонь и рождение; она говорит об этом следующее: *«Железом пользуются в целях просверливания земли, в целях добывания огня. – В Литургии Митры в воззвании огненного бога говорится: ты, который дуновением духа запер огненные замки неба – отвори мне. – Больная продолжает: «С помощью железа можно из камня создать холодных людей».* Просверливание почвы имеет у большой значение оплодотворения и рождения. Страницей далее она говорит: *«Раскаленным железом можно просверлить гору. Железо раскаляется, если им сверлить камень»»* [8,¹⁰² с. 172].

Проводя аналогию между сексуальностью и огненностью, меду мастурбацией и добыванием огня, Юнг, в отличие от Фрейда, больше обращается к восточной мифологии, чем к западной. При этом швейцарский аналитик на начальном этапе своего творчества постоянно сопоставляет восточные и западные философские мотивы, примерясь, какие из них более точно выражают его мироощущение. Это особенно хорошо видно на примере примечания 29.

«Иранское наименование огня, – замечает Юнг, – мужское слово. Индусское – желание мужей. Огонь имеет значение логоса (ср.: гл. VII, объяснение Зигфрида). Об *Agni* – огне – Макс Мюллер говорит в своем введении в «Сравнительную науку о религии»; «Обычным представлением индусов было рассматривать огонь на алтаре одновременно и как субъект и как объект. Огонь сжигал жертву и был, таким образом, как бы жрецом. Огонь возносил жертву к богам и был, следовательно, посредником между людьми и богами. В то же время огонь сам представлял собою нечто божественное, был богом и, когда надо было оказать почести этому богу, огонь являлся как бы объектом жертвоприношения.

Соприкосновение этого, хода мыслей с христианским символом очевидно. Ту же мысль высказывает *Krishna*. По немецкому переводу *Garbe* это место гласит следующим образом: «IV, 24. *Браман ест приношение, Браман ест жертва, Браман пребывает в жертвенном огне, от Брамана жертвуется и в Браман войдет тот, который погружается в Браман во время жертвоприношения».*

Мудрая Диотима (Пир Платона, гл. 23) видит, что стоит за этим символизмом огня. Она поучает Сократа, что Эрос есть «*существо, среднее между смертными и бессмертными*»: Эрос – «*великий демон, дорогой Сократ*», говорит она, «*ибо всё демоническое и является посредствующим звеном между богом и человеком*»; задача Эроса быть «*толмачом и послом людей у богов и богов у людей; людям это надо для молитв и жертвоприношений, богам – для их приказов и вознаграждений за жертву; Эрос заполняет, таким образом, бездну между теми и другими, так что благодаря его посредничеству вселенная связывается сама с собой*». Эрос – сын Нужды, зачатый от Пороса, опьяненного нектаром.

Диотима дает превосходное описание Эроса: «*Он мужественен, смел и настойчив, мощный охотник (стрелок из лука, ср. дальше) и неутомимый строитель козней, который постоянно стремится к мудрости, могучий волшебник, отравитель и софист; и уродился он ни в бессмертного, ни в смертного, а в тот же самый день то расцветает и преуспевает, когда достигает полноты в желанном, то умирает вовсе; но всегда он пробуждается вновь к жизни*

¹⁰² Юнг К. *Либи́до, его метаморфозы и символы*. – СПб.: ВЕИП, 1994.

благодаря природе своего отца (возрождение); приобретенное, однако, стекает с него опять прочь»» [8, с. 174].

В примечании 34 Юнг снова сравнивает:

«Эта сторона *Agni* указывает на Диониса, миф о котором имеет параллельные места как к христианской, так и к индусской мифологии» [8, с. 175]. (Добавлением к рассказу об Эросе может служить статья [31]¹⁰³).

Таким образом, раскол между Фрейдом и Юнгом имел множество измерений, в том числе, и по мифологической линии. Австриец берет себе в помощники эллинов, швейцарец – индусов. В духе индийской философии Юнг придает огню одушевленную психологическую энергию, сконцентрированную в понятии *libido*, чего нет в греческой мифологии. Огонь у греков выступал лишь как физическая субстанция (Прометей, конечно, не в счет, поскольку он не субстрат). С пылающим в нашей душе пожаром любви трудно справиться – это Юнг понимает и, кажется, готов оправдать тех, кто прибегает к мастурбации. В примечании 44 он пишет:

«Справедливость требует принять во внимание то обстоятельство, что значительно обострившиеся благодаря нашей морали условия жизни являются столь трудными, что для многих людей просто практически невозможно добиться того, в чем ни одному человеку не следовало бы отказывать, именно осуществление любовного желания. Под давлением этой жестокой доместики человек вынужден прибегать к онани, раз он обладает более или менее активной сексуальностью. Известно, что как раз наиболее полезные и лучшие люди обязаны своими достоинствами сильной *libido*. Энергичная *libido* требует временами кое-чего сверх простой христианской любви к ближнему» [8, с. 175].

3. Любовь

– XI –

В предыдущем разделе мы видели, как Сабина Шпильрейн послужила толчком к длинным рассуждениям на тему мастурбации, когда в уме Юнга произошла культурологическое соединение этого физиологического явления, наблюдающегося у большинства видов приматов, с индусскими ритуалами, мифическими сюжетами вокруг ведического божества в форме *Agni*, с добыванием огня путем поглаживания (лампа Алладина) или трения одного предмета о другой. Когда правая рука Сабины была занята мастурбацией, ее левая рука могла совершать круговые движения в области левого виска автоматически, подобно тому, как барабанщик, отбивая такт рукой по барабану, механически притоптывает ногой по полу. У Юнга в действительности не было никаких эмпирических данных для столь далеко идущих выводов. Бессознательные (в смысле рефлекторные) движения Сабины, находившейся в гипнотическом сне, послужили всего лишь спусковым крючком для обдумывания посторонней темы, оказавшейся совершенно в спекулятивной плоскости. Похожую незаконную экстраполяцию он развил и в отношении изначально ложной теории переноса. Как и Фрейд, Юнг черпал исходный материал для нее из личной жизни, предварительно подвергнув его цензуре, то есть изъятию из имеющегося в наличии эмпирического массива всех компрометирующих врача моментов. Оставшиеся куски жизненного опыта он уложил в искусственную последовательность, ведущую к неизменному мистическому образу в виде божества.

Юнг страшно боялся, что его интимные отношения с Сабинной будут известны коллегам, поэтому он, как и Фрейд в отношении Берты Паппенхейм, тщательно шифровал тексты своих сочинений. Имена «Ирма» и «Анна О.» помимо элементарной этической составляющей, вызванной обязательством неразглашения имени больной, вводились еще из соображений конспирации личности врача. Фрейд изменял не только имя пациентки, но и названия географических мест и симптомы заболеваний. Кодированию реальных событий способствовала, конечно, литературно-художественная техника их изложения через сновидения с использованием искусственных приемов под названием «покрывающие воспоминания», «сгущение», «смещение», «инвертиро-

¹⁰³ Акимов О.Е. *Эрос / Зарождение греческой культуры*.

вание» и т.д. Эти свои фантазии он преподносил окружающим его дилетантам как теоретические результаты, добытые им в процессе опытных исследований глубинной психологии.

Похожими уловками пользовался и Юнг. Но если знать натуру швейцарского аналитика, его манеру рассуждать на отвлеченные темы, то можно глубже понять не только его теоретические построения, но и установить неизвестные факты жизни Сабины Шпильрейн. Я потому и привожу большие фрагменты юнговских сочинений, что помимо теоретических воззрений в них сообщается бесценная информация, которой не найти в недавно обнаруженных письмах и дневнике российской любовницы второго после Фрейда мистификатора, трудившегося, как и первый, на ниве психотерапии. Дневник Шпильрейн и письма, которыми она обменивалась с Юнгом и Фрейдом, вместе с сочинениями теоретического плана дают возможность окинуть единым взором огромный монолит, названный здесь «коллективным бессознательным Шпильрейн, Юнга и Фрейда».

Из юнговских работ, а также из его опубликованных писем к Фрейду (1906–1914) мы узнаем, преимущественно, одну сторону этого монолита, а именно ту, которая характеризуется словами: «Сабина любила Юнга» (в переносе или без него – это, в принципе, неважно). Женевская находка проливает яркий свет на невидимую до 1977 года сторону их отношений, которая характеризуется противоположными словами: «Юнг был тоже страстно влюблен в Сабину». Анализу обратного течения сексуальной энергии от Юнга к Сабине (на птичьем языке психоаналитиков оно называется «контрпереносом») были посвящены несколько статей, в которых их авторы подвергли Юнга суровой критике за бесчестное ведение игры. Видите ли, Фрейду он писал о «перенесенной» любви пациентки с отца на врача, укоряли они его, а сам лекарь чуть ли не с первых дней лишился рассудка от обуреваемого им бесконтрольного сексуального влечения к своей юной пациентке.

Впрочем, его понять можно, если иметь в виду склонность Сабины к мастурбации и умение швейцарского аналитика гипнотизировать своих пациенток. Наблюдая эротические сцены, самый рассудительный аналитик, не говоря уже об импульсивном, быстро воспламеняющемся Юнге, может потерять голову и позабыть о своем врачебном долге. Примерно так рассуждал Каротенуто (Carotenuto) в своей книге «Секретная симметрия. Сабина Шпильрейн между Фрейдом и Юнгом», где написал: «*Малышка Сабина... держала себя так, что Юнг поневоле поступил невероятно гнусно и совершенно вульгарно*» [21]¹⁰⁴. «Чего ради поднимать шум вокруг сладкой парочки Сабина–Юнг, если пациентку врач всё-таки вылечил?» Примерно так рассуждал Беттельхайм (Bettelheim) в статье «Скандал в психосемье». Он написал:

«Вероятно, можно допустить, что Шпильрейн была вылечена тем, что она пережила в отношениях с Юнгом. Если это так, тогда прегрешения Юнга, который, благодаря манере поведения Сабины Шпильрейн, оказался втянутым в любовные отношения, были инструментом исцеления – какое бы имя мы не давали проступку и установке врача: лечение, совращение, перенос, любовь, взаимное фантазирование» [9]¹⁰⁵.

Не будем пока вдаваться в детальный анализ чужих оценок интересующих нас событий, прежде нам надо самим хорошенько понять характер и интенсивность любовных отношений, вспыхнувших между Сабиной и Юнгом. С этой целью я приведу письмо Сабины, адресованное матери. Оно вполне доверительное, однако не может дать полной картины взаимной любви, поскольку мать есть мать, и ей не расскажешь интимные подробности, какие бывают между мужчиной и женщиной. Тем не менее, данное письмо несет бесценную информацию для понимания жизненной ситуации, в которой оказалась наша героиня. К 1908 году, когда было написано письмо, чувства обоих достаточно созрели, чтобы можно было говорить о расторжении брака супругов Юнгов. Но мы не станем сейчас обсуждать ни эту, ни смежные темы, а просто приведем фрагменты письма, из которых видно, что врач, с точки зрения психического состояния, был ненамного здоровей своей пациентки.

¹⁰⁴ Штефан И. *Сабина Шпильрейн*. «Предмет обмена» между Юнгом и Фрейдом (Перевод с немецкого С.С. Панкова. Источник: http://www.oedipus.ru/html/2000_2/stefan.htm).

¹⁰⁵ Вирц У. *Терапевтические тупики. Сексуальные злоупотребления в терапии* / из книги «Убийство души» // «Вопросы психологии», 1995, № 6.

– XII –

«Дорогая мамочка, – *обращается Сабина*, – я вообще не способна что-либо написать, так как невозможно рассказать в письме о важных вещах. Мне нужно сказать тебе очень много. К несчастью, Цюрих слишком далек от Ростова. Я не могу послать тебе его [Юнга] письма, это слишком рискованно, а рассказывать всё было бы слишком долго и утомительно. Насколько чудесной бы могла оказаться возможность принять твёрдое решение; а вместо этого я всё время провожу в раздумьях, хотя смысла в этом никакого нет...

Совсем недавно Юнг завершил писать статью «Роль отца в судьбе индивида», вызвавшую огромный переполох. В статье Юнг показывает, что выбор будущего объекта [любви] определяется первыми взаимоотношениями ребёнка со своими родителями. То, что я его люблю, также верно, как и его любовь ко мне. Для меня он отец, а я для него мать, или говоря точнее, женщина, ставшая первым объектом, заместившим мать [мать Юнга заболела истерией, когда ему было два года]; он настолько сильно привязался к [эрзац] женщине, что даже в её отсутствии продолжал её чётко видеть в галлюцинациях, etc., etc.

Не знаю, почему он влюбился в свою жену... Допустим, что его жена не удовлетворяет его полностью, тогда он влюбляется в меня, в истеричку; а я влюбляюсь в психопата, нужно ли мне пояснять это тебе? Я никогда не принимала своего отца за нормального человека. Его безумная страсть к «самоанализу» в такой же сильной степени проявляется и у Юнга, для которого его научная деятельность является самым важным делом в жизни...

Неровный взрывной характер вместе с необычайно высокоразвитой чувствительностью, потребность в страдании и эмпатии «*ad magnum*» [выступающие в чрезмерной мере]. Ты можешь делать с ним всё, что хочешь – и что хочешь от него получить, затрачивая только любовь и нежность. Дважды подряд в моём присутствии эмоции столь сильно завладевали им, что по его лицу начинали струиться слёзы. Если бы ты могла укрыться в соседнем помещении и слышать, как он заботится обо мне и моей судьбе, то ты бы и сама разразилась слезами. А затем он начинает бесконечно упрекать себя за испытываемые им чувства, например, говорит, что я являюсь для него чем-то святым, что он готов извиняться передо мной, etc.

Я не могу назвать тебе в точности его слова, так как они немножко сентиментальны, но ты явно сможешь их себе хорошо представить. Вспомни хотя бы то, как любимый папа точно такими же словами извинялся перед тобой! Мне неприятно упоминать обо всех упрёках, адресованных им в свой адрес, так как в этом повинны или оба мы, или же никто.

Подумай и о том, как много пациенток уже видели его и, несомненно, в него влюблялись, и, тем не менее, ему удавалось вести себя только как врач, так как он их не любил! Но ты знаешь и о том, как отчаянно он сражается со своими чувствами! Что тут можно поделать? Многие ночи ему пришлось страдать из-за мыслей обо мне. Мы даже искали способ расстаться. И, тем не менее, подобного рода попытки нам пришлось отбросить как несостоятельные, так как мы оба живём в одном городе, в Цюрихе... Он чувствует себя ответственным за мою судьбу, и даже разрыдался, когда стал говорить об этом... Он не желает стоять на моём пути к счастью... и у него есть достаточно веские причины тревожиться за моё будущее (в случае нашей разлуки).

Наша беседа об этом состоялась примерно две недели назад, оба мы почувствовали себя после неё совершенно разбитыми, неспособными сказать ни слова и etc. Диалогу сердец пришёл конец. *Ducunt volentem Dei, nolentem trahunt.*¹⁰⁶ Мы неподвижно застыли, нас охватывала нежнейшая поэзия... А завтра будь хоть что, темнота и холод! Я желаю сегодня открывать моё сердце солнцу! Я хочу быть счастливым! Хочу быть молодым! Хочу быть счастливым, это именно то, чего я действительно хочу! [Последние четыре предложения написаны от мужского лица, словно бы Шпильрейн изображает настроение Юнга; может быть, она забыла поставить кавычки].

А потом я получила открытку и письмо о том, что не стоит печалиться. В последнюю пятницу он вновь посетил меня. И опять поэзия, и как всегда я, опять буду прощать ему в течение всей моей жизни любые его коварные планы: он не спал ночь, был изнурён; и более не мог защищаться.

Но одновременно я должна сказать: когда-либо он тоже простит мне всё плохое, что причинила я ему! Различие между нами лишь в том, что я знаю, что для него научная деятельность является самым важным делом в жизни, ради неё он может вынести всё... Для меня вопрос стоит только так: как мой интеллект относится ко всей этой истории, а проблема заключается в том, что интеллект не знает, как он должен к этому отнестись.

Для меня остаётся вопросом, должна ли я всем своим существом предаться мощному водовороту жизни, радуясь сиянию солнца или же, когда накрывает мрачное настроение, направить свои чувства на ребёнка или науку, то есть, на научную активность, которую я так люблю? Впрочем, кто может знать, чем завершится эта история. «Неисповедимы пути Господни». В любом

¹⁰⁶ В.Э.: «Ведет согласного Бог, несогласного тащит». Только обычно в этой пословице фигурирует не Бог, а Судьба (*Fata*). Пословица восходит к основателю школы стоиков Зенону {VIEWS.661 = МОИ № 100}; потом широко известна по письмам Сенеки.

случае, сегодняшняя молодёжь видит эти вещи по-иному, и вполне вероятно, что я влюблюсь заново, причём успешно, то есть найду для себя супруга.

Только, пожалуйста, не забывай, что такое может быть лишь в очень отдалённом будущем, так что об этом пока не стоит беспокоиться. А до этого мы будем пребывать на уровне поэзии, которая, конечно же, не представляет опасностей, на этом уровне мы будем долго оставаться, возможно, это продлится до тех пор, пока я и сама не стану врачом, если не изменятся обстоятельства.

Я пишу только тебе, так как без твоего материнского благословения я не могу быть счастлива, то есть, без твоего одобрения моих намерений. А, кроме того, только ты и можешь радоваться, когда со мною всё хорошо. А что будет потом? В самом лучшем случае мы никогда не сможем сказать, что случится позднее, где нас поджидает счастье.

Совсем недавний пример. Одна из юнговских пациенток отправилась путешествовать по горам, чтобы преодолеть свою любовь к нему, и переспала с одним из молодых мужчин. Она забеременела, а мужчина, который её соблазнил, оказался необычайно ограниченной персоной, сразу же оставил женщину. Та больше не могла выносить его и в отчаянии хотела покончить с собой. Она бы это и сделала, если бы Юнг в очередной раз не спас её...» [11]¹⁰⁷.

– XIII –

По «Отчету о состоянии фройляйн Шпильрейн» от 25 сентября 1905 года, процитированного нами в п. V, мы уже знаем, что Юнг писал Фрейдю (правда, он так и не получил этот отчет) об односторонней любви: «*В ходе лечения пациентку угораздило влюбиться в меня. Она постоянно потчует мать ужасными небылицами об этой любви...*». Отсюда я делаю вывод, что письма, подобные только что процитированному, возможно, отсылались матери уже в 1905 году. Обман Юнга состоял в том, что, говоря об односторонней любви Сабины к нему, он лгал не только Фрейдю, но и всему ученому сообществу. Он описал эту взаимную любовь в книге «Отношения между Я и бессознательным» как перенос любви Сабины к ее отцу на безразличного к этой любви Юнга.

Названная книга наряду с книгой «Либи́до, его метаморфозы и символы» является важнейшим источником для изучения взглядов Юнга. Не станем знакомство с его мировоззрением откладывать в долгий ящик. Приведем из первой главы, которая озаглавлена «Личное и коллективное бессознательное», соответствующий фрагмент. В нем автор подводит читателя к понятию коллективного бессознательного с другой стороны, не связанной с мастурбацией. Говоря, что за фрейдовским бессознательным, носящем исключительно личностный характер, имеется нечто, выходящее за пределы личностного, Юнг это трансцендентное нечто выводит из переноса (перенесения или трансфера), осуществленного якобы Сабинной на своего целителя, то есть автора следующих строк.

«В поисках примера, иллюстрирующего сказанное, – пишет Юнг, – я особенно живо вспоминаю пациентку, страдавшую не слишком тяжелым [иногда он говорит тяжелым, иногда легким] истерическим неврозом, каковой, как выражались еще в начале этого столетия, коренился главным образом в «отцовском комплексе». Под этим комплексом подразумевается тот факт, что своеобразное отношение пациентки к отцу стало помехой на пути. Она очень хорошо относилась к своему (теперь уже умершему [вставлено после 1938 года]) отцу. Это было главным образом эмоциональное отношение. В таком случае чаще всего развивается интеллектуальная функция, которая в этих условиях такова, что со временем становится мостом, связывающим человека с миром.

Моя пациентка как раз решила заняться изучением философии. Энергичный познавательный напор стал тем мотивом, который побудил ее выйти из состояния эмоциональной привязанности к отцу. Эта операция может оказаться успешной лишь в том случае, если на новой ступени, созданной с помощью интеллекта, заработает чувство, например, такое, что реализуется эквивалентное прежнему эмоциональное отношение к какому-нибудь подходящему мужчине. В данном случае такого перенесения, однако, не произошло из-за того, что чувство застыло в неустойчивом равновесии между отцом и одним не очень-то подходящим мужчиной. Это, естественно, стало помехой на пути вперед, вследствие чего возник столь характерный для невроза разлад с самим собой».

¹⁰⁷ Лотан Ц. *Послесловие к книге Spielrein, S. (2003): Tagebuch und Briefe. Die Frau zwischen Jung und Freud.*

Возможно, под «не очень-то подходящим мужчиной» Юнг имеет в виду преподавателя истории, в которого Сабина влюбилась. Вот отрывок из ее дневника:

«У меня появился «ангел-хранитель»... в пятом классе гимназии. Учитель истории. Христианин... Он сразу произвел на меня глубокое впечатление. На первом же уроке меня поразило его ум, покорили мятежность и печаль в его темных глазах. Именно оттого, что я старалась сохранять особую серьезность в его присутствии, мне не удавалось совладать с собой, и я разражалась судорожным смехом при виде его странных ужимок... Потом... я увлеклась этим мужчиной, который раскрыл мне доселе неизвестную область чувств, чьи пределы стремительно расширялись. Я мечтала чем-нибудь пожертвовать ради него, пострадать за него. Моя подруга, еврейка, тоже души не чаяла в этом учителе. Ее тоже восхищало его ум. Мы вместе читали книги по истории и культурологии... и он поставил нам самый высокий балл – 5... потом я к нему охладела» [10]¹⁰⁸.

Но продолжим цитировать Юнга; далее он пишет:

«В процессе аналитического лечения пациентка переносит отцовский образ на врача и тем самым в некотором смысле делает его отцом, а поскольку он, однако, отцом всё же не является, – эквивалентом мужчины, который оказался для нее недостижим. Так врач становится в некотором смысле отцом и возлюбленным – иными словами, объектом конфликта. Противоположности в нем объединяются, отчего он являет собой как бы идеальное разрешение конфликта. Тем самым врач, сам того не желая, становится объектом той почти непостижимой для постороннего завышенной оценки пациента, которая делает из него Спасителя и Бога.

Эта метафора совсем не так смешна, как может показаться. В самом деле, это уже слишком – быть одновременно отцом и возлюбленным. Никому не под силу долго выдержать такое именно потому, что это уже слишком. Фактически надо быть, по меньшей мере, полубогом, чтобы всё время безупречно играть эту роль; надо уметь всегда быть дающей стороной. Пациенту, находящемуся в состоянии перенесения, это временное разрешение поначалу кажется идеальным. Но через какое-то время это состояние переходит в стагнацию, что столь же плохо, как и невротический конфликт. В действительности на пути к настоящему разрешению еще вообще ничего не произошло. Конфликт просто-напросто перенесен. Тем не менее, удачное перенесение – по крайней мере на время – может заставить исчезнуть весь невроз, и потому оно очень верно было признано Фрейдом исцеляющей силой первой величины, но одновременно и просто временным состоянием, которое, хотя и сулит возможность исцеления, но само исцелением ни в коей мере не является.

Такое несколько детализированное разъяснение кажется мне необходимым для понимания моего примера: моя пациентка оказалась именно в состоянии перенесения и уже достигла верхней границы, где замирание становится неприятным. И вот возник вопрос: что дальше? Я, естественно, основательнейшим образом превратился в спасителя, и мысль пациентки о том, что она должна от меня отказаться, была для нее, разумеется, не только крайне неприятна, но и просто ужасна. Так называемый «здравый человеческий рассудок» в этих ситуациях обыкновенно вытаскивает на свет божий весь свой репертуар, начиная от «тебе просто надо», «следовало», «ты же не можешь» и т.д.

Поскольку здравый человеческий рассудок, к счастью, явление не слишком редкое и не слишком бесполезное (я знаю: есть и пессимисты), то именно в этом состоянии перенесения, усиленном хорошим самочувствием, какой-нибудь разумный мотив может вызвать столько энтузиазма, что мощным волевым усилием человек решается даже на болезненную жертву. Если это выходит удачно (а такое действительно иногда выходит удачно), жертва приносит блаженный плод, так что бывший пациент одним прыжком оказывается в состоянии фактического исцеления. Врач обыкновенно настолько этому рад, что теоретические трудности в объяснении этого маленького чуда остаются, как правило, без внимания.

Если же такой прыжок не получается – а у моей пациентки он не получился, – то приходится вплотную столкнуться с проблемой снятия перенесения. Здесь «психоаналитическая» теория попадает в кромешный мрак. Кажется, что в таком случае ставка делается на темную веру в судьбу: дело должно как-то уладиться, например «само собой пройдет, когда у пациентки выйдут все деньги», как мне однажды заявил один несколько циничный коллега. Это могут быть и неумолимые требования жизни, которые каким-то образом делают невозможной стагнацию перенесения, требования, которые заставляют пойти на ту жертву, что принесена не по доброй воле, иногда с более или менее полным рецидивом. (Вот уж описания таких случаев не стоит искать в книгах, содержащих хвалебные песнопения психоанализу!)

¹⁰⁸ Лотан Ц. *В защиту Сабины Шпильрейн*. [Lothane, Z. (1996): *In defense of Sabina Spielrein*. In: *International Forum of Psychoanalysis* 5, S. 203–217. Lothane, Z. (1997a): *In defense of Sabina Spielrein*. In: Mahony, P., Bonomi, C., Stensson, J. (Hg.) (1997a): *Behind the Scenes Freud in Correspondence*. Stockholm (Scandinavian University Press). S. 81–109.]

Разумеется, есть и безнадежные случаи, когда помощь просто бесполезна; но есть и такие случаи, когда дело не застревает на мертвой точке, когда не надо с болью и, так сказать, с оторванной ногой выдираться из перенесения. Я сказал себе – как раз в случае с моей пациенткой, – что должен быть приемлемый, ясный путь, который выводил бы человека даже из такого опыта в полной сохранности и осознанности. Хотя у моей пациентки уж давно «вышли» деньги (если они у нее вообще когда-нибудь были), мне любопытно было узнать, какие же пути выберет природа, чтобы добиться удовлетворительного разрешения стагнации перенесения. Так как я никогда не мнил о себе, будто обладаю тем здоровым человеческим рассудком, который в любой запутанной ситуации точно знает, что надо делать, и так как моя пациентка знала об этом не больше меня, я предложил ей, по крайней мере, отслеживать те движения, которые исходят из психической сферы, лишенной нашего всезнайства и нашей преднамеренности. Это оказались в первую очередь сновидения» [14,¹⁰⁹ с. 180–184].

– XIV –

Далее идет пересказ сновидения Сабины об ее отце и ветре. Мы отложим его разбор, а сейчас процитируем еще небольшой фрагмент, относящийся к проблеме «переноса» сабиновской любви на личность Юнга. В четвертой главе «Попытки высвобождения индивидуальности из коллективной психики» он пишет:

«Если же врач, как в приведенном выше примере, превозносится до степени отца-возлюбленного, а значит, рискует быть затопленным половодьем притязаний, то он вынужден искать пути и средства, как отразить эту атаку, чтобы, с одной стороны, самому не оказаться втянутым в водоворот, а с другой – чтобы не пострадал пациент. Ведь насильственное прерывание перенесения может провоцировать полные рецидивы и нечто еще более скверное, почему к этой проблеме и нужно подходить с очень большим тактом и осторожностью. Другой возможностью является надежда на то, что «со временем» «безумие» пройдет само собой. Со временем, конечно, всё как-нибудь проходит, но такое время может длиться весьма долго, и затруднение может стать невыносимым для обеих сторон, так что от вспомогательного фактора «время» в таком случае лучше отказаться сразу же.

Гораздо более эффективный инструмент для «подавления» перенесения представляет на первый взгляд фрейдовская теория неврозов. Зависимость пациента объясняется здесь как инфантильно-сексуальное притязание, занимающее место разумного отношения к сексуальности. Такого же рода преимущество предоставляет теория Адлера, объясняющая перенесение как инфантильное намерение, направленное на власть, и как «тенденцию безопасности». Обе теории так хорошо подходят к невротической *ментальное*, что любой случай невроза можно объяснить одновременно обеими теориями. Этот, собственно говоря, весьма примечательный факт, который должен быть подтвержден любым непредвзятым человеком, может основываться лишь на том обстоятельстве, что фрейдовская «инфантильная эротика» и адлеровская «тенденция власти» суть одно и то же, совершенно невзирая на спор между этими школами. Это просто фрагмент непокоренной и, главное, не поддающейся покорению изначальной природы инстинкта, которая проявляется в феномене перенесения. Архаические формы фантазии, постепенно достигающие поверхности сознания, суть не что иное, как другое доказательство того же факта.

Можно попытаться с помощью обеих теорий раскрыть пациенту глаза на то, как инфантильны, как невозможны и как абсурдны его притязания, – и, в конце концов, он даже, может быть, придет в себя. Моя пациентка была, однако, не единственной, кто этого не сделал. Конечно, врач с помощью таких теорий может сохранить лицо и с большим или меньшим человеколюбием выпутаться из мучительной ситуации. Действительно, есть пациенты, для которых большие издержки неоправданны (или кажется, что неоправданны); но есть случаи, когда использование такого метода означает прямо-таки бессмысленное нанесение вреда душе пациента. В случае моей *студентки* [!] я смутно чувствовал что-то в этом роде и потому отказался от своих рационалистических попыток ради того, чтобы – хотя и с плохо скрываемым недоверием – дать природе возможность исправить свое собственное безумие (как мне казалось)» [14, с. 226–227].

Примечательно, что в последнем предложении процитированного только что отрывка автор невольно проговорился: вместо слова «пациентка» он употребил слово «студентка»; такую подмену слов можно найти в письмах Юнга к Фрейду. Действительно, после своего выздоровления Сабина поступила в Цюрихский университет и сделалась студенткой Юнга, продолжая, однако, любить его уже не в качестве врача-психотерапевта, а в качестве преподавателя и

¹⁰⁹ Юнг К. *Отношения между Я и бессознательным* / В кн.: Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994.

наставника в ее научно-исследовательской работе. Еще на первой стадии их любовных отношений как пациентки и врача у Юнга возникла сложная денежная проблема. Он не хотел брать с Сабины плату за «сеансы любви». Денежный мотив, как мы убедились из вышеприведенных фрагментов, звучал и раньше в рассуждениях автора. Вспомним его слова: «у моей пациентки уж давно «вышли» деньги (если они у нее вообще когда-нибудь были)» и в другом месте «само собой пройдет, когда у пациентки выйдут все деньги». О чувствительной для Юнга проблеме взимания платы за лечение Сабины ниже будет сказано отдельно, а пока приведем фрагмент из рассматриваемой нами книги, где денежная тема вновь заявила о себе во весь голос.

Юнг цитирует слова Мефистофеля, адресованные Фаусту:

«Хорошо!
[В ответ на реплику Фауста: «Я хочу это знать»]
вот средство без денег
иметь и лечение, и колдовство:
тотчас ступай на поле,
начинай мотыжить и копать,
держи себя и свои чувства
в очень тесном кругу,
питайся простой едой,
живи со скотиной как скотина
и не считай великой жертвой
самому унавоживать пашню, с которой жнешь»
[Фауст, I, 6].

Далее Юнг разъясняет:

«Само собой понятно: невозможно создать видимость «простой жизни», и потому таким обезьянничанием никогда не купить себе беспроblemность бедной жизни, предоставленной судьбе. Не тот, кто ощущает в себе *возможность*, а тот, кто ощущает в себе *необходимость* такой жизни, будет принужден к этому своей природой, и он в ослеплении пройдет мимо поднятой здесь проблемы, заметить которую у него просто не хватит ума. Но если он сможет заметить фаустовскую проблему, то для него выход в «простую жизнь» тем самым заперт. Конечно, никто ему не мешает переехать в деревенскую лачугу, вскопать огород и питаться сырой репой. Но его душа посмеется над этим обманом. Лишь то, чем действительно кто-то является, имеет целительную силу» [14, с. 230].

Столкнувшись с безрассудной любовью Сабины, Юнг, по сути дела, констатирует бессилие всех редуccionных теорий – и Фрейда, и Адлера, и своей собственной, так как любой большой

«остаётся в одиночестве, и ничто в нашей сегодняшней культуре не приходит ему на помощь, – говорит он. – Даже психология предлагает ему, прежде всего, чисто редуccionные концепции, подчеркивая при этом неизбежно архаически инфантильный характер этих переходных состояний и, тем самым, делая их неприемлемыми для него. Ему недоступно, что и врачебная теория также служит лишь тому, чтобы сам врач смог более или менее элегантно вытащить свою голову из петли. Эти редуccionные теории потому столь превосходно объясняют существо невроза, что сами обслуживают врача» [14, с. 231].

– XV –

Здесь Юнг, как практик и теоретик, расписывается в своем бессилии и незнании выхода из сложившейся ситуации. Сабина полюбила его на всю жизнь – и когда она была пациенткой, потом студенткой и когда она уехала в далекую Россию и вышла замуж за другого мужчину. Все разговоры о «переносе» энергии *libido* с ее отца на личность аналитика выглядят неубедительно. Напротив, любовь Сабины к Юнгу является ярчайшим доказательством того, что за любовью к конкретному индивиду стоит только любовь к этому конкретному индивиду. Если и была до этого какая-то ее любовь к отцу, то это была любовь именно к ее отцу, а не сексуальное томление по неосознанному абсолютному божеству, легендарному герою или полупифической и полупсихической субстанции ветра, о чем в дальнейшем говорит автор.

Верно, что всякий человек хочет любить и быть любимым. Допустимо также представлять, будто сексуальное чувство является некой психической энергией. Но ошибочно полагать, что за обычным физиологическим влечением, которым обладают животные, рыбы, птицы, насекомые и

даже отдельные растительные экземпляры, скрывается культурно-исторический процесс, дающий о себе знать в мифологии и религии народов. Никакого коллективного архаичного *libido* не существует; есть лишь потребность каждой живой особи плодиться. Эволюционная природа сопровождала это стремление чувством наслаждения или страдания, если желание остается неудовлетворенным.

О смысле половой любви глубоко и всесторонне рассуждал Владимир Соловьев [32, с. 133–216]. Ему возражали Евгений Трубецкой и Николай Бердяев. О ней много писали русские поэты-символисты «Серебряного века»: Вяч. Иванов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, М. Волошин и многие другие. Любовь как философская, психологическая, поэтическая и мистическая категория слишком объемна, чтобы ее сейчас поднимать. Цель данного раздела узка и конкретна: как можно полнее познакомить читателя с любовными отношениями, возникшими между Сабиной и Юнгом. На отвлеченные темы мы поговорим позже, единственно, что необходимо срочно донести до читателя, так это следующую сугубо рациональную мысль. Придавать сексуальности статус самостоятельной сущности в форме *libido* так же нелепо, как сообщать боли, страху, голоду и жажде аллегорический образ в виде мифологического персонажа. Наши влюбленные, как и все влюбленные мира, явно перегибали палку в своем свободном от науки фантазировании на поэтические и философско-психологические темы.

Читая записи из дневника Сабины, мы прекрасно понимаем, что ее любовь к Юнгу, как и его любовь к ней, была тем жгучим, но вполне обычным чувством, которое испытывают все влюбленные мира. Вот дневниковая запись Сабины от 21 сентября 1909 года, которая опубликована на сайте Николаева «Психоанализ на Руси»:

«Дружба. Неужели она может быстро исчезнуть? Мать сказала, что после того, как мы одарили друг друга любовью, невозможно, чтобы я и мой друг продолжали оставаться друзьями. Чистая дружба не может долго выдержать мужчину. Если я хорошо к нему отношусь – тогда я захочу любви, а если я постоянно проявляю холодность – тогда это отобьет у него охоту продолжать отношения. Это привело меня в ужасно плохое настроение, как всё тяжело!

О Господи, что же я должна делать? Если бы я могла быть уверена, что мне удастся умолить судьбу, что произнесенная мною просьба-мольба когда-нибудь реализуется, тогда бы я попросила её: судьба, сделай так, чтобы мы, я и мой друг, оказались исключениями, чтобы мы постоянно встречались, излучая дружеское участие, что мы поддерживали друг друга в счастье и страдании, чтобы даже расставаясь, мы образовывали одну душу, чтобы мы продолжали стремиться к дальним высотам или как говорит мой друг, «к добру и красоте», чтобы мы были опорой для слабых людей. Сделай так, чтобы я была его ангелом-хранителем, вдохновляющим его духом, не устающим подстёгивать его к Новым Великим свершениям.

Но немного ли я хочу? Если слишком многого – тогда это не может интенсивно продолжаться в течение длительного времени. Но возможно мне удастся отыскать Кого-то, кто станет на его место, Кого-то, кого я смогу назвать своим мужчиной, испытывая наивысшее блаженство. А с моим сегодняшним возлюбленным мы могли бы оставаться хорошими старыми друзьями. Возможно ли такое? Что ожидает меня по возвращении в Цюрих? Я боюсь даже подумать об этом. Почему я не могу быть счастливой? Почему в свои лучшие молодые годы я день за днём должна ложиться в постель, обременённая тяжелейшими мыслями? Ах, нет, ангел-хранитель, сделай так, чтобы между нами сохранялась чистая, высокая дружба, именно в том смысле, которым я наделяю это слово, сделай так, чтобы мне было вполне достаточно этого чувства, словно бы это был лёгкий лучик солнца в моём одиночестве!?»

Похоже на то, что влюбленные хотели расстаться и забыть про свои чувства, но сильная любовь вновь бросала их в объятия друг друга. Это чувствуется хотя бы по записи от 23 сентября 1909. Сабина пишет:

«Важнейшее – конечный результат нашей беседы, мы вновь стали близкими и дорогими. Мой друг сказал мне, мы всегда должны быть начеку, чтобы вновь не влюбиться друг в друга: мы всегда будем представлять опасность друг для друга. Он признался мне, что до сих пор ни одна женщина не могла претендовать на отведённое для меня место. Говоря метафорически, у него было ожерелье, состоявшее из жемчуга, и только одна я была медальоном. Вначале он сильно разозлился из-за того, что я ещё раньше не послала ему мою работу, что я не доверяла ему и т.д. А потом он постепенно стал успокаиваться. Под конец он несколько раз крепко прижал мои руки к своему сердцу, сказав, что теперь должна начаться новая эра. Что он подразумевал под этим? Будем ли мы видеться или

нет? Я слишком горда, чтобы прийти к нему, а прийти ко мне он тоже не может по некоторым важным обстоятельствам. Как же всё будет идти дальше?»

Насколько далеко заходили их отношения, мне судить сложно. Николаев, по-видимому, не захотел приводить наиболее экспрессивные фрагменты из ее дневника. Однако в одной из сносок к статье Кремериуса [13]¹¹⁰ автор замечает:

«Понятно, что фантазии читателя не обойдутся без того, чтобы не включить в себя и сексуальные отношения. Так, например, американские психоаналитики, перед которыми Каротенуто 18.12.1982 говорил о своей книге, в которой он подробно изобразил аферу Шпильрейн–Юнг, были явно против тезиса о том, что в отношениях между Сабиной Шпильрейн и Юнгом дело доходило только до платонических отношений; по мнению американцев Юнг имел с Сабиной Шпильрейн и сексуальные отношения (Carotenuto, 1986). Да и Беттельхайм (Bettelheim) решительно придерживается таких же взглядов. Он опирается на дневниковую запись Сабины Шпильрейн, сделанную в сентябре 1910 года, где она пишет, что если бы общество узнало об их отношениях, то оно прозвало бы её метрессой [сожительницей]».

Указанной записи, сделанной Сабиной в сентябре 1910 года, я не нашел на сайте «Психоанализ на Руси». Но я обнаружил на нем отрывки из писем Сабины, адресованные Фрейд, периода июня 1909 года, где подробно описаны чувства, существовавшие между врачом и пациенткой годом раньше. Ясно, что любовная страсть между мужчиной и женщиной, которые совершенно не умели себя контролировать, должна была окончиться горячим сексом. Ниже я привожу отрывки, взятые из работы [10]¹¹¹, которые подводят нас к выводу о таком финале.

«Дорогой профессор Фрейд, – пишет Сабина, – ...Я мечтаю расстаться с ним [Юнгом], сохранив любовь. Я имею опыт анализа, достаточно хорошо знаю себя и уверена в том, что мне будет лучше любить его на расстоянии. Сдерживать свои чувства я не могу, поскольку, отказавшись от любви к Юнгу, я вообще утрачу способность любить... Профессор Фрейд, я далека от того, чтобы опережая Вас, обвинять Юнга! Как раз напротив: я буду счастлива, если кому-нибудь удастся доказать мне, что он достоин любви, что он не подлец».

«...Четыре с половиной года назад доктор Юнг был моим врачом, потом стал моим другом и, наконец, моим «поэтом», т.е. возлюбленным. В конце концов, он пришел ко мне, и случилось то, что всегда случается с «поэмами». Он проповедовал идею полигамии, он уверял, что его жена не будет возражать и т.д. И вот моя мать получает анонимное письмо, в котором сказано без обиняков, что ей пора спасать свою дочь, иначе ее погубит доктор Юнг... Я хранила молчание... Есть основания подозревать его жену...».

Разъяснение. Анонимное письмо написала, скорее всего, жена Юнг, причем, очень вероятно, что по просьбе мужа, поскольку тот уже не знал, каким образом отделаться от взбесившейся на почве любви Сабины. Более подробно о сложных и запутанных взаимоотношениях между всеми героями драмы будет рассказано в следующем разделе, а пока продолжим читать исповедь несчастной девушки.

«Моя мать послала ему трогательное письмо... умоляла его не заходить в отношениях дальше дружбы. Он ей ответил: «Будучи ее врачом, я могу стать ее другом, если перестану игнорировать собственные чувства. Я мог бы с легкостью отказаться от роли врача, поскольку в профессиональном смысле не ощущаю себя должником, ведь я никогда не требовал [денежного] вознаграждения... Поэтому предлагаю: если вы твердо решили отвести мне роль врача, вам следует оплачивать мои услуги, дабы должным образом компенсировать мои хлопоты... Я беру 10 франков за консультацию. Советую вам остановить свой выбор на этом прозаическом решении, поскольку оно представляется наиболее благоразумным и необременительным для будущего»... Каким ужасным оскорблением должно было показаться это моей матери».

¹¹⁰ Кремериус Й. *Сабина Шпильрейн – одна из первых жертв психоаналитической профполитики* (О предьстории психоаналитического движения).

¹¹¹ Лотан Ц. *В защиту Сабины Шпильрейн*. [Lothane, Z. (1996): *In defense of Sabina Spielrein*. In: International Forum of Psychoanalysis 5, S. 203–217. Lothane, Z. (1997a): *In defense of Sabina Spielrein*. In: Mahony, P., Bonomi, C., Stensson, J. (Hg.) (1997a): *Behind the Scenes Freud in Correspondence*. Stockholm (Scandinavian University Press). S. 81–109.]

Разъяснение. Как было уже сказано, денежная проблема для Юнга стояла очень остро. Она фигурировала в его теоретических сочинениях и в практической работе с пациентками. Дело в том, что за частную практику он получал мало, а жить хотел на широкую ногу. Деньги на жизнь, а также на постройку роскошного особняка, знаменитой «Башни», где он предавался любовным утехам со своими ученицами и «пациентками», а также заграничные путешествия и прочие дорогостоящие вещи Юнгу давала его богатая жена, Эмма Раушенбах. По этому поводу он болезненно комплексовал и не хотел бросать свою нелюбимую супругу ради своих любовниц, о которых дальше пишет и Сабина.

«Недавно до меня дошел слух о трагедии, что приключилась с [другой] пациенткой, которой он сначала увлекся и которую затем неожиданно оттолкнул от себя; ходят слухи и о других «похождениях» такого рода». «Доктор Юнг не отшельник, он встречается со многими другими женщинами, помимо меня».

«Будучи пациенткой, я не раз предостерегала [Юнга] от слишком тщательного анализа, опасаясь появления чудовища, ибо мои сознательные желания были сверх меры неодолимыми и настоятельными. Сколько раз я умоляла его не искушать мои «амбиции», иначе нечто подобное неминуемо обнаружилось бы и в нем самом. В конце концов, произошло неизбежное...

Моя любовь к нему была сильнее нашего влечения, пока он не выдержал и не пожелал «поэмы». По многим причинам я не могла и не хотела противиться... А теперь он утверждает, что был слишком добр ко мне, поэтому я и стремилась к физической близости с ним, а он, конечно, ни о чем подобном и не помышлял».

Как говорят в этих случаях: «без комментариев» и так понятно, что нужно понимать под словами «неизбежное» и «поэма». Уверен, что многие читатели и, особенно, читательницы готовы простить влюбленным их пылкую любовь и оправдать как поступки Юнга, так и поведение Сабины. Однако, с точки зрения врачебной практики, мы здесь столкнулись с форменным безобразием – соvrращением молодой девушки-пациентки зрелым и женатым врачом-мужчиной, который первый пошел на «физическое сближение». Рассуждая холодной головой с позиции науки, мы, с сожалением, должны констатировать: случай с Сабинной Ш., как и случай с Анной О., является далеким от медицины случаем исцеления. Юнг явно нарушил законы медицинской этики, когда представил в сентябре 1907 года в Амстердаме случай Сабины Ш. как успешное подтверждение психоаналитического метода лечения по Фрейду.

Любовный треугольник: Сабина Шпильрейн, Эмма Раушенбах и Карл Юнг

4. Подлость

– XVI –

В п. XIII, где цитировалась первая глава книги «Отношения между Я и бессознательным», говорилось о любви в переносе. Может быть, раскрывая природу коллективного бессознательно и апеллируя в этой связи к анонимной пациентке, автор имел в виду не Сабину Шпильрейн. Кажется невероятным, чтобы Юнг, влюбившись без оглядки в свою пациентку, мог писать об этом столь отстраненно, как если бы он ее совсем не любил. Однако мы уже знаем из «Отчета о состоянии фройляйн Шпильрейн» (п. VI), каким образом Юнг с самого начала, т.е. с 1905 года, представлял свои отношения с Сабинной. В Отчете он писал, что ее «угораздило влюбиться в меня», т.е. так, будто он оставался равнодушным к ней. В то же самое время Сабина

недвусмысленно указывает на то, что именно Юнг спровоцировал ее на «поэму». Последний приведенный мной отрывок из ее писем к Фрейду об этом прямо говорит.

Помните, Сабина написала Фрейду:

«...Я буду счастлива, если кому-нибудь удастся доказать мне, что он достоин любви, что он не подлец».

Так вот еще никто не доказал ни ей, ни другим обратного. Сейчас я расскажу невыдуманную историю, в которой помимо Сабины и Юнга был замешен еще и Фрейд. О многом читатель, возможно, уже догадался, но четкой картины последовательности событий у него пока, по-видимому, нет; он не догадывается о той крайне негативной роли, которую сыграл во взаимоотношениях Юнга и Сабины отец-основатель психоанализа. Его позорная миссия выводит на чистую воду не только лидеров мошеннической психотерапии, но и всех тех, кто покрывает их преступления. В этой связи хочу обратиться сейчас к студентам психологических факультетов: если ваш преподаватель всё еще превозносит до небес Юнга и его аналитическую психологию, Фрейда и его психоанализ как методы лечения душевнобольных, то, пожалуйста, расскажите этому невежде, что он сильно заблуждается и, в подтверждение своих слов, перескажите нижеследующую историю.

Для более непредвзятого изложения я призову себе в помощники нью-йоркского аналитика Цви Лотана (Zvi Lothane), написавшего в 1997 году статью «В защиту Сабины Шпильрейн» [10]¹¹², опубликованную на сайте Николаева. На его же сайте опубликованы еще две статьи этого автора – 2003 года [11]¹¹³ и 2006 [12]¹¹⁴, посвященные Сабине. Вначале статьи 1997 года Лотан написал:

«Юнгу удалось вылечить пациентку благодаря *сочувствию, настойчивости и решительности*», но тут же в следующем абзаце он честно добавляет: «Юнг исподволь снимает с себя всякую вину, не проронив ни слова о реальных обстоятельствах этой любви, выходящих за рамки переноса, равно как и о том, что пациентка его очень привлекает». Еще ниже автор уточняет: «Согласно свидетельству о выписке Сабины из клиники, датированному 1 июля 1905 года, она переехала в Цюрих и, судя по счетам, которые регулярно высылал ей Блейлер, вплоть до декабря 1909 года весьма часто встречалась с Юнгом, продолжая амбулаторное лечение в клинике Бургхельдли».

Далее мы увидим, как автор этих слов лезет из кожи вон только, чтобы защитить моральных уроков – других слов здесь и не подберешь – и снять все подозрения с их психотерапевтического метода обмана несчастных пациенток. Насколько это у него получилось, мы узнаем, прочитав до конца настоящий раздел.

В самом большом разделе своей статьи, который называется «Лечение любовью», Лотан подробно рассказывает историю любовной связи Юнга и Сабины, их отношения с Фрейдом и затем дает свои комментарии и оценки к событиям, случившимся с ними в начале XX столетия. Для определенности своей позиции сразу же скажу, что я не согласен с основным выводом данной и, особенно, двух последующих статей Лотана. Его нравственная оценка покоится на общем психоаналитическом принципе: любому врачу-психотерапевту позволено проявлять по отношению к пациентам определенную «целомудренную» сексуальность, без которой невозможно лечение. Моя этико-научная позиция состоит в том, что отношения между врачом и пациентом должны быть абсолютно индифферентными, исключать всякую симпатию, одухотворенную любовь или животную сексуальность. Только в этом случае можно говорить о какой-то научной ценности медицинского метода лечения.

Для обоснования своей позиции, как это не покажется кому-то странным, я процитирую письмо Фрейда от 13 декабря 1931 года, в котором он отчитывал Ференци за открытую проповедь лечения через поцелуи и любовные объятия с пациентами.

¹¹² Лотан Ц. *В защиту Сабины Шпильрейн*. [Lothane, Z. (1996): *In defense of Sabina Spielrein*. In: International Forum of Psychoanalysis 5, S. 203–217. Lothane, Z. (1997a): *In defense of Sabina Spielrein*. In: Mahony, P., Bonomi, C., Stensson, J. (Hg.) (1997a): *Behind the Scenes Freud in Correspondence*. Stockholm (Scandinavian University Press). S. 81–109.]

¹¹³ Лотан Ц. *Послесловие к книге Spielrein, S.* (2003): *Tagebuch und Briefe. Die Frau zwischen Jung und Freud*.

¹¹⁴ Лотан Ц. *Совращение психоанализом или без оного. Что ищут девушки-еврейки у германских героев и vice versa?* [Psychosozial, 29. Jahrgang, Nr. 105, 2006, Heft III, S. 97–124].

«Вы не делаете никакой тайны из того, что целуете Ваших пациентов и позволяете им целовать Вас, – укоряет Фрейд Ференци. – А теперь подумайте, каковы будут последствия публикации материалов о Вашей технике. Ещё не существовало революционера, которого бы не переплюнули более радикальные индивиды. Так что много независимых мыслителей в области техники скажут себе: «А почему это я должен останавливаться на поцелуях?» И конечно, они пойдут дальше, лаская и похлопывая всё тело пациенток, ведь до детей ещё ох как далеко. А потом появятся и совсем безумные головы, которые сделают дальнейший шаг, позволяющий всё показывать и разглядывать – и вскоре перед нами предстанет весь репертуар оболщания, в технику анализа будет принят петтинг, что приведёт к увеличению интереса к анализу со стороны аналитиков и анализируемых» [9]¹¹⁵.

Это письмо находится в прямом противоречии с тем, о чем Фрейд писал Юнгу 4 декабря 1906 года.

«По сути дела, – поучает он молодого коллегу из Швейцарии, – излечение происходит через любовь. Перенос является самым удивительным и, я бы даже сказал, единственным неопровержимым доказательством того, что невроты вызываются любовной жизнью индивида».

Приведя эти слова Фрейда, Эткин комментирует:

«Слово сказано: излечение происходит через любовь... Путь к излечению, но не путь к счастью: удовлетворение невозможно и здесь, как оно было невозможно в детстве» [20,¹¹⁶ с. 162–163].

На это я хочу возразить Эткину: дело вовсе не в лирике счастья, а в прозаической медицине как научном методе целительства.

Ошибочно думать, что «невроты вызываются [только] любовной жизнью индивида». Это далеко не так, и специалисты об этом хорошо знают. Еще большая ошибка лечить их любовью. Нельзя оправдывать Юнга, как это делает Лотан, на том лишь основании, что его любовь к Сабине была «целомудренной». Невозможно провести грань (и Фрейд объяснил Ференци почему) между «целомудренной» и «нецеломудренной» любовью. Как только любовь (неважно какая – от легкой симпатии до звериного секса с извращениями) начинает выступать в роли целительного фактора, тут же мы переступаем границу этики, что, собственно, постоянно и происходит на кушетках психоаналитиков. Именно поэтому всякое «лечение любовью» подлежит осуждению, как выходящее за границы врачебной науки.

Представьте себе священнослужителя, который для «спасения души», призывает душевнобольного явиться в церковь и обратиться с молитвой к Богу. Не исключено, что в результате такого обращения этот несчастный выздоровеет, начав вести совершенно новую для себя жизнь верующего человека. Но зададимся вопросом: при чем здесь медицина как раздел рациональной науки и врачебной практики? Она здесь не при чем, и все лавры победы над душевным недугом мы обязаны отдать религии. Нечто подобное происходит и с любовью. Она, конечно, нужна больным, как не нужна им ненависть, но считать ее медицинским средством избавления от болезни ни в коем случае нельзя. Если родители слышат, что данный врач хочет лечить их душевнобольную дочь любовью, то, исполняя свой гражданский долг, они просто обязаны сообщить об этом в милицию.

Несколько слов о счастье, о котором сказал Эткин. Правда, что любовь и вера могут не просто изменить образ жизни человека, но и сделать его жизнь счастливой. Тогда, быть может, именно радость является тем искомым психотерапевтическим средством? Я думаю, вряд ли, и вот почему.

Допустим, в результате жизненных коллизий ранее вполне благополучный человек погрузился в сильную депрессию, что усугубило его общественный статус. В конечном итоге он лишился работы, его выгнала из дома жена. Вдруг «с неба» ему на голову сваливается огромное состояние, например, он выигрывает в карты миллион долларов. В итоге, бывший нищий, босой и голодный, отдает долги, мирится с женой, возвращается на работу. И всё-таки мы не вправе

¹¹⁵ Вирц У. *Терапевтические тупики. Сексуальные злоупотребления в терапии* / из книги «Убийство души» // «Вопросы психологии», 1995, № 6.

¹¹⁶ Эткин А.М. *Эрос невозможного. История психоанализа в России*. – М., 1993.

данный «экономический» фактор, как и в предыдущем случае, религиозный, а до этого, эротический, считать достижением психотерапии. За медицинский метод лечения можно принимать только тот, который, во-первых, научно обоснован и, во-вторых, дает воспроизводимый эффект исцеления. Во всех вышеприведенных примерах эти условия не выполняются. Пусть даже каждый врач-психотерапевт запасется миллиардной суммой, чтобы одаривать своих пациентов большими деньгами, всё равно эту методу не назовешь научно обоснованной.

Я склонен считать, что всякая патология, будь то телесного или психического свойства, вызвана материальными причинами. Счастьем, любовью и верой материальные дефекты психики не устранишь. Однако это еще не значит, что какое-либо сильное физическое воздействие способно дать целительный эффект. Поясню эту мысль следующим примером.

Когда-то, во времена Фрейда, в качестве терапевтического средства использовался мощный электрический разряд. Некоторым больным «шоковая терапия», вызванная таким разрядом, а также ледяными ваннами или, наоборот, комфортными условиями проживания, заметно помогала: они на длительное время как бы забывали о своих душевных проблемах. Сам Фрейд в начале своей медицинской карьеры проверял терапевтическое действие кокаина на себе лично и на своих близких и коллегах. Потом выяснилось, что любой наркотик, будь то кокаин или ЛСД, только вредит здоровью. То же самое нужно сказать о попытках восстановления душевного равновесия при помощи алкоголя.

Этих примеров, по-видимому, достаточно, чтобы читатель понял, что нервно-психические расстройства невозможно вылечить без проведения большой научно-исследовательской работы, которая сегодня, как правило, оканчивается созданием медикаментозного препарата направленного действия. Это связано с тем, что на данном этапе развития медицины не существует универсального лекарства от всех нервно-психических расстройств, да и вряд ли «панацея от всех болезней» будет создана когда-нибудь в будущем. Существующие препараты не гарантируют стопроцентного успеха. Вполне вероятно, что при более высоком развитии медицинских знаний сегодняшние лекарства перестанут считаться научно обоснованными и достаточно эффективными средствами. Существуют более или менее эффективные когнитивно-поведенческие методики, которые научно обоснованы, но не всегда связаны с препаратами. Мы не станем их здесь рассматривать, чтобы не уйти слишком далеко от нашей темы. Итак, от общих рассуждений снова вернемся к проблеме «лечения любовью».

– XVII –

Напомню, что так называется раздел статьи Лотана «В защиту Сабины Шпильрейн». Анализ любовной истории начнем с цитирования письма Юнга от 23 октября 1906 года, адресованного Фрейду, в котором впервые дается анонимная ссылка на Сабину. В нем говорится:

«Дорогой профессор Фрейд, рискуя показаться надоедливым, я хотел бы рассказать Вам о недавнем случае. В настоящее время я занимаюсь лечением одной истерички с помощью вашего метода. Сложный случай. Двадцатилетняя русская студентка [к этому времени Сабина уже зачислена в университет], заболевшая шесть лет назад» [10]¹¹⁷.

Я привел перевод Панкова фрагмента письма, приведенного в статье Лотана. Вот тот же фрагмент, письма, взятый из статьи Кремериуса [13]¹¹⁸ в переводе Николаева:

«Я прибегаю к Вашей помощи, чтобы отреагировать одно из недавних событий. Сейчас я лечу один случай истерии по Вашему методу. Это – тяжёлый случай, 20-летняя русская студентка, больна шесть лет».

Разница в смыслах здесь небольшая, но читателю необходимо знать, что при восстановлении общей картины событий и для лучшего понимания сути дела мне нередко приходилось пользоваться несколькими источниками. Лучшим из них я считаю книгу Эткинды

¹¹⁷ Лотан Ц. *В защиту Сабины Шпильрейн*. [Lothane, Z. (1996): *In defense of Sabina Spielrein*. In: International Forum of Psychoanalysis 5, S. 203–217. Lothane, Z. (1997a): *In defense of Sabina Spielrein*. In: Mahony, P., Bonomi, C., Stensson, J. (Hg.) (1997a): *Behind the Scenes Freud in Correspondence*. Stockholm (Scandinavian University Press). S. 81–109.]

¹¹⁸ Кремериус Й. *Сабина Шпильрейн – одна из первых жертв психоаналитической профполитики* (О предыстории психоаналитического движения).

«Эрос невозможного. История психоанализа в России» [20]. Но поскольку основное остриё моей критики направлено против позиции Лотана, я в дальнейшем постараюсь опираться именно на его работы в переводе Панкова. Итак, продолжу цитирование письма с прерванного места.

«Первая травма, – пишет Юнг, – получена [Сабиной] в период с трехлетнего до шестилетнего возраста. Она видела, как отец шлепал ее старшего брата по обнаженным ягодицам. Это произвело на нее глубокое впечатление. После этого ее неотвязно преследовали мысли о том, что она опорожняется прямо на руку отца. С четырехлетнего до семилетнего возраста ее непреодолимо тянуло опорожниться на собственную ногу следующим образом: она сидела на полу, подогнув одну ногу под себя, и со всей силы напрягала анус, одновременно пытаясь опорожниться и сдержаться. Таким образом, она нередко препятствовала дефекации в течение двух недель! Сама она не понимает, что подтолкнуло ее к столь причудливому поведению; по ее словам, это происходило совершенно инстинктивно и было приятно до дрожи. Впоследствии эта причуда сменилась энергичной мастурбацией. Я буду Вам очень признателен, если вы вкратце поделитесь со мной своими соображениями по поводу этой истории» [10].

Хочу заострить внимание читателя на вопросе Юнга по поводу препятствования дефекации, которая у Сабины плавно переходила в мастурбацию. У Фрейда существовала теория, связанная с эффектом задержки кала, которую предпринимает ребенок с целью получения большего удовольствия в процессе испражнения. Об этом подробно рассказывается в главах 30 и 31 книги [3]¹¹⁹. Напомню, что Фрейд думал, будто аккуратные, бережливые и упрямые люди в детстве намеренно задерживали кал. Они

«принадлежат к той категории грудных младенцев, – писал он, – которые имеют обыкновение не опорожнять кишечник, если их сажать на горшок, так как акт дефекации доставляет им удовольствие... Им доставляло удовольствие задерживать стул даже в возмужалом возрасте» [3, с. 243]. «Дети, которые пользуются эрогенной раздражимостью анальной зоны, – пишет Фрейд в другом месте, – выдают себя тем, что задерживают каловые массы до тех пор, пока эти массы, скопившись в большом количестве, вызывают сильные мускульные сокращения и при прохождении через задний проход способны вызвать сильное раздражение слизистой оболочки. При этом вместе с ощущением боли возникает и сладострастное ощущение» [3, с. 258].

Эта фрейдовская теория, изложенная им в работе 1908 года «Характер и анальная эротика», вызвала в медицинских кругах Европы бурю насмешек и негодования. Впервые об этой теории Фрейд заявил в «Трех очерков по теории сексуальности», вышедших в 1905 году. Мне кажется, что своим вопросом Юнг решил поддержать Фрейда в его сумасбродной теории детской дефекации, подарив ему ярчайший пример того, как пациентка из России, задерживая дефекацию до двух недель, получала чувственное наслаждение, дополняя его мастурбацией. Поскольку сообщенный «медицинский факт» (было ли это на самом деле, я сомневаюсь) сильно запоздал (к моменту написания письма лечение Сабины уже завершилось), то рассказ Юнга нужно расценивать, как только приглашение к обсуждению интересной для них обеих темы. Юнг в то время очень хотел встретиться с Фрейдом и искал повод для нее.

На его удочку отец-основатель психоанализа с удовольствием клюнул. В письме от 23 октября 1906 года Фрейд написал:

«История с дефекацией очень хороша и имеет многочисленные аналогии. По симптомам и даже по характеру больной можно увидеть признаки того, что мотивацией для нее является анальное возбуждение. Такие люди часто демонстрируют типичную комбинацию черт характера. Они крайне скупы, чистоплотны и упрямы. Эти черты мы считаем сублимацией анальной эротки. Подобные случаи, основанные на подавленном извращении, могут анализироваться вполне удовлетворительно. Как видите, Вы несколько не наскучили мне. Я очень рад Вашим письмам» [20,¹²⁰ с. 161–162].

Так, благодаря Сабине Шпильрейн, Юнгу удалось добиться от Фрейда приглашения в гости. Поездка супругов Юнгов состоялась в феврале 1907 года, когда при первой встрече с Фрейдом они проговорили 13 часов кряду.

¹¹⁹ Акимов О.Е. *Правда о Фрейде и психоанализе*. – М.: Издатель Акимова, 2005. {МОИ № 55}

¹²⁰ Эткин А.М. *Эрос невозможного. История психоанализа в России*. – М., 1993.

– XVIII –

Вновь о Сабине Юнг заговорил в письме к Фрейдю от 6 июля 1907 года, когда уже был лично с ним знаком. В нем среди прочего Юнг сообщил, что Сабина была обуеваемая вожаделенным чувством, иметь от него ребенка. Ниже мы увидим, как это желание Сабины Ш. через «коллективное бессознательное» всех психоаналитиков, которое именуется коротким словом «ложь», трансформировалось в голове Фрейда в абсурдное желание Анны О. иметь от Брейера ребенка. Но пока мы задержимся на фантазиях Сабины, навеянных известным стихотворением Пушкина (она или Юнг ошибочно приписали его Лермонтову) о

«заключенном, преисполненном единственным желанием: совершить в один прекрасный день благороднейший поступок – даровать свободу какому-нибудь живому существу. Он открывает клетку и выпускает на волю свою любимую птичку... В ее [Сабины] снах, – пишет далее Юнг, пересказывая мечты своей пациентки, – эта птичка совместилась со мной. Она признала, что в действительности очень хочет иметь от меня ребенка, благодаря которому исполнились бы все ее чаяния. Для этого мне непременно пришлось бы первым делом «выпустить птичку» [10].

Этот же важный фрагмент письма можно найти в работе Кремериуса, которую переводил Николаев. Юнг задается вопросом:

«Чего же больше всего хочет эта пациентка? Она говорит: «Я бы хотела в своей жизни посредством психоаналитического лечения помочь какому-либо существу достичь полнейшей свободы». Не вызывает сомнений, что в своих мечтах, она часто идентифицируется со мной. Как она сама признаётся, на самом деле самым большим её желанием было бы иметь от меня ребёнка, которому удалось бы осуществить все её незавершённые желания. Естественно, что перед этим я должен «отпустить птичку на волю» [13]¹²¹.

Ниже Юнг говорит о порнографических рисунках одного художника и образно разъясняет Фрейдю, как он представляет словосочетание «выпустить птичку»: «*Крылатые фаллосы, похожие на петухов, выделяют всевозможные фокусы с девушками*» [10].

Это вульгарное сравнение возмутило Лотана. Между тем такая трактовка словосочетания «выпустить птичку» лишней раз подтверждает грубо сексуальный контекст, который с самого начала сопровождал истинные отношения между Юнгом и Сабинной. Лотану, понятно, это очень не понравилось, поскольку он отстаивал исключительно «целомудренные» отношения между ними, доказывая тем самым «целомудренность» и психоанализа в целом.

Однако основные события развернулись в 1909 году. Эткинд пишет:

«Бывало, Юнг неделями не отвечал на письма Фрейда и зачастую явно уклонялся от обсуждения «своих интимных дел». Фрейд сначала мягко, а потом всё резче указывал на это. Паузы в переписке всё возрастали. В очередной попытке оправдаться Юнг снова жаловался...» на Сабину Шпильрейн [20,¹²² с. 167–168].

Этой «очередной попыткой» послужило письмо от 7 марта 1909 года. В нем Юнг написал Фрейдю:

«...меня сейчас ужасно сильно занимает один комплекс; а именно, пациентка, которую я несколько лет назад с самой большой самоотдачей вырвал из тисков тяжелейшего невроза; и теперь она теряет моё доверие и мою дружбу самым гадким образом. Она устроила страшный скандал, причём исключительно из-за того, что я отказал ей в удовольствии иметь от меня ребёнка. По отношению к ней я всегда оставался в границах джентльменства, и тем не менее из-за своей чересчур завышенной совести я чувствую себя не совсем чистым в этой истории, вот это как раз меня и беспокоит больше всего, так как мои намерения всегда были чистыми» (этого письма нет в статьях Лотана, но есть в статье Кремериуса [13]).

Уделив немало места персоне Отто Гросса, о котором мы будем говорить в шестом разделе «Секс-коммунизм», Лотан вернулся к начатой им теме.

¹²¹ Кремериус Й. *Сабина Шпильрейн – одна из первых жертв психоаналитической профполитики* (О предыстории психоаналитического движения). В.Э.: ??? (Может быть, [14]?)

¹²² Эткинд А.М. *Эрос невозможного. История психоанализа в России*. – М., 1993.

«Сабина называет «поэмой» свою пылкую «первую любовь... [желание] *жить с [Юнгом] или, по крайней мере, ради него, ради ребенка, которого хотела ему подарить*». Этот эвфемизм указывает на особую связь и духовное родство между влюбленными: «[Юнга] *глубоко поражало сходство наших мыслей и чувств... «Я не одна из многих, а единственная в своем роде... способная удивить его независимостью своего образа мыслей, во всем подобного его собственному... ибо у нас глубоко родственные души*». По ее словам, то была «прекрасная и крепкая дружба» [10].

Отсюда мы понимаем, что Лотан целиком и полностью идет на поводке у Сабины, воспринимая ее субъективные чувства за объективную картину отношений, сложившуюся между врачом и пациенткой-студенткой. Он загипнотизирован любовными отношениями героев драмы, и не в состоянии оторваться от чувственных дневниковых записей Сабины и ее писем. Автор отвергает холодный расчет, который демонстрировал Юнг в письмах к Фрейду. Швейцарский аналитик жил двойной жизнью. Верно, что он раскисал в присутствии Сабины и лил крокодиловы слезы. Наверняка она вдохновляла его на творчество, тем более, что объектом их совместной работы в сфере чувств была любовь, а в сфере психологии – коллективное бессознательное «огненной» природы. Но истинный ученый-психолог должен уметь отделить субъективное от объективного. Этого не умел делать не только Лотан, но и Юнг, и Фрейд, и прочие психоаналитики, которые абсолютно не владели научной методикой.

Бесспорно, «коллективное бессознательное» Сабины и Юнга в ту пору находилось в самой активной *libido*-фазе, в точке кипения, после которой температура накала страстей может только понижаться. Лотан приводит слова Сабины, написанные не позже 1908 года, о своих «близких эротических отношениях» с Юнгом, которые однажды, «во время нашего обычного randevu» стали реальностью. Однако он тут же добавляет, что Сабина

«не указывает время и место этой встречи, не называет ее терапевтическим сеансом и не упоминает о цели терапии. Сейчас невозможно выяснить, кто из них явился инициатором близости, хотя, принимая во внимание внешнюю привлекательность Сабины и тогдашние нравы, можно смело предположить, что первый шаг совершил Юнг» [10].

Это, безусловно, так, поскольку сама Сабина, жалуюсь Фрейду на Юнга, писала в июне 1909 года, что «к началу лечения я была всего лишь *наивным ребенком*». Она прямо говорит о том, что Юнг поставил их *love-story* с ног на голову:

«А теперь он [Юнг] утверждает, что был слишком добр ко мне, поэтому я и стремилась к физической близости с ним, а он, конечно, ни о чем подобном и не помышлял»

(эти важные для понимания слова уже цитировались нами в п. XV). Даже если бы, вопреки истине, он и не помышлял первым о физической близости с ней, всё равно вся ответственность за потерю «девической чести» целиком лежала бы на нем. Ведь он – врач, который к тому же на десять лет старше своей пациентки. Кроме того, он был женат и имел на руках двух дочерей, которые в будущем могли оказаться на месте Сабины у другого врача. Если бы пациентка и подала недвусмысленный сигнал на свою готовность к физической близости с ним, совестливый врач и добропорядочный семьянин просто обязан был решительно отказать он такого предложения. Эти мысли непременно должно приходиться на ум отцу двух дочерей.

– XIX –

Идиллия взаимной любви Сабины и Юнга длилась примерно четыре с половиной года. Но постепенно, минуя кульминационный период, неприятные напряжения между ними стали нарастать. Вызвано это естественным охлаждением чувств со стороны Юнга и его интересом к другим молодым девушкам. У Сабины же, напротив, жгучее влечение к нему еще больше подогревалось чувством страха потерять своего возлюбленного. Она строила несбыточные планы по созданию с ним семьи и, разумеется, мечтала иметь от него ребенка, которому они вместе дали имя Зигфрид. Похоже, она находилась в отчаянии, когда 30 мая 1909 года решается написать письмо духовному отцу Юнга, то есть «мудрому доктору» Фрейду, который, надеялась она, непременно ее поймет и приструнит отвязавшегося милого. В этом письме-надежде она слезно молит Учителя предоставить ей возможность встретиться и обсудить с ним, каким образом можно снять невыносимую сердечную боль.

Фрейд прекрасно догадался, что могло произойти между молодым врачом и пациенткой. С этим он, конечно, сталкивался сам и наблюдал со стороны у других. Он хорошо знал, что в таких ситуациях ничем помочь нельзя, поэтому стал тянуть с ответом. Для отвода глаз он просит Юнга разъяснить и без того понятное положение дел, одновременно притворяясь, будто и помыслить не может о плотских проявлениях, так естественно возникающих в подобных ситуациях.

«Кто она, – наигранно задается вопросом первый аналитик? – Сплетница, пустомеля или параноик? Если Вы знакомы с автором письма или имеете обо всем этом какое-то представление, то будьте любезны – пришлите мне короткую телеграмму, а если ничего не знаете, то прошу Вас не беспокоиться. Если Вы мне не ответите, я буду знать, что Вам ничего об этом не известно» [10].

На следующий же день после получения этого послания, т.е. 4 июня 1909 года, Юнг отписал своему «отцу» такое же фальшивое письмо, какое получил и сам:

«Дорогой профессор Фрейд, сейчас я и не знаю, что еще можно добавить к сказанному: я уже писал Вам о Шпильрейн. Об этом случае я упоминал вкратце в своей достопамятной лекции в Амстердаме. Это был, так сказать, мой образцовый случай, поэтому я вспоминаю о ней с особой благодарностью и нежностью. Зная по опыту, что она тотчас заболит снова, если лишится моей поддержки, я продолжал общаться с ней на протяжении нескольких лет и считал это дружеское участие своим нравственным долгом, но когда понял, что дело приобретает нежелательный оборот, тотчас порвал с ней всякие отношения.

Она, несомненно, хотела меня соблазнить, а я считал это неприемлемым. Теперь она хочет взять реванш. В последнее время она распространяет слухи, будто бы я собираюсь развестись с женой и жениться на какой-то студентке, от чего бросает в дрожь многих моих коллег. Не знаю, что еще она задумала. Полагаю, ничего хорошего, – если только Вы не согласитесь стать посредником. Я хотел бы подчеркнуть, что порвал с ней начисто...

Я пытался устранить ее *gratis* [безответственность] (!), проявляя невероятное терпение, и даже злоупотреблял ради этого нашей дружбой. Естественно, вдобавок ко всему для такого механизма мне понадобился бы разводной ключ нестандартных размеров. Как я уже отмечал, мой первый визит в Вену произвел на меня сильные бессознательные впечатления... эта неотвязная страсть к одной еврейке... которая внезапно объявилась в другом облике, в облике моей пациентки» [10].

Всё это письмо-признание пронизано циничной ложью. Здесь Юнг предал не только свою возлюбленную, но и психоанализ, в который он тоже первоначально был влюблен. Из страха перед руководителем клиники, Ойгеном (Евгением) Блейлером, и остальными коллегами, он беззастенчиво лгал, будто имеет дело с односторонней любовью, вызванной якобы трансфером пациентки, сочинил общую концепцию сексуального переноса душевнобольных, хотя в действительности имел совершенно иной эмпирический массив, который сплошь состоял из его собственных проступков. В письмах к Фрейду он сначала называл Сабину анонимно «русской пациенткой», потом она приобрела настоящее имя и, наконец, он стал называть ее ласково-пренебрежительно «малышкой». Эту фальшивость замечает и Лотан: ясно, что Юнг был порядочным волокитой, но всячески пытался перед метром психоанализа выглядеть безупречным доктором в белоснежном халате.

Из письма Сабины к Фрейду мы узнаем, что под упомянутой Юнгом еврейкой из Вены следует иметь в виду старшую дочь Фрейда, Матильду. Сабина задается вопросом:

«Кто знает, что имел в виду [Юнг], когда говорил, что перенес свое либидо с фройляйн Фрейд на меня? Возможно, ему казалось, что Ваша дочь никогда не отступит от высоких правил морали, и он впервые решился на близкие отношения только со мной» [10].

Под «близкими отношениями», надо полагать, Сабина подразумевала сексуальные отношения. И здесь не играет роли «ошибка» Сабины (об этом говорит Лотан), заключающаяся в том, что с дочкой Фрейда Юнг познакомился много позже, чем с Сабиной. Важно, что она допускала мысль о существовании донжуанских наклонностей у своего возлюбленного, о чем говорят и следующие слова Сабины: «Возможно, я была ревнивой, но потом я ревновала его к фройляйн S.W.». После этой цитаты Лотан добавляет:

«Автор намеренно темнит, ибо под инициалами S.W. скрывалась Хелен Прайсвик, медиум и кузина Юнга, с которой он проводил эксперименты, описанные впоследствии в его диссертации...» [10].

Продолжая жаловаться Фрейду на Юнга, Сабина пишет:

«В ходе анализа выяснилось, что в прошлом доктор Юнг был влюблен в темноволосую девушку истерического нрава, которая всегда называла себя еврейкой, хотя в действительности таковой не была. Тогда Юнг еще не был женат. А теперь послушайте, профессор Фрейд, и признайтесь, разве это не любопытно: я и доктор Юнг прекрасно понимали друг друга. И вдруг он ужасно изменился, вручил мне свой дневник и с издевкой посоветовал мне открыть его наугад, коль скоро я такая мудрая и знаю, как обрести счастье. Я раскрыла – и вдруг, о чудо! То был пассаж, в котором говорилось о том, как однажды ночью Юнгу привиделась S.W. в белом одеянии...

Образ этой девушки сохранился в его памяти и стал моим прообразом... Впоследствии он порой погружался в задумчивость, слушая меня, ибо ему казалось, что именно так обращалась к нему какая-то женщина. И всегда он вспоминал именно эту девушку! Теперь он всё позабыл от страха; он явился к Фрейду в надежде на совет и поддержку. Он вспомнил, что некогда ему очень нравилась дочь Фрейда, и решил, что теперь, дабы угодить отцу, ничего не стоит объяснить всё переносом влечения к Вашей дочери.

Вы понимаете, профессор Фрейд, что мне совершенно безразлично, является ли его любовь ко мне переносом чувств к фройляйн S.W. или фройляйн Фрейд; последний перенос мне куда более по вкусу, ибо... мне было бы приятнее служить психосексуальной заменой такой важной особы, как дочь профессора Фрейда... и сверх того, разумеется, говорят, что Ваша дочь хороша собой, и это мне очень льстит, поскольку я сама никогда не осмелилась бы назвать себя хорошенькой.

И всё же я подозреваю, что в основе подобного толкования [т.е. толкования Юнга] лежит бессознательная гнусность. Почему?.. Я встретила профессора Фрейда собственной персоной. Он обнаружил определенные особенности характера, которые я тоже однажды заметила, поскольку они, будучи абсолютно подавленными, свойственны и мне, поэтому я и решила, что Юнг должен вызывать у Вас отвращение, и если он вызовет у Вас отвращение, то у меня тоже» [10].

– XX –

Все карты открылись, кажется, игра закончилась и враньё Юнга разоблачено полностью его же пациенткой, студенткой и любовницей. Но нет, несчастная девушка не разобралась, с кем в действительности имеет дело. Оказалось, что все аналитики повязаны одной верёвочкой обмана. Разумеется, вождь этого мошеннического движения, не сговариваясь с Юнгом, только из-за наличия у них общего на всех лживого «коллективного бессознательного», встал на защиту товарища, оказавшегося в беде. Пока еще незнакомой ему лично Сабине он холодно отписал следующее:

«Уважаемый коллега, доктор Юнг – мой друг и коллега; я полагаю, что хорошо знаю его и в другом качестве, и поэтому имею основания верить в то, что он не способен на легкомысленное и вульгарное поведение. Мне не по душе роль судьбы в его делах личного свойства... однако я не вправе забывать о древнем судебном законе, который гласит *audiatur et altera pars* [выслушаем и мнение другой стороны].

Не желаете же Вы, чтобы я поступил неразумно. Судя по Вашим письмам, Вы были близкими друзьями... а теперь перестали дружить. Возможно, эта дружба возникла благодаря врачебным консультациям, и, должно быть, его стремление помочь человеку, пребывающему в душевном смятении, вызвало у Вас симпатию? Я склоняюсь к этой мысли, ибо знаю много похожих случаев. Но я понятия не имею – как и по чьей вине всё закончилось печально, да и не хочу об этом судить. И если после вышесказанного я обращаюсь к Вам, то лишь затем, чтобы убедить Вас задуматься: не лучше ли Вам самой сдержать или искоренить в душе чувства, пережившие эти близкие отношения, избегнув вмешательства третьей стороны. Если эти замечания покажутся Вам неуместными, то прошу Вас не толковать их превратно» [10].

Одновременно в тоне заговорщика Фрейд успокоил и Юнга:

«Я... внушил [Сабине] мысль о более правдоподобном, эндопсихическом развитии событий».

Слово «эндопсихический» равносильно слову «внутрипсихический». В общем, большой надобности в использовании именно этого наукообразного словца здесь нет. Из приведенного

выше письма к Сабине нам известно, что Фрейд дает ей беспомощные советы не как ученый и даже не как врач-профессионал, а как обыкновенный обыватель, который только и может, что с многозначительным видом развести руками.

Легко сказать «сдержанность или искоренить» чувство любви, когда из-за него женщина готова наложить на себя руки. Спыхватившись, Фрейд в письме от 7 июня 1909 года пишет Юнгу:

«Я написал Шпильрейн... письмо, в котором выставил себя таким идиотом, словно бы я боюсь предложить свои услуги какой-то чересчур рьяной энтузиастке... прежде всего, поэтому я и прошу Вас письменно сообщить, какого рода это дело» [13].

Читатель видит, как запаниковали два гиганта аналитической мысли. Чего стоит один подлый штрих, на который обратил внимание Эткинд. Он написал:

«В этот период», когда «развивается довольно грязная ситуация, в которую вовлекаются родители Сабины, жена Юнга и, конечно, Фрейд», у последнего «появляется манера передавать в письмах привет супруге Юнга» [20, с. 175].

Подобная свинская черта характера всегда проявлялась у Фрейда в отношениях с самыми близкими ему друзьями, почему они и отворачивались от него.

В свою очередь, Юнг предательски обвинял во всем случившемся Сабину, пытаясь выставить себя праведником, таким благородным рыцарем с безупречной репутацией, который, увы, дал слабину и попался на «сексуальные уловки пациентки»¹²³. Своему «духовнику» он написал:

«Дорогой профессор Фрейд, после разрыва с ней я был уверен в ее мстительности и глубоко разочарован лишь тем, что последняя приобрела столь банальную форму... Она явилась ко мне домой, и в ходе вполне мирной беседы выяснилось, что никакие слухи обо мне она не распространяет... Она полностью избавилась от своего переноса и избежала рецидива (лишь разрыдалась после окончательной размолвки). Не поддаваясь бесполезным угрызениям совести, я всё же сожалею о своих прегрешениях, ибо большие надежды у моей бывшей пациентки возникли во многом по моей вине...

Ошибочно полагая, будто попался на сексуальные уловки пациентки, я написал ее матери, что, будучи врачом, не намереваюсь потворствовать сексуальным желаниям ее дочери, и поэтому ей следует избавиться от нее... С большой неохотой я решился исповедаться перед Вами, как перед своим духовником. И теперь осмелюсь просить Вас о большом одолжении: соблаговолите послать записку фройляйн Шпильрейн и заверить ее в том, что я обо всем Вам сообщил... что Вам и ей известно о моей «безупречной чести»... дабы ничто не помешало моей работе» [10].

Тексты писем, кажется, не нуждаются в постороннем комментарии. Читатель сам в состоянии оценить аморальную позицию Юнга и Фрейда, проводивших тайную и подлую игру. Вместо того, чтобы утешить бедняжку, Фрейд целиком переходит на сторону виновника. Такая позиция полностью совпадает с его же позицией, занятой по отношению к Вильгельму Флиссу, который по неосторожности, чуть было не отправил на тот свет Эмму Экштейн, когда оставил гнить в ее прооперированном носу полметра марли. Тогда Фрейд счел за долг оправдать и успокоить своего друга.

В письме от 7 июня 1909 года особенно отчетливо чувствуется сговор двух сильных мужчин против одной слабой женщины. В нем Фрейд хвастливо делится с Юнгом своей необыкновенной находчивостью:

«Я ответил ей необычайно мудро и чётко, заранее попытавшись по небольшим намёкам разгадать суть дела, прибегнув к шерлок-холмовским методам (что, естественно, мне должно было удалиться после полученных от Вас сведений), я порекомендовал ей более достойным образом завершить всё дело, так сказать, эндопсихически» [13].

¹²³ В.Э.: В принципе так оно и было. Я по своему опыту знаю, что это такое, когда истеричка нацелилась на тебя и атакует всеми доступными ей средствами. Это безысходная ситуация: если «даш слабину» и уступишь, то сначала будет «хорошо», но потом попадешь в ситуацию Юнга; не уступишь – сразу будешь опорочен и выставлен негодяем; в любом случае – основательной нервотрепки не избежать. Если Акимов был доцентом-преподавателем ВУЗов, неужели у него не было подобных историй со студентками-истеричками?

В письме от 12 июня 1909 года Юнг благодарит Фрейда за «понимание» и за то, что тот обошелся без «головомойки», которую Юнг заслуживал. «*Всё это выглядит слишком глупо, но полезно*», – написал швейцарец австрийцу.

В свою очередь, Фрейд продолжает успокаивать Юнга, как он однажды успокаивал Флисса (очень сходная, по-моему, здесь ситуация). В письме от 18 июня 1909 года Фрейд пишет Юнгу:

«Но Вас бы я хотел попросить, не слишком сильно сейчас сокрушаться и самоуничжаться. Вспомните хотя бы прекрасную метафору Лассалья о взрывающейся в руках химика пробирке: «лишь слегка нахмутив брови из-за сопротивления, оказываемого ему материей, истинный исследователь продолжает и дальше свою работу». Небольшие лабораторные взрывы лежат в природе исследуемого нами материала, этих взрывов нам никогда не удастся полностью избежать. Возможно, что пробирку держали не совсем под тем углом, или слишком быстро нагрели. Но именно таким образом узнаешь об опасностях, связанных с исследуемым материалом, и о том, что нужно делать дальше» [13].

В письме от 21 июня 1909 года Юнг пишет Фрейду:

«Когда ситуация накалилась до такой степени, что продолжение отношений неизбежно вело к половому акту, я защитил себя способом, который не может быть морально оправдан... Я написал ее матери, что не являюсь средством удовлетворения сексуальных желаний ее дочери...» [20, с. 178].

Может быть, Лотан искренне поверил Юнгу и на основе этих его лживых заверений доказывает нам, что швейцарский врач-аналитик предотвратил сексуальные отношения с пациенткой? Не знаю, не знаю..., что и думать, но если это так, то Лотан поступил опрометчиво, так как верить Юнгу ни в коем случае нельзя.¹²⁴

Только что процитированный фрагмент письма я нашел в книге Эткинды, но он приводится и в статье Кремериуса. Продолжу цитирование письма уже из нее:

«... Я сильно сожалею о допущенном мною грехе, – *пишет Юнг*, – так как я в огромной степени виновен в далеко заходящих притязаниях со стороны моей прежней пациентки... Находясь в плену своих грёз, я чуть ли не стал жертвой сексуальных преследований со стороны моей пациентки, я вынужден был написать её матери о том, что на самом деле я не утоитель сексуальных страстей её дочери, а всего навсего врач, почему она и должна освободить меня от своей дочери. Учитывая же то, что незадолго до того эта пациентка была моей подругой, во многом заслуживающей моего доверия, это нельзя расценить по-другому как подлым поступком, спровоцированным моим страхом, в чём я и вынужден Вам, моему отцу, признаться» [13].

У любого порядочного человека вся эта возня вокруг, пусть слегка тронутой, но глубоко несчастной женщины, вызовет чувство брезгливости.¹²⁵ Нравственную репутацию Юнга не может спасти ничего, даже его раскаяния. 4 декабря 1908 года, спустя три дня после рождения сына Франца, он написал своей любовнице:

«Я во многом теперь раскаиваюсь, раскаиваюсь в моей слабости и проклинаю судьбу, угрожающую мне... Простите ли Вы мне то, что я таков, каков есть? Что я оскорбляю Вас этим и забыл по отношению к Вам обязанности врача?... Я ищу человека, достойного любви... которому удаётся не обременять любовь социальными достоинствами или недостатками... Моё несчастье заключается в том, что в своей жизни я не могу обходиться без бурной, вечно меняющейся любви... Иначе пострадает моя работа, а она кажется мне более важной, чем актуальные проблемы и

¹²⁴ В.Э.: Полагаю, что можно верить. Ни в одном изречении Юнга не видно следов явного обмана. Конечно, его теории «коллективного бессознательного» и «архетипов» – это глупости, но это добросовестные заблуждения мистически настроенного сына священника, воспитанного в религиозной атмосфере и с детства испытывавшего явно истерические симптомы, как то: приступы удушья (из-за которых он даже несколько месяцев не посещал школу), онейроидные состояния с видениями наяву и т.п. Юнг сам не был психически нормальным, но вообще-то он был внутренне порядочным человеком. У Фрейда явные признаки сознательного обмана есть, хотя и он всё же не был столь отъявленным преступником, каким его рисует Акимов.

¹²⁵ В.Э.: Э-э-э... Посмотрел бы я, как ты сам поскакал бы, если тебя атаковала бы такая «слегка тронутая, но глубоко несчастная» истеричка (все они несчастны – оттого и падаешь в их ловушки, что хочешь им помочь и не хочешь делать больно жестоким отказом...).

страдания. Предоставьте мне в это мгновение немного от той любви и терпенья, которые я предоставлял Вам во времена Вашей болезни. Теперь болен я...» [11]¹²⁶ (это покаяние можно найти также в работе [9]¹²⁷).

Юнг чувствует себя виновным,¹²⁸ но люди с его характером совершают подлости так же легко, как и раскаиваются за них. Сабине, конечно, больно было узнать о рождении Франца, так как она сама постоянно грезилась маленьким Зигфридом, которого должен был подарить ей Юнг. Обидчика Сабину еще можно было бы, скрипя сердцем, простить, если бы он не написал «в своей жизни я не могу обходиться без бурной, *вечно меняющейся любви*». Действительно, отказаться от всё новых и новых сладострастных утех он мог только через свою кастрацию, на что, естественно, никогда б не решился. В своей жизни Юнг и дальше продолжал совершать предательские поступки в отношении своих возлюбленных. Мне совершенно не понятно, зачем Лотану понадобилось защищать ловеласа; впрочем, об этом мы будем говорить в следующем разделе.

Кризис июня 1909 года, вспыхнувший между Юнгом и Сабинной, в который был вовлечен и Фрейд, в конце концов, разрешился миром. Отцу-основателю достало ума разбушевавшиеся страсти пустить в спокойное русло. Сабине он написал более или менее ободряющее письмо от 24 июня 1909 года, где говорилось:

«Уважаемая госпожа коллега, сегодня посредством доктора Юнга я был введён в суть дела, из-за которого Вы хотите меня посетить. Теперь я вижу, что кое-что мне удалось разгадать правильно, а кое-что я сконструировал ошибочно и не в Вашу пользу. Прошу меня извинить. Но меня радует, что опять удовлетворена моя потребность в уважении женщин, что я заблуждался в этом деле, что женщина и здесь остаётся на высоте, и что ошибка исходит со стороны мужчины, а не женщины, как признаёт и мой юный друг. Примите от меня заверения в моей полной симпатии за то достоинство, с которым Вам удалось разрешить конфликт» [13].

Юнгу Фрейд написал 30 июня 1909 года следующее:

«Полученное от Вас письмо примирило бы меня и с гораздо большими злодеяниями с Вашей стороны; возможно, я уж слишком пристрастен к Вам. Я написал госпоже Шпильрейн несколько любезных строк, с просьбой о прощении, и сегодня получил от неё ответ... Развязка оказалась удовлетворительной для всех сторон».

13 июля 1909 года Юнг выразил Фрейду слова благодарности:

«Прежде всего я хотел бы Вас сердечно поблагодарить за Вашу дружескую помощь в деле Шпильрейн, которое сейчас столь благоприятно завершилось» [13].

Эти запоздалые реверансы не меняют суть дела: Юнг и Фрейд успели продемонстрировать свое подлое нутро. Никакого снисхождения в нравственном аспекте они, конечно, не заслуживают. Отрывки же из двух последних писем являются ни чем иным, как только вежливыми знаками, показывающими, что инцидент исчерпан, и все стороны не имеют друг другу претензий. Вряд ли Сабина имела право на них обижаться. Ее собственное поведение, наверняка, вызвало презрение у двух мужчин и чувство вины у нее самой. Она поняла, с кем в действительности имеет дело, что Фрейд и Юнг ей ни в чем не помогут. Таким образом, эта история посеяла семена взаимного недоверия. Ясно, что Шпильрейн, Юнг и Фрейд в будущем никогда не будут друзьями. Дальше каждый из них мог только притворяться другом. Мы же с вами, дорогой читатель, сделаем свой вывод, который состоит в следующем: лидеры аналитической психотерапии доказали не только низость своей натуры, но также продемонстрировали абсолютную никчемность предлагаемой ими методики оздоровления психики.

¹²⁶ Лотан Ц. *Послесловие к книге Spielrein, S. (2003): Tagebuch und Briefe. Die Frau zwischen Jung und Freud.*

¹²⁷ Вирц У. *Терапевтические тупики. Сексуальные злоупотребления в терапии* / из книги «Убийство души» // «Вопросы психологии», 1995, № 6.

¹²⁸ В.Э.: Он чувствовал себя виноватым всегда, с раннего детства (хотя реальных причин для этого не было); психологический механизм этого явления я разобрал в {JUNG1 = МОИ № 60}.

5. *Оправдание подлости*

– XXI –

Теперь посмотрим, как в итоге оценил рассматриваемую нами ситуацию Цви Лотан, автор статьи «В защиту Сабины Шпильрейн» [10]. Вопреки этому названию, он грудью становится на защиту Карла Юнга, оправдывая его подлость и непрерывную ложь низкими двойными стандартами, господствовавшими в тогдашнем обществе.

«Я не отрицаю эротические чувства Сабины, – пишет он, – я лишь хочу показать, что мужчины всегда остаются мужчинами. И если Сабина воспринимала свое невинное сексуальное увлечение как часть большой любви, то для Юнга оно оставалось всего лишь амурной шалостью, которая казалась мужчинам, приверженцам типичной для тогдашней Европы системы двойных стандартов, чуть ли не самим Богом дарованной привилегией». В другом месте он пишет: «Едва ли резонно рассматривать эти отношения сквозь призму патологии, ибо речь идет о проблемах, связанных с представлениями об институте брака и системой двойных стандартов» [10].

Но, во-первых, в то время в медицинской среде существовали высочайшие стандарты врачебной этики, которые демонстрировал, например, Р.Ф. фон Краффт-Эбинг. Эта фамилия не раз фигурировала в биографии Фрейда, написанная Джонсом. Биограф подробно описывает, какое возмущение со стороны традиционных медиков вызвало неэтичное поведение психоаналитиков. Никто из тогдашних серьезных медиков не сомневался в непреложном правиле: если психотерапевт обнаруживает у себя похотливые наклонности, его прямой долг как можно скорее оставить профессию, в противном случае он совершает должностное преступление. Между прочим, книгу Краффта-Эбинга «Половая психопатия» (1866) анализировал Владимир Соловьев в своей работе «Смысл любви», но о ней позже.

Во-вторых, какие оправдания здесь могут звучать, если швейцарский аналитик прежде всего был врачом? Его профессиональный долг не может находиться в зависимости от уровня безнравственности окружающих. В этих фразах нет ни грана ханжества, поскольку речь идет о нравственной чистоте и предельно объективной правовой экспертизе, по сути дела, классической для всего психоанализа ситуации. Лотан же скатывается на обывательские позиции вроде того, что «все мы люди и все не без греха», «войдите в положение зрелого мужа, которого не удовлетворяет жена, как бы вы сами повели себя?» Помните, в начале статьи [10] Лотан написал:

«Юнгу удалось вылечить пациентку благодаря сочувствию, настойчивости и решительности».

Ложь! На самом деле, это лечение протекало через постель – приятно, легко и беззаботно.¹²⁹ Неприятности начались только тогда, когда бессовестный врач положил глаз на другую пациентку, а прежняя начала жаловаться на него своей матери, отцу и «дедушке» Фрейду, закатывая грандиозные скандалы, бросаясь на своего возлюбленного с кухонным ножом (был и такой инцидент).

Нам известно, что Юнг за свои проделки пытался оправдаться перед матерью Сабины. В ответ на письмо Фрейда от 8 июня 1909 года Сабина написала:

«Как я чувствую, Вы тоже лукавите, господин профессор: «*audiatur et altera pars*». Ведь если бы Вы ориентировались на это высказывание, то Вы бы безо всякого промедления предоставили мне аудиенцию. Хотя понятно и желание избежать неприятной встречи. Не так ли? И великий «Фрейд» не всегда может заметить имеющиеся у него слабости» [13].

К сказанному она приложила переписанный ее рукой текст письма Юнга № 2, который тот отослал ее матери. При этом Сабина добавила:

«Письмо № 3 я, вообще, не в состоянии переписать; я могу его Вам лишь показать; оно намного больше оскорбляет меня, чем письмо № 2».

¹²⁹ В.Э.: У такого характера, как Юнг, ничто не идет беззаботно; они обречены на вечные самотерзания. (Вспомним хотя бы легендарную историю с кафедральным собором {JUNG1 = МОИ № 60, стр.25}). Конечно, Юнг не всегда принимал самые правильные решения, но именно эта неспособность находить правильные решения и была глубинной причиной его самотерзаний и постоянного чувства вины, как это я показал в уже упомянутом месте {JUNG1 = МОИ № 60, стр.27}.

Ниже цитируется фрагмент текста из письма № 2:

«Итак, я из врача стал для неё другом, перестав отодвигать на задний план мои собственные чувства. Отказаться от своей роли врача мне было тем более легко, что я и не был обязан вести себя как врач, так как я никогда и не стремился получить гонорар, работая с Вашей дочерью. Именно гонорар и устанавливает твёрдые границы между врачом и пациентом. Теперь Вы сможете понять, что дружба между мужчиной и девушкой не может продолжаться неограниченно долго, чтобы при этом когда-нибудь не возникли особые обстоятельства».

Нечто подобное, как мы уже видели, было зафиксировано в дневнике Сабины (см. п. XV). Еще раз воспроизведу написанный ею текст:

«Мать сказала, что после того, как мы одарили друг друга любовью, невозможно, чтобы я и мой друг продолжали оставаться друзьями. Чистая дружба не может долго выдержать мужчину. Если я хорошо к нему отношусь – тогда я захочу любви, а если я постоянно проявляю холодность – тогда это отобьёт у него охоту продолжать отношения».

Но продолжим цитировать письмо Юнга матери Сабины.

«Так как что может удержать обоих от того, чтобы не начать пожирать плоды любви? А врач и его пациентка, наоборот, несмотря на то, что могут неограниченно долгое время говорить о разного рода интимностях и пациентка может надеяться получить от врача любые требующиеся ей проявления любви и заботы, не смогут перешагнуть границы, накладываемые этикой врача, так как врач обязан чётко соблюдать свои обязанности и так как его усилия оплачиваются. Именно последнее и накладывает на врача требуемые ограничения».

[Теперь внимание!] Поэтому я [Юнг] предлагаю Вам [матери Сабины], если Вы желаете ограничить мои функции ролью врача, назначить мне гонорар в качестве соответствующей компенсации за предоставляемую мною медицинскую помощь. Тогда Вы сможете быть абсолютно уверенными в том, что я при любых обстоятельствах буду выполнять мои обязанности врача. В роли же друга Вашей дочери мне придётся предоставить всё на волю случая, во власть неизвестной судьбе [прямой шантаж с целью вымогательства денег]. Так как двум друзьям вряд ли кто может помешать заняться тем, чем они хотят¹³⁰ [Ну и нахал!].

Дорогая и уважаемая госпожа, хотелось бы надеяться, что Вам удастся правильно понять меня, понять, что во всём этом деле нет никакого хамства с моей стороны, а только чистый опыт и признание в совершённой мной ошибке. Мой гонорар составляет 10 франков за консультацию. Я советую Вам согласиться на такое прозаическое разрешение проблем, так как оно является самым осторожным и не создаёт для будущего никаких проблем...

Я уже говорил Вашей дочери, что всё сексуальное будет исключено и что всё произошедшее было только выражением моей дружеской признательности. Когда это [?] произошло, я находился в очень расслабленном и податливом состоянии, я желал лишь одного, предоставить Вашей дочери доказательства моего полного доверия к ней, моей дружбы, чтобы посредством этого помочь ей достичь внутреннего освобождения. Теперь я понимаю, какая это была грубая ошибка, я действительно очень сильно раскаиваюсь» [13] (часть этого текста приведена также в работе [9]).

По-видимому, здесь речь идет о каком-то грубом насилии со стороны Юнга, которое, однако, не было связано с половым актом. Но в любом случае, кто не чувствует в этих суждениях зачерствелого цинизма, тому лучше не заниматься душевными делами. Отсутствие взимания платы за лечение еще не дает разрешения для установления сексуальных отношений между духовным наставником и душевнобольной. И ещё, пускай амбулаторное «лечение любовью» было недолгим и отношения между Сабиной и Юнгом перешли в отношения между университетским преподавателем и студенткой. Формально ситуация изменилась ненамного, поскольку и в этом новом статусе должны действовать те же этические нормы, что и между врачом и пациенткой.

В заключительной части статьи [10] Лотан написал:

¹³⁰ В.Э.: Юнг правильно говорит: в создавшейся ситуации либо они больше не встречаются вообще (чего Юнг и хочет, но Сабина бросается на него с ножом (О! Как мне хорошо известно, что творят истерички, когда ты хочешь просто тихо-мирно прекратить с ними отношения!)), либо оба встречаются только как врач и пациентка, и тогда «гарантом», что отношения именно таковы, а не иные, выступает гонорар. Конечно, Юнг прав.

«В целом отношения Юнга и Шпильрейн, представлявшие собой нечто среднее между «терапией» в неформальной обстановке, практикой и романом, следует оценивать не по семенам, а по плодам, то есть учитывать не перенос Сабины и контрперенос Юнга, а благо, дарованное обим...

Отношения, которые сложились между Юнгом и Шпильрейн после того, как Сабину выписали из клиники, никак не назовешь терапией, поскольку Шпильрейн не оплачивала услуги Юнга и считала себя бывшей пациенткой, чему вторил сам Юнг. Похоже, эта «терапия» служила прикрытием для супружеской измены, которое было необходимо только женатому Юнгу, поскольку слухи об адюльтере угрожали его профессиональной репутации. Пытаясь оправдаться перед собой и перед Фрейдом, Юнг именовал эту тайную аферу терапией, намеренно путая реальность с переносом.

Однако к тому времени Сабина уже избавилась от переноса. Она и впрямь была той самой «другой женщиной», которая надеялась, что ради нее Юнг оставит свою жену и подарит ей сына. Окончательно убедившись в безнадежности этих прожектов, она под давлением своей матери и самого Юнга нашла в себе силы для того, чтобы взглянуть правде в лицо, и поставила точку в этой любовной истории, не поднимая шума.

Они расстались, и каждый пошел своим путем; он сошелся с Тони Вольф, Сабина вышла замуж, скорее всего не по любви, как и ее мать, и вскоре произвела на свет девочку, которую нарекла Ренатой, что означает «возрожденная». Они продолжали заниматься психоаналитической и исследовательской деятельностью. Шпильрейн удалось избежать серьезного душевного кризиса, который постиг Юнга после мимолетного погружения в состояние, близкое к психозу, описанное им самим» [10].

Мы видим, что Лотан не понимает, какую глубокую, незаживающую и постоянно кровоточащую рану оставил Юнг в душе Сабины. Она писала:

«Для меня наступили ужасные времена после того, как я рассталась с моим другом и стала сражаться с темными силами, пытавшимися отнять у меня веру в идеалы. Фактически я не переставала плакать днём и ночью» [9]¹³¹.

Приведа эти слова, аналитик юнговского толка Урсула Вирц написала:

«После чтения писем у меня сложилось впечатление, что Сабине Шпильрейн удалось не только чистое выживание. Она возвратила свои проекции, направленные на своего аналитика, и смогла от них избавиться, вырастая из прежних фиксаций и приходя в контакт со своей собственной творческой энергией. Мало кому из женщин, переживших подобное, удалось такое» [9].

И Сабине это не удалось! Разве непонятно, что Юнг остался в ее душе навсегда. Своего мужа, врача Павла Шефтеля, за которого вышла замуж в 1912 году только для того, чтобы забыть Юнга, она никогда не любила. Многие годы как неприкаянная она скиталась по Европе, живя несчастной бродяжкой в Берлине, Мюнхене, Лозанне, Женеве, Москве. Ее муж пошел на фронт, а когда вернулся, женился на другой. Сабина приехала в свой родной Ростов-на-Дону в 1924 году после скандального закрытия Детского дома-лаборатории (рассказ об этом впереди), зрелой матроной, которая просто обязана была воспитывать своих двух дочерей, Ренату и Еву. Из-за детей она вновь соединилась с мужем, у которого ничего не вышло со второй женой. Но, кто знает, о чем она думала всё это время, не снились ли ей по-прежнему сны о Юнге, дорогом ее возлюбленном?

Большая любовь не могла пройти бесследно и для Юнга. В этот период он едва не сошел с ума. Не разобравшись в глубине чувств героев, Вирц, Лотан и прочие аналитики, естественно, не увидели колоссального влияния, которое оказала Сабина на учение Юнга, рукой которого она еще долго водила пером по бумаге, сочиняя совместно с ним его теорию коллективного бессознательного. Ошибка авторов статей мне понятна, их заботой было оправдание швейцарского аналитика, поскольку признание его вины бросило бы тень и на них. Мы же могли наблюдать связь Юнга и Шпильрейн, внимательно читая текст книги «Отношения между Я и бессознательным», приведенный в п. XIII. Основной труд Юнга «Либи́до, его метаморфозы и символы» тоже написан, собственно, ею, или, по крайней мере, общим для них бессознательным.

¹³¹ Вирц У. *Терапевтические тупики. Сексуальные злоупотребления в терапии* / из книги «Убийство души» // «Вопросы психологии», 1995, № 6.

Об этом мы позже еще поговорим, а сейчас сосредоточимся на выводах, которые сделал Лотан в работах, написанных им совсем недавно, в 2003 и 2006 году.

– XXII –

В послесловии к книге Шпильрейн С. «Дневник и письма. Женщина между Юнгом и Фрейдом» (2003) Цви Лотан еще больше запутывает читателя. Он пишет:

«Независимо от того, каким образом рассматривать эту драму, изнутри, с перспективы участвующих в ней лиц, или извне, с позиции исторических комментаторов или читающей публики, приходится *a priori* делать выбор между двумя установками:

а) рассматривать эпизод, происшедший между Шпильрейн и Юнгом, в качестве Юнговских внебрачных отношений, что некоторые считают допустимым, а большинство осудит по правовым, моральным или религиозным причинам или

б) рассматривать происшедшее в качестве неправильного поведения, нарушения границ, как случай сексуального злоупотребления, нарушение этики психоанализа, неразрывно связанной с проведением психоаналитической терапии» [11]¹³².

У меня сразу же появилось возражение: почему Лотан заставляет своего читателя сделать «выбор между двумя установками»? Разве кому-то не понятно, что имело место и (а) «внебрачные отношения», и (б) «нарушение этики психоанализа», то есть имело место одновременное нарушение этических норм со стороны Юнга, указанных в пунктах (а) и (б).

Далее текст Лотана вообще теряет всякую логику. Дело в том, что оба пункта, (а) и (б), предполагают существование сексуальных отношений между Юнгом и Шпильрейн, в противном случае, мы бы не имели нравственной проблемы. Если бы их отношения оставались в рамках допустимых этических норм, то никакой бы «сексуальной коллизии», как выразился Лотан, у Юнга и Шпильрейн не существовало. Теперь прочтите, что написал Лотан:

«Выбор любой из установок [(а) и (б)] зависит от ответа на два вопроса:

- 1) Какого рода были эти отношения?
- 2) Возникли ли они ещё во время терапии?»

На первый вопрос мы должны ответить: «Отношения между Юнгом и Шпильрейн имели явно сексуальный оттенок». Отвечая на второй вопрос, который неявно предполагает наш ответ на первый вопрос, мы должны сказать: «Имеются определенные свидетельства тому, что сексуальные отношения между Юнгом и Шпильрейн возникли ещё во время терапии, то есть в период 1905–1907 гг.; в период 1907–1909 гг. эти отношения достигли кульминации и пошли на спад».

Но посмотрите, как отвечает на вопросы (1) и (2) Лотан и какой выбор он делает из (а) и (б). Он пишет:

«На первый вопрос ответили сами Шпильрейн и Юнг: оба всегда отрицали существование сексуальных коллизий [ничего подобного не было, хотя оба пытались по понятным причинам не афишировать свои сексуальные отношения], к тому же ещё больше можно убедиться в этом, читая документы, представленные мной [далее Лотан будет манипулировать цитатами]. А на второй вопрос Шпильрейн ответила отрицательно [этот тезис опровергается словами Сабины, приведенными в конце п. XV], Юнг отвечал по-разному и противоречиво.

Кроме того, – пишет Лотан, – подробное исследование архива убеждает в том, что между Шпильрейн и Юнгом не было чётко структурированных психотерапевтических рамок. Во всяком случае, эту терапию вряд ли можно было назвать психоаналитической терапией на кушетке, с высокой частотой сеансов и соответствующей оплатой. Этого не было ни в начале, в 1905–1907 гг., после того, как Шпильрейн оставили психиатрическую клинику Бургхельцли, ни в более поздний период (1907–1909 гг.), а потом о терапии уже и речи не могло быть. Сексуальное воздержание (абстиненция) терапевта и его анализанда является необходимой предпосылкой лечения как прежде, так и сейчас, хотя невозможно судить по сегодняшним психоаналитическим меркам о ситуации, сложившейся между Юнгом и Шпильрейн.

Я предполагаю, – *подводит итог Лотан*, – что Юнг самостоятельно решил рассматривать сложившиеся взаимоотношения как проблему в терапии [б], а отнюдь не как внебрачный конфликт

¹³² Лотан Ц. *Послесловие к книге Spielrein, S. (2003): Tagebuch und Briefe. Die Frau zwischen Jung und Freud.*

[а]. Именно в таком виде Юнг и представил свою проблему Фрейду. Рассматривая политически, это была тщательно продуманная стратегия, в которой Юнг руководствовался как личностными, так и профессиональными соображениями» [11].

Мне кажется, что в данном случае мы имеем дело с преднамеренным обманом читателя. Из самой постановки проблемы отчетливо вытекает, что Лотан знает, в чём обвиняют Юнга, но пытается несправедливыми средствами его оправдать. Мы видели, что в статье 1997 года «В защиту Сабины Шпильрейн» он как бы размазал содержание пунктов (а) и (б), сформулированных в 2003 году. В ранней статье автор не выставлял альтернативу – либо (а), либо (б).¹³³ В ней он писал

«В целом отношения Юнга и Шпильрейн, представлявшие собой нечто среднее между «терапией» в неформальной обстановке, практикой [б] и романом [а]... «терапия» [б] служила прикрытием для супружеской измены [а]».

В поздней статье он делает упор на (б), фактически, дезавуируя пункт (а). В 2003 году автор стал более настойчиво утверждать, что никаких сексуальных отношений между Шпильрейн и Юнгом не было (1), следовательно, супружеская измена (а) – миф, удобный для противников психоанализа.

В ответ на измененную Лотаном позицию, мы могли бы сказать следующее: «Уважаемый Автор, прочтите свою собственную статью 1997 года, где Вы еще не давали отрицательного ответа на вопрос (1) и не замалчивали пункта (а). Будьте до конца честными и укажите нам, какие ошибки в суждениях и комментариях к документам Вы допустили ранее, что заставило Вас изменить свою первоначальную позицию. Ваша ранее вышедшая статья уже написана достаточно тенденциозно, однако Ваши манипуляции с цитатами в статье 2003 года намного превосходят те, что мы находили в статье 1997 года. Короче говоря, подскажите нам, как согласовать Ваши выводы 1997 года с Вашими же выводами 2003 года?» Вряд ли можно ожидать, что Цви Лотан когда-нибудь сможет ответить на эти вопросы. Нам ничего не остается, как самим взяться за расследование причин изменения позиции Лотана.

– XXIII –

Типичный пример тенденциозного рассмотрения документов демонстрирует следующий пассаж. Лотан пишет:

«Сабина Шпильрейн в письме Фрейду так описала сложившееся положение дел... [идет небольшой фрагмент известного нам письма; далее автор комментирует]. Ретроспективно трудно решить, кто кого обманывал, хотя саму Шпильрейн вряд ли можно упрекнуть. И, тем не менее, можно сделать вывод: нечёткий договор о гонораре является таким же опасным нарушением границ, как и любое другое упущение или злоупотребление психоаналитической этикой» [11].

Это, по-моему, какое-то словоблудие, прикрывающее юнговскую беспардонность. Кому тут не ясно, «кто кого обманывал»? Врач виновен во всем, даже в том, что пациентка создала ненормальную с точки зрения морали и права ситуацию. О чём здесь можно рассуждать? Странно, что Лотан не понимает этих элементарных правовых норм.

Ещё пример подтасовки. Лотан целиком цитирует следующее письмо Юнга:

«Для фройляйн студентки медицины Сабине Шпильрейн на адрес господина Н. Шпильрейн Ростов н/Дон, Россия, 19. 08. 1908. Русский почтовый штампель: Ростов-Дон 27. 08. 1908.

Любимая! Только что я получил Ваше дружеское письмо, и у меня возникло впечатление, что Вы чувствуете себя в Ростове не совсем хорошо. Понимаю Вас. Я благодарен Вам за Ваши добрые

¹³³ В.Э.: Вообще постановка «либо (а), либо (б)» неправильна и, возможно, возникла из-за ошибочного перевода; постановка должна быть такой: «имело ли место (а) и имело ли место (б)». Случай (а) (супружеская измена) вообще не касается широкой публики: супруги часто изменяют друг другу (и это плохо), но в этом разбираться должны только они сами, а не широкая публика. Только случай (б) (нарушение врачебной этики при использовании методики, претендующей быть научной) и заслуживает внимания широкой публики. Но имело ли место (б) – сомнительно, поскольку не было четких отношений «врач – пациентка», закрепленных гонораром, ограниченным временем приема до следующего пациента и т.п. Фактически (с некоторого момента) была неформальная ситуация «несчастливая молодая девушка жалуется сочувственному молодому человеку, старающемуся ей помочь».

любимые слова. Теперь я вновь совершенно спокоен. Каникулы хорошо успокоили мои нервы. Каждый день я делаю большую прогулку по горам, чаще всего в полном одиночестве. Мне это приносит большую радость. Комплексы начинают занимать присущее им законное место, так что вновь приходит ясность. Вы можете извлечь из дружбы много пользы, и моё сердечное пожелание, чтобы Вам удалась Ваша жизнь с минимумом несурзностей и вызываемых ими болей. Никогда не теряйте надежду, что труд, в который Вы вложили душу, приведёт к хорошему концу. Сегодня я могу писать Вам лишь вкратце, так как возвратился домой очень усталым после большой прогулки. Пишите мне постоянно в Бургхёльцли. С сердечной любовью, Ваш Ю.» [11].

Далее Лотан написал:

«О существовании этих писем Каротенуто знал, так как он цитировал из них фрагменты, правда, он не догадывался, что их полная публикация может вызвать сомнения в данной им сексуальной интерпретации отношений между Юнгом и Шпильрейн».

И снова Лотан не понимает, что наличие подобных писем вовсе не исключает сексуальных отношений. Юнг отправил письмо на адрес отца; письмо могло попасть в его или руки матери; этим, возможно, объясняется некоторая сдержанность в выражении его любви. Но посмотрите, каким образом Лотан пытается доказать отсутствие сексуальных отношений. Он надергал несколько предложений из писем Юнга, в которых была, например, такая фраза: «*Ваше письмо, словно солнечный луч, блеснувший между облаками...*» [11]. Тем самым Лотан хотел сказать: «Посмотрите, какая светлая и чистая любовь была между Юнгом и Сабинной. О каком сексе, господа, вы здесь говорите?»

Этот мотив особенно отчетливо прозвучал в статье Лотана 2006 года, которая называется «Совращение психоанализом или без оного. Что ищут девушки-еврейки у германских героев и *vice versa*?». В ней автор категорически заявляет: «*Никакого секса между Шпильрейн и Юнгом не существовало*». Так называется центральный раздел статьи 2006 года, которая обрамлена небольшими разделами – тенденциозно изложенной «Биографии» и «Заключительным словом».

Говоря об «истинных» отношениях между Юнгом и Шпильрейн, Лотан предположил, что

«Он был её первой, страстной, исключительной и безграничной любовью: любовью между Джульеттой и Ромео, которым оказался женатый мужчина. А для Юнга она была, возможно, только новой любовной связью. Шпильрейн отвечала ему мощными романтическими чувствами, в которых он столь сильно нуждался в качестве стимула для своей научной работы» [12]¹³⁴.

В другом месте мы читаем:

«Взаимоотношения врача [Юнга] с пациенткой [Сабинной] привели к страстным, но по своей сути, платоническим любовным отношениям, которые Шпильрейн из-за присущей им нежности называла «поэзией», то есть, они обходились без коитуса. В соответствии с этой гипотезой «платонический» здесь означает проявление чувств в сопровождении объятий, прикосновений и поцелуев, то есть «чистая» любовь» [12].

После этих слов кто-то может сказать: «*Автор статьи просто введен в заблуждение какими-то отдельными фразами из их переписки*». Нет, говорю я, мы имеем дело с сознательным обманом, когда автор умышленно утаивает от читателя компрометирующие факты и выставляет на передний план «романтические чувства» влюбленных, ведущих на самом деле вполне нормальную сексуальную жизнь. В этой связи можно вспомнить русских поэтов-символистов, непрерывно пишущих о романтических чувствах любви, которые вместе с тем устраивали умопомрачительные оргии. Чтобы понять совместимость плотской и платонической любви, нужно лишь поближе познакомиться с биографиями видных представителей «Серебряного века». Тогда мы узнаем, какой «поэтической» любовью жили Вячеслав Иванов, супруги Мережковский – Гиппиус с их общим другом Философом, а также супруги Блок – Менделеева с Белым и т.д. Я допускаю, что мы имеем дело с неким самообманом Лотана, то есть с его заблуждением, но лишь при условии, что это заблуждение вызвано явным желанием автора во что бы то ни стало выставить участников скандала в незапятнанном виде. Однако и в этом случае его самообман будет мало чем отличаться от его обмана.

¹³⁴ Лотан Ц. *Совращение психоанализом или без оного. Что ищут девушки-еврейки у германских героев и vice versa?* [Psychosozial, 29. Jahrgang, Nr. 105, 2006, Heft III, S. 97–124].

Каким образом Лотан добивается положительного эффекта в своей последней статье 2006 года? Примерно так же, как и в предыдущей 2003 года. Например, он пишет:

«В 24 года Шпильрейн, как она рассказывала, была «безвинной» девушкой: «Мои родители, прежде всего мать, гордились «чистотой» и «наивностью» своей дочери; да и мои коллежанки не стремились «осквернить» меня сексуальным просвещением. В гимназии ради хорошего воспитания из преподавания естественнонаучных предметов был удалён материал, касающийся оплодотворения животных. Под конец я и сама предалась своей «безвинности», испытывая страх перед возможностью сексуального осквернения. Вот так и получилось, что о сексуальных вещах кое-что я узнала только после поступления в университет из лекций по зоологии» [12].

Лотан слишком полагается на сиюминутное настроение Сабины и полностью игнорирует ее сексуально ориентированную психику. Мне сложно сказать, кого и с какой целью Сабина обманывает здесь. Однако из всего письменного массива, относящегося к ней, мы знаем, что задолго до «поступления в университет» она прекрасно была осведомлена о «сексуальных вещах». То, что она с детства занималась мастурбацией и хотела иметь от Юнга ребенка, однозначно доказывает, что она жила богатыми сексуальными фантазиями. Лотан же, процитировав ее неискренние строчки, начал уверять нас в абсолютной невинности Сабины, говоря, что она чиста, как слеза младенца. Ну, разве это не спланированная акция по одурачиванию читателя¹³⁵?

– XXIV –

Хочу процитировать важный отрывок из послесловия к книге 2003 года, который дает более или менее отчетливое представление путаной позиции Лотана. Он пишет:

«Наибольший и до сих пор непризнанный вклад в психоанализ Юнга и Шпильрейн – неустрашимая роль любви и симпатии для успеха психотерапии... Если мы будем учитывать различие между ориентированной на реальность терапевтической любовью и любовью в переносе, нам гораздо быстрее удастся разобраться в трёх различных оценках взаимоотношений Шпильрейн и Юнга, так как эти взаимоотношения можно рассматривать:

1) под углом веры в существование сексуального соблазна женщиной: сам Юнг (а после него мужчины, комментировавшие случай, и среди них Фрейд, а потом Каротенуто) описывал Шпильрейн как психотического каннибала, уничтожавшего психику, как архетипическую соблазнительницу, поймавшую в свои путы неопытного Юнга и спровоцировавшую у него психотический контрперенос;

2) под углом веры в существование сексуальных злоупотреблений: такие авторы как Кремериус рассматривали Юнга в его контрпереносе агрессором, сексуально злоупотребившим Шпильрейн, оказавшейся в роли беспомощной жертвы;

3) под углом веры в существование сексуального скандала, на что опирается Richebacher (2000).

Комментарий к 1): Шпильрейн не соблазняла Юнга, хотя тому и не удалось это заметить. Вначале у Шпильрейн обнаруживается отцовский (и материнский) перенос, а после этого пубертатные грёзы, а со временем появляется глубокая любовь к Юнгу и желание выйти за него замуж.

Комментарий к 2): Юнг не злоупотребил Шпильрейн, он оделил её в Бургхельцли (1904–1905) любовью и эмоциональной поддержкой, а с 1908 года в свою очередь просил её о том же. Возможно, Юнг действительно ввёл Сабину в заблуждение, говоря, что ради неё бросит свою жену, в этом сейчас трудно разобраться, но, несомненно то, что Юнг считал, что Шпильрейн будет полезной для него и его творчества – Юнг придавал огромное значение и тому, и другому. В любом случае, невозможно больше защищать мнение, что Шпильрейн оказалась жертвой злоупотреблений со стороны Юнга.

Комментарий к 3): Где же здесь скандал? Скандал происходит в публичном месте, скажем путём разоблачения в прессе или обращения в суд. Здесь же перед нами нет никакого скандала, ни внутри, ни снаружи, так как ни во время терапии, ни после её завершения невозможно доказать наличия сексуальных контактов. Скандал обнаруживается лишь в фантазиях Юнга. Не существует никакого «вытесненного скандала», относящегося к самому началу развития психоанализа, якобы реально существовавшего по мнению Richebacher (2000). Я специально прочитал информацию о публичном скандале в статьях газеты *Neuen Zurcher Zeitung* за 1911/1912 годы, чтобы составить собственное мнение. Можно сказать, что с самого начала психоанализ Фрейда был окружён

¹³⁵ В.Э.: Разумеется, это планомерный обман.

скандалами, зачинщиками которых были, например, Краффт-Эбинг в Вене и Ашаффенбург в Германии.

Три несоответствующих истине подхода, которые мы представили читателю, свидетельствуют лишь о том, что сексуальный товар всегда продаётся хорошо» [11].

Человеку, который таким образом представляет известные нам события, трудно что-либо объяснить. Он всегда будет отстаивать правоту психоаналитиков, хотя всем тем, кто не одурманен фрейдистской идеологией, давным-давно понятно, что продавцами «сексуального товара» всегда были и до сих пор остаются как раз психоаналитики. Главный вывод Лотана строится на доводе: «...перед нами нет никакого скандала, ни внутри, ни снаружи, так как ни во время терапии, ни после её завершения невозможно доказать наличия сексуальных контактов». Ну что на это скажешь? Лотан слеп; он вчитывается в тексты найденных в подвале дворца Вильсона документов и никак не может найти подтверждение тому, что на юридическом языке называется *res in re* – проникновение мужского полового органа в женский. «Секса не было, – возмущенно кричит он, – ведь никто из участников событий не написал явным образом *res in re*».

Между тем элементарное знание психологии Юнга и его манеры вводить в заблуждение окружающих не оставляет никакой надежды на то, что он поступил с Сабиной как-то иначе, чем до нее с Эммой Раушенбах – пациенткой, ставшей его женой, – и после нее с Тони Вольф – тоже пациенткой и студенткой, которая, как и Сабина Шпильрейн, была темпераментной еврейкой, во многом напоминавшей предшественницу. Если брать во внимание не только 9-летний период с 1904 по 1913 год, в течение которого Юнг общался с Сабиной, но и весь 40-летний период его сожителства с Тони, то мы быстро поймем естественный ход событий. Не мог обаятельный и здоровенный мужчина, 185-сантиметрового роста, атлетического сложения, который обожал готовить на костре себе пищу, который время от времени занимался тяжелым физическим трудом каменщика, жил в построенном им доме без электричества и водопровода, частенько покидая семейный очаг, чтобы провести несколько дней в далеко стоящей башне, который каждодневно колол дрова, получая сказочное наслаждение от ведения простой сельской жизни, испытывая настоящий экстаз от свежескошенной травы, – ну, не мог этот Дионис обойтись без любовницы.

Юнг слишком любил жизнь, чтобы отказывать себе в сексуальном удовольствии. Он был хитер, циничен, и в этом ничуть не уступал Фрейду. Не верьте доводам тех, кто лепит из него и Фрейда импотентов, денно и нощно думающих об абстрактных теориях. В центре внимания обоих находились одни амурные дела, вокруг которых они пытались возвести наукообразный частокол из привидевшихся им грёз. Швейцарский целитель, почитающий средневекового врача и шарлатана-алхимика Парацельса за внеземное божество, никогда не был совестливым врачевателем заблудших душ несчастных девушек, как изображает его Лотан, таким романтическим пай-мальчиком, дарящим своим пациенткам лишь цветы-незабудки. Юнг бы настоящим жеребцом, который, однако, помимо овса и кобылиц, имел интеллектуальную потребность в рисовании и созерцании языческих религиозно-мистических картин.

– XXV –

Теперь кратко разберем статью [13]¹³⁶ фрейбургского психоаналитика Йоханнеса Кремериуса (Cremerius) под названием «Сабина Шпильрейн – одна из первых жертв психоаналитической профполитики (О предыстории психоаналитического движения)». Данная работа, как и работы Лотана, обходит стороной важную для нас тему, связанную с установлением влияния конкретных Я на формирование учения Юнга о коллективном бессознательном. Тем не менее, ее содержание несет полезную для нас личностную информацию о главных героях психодрамы периода пребывания Юнга и Шпильрейн в лоне теоретико-сексуальных иллюзий Фрейда.

Статье Кремериуса предпослан эпиграф: «У власти не бывает белых ручек», который выражает основной вектор критики. Автор старается показать, что Сабина Шпильрейн стала жертвой политической игры, связанной с передачей власти от австрийского отца-основателя международного движения психоаналитиков своему предполагаемому швейцарскому приемнику. Я не разделяю пафоса этой идеи, не думаю, что этот мотив может что-либо объяснить в

¹³⁶ Кремериус Й. *Сабина Шпильрейн – одна из первых жертв психоаналитической профполитики (О предыстории психоаналитического движения)*.

трагедии самой Сабины. Разумеется, ее история помогла высветить несимпатичную физиономию той власти, которая стояла у истоков психоаналитического движения. Однако неэтичность общей ситуация была вызвана не озабоченностью престарелого Фрейда передачей своих полномочий молодому Юнгу, а безнравственностью характеров указанных лиц. Если бы они изначально были достойными людьми, то и вопрос передачи власти никого бы больно не задел.

Я уверен, что любовная пара Сабина–Юнг идеальным образом вписывается в эпоху сексуальной революции периода 1880–1920 гг. Где б они ни жили, с ними произошло ровно то же, что с ними и произошло. Думаю, они прекрасно бы чувствовали себя в России, в компании Вячеслава Иванова, Мережковского, Гиппиус, Белого, Блока и прочих поэтов-символистов, для которых эротизм и мистика были на первом месте. В сущности, они были такими же сумасшедшими романтиками, как и только что названные поэты. Об этом у нас еще будет время поговорить.

Кремериус же считает, что в событиях, связанных с именем Сабины,

«мы находим первые следы того насильственного развития, который стал характерным для институционализированного психоанализа. На состоявшемся в Нюрнберге конгрессе (1910) мы уже не найдём и намёка на эти следы, сохраняются только приметные, каждому бросающиеся в глаза черты власти. Название, которое подобрал, с согласия Фрейда, Ференци, «Психоаналитическое движение», сигнализирует начало новой эры. В качестве инструмента власти Психоаналитическое движение должно вскоре претерпеть судьбу любого движения – политической или религиозной природы, – сражающегося за получение и сохранение власти, которая будет консервировать идеи, защищая их от изменений и забвения за стенами одного из учреждаемых аппаратов.

Ради сохранения власти Фрейд, а после него психоаналитические функционеры, обладали властью, позволявшей им приспособляться, идти на компромиссы и проявлять готовность к злым альянсам типа спорного сообщничества или даже соучастия в недобрых делах. Естественно, что при этом руки никак не могут оставаться чистыми, приходится отказываться от прежних твёрдых принципов, жертвовать существенными программными пунктами. Следы этого, как я хочу сейчас показать, – пишет Кремериус, – берут своё начало в истории Шпильрейн–Юнг–Фрейд. Здесь Фрейд впервые начинает заниматься реализацией насильственных планов в борьбе за власть (смотри его письмо к Ференци во втором томе джонсовской биографии Фрейда), вымазывая свои руки в интересах власти. Чтобы не потерять Юнга как кронпринца и будущего вождя Международного Психоаналитического общества, Фрейд входит с ним в тайный сговор, жертвуя многим и прежде всего честью Сабины Шпильрейн» [13].

Написано сердито, умно, но в корне ошибочно. Надо полагать, что за потерю девической чести Фрейд всё-таки не несет ответственности. Кремериус же пытается применить общий социальный закон функционирования политических, религиозных, экономических и прочих ассоциаций, организаций и партий к очень личной драме двух влюбленных людей. Ясно, что несчастье произошло по более частной причине. Уже говорилось, что Юнгу, очевидно, наскучила прежняя любовница, и он решил завести себе другую. Из-за денег он не хотел разводиться со своей женой и ради истерички-любовницы уходить из богатого дома он, конечно, не собирался. Именно в этом кроются истоки трагедии Сабины, которая заведомо безуспешно строила планы в отношении Юнга – сначала своего врача, а потом преподавателя. Другими словами, виной ее трагедии является ее же собственная наивность, которую может понять любой зрелый мужчина.

Что касается Фрейда, то его нежелание помочь Сабине объясняется лишь черствостью его натуры. В работах [1], [2], [3] об этой особенности фрейдовского характера было сказано предостаточно. В них показано, что родоначальник психоанализа никогда не руководствовался чувством сострадания. Его пациентами становились лишь те больные, которые могли либо щедро оплатить лечение, либо полезные, возможно, небогатые, но послушные и преданные ему люди, которых он использовал с целью продвижения своего учения в жизнь.

По отношению к Юнгу Фрейд вел себя примерно так же, как в свое время он вел себя с Брейером, Флейшлем, Флиссом, Адлером, Ранком и прочими его друзьями-врагами. Сначала он прямо-таки влюблялся в своего нового друга, связывал с ним самые радужные надежды. Однако его собственный скверный нрав рано или поздно приводил к разрыву отношений, и этот друг превращался в ненавистного врага. Можно не сомневаться, если бы Фрейд встретился с Юнгом и Сабинной, когда еще был сам молодым, то вся история повторилась бы в точности или еще в худшем варианте.

В общем, Фрейда окружали пресмыкающиеся бездарности [15]¹³⁷, которых он откровенно презирал. Все мало-мальски талантливые, самостоятельно и творчески мыслящие люди покидали созданное им Общество. Когда на горизонте появлялся новый способный человек – а Юнг, несомненно, был таковым, – Фрейд, естественно, хотел отдать ему часть функций по руководству разросшейся организации. Однако все разговоры о передаче *власти* от Фрейда к Юнгу является чистой фикцией. Надо совершенно не знать характера отца-основателя, чтобы допускать мысль, будто он когда-нибудь серьезно подумывал о лишении себя властных полномочий. Фрейд упивался властью и убрал бы с дороги всякого, кто б эту власть мог серьезно поколебать. Швейцарец Юнг нужен был ему наравне с англичанином Джонсом лишь для того, чтобы его детище не обзывали обидными словами «еврейская психотерапия».

В одном из писем, направленном Юнгу, Фрейд писал:

«Учитывая твердость и независимость Вашего характера, Ваше германское происхождение, которое позволит Вам добиться расположения публики куда скорее, чем мне, Вы, наверняка, сможете лучше всех, кого я знаю, справиться с этой миссией» [9].

Это обыкновенный комплиментарный реверанс, из которого вовсе не вытекает желание престарелого лидера психоаналитического движения передать власть кому бы то ни было.

Кремериус чувствует, как подло поступил Фрейд, понимает, что этим он скомпрометировал всё психоаналитическое движение, но не знает, как оправдать его подлость. Мы видим, что автор статьи [13]¹³⁸ безгранично верит в добропорядочность и силу ума своего кумира, уверен, что стоило родоначальнику волшебного учения проанализировать всех участников, втянутых в конфликт, и неприятностей можно было бы избежать. Это утопическое соображение представляется мне какой-то дикой слепотой, которую никак не ожидаешь обнаружить у зрелого аналитика. Послушайте, какой абсурдный выход нашел Кремериус для своего кумира:

«Когда я спрашиваю себя, а может быть в данном случае не было никаких других средств разрешить проблему, как то, что произошло, то я нахожу, что в психоанализе было предостаточно эффективных средств. Не было ли бы самым простым то, что Фрейд взял бы да и проанализировал своё тайное сообщничество и помог и двум другим сделать тоже самое? Таким способом всем бы была оказана помощь и то, чего они опасались, скандала, было бы эффективно предотвращено. «Дела» психоанализа тогда бы никак не пострадали» [13].

Святая простота! Насколько нужно обманываться в способностях Фрейда, чтобы написать такое! Эту наивность Кремериус демонстрирует и дальше. Например, он удивлен нежеланием отца-основателя психоанализа быть более осведомленным в проблемах с Сабиной, *«вопреки столь характерной для Фрейда потребности в точности в любых клинических вопросах»* [13]. Мне же кажется вполне закономерной бездушная реакция лидера на первые письма, присланные ему одним из его обожателей. Хорош же был Фрейд, когда б сломя голову, бросил все дела и занялся какой-то сумасшедшей из России. Так идола не ведут себя перед своими фанатичными поклонниками.

Лишь незадолго до кульминационной развязки Фрейд в ответ на письмо Юнга от 7 марта 1909 года через два дня написал ему:

«И до меня просочились слухи о той пациентке, с невротической благодарностью которой Вы познакомились в форме пренебрежения и презрения. При своём посещении Мутманн говорил о даме, которая представилась ему как Ваша любовница... Но мы были едины с ним во мнении, что дело обстоит иначе, что оно вообще необъяснимо без учёта невротического состояния наушницы» [13].

Вот типичный ответ в духе Фрейда: здесь есть и его принципиальное пренебрежение к женщине, потому что она женщина, а они с Юнгом мужчины, здесь проявилась и любовь его самого ко всякого рода сплетням, сваливая этот грех на женщин. Заметим, что обвинять Шпильрейн в наушничестве было крайне несправедливо. Напротив, она держалась намного

¹³⁷ Акимов О.Е. *Зигмунд Фрейд и его апостолы*.

¹³⁸ Кремериус Й. *Сабина Шпильрейн – одна из первых жертв психоаналитической профполитики* (О предыстории психоаналитического движения).

благороднее тех двух джентльменов, которых неученая часть человечества считает гениями психологии.

Еще через два дня, 11 марта 1909 года, Юнг отвечает Фрейдю беззастенчивой ложью:

«Распространяемый Мутманном слух мне совершенно непонятен. У меня действительно никогда не было любовницы, я, наверное, вообще являюсь самым невинным из всех супругов. Потому у меня и возникает в таких случаях огромная моральная реакция! Я даже и догадываться не могу, о ком бы мог говорить Мутманн. Не думаю, что речь идёт именно о той пациентке, о которой я писал в прошлый раз. На меня просто наводят ужас подобного рода слухи» [13].

Имей после этого дело с этими аналитиками. От пациентов они требуют предельной искренности, готовы вытряхнуть душу из них, сами же даже между собой никогда не бывают откровенными. Автор, оправдывающий всю эту гнусность, сам демонстрирует свой невысокий моральный уровень.

6. Секс-коммунизм

– XXVI –

Трудно понять, зачем Кремериусу, Лотану и другим аналитикам понадобилось обвинять викторианскую эпоху в двойных стандартах, когда им отлично известно, что безнравственность поселилась в конкретных душах основателей новой психотерапии? Эти циничные люди просто культивировали аморальность как принцип своей медицинской практики и всячески открещивались от «этических орденов». Так, например, в ответ на осторожное предложение Фрейда присоединить всё психоаналитическое движение к «Международному ордену этики и культуры», инициированному Форелем, Юнг в письме от 11 февраля 1910 года писал, что им лучше оставаться в лоне языческой первобытности и наслаждаться нагим естеством, как наслаждаются им дикие животные.

«Вы действительно думаете, – пишет Юнг Фрейдю, – что этот орден окажет нам какую-либо практическую пользу? Не является ли эта форелевская коалиция против глупости и всего дурного тем, что мы, конечно же, должны любить, чтобы хотя бы немного освободиться от навязчивой добродетели, делающей нас больными и запрещающей радоваться жизни? Если какая-то коалиция хочет что-то значить этически, то она не должна быть искусственной... Я думаю, что у психоанализа есть более прекрасная и универсальная задача, чем простое вхождение в этический орден. Думаю, что психоанализу ещё нужно предоставить какое-то время на то, чтобы ему удалось из многих центров просочиться в народы, вновь оживить вкус к символике и мифам у интеллигенции, а христианство осторожно вернуть к вере в пророчествующего Бога виноградной лозы [распутному Дионису или Вакху]; психоанализ должен поглотить в себя всю экстагическую силу христианства, и всё это ради одного, ради того, чтобы культ и священный миф сделались тем, чем они и были раньше, а именно, опьяняющим праздником радости, где человек в своей этичности и святости имеет право оставаться зверем» [13].

Философию «девственной» жизни, не знающей стыда, которую исповедовал Юнг вместе со своим пациентом-учителем Отто Гроссом, философию, которую он фактически претворил в месте своего обитания, прекрасно описал Ричард Нолл (Richard Noll) в своем исследовательском труде «Арийский Христос. Тайная жизнь Карла Юнга». Разъясняя мировоззрения Юнга и Гросса, Нолл писал:

«Если верно то, что в течение десятков тысяч лет наши древнейшие человеческие предки жили небольшими кочующими и полигамными группами, то у современных людей не успели развиться все необходимые механизмы для адаптации в условиях урбанистического, индустриального окружения. Поскольку адаптация развивается лишь постепенно с течением времени, последние пять тысяч лет (или что-то около этого) писанной истории были недостаточны для того, чтобы с помощью естественного отбора полностью изменилось население земли. В качестве современных социобиологов и «эволюционистских психологов» Гросс и Юнг были уверены в том, что в плане репродуктивных стратегий люди остаются с биологической точки зрения крайне примитивными.

В связи с этим полигамия рассматривалась как идущий от предков сильнейший импульс, который способен управлять даже современными людьми. Цивилизация, невзирая на множество ее

замечательных качеств, имеет тенденцию приносить людям ущерб путем создания социальных условностей, вынуждающих их подавлять свою подлинно варварскую натуру. Для того, чтобы восстановить у людей физическое и психологическое здоровье, необходимо свести до минимума компромиссы, на которые они идут в угоду социально-этическим нормам. Инстинктивная, творческая энергия, утраченная ввиду репрессивного воздействия со стороны общества, может быть восстановлена посредством разрушения общественных правил, особенно когда речь идет о «созидательной жизненной силе» сексуальности. Необходимо сломать семейные, общественные и религиозные кандалы. Если мы будем любить свободно, инстинктивно, невинно и щедро (т.е. жить полигамией), то сможем высвободить древние созидательные энергии тела и бессознательного разума и вывести людей на новый уровень бытия» [16,¹³⁹ с. 129–130].

Отто Гросс оказал колоссальное влияние на формирование теоретических и чисто житейских взглядов Карла Юнга наряду с Сабинной Шпильрейн и Зигмундом Фрейдом. Без описания этого воздействия биография швейцарского аналитика будет неполной. Лотан в разобранной нами выше статье 1997 года писал:

«В поисках оправдания Юнг обращается также к идее полигамии, о которой он был много слышал от своего пациента, доктора медицины Отто Гросса (1877–1919 гг.), любителя наркотиков и сексуальных утех, по всей видимости, любого рода...

В 1908 году Гросс взял консультацию у Фрейда, который считал его слишком темпераментным пациентом и направил к Юнгу. Судя по переписке Фрейда и Юнга, этот *enfant terrible* доставил Юнгу немало неприятностей. С Гроссом Юнг был знаком давно; еще за два года до того, как он стал его пациентом, Юнг писал Фрейду:

«Доктор Гросс сообщил мне, что решил покончить с переносом, превращая людей в распутников. По его словам, перенос на аналитика и связанная с ним фиксация на личности являются попросту символами моногамии и, следовательно, симптомами регрессии. Между тем, истинно здоровым является для невротика состояние безнравственное. Поэтому он сравнивает Вас с Ницше» [10].

Об этом сравнении писал и Вильгельм Штекель:

«...В своей вдохновенной речи [имеется в виду речь Гросса в сентябре 1907 года в Амстердаме на конгрессе по нейропсихиатрии, на котором выступал и Юнг] сравнил Фрейда с Ницше и провозгласил его разрушителем старых предрассудков и расширяющим психологические горизонты научным революционером» [16, с. 120]. Для Фрейда это означало наивысшую похвалу. Леонард Франк, рассказывал, что Гросс настолько влюбился в немецкого философа, что «знал всего Ницше наизусть» [16, с. 115].

Когда Гросс стал пациентом Юнга, Фрейд прочитал следующие строки, написанные врачом-аналитиком из Швейцарии:

«Ничего более неприятного испытывать мне еще не приходилось, поскольку в Гроссе я обнаружил нечто, свойственное мне самому, и он часто бывает похожим на моего двойника, хотя и по причине *dementia praecox*» [1]¹⁴⁰.

Действительно, поначалу Юнг испытывал к Гроссу определенное отвращение.

«Я думаю, – писал он Фрейду, – Гросс и новейшие исследователи слишком далеко заходят в использовании сексуального фактора, который не требует ни особого ума, ни вкуса; он отличается удобством применения и потому может быть чем угодно, только не культуропорождающим моментом» [16, с. 121].

Но почему-то у ханжески настроенного Фрейда взгляды Гросса не вызвали аллергии. Напротив, метр всячески уговаривал Юнга согласиться на анализ, так как общение с этим пациентом, непременно, должно обогатить обоих.

О Гроссе вспомнил и Кремериус:

¹³⁹ Нолл Р. *Арийский Христос. Тайная жизнь Карла Юнга*. – М.: Рефл-бук; – К.: Ваклер, 1998.

¹⁴⁰ Акимов О.Е. *Психология познания. Удод*. – М.: Издатель Акимова, 2004.

«Ведь Юнг ещё до начала аферы со Шпильрейн написал Фрейду письмо об Отто Гроссе, своём пациенте, в котором он с восхищением цитировал слова Гросса: «Истинно здоровым состоянием невротики будет сексуальная распушенность»» [13].

Сейчас я процитирую важное место из письма Юнга Фрейду от 4 июня 1909 года в переводе Николаева, которое частично уже приводилось мной в переводе Панкова. Работая со Шпильрейн, Юнг говорит Фрейду, что

«это похоже на работу с Гроссом, так как это тоже случай борьбы с отцом; я пытался, чёрт побери, лечить пациентку бесплатно (!) с таким огромнейшим («огромным количеством центнеров») терпением, злоупотребляя ради этого даже дружбой... Во всём этом деле мне несколько мешали в работе лезущие в голову идеи Гросса (о несдерживании сексуального влечения и полигамии)... И Гросс, и Шпильрейн – всё это мой горький опыт. Ни одному из других моих пациентов я не отдал столько дружеского участия, и тем не менее именно эти двое заставили меня наиболее сильно страдать» [13].

Отто Гросса обвиняли во всех тяжких, когда речь заходила об измене и полигамии, но отец-основатель психоанализа, его непосредственный опекун, всегда находился вне подозрения.

«Что касается Фрейда, – написал Лотан, – то он, понимая ханжескую сущность половой морали цивилизованного общества, предпочитал соблюдать приличие и никогда не вступал в сексуальные отношения со своими пациентами» [10].

В половой распушенности современные приверженцы фрейдизма могли обвинить кого угодно, но только не Фрейда; в его святость они верили беззаветно. Никто из близкого окружения Фрейда не знал о его личной жизни и тёмных делишках, но каждый уверенно заявлял, что подозревать его в половых связях с пациентками – форменное кощунство.

Это заблуждение проистекало от того, что Фрейд был самым скрытным человеком из всех известных аналитиков и частенько читал нравоучения своим сподвижникам, которые не раз и не два были замечены в любовных связях со своими душевнобольными. Святость апостолов Фрейда тоже не вызывала больших сомнений у нынешних хранителей культа. Однако, кому из современных аналитиков не известны строки из дневника пациентки Анаис Нин, которая впоследствии стала женой Отта Ранка?

«Внезапно он [Ранк] жадно поцеловал меня. Потом заставил меня лечь под него, и мы целовались до самозабвения; мы знали, что должны остановиться, но не могли, и я, опьяненная, как и он, вдруг почувствовала, что пью его сперму» [17]¹⁴¹.

Кто б мог подумать на Ранка, что он способен на это? Нет, уважаемые историки психоанализа, все – от Фрейда до Гросса, включая, разумеется, Юнга, – искали полового удовлетворения на стороне. И этому способствовала не викторианские нравы двойных стандартов, доставшиеся якобы психоаналитикам от ушедшего века, а секс-коммунизм – новая философия полигамии, созданная в недрах народившегося класса врачей-аналитиков.

– XXVII –

Гроссу Ричард Нолл посвятил пятую главу «Полигамия», которая, если опустить преамбулу, начинается так:

«По всеобщему признанию, Отто Гросс был наиболее опасным представителем своего поколения – угрозой для буржуазно-христианского универсума германской Европы. Он никогда не буйствовал, скорее наоборот. Но он обладал ужасной способностью подстрекать других вести себя распутно, поддаваться инстинктивному импульсу. Гросс был великим разрушителем связей, пакостником, а также любимцем армии женщин, которых он хотя бы на короткое время доводил до умопомешательства. Он довел одну свою пациентку-любовницу до самоубийства, а чуть позднее и другая его пациентка умерла при сходных обстоятельствах. Современники описывали Гросса как блистательную, творческую, харизматическую и беспокойную личность. Он был врачом-нищеемцем, психоаналитиком-фрейдистом, анархистом, высокопоставленным жрецом сексуального

¹⁴¹ Акимов О.Е. *Жириновский, Фрейд и Россия*.

освобождения, мастером оргий, врагом патриархата, а также безудержным потребителем кокаина и морфия. Его любили и ненавидели с одинаковой силой, для одних он был источником заразы, а для других – целителем. Он был рыжевато-белым Дионисом.

Зигмунд Фрейд считал его гением. Юнгу он однажды сказал: «Вы, на самом деле, единственный, кто может внести свой оригинальный вклад; не считая, быть может, только О. Гросса, но, к сожалению, ему не достает здоровья». Эрнст Джонс встречался с Гроссом в 1907 и 1908 гг. в Мюнхене с целью получить от него начальные инструкции по методам психоанализа. Джонс говорил, что *«из всех тех людей, которых я когда-либо встречал, Гросс был наиболее близок к романтическому идеалу гения и одновременно являлся подтверждением предположения о сходстве гениальности и умопомешательства, поскольку он страдал явным психическим расстройством, которое на моих глазах переросло в убийство, помещение в психиатрическую больницу и в суицид»*. Для Юнга он был чем-то значительно большим, но ни он, ни его последователи никогда этого не признавали. Перерабатывая в течение всей своей жизни свои напечатанные работы, Юнг старательно удалял оттуда упоминания о коллегах, ставших жертвами скандала или самоубийства. Отто Гросс явно был одним из них. Тем не менее, юнговское катастрофическое столкновение с Гроссом является критическим эпизодом в истории его тайной жизни» [16, с. 110–111].

Далее Нолл рассказывает об отце Отто Гросса, Гансе Гроссе, который, как и сын, был известным психиатром. Однако их взгляды сильно отличались: старший защищал традиционные ценности христианско-буржуазного общества, младший с головой окунулся в богемный мир сексуальной распущенности. Как и Фрейд (см. главу 6 книги [1] = [МОИ № 56](#) «Кокаиновая теория»), Гросс с 1898 года стал экспериментировать с наркотиками, сделавшись впоследствии, как и Флейшль, морфинистом. В 1907 году Гросс написал книжку, в которой до небес превозносил метод Фрейда в противоположность теории Крапелина о маниакально-депрессивном умопомешательстве.

«Эта небольшая книжица, – пишет Нолл, – понравилась Фрейду, и вскоре Гросс стал желанным гостем в венском психоаналитическом кружке. Фрейд рассматривал Гросса в качестве особенно выгодного приобретения – ведь тот имел известность и, так же как и Юнг, был арийцем» [16, с. 114].

Нолл приводит слова биографа Фрейда, Эрнста Джонса, где говорится, что совершенно спятивший Гросс

«хочет возбудить судебный процесс с целью доказать ценность психоанализа, привлечь к ответственности Крапелина и продемонстрировать свое пренебрежение перед миром!» [16, с. 126].

Нолл в деталях описывает богемную жизнь сливок общества, которой наслаждалась Европа до начала первой мировой войны. Вот несколько штрихов, которые приводит автор книги «Арийский Христос», изучив мемуары современников той ушедшей эпохи.

«Франк вспоминает, что за каким бы столом ни появлялся Гросс, там всегда вспыхивала дискуссия о ниспровержении существующей политической и социальной структуры и о необходимости сексуальной свободы. Гросс проводил импровизированные психоаналитические сеансы, длившиеся всю ночь и державшие аудиторию в замороженном состоянии. Командуя пациентами с помощью своих голубых глаз, он беспрерывно настаивал: «Nichts verdraengen!» – «Ничего не подавляй!» Они повиновались.

Эрих Мюзем – архетипический богемщик, писатель, анархист, революционер, асконский оргиаст и бисексуал – никак не мог до конца преодолеть в себе вытеснения, возникшие у него вследствие «буржуазного воспитания», полученного им в Любеке, до тех пор, пока Гросс не прозанимался с ним анализом шесть недель кряду день ото дня. Мюзем был настолько потрясен этим опытом, что написал письмо Фрейду с благодарностью за изобретение психоанализа. Мюзем высказывал Фрейду изумление перед тем фактом, что он пережил облегчение, отследив свои симптомы вплоть до их первоначальных истоков» [16, с. 115]. «Социолог Макс Вебер и его жена Марианна, – продолжает Нолл, – были непосредственными свидетелями харизматического воздействия Гросса, и оба не приняли поддерживаемую им теорию культурной ревитализации посредством сексуального раскрепощения. «Было бы ошибкой превращать определенные психиатрические прозрения в пророчество о всемирном искуплении», – безуспешно предупреждали Веберы своих друзей, наблюдая, как на их глазах разрушаются и гибнут семьи» [16, с. 117].

Нолл привел фрагмент из мемуаров Марианны Вебер, касающийся господствующей в богемной Европе философии секс-коммунизма и ее вдохновителя Гросса:

«Молодой психиатр, последователь Фрейда, обладатель магически-блистательного ума и сердца добился заметного влияния. Он толковал новые прозрения своего учителя на свой собственный лад, делал из них радикальные выводы и провозглашал сексуальный коммунизм, в сопоставлении с которым так называемая «новая этика» представлялась совершенно безобидной.

Вкратце его доктрина выглядела примерно так: жизнотворная ценность эротизма столь велика, что он должен оставаться свободным от каких-либо обсуждений и законов, и, особенно, от интеграции в повседневную жизнь. Раз брак пока еще продолжает существовать как средство защиты женщин и детей, любовь должна праздновать свой экстаз за пределами этой институции. Мужья и жены не должны ограничивать друг друга, какой бы кому не представился эротический стимул. Ревность является чем-то убогим. Точно так же, как некто может иметь нескольких друзей, он может и иметь с некоторыми людьми сексуальный союз в течение любого периода времени и быть «верным» каждому из них. Но всякая вера в постоянство чувств по отношению к отдельному человеческому существу иллюзорна, и поэтому замкнутость сексуального сообщества является ложью. Сила любви обязательно ослабевает, будучи постоянно направленной на одного и того же человека. Сексуальность, на которой основывается всякая любовь, требует многостороннего удовлетворения. Моногамные ограничения «подавляют» естественные влечения и ставят под угрозу эмоциональное здоровье. Поэтому, прочь от оков, мешающих человеку осуществиться в новых опытах; свободная любовь спасет мир» [16, с. 117–118].

Юнг невзлюбил Гросса за его слишком эксцентричные выходки на публике. Кроме того, его лечение Гросса по методу Фрейда, в отличие от лечения Шпильрейн, потерпело полное фиаско: Гросс попросту сбежал от Юнга, перепрыгнув забор клиники Бургхельцли. В декабре 1913 года отец Отто Гросса поймал беглеца в Берлине и отправил на принудительное лечение в Вену к психоаналитику Вильгельму Штекелю. Тут же по всей Европе многотысячным тиражом распространилась листовка с призывом «Свободу Отто Гроссу!» Но на свободу он был выпущен лишь в связи с началом первой мировой войны. Гросс записался обыкновенным врачом в австро-венгерскую армию. Далее его след теряется. Нолл пишет, что «в один прекрасный день его – больного и находящегося в одиночестве – нашли на заброшенном складе в Берлине. Он умер 13 января 1920 г. в санатории в Панкоу (северный Берлин) – вероятно от пневмонии» [16, с. 132].

– XXVIII –

Теперь перейдем от общей философии секс-коммунизма, к частному вопросу, который можно сформулировать так: «Какое влияние оказал пациент Гросс на врача Юнга во время лечения?» Ричард Нолл отвечает на него следующим образом:

«Как бы то ни было, именно Юнг, а не Гросс очень сильно изменился под действием анализа, в ходе которого его установка по отношению к последнему претерпела примечательную трансформацию. Анализ не был однонаправленным. На самом деле, как мы знаем из писем Юнга к Фрейду в мае–июне 1908 г., оба этих человека анализировали друг друга на протяжении многих часов, пока не проваливались в сон в полном изнеможении.

Юнг намеревался расширить применимость психоаналитического метода путем ускорения лечения. Ему хотелось впечатлить Фрейда своими огромными исцеляющими потенциями. Под конец рвение, с которым Юнг пытался разрушить всё сопротивление Гросса, лишь усугубило у его пациента чувство тревоги – о чем Юнга пытался предупредить и сам Гросс. В лучшем случае, юнговское лечение прошло для Гросса безрезультатно, а в худшем – Юнг мог поставить своего пациента на грань деструкции.

Однако Юнг больше уже никогда таким не был.

«Где бы я ни появлялся, он [Гросс] анализировал меня»... «В этом плане речь шла о пользе уже для моего собственного психического здоровья»... «[Гросс] – прекрасный малый, в сопоставлении с которым можно попутно понять и свои собственные комплексы»...

Юнг признавал, что его опыт лечения Гросса был «одним из суровейших за всю мою жизнь», но одновременно он признавал и то, что нечто в нем самом очень сильно изменилось.

«Невзирая ни на что, он мой друг, – сказал Юнг в письме к Фрейду, датированном 19 июня, – ибо в своей основе он очень добрый и прекрасный человек с необычным умом ... ибо в Гроссе я обнаружил множество аспектов моей подлинной натуры, причем в таком количестве, что порой он выглядит как мой брат-близнец (если не считать *dementia praecox*)» [16, с. 126–127].

Таким образом,

«зная, каким человеком был Отто Гросс, а также, имея в виду краткое изложение его мировоззрения Марианной Вебер, мы можем воссоздать сценарий его исторического общения с Юнгом» [16, с. 127]. «Сегодня, задним числом, мы в состоянии увидеть, что после этого столкновения претерпели изменение некоторые фундаментальные аспекты личной и профессиональной жизни Юнга. Он осознал, что те установки и импульсы, которые он раньше приписывал богеме, а не такому профессионалу, христианину и главе семейства как он сам, на самом деле есть и у него.

За то время, что они провели вместе, Гросс предложил Юнгу запретный плод. После мучительных раздумий Юнг был окончательно отравлен. Изменилось его понимание того, что является «грехом»: «причинение зла» может оказаться полезным для личности, освободив ее от «односторонности» и позволив ей соприкоснуться с эдемским инстинктивным существованием. Юнг пришел к убеждению, что неуступчивость по отношению к сильному сексуальному импульсу может привести к болезни или даже смерти. Всякий, кто знал Юнга хоть какое-то более или менее продолжительное время, мог услышать, как он убеждал в этом остальных.

Как только Юнг поддался предложенному Гроссом искушению, тотчас же произошли глубокие изменения в понимании им места сексуальности и религии в жизни людей. Поскольку религия очернила тело и сексуальную активность (особенно после священного для него матриархата), отныне он считал репрессивных христианских ортодоксов первейшими врагами жизни. Сексуальность должна быть возвращена в лоно спиритизма. К 1912 г. Юнг нашел другую модель – спиритизм языческой античности, для которого секс был сакрален. Хотя Гросс не разделял юнговского увлечения спиритизмом или оккультизмом, его «религия» пыталась омолодить или даже спасти род человеческий с помощью освящения раскрепощенного секса. Юнг вскоре познал духовную сакральность секса на своем личном опыте и молил других прислушаться к голосу плоти» [16, с. 130–131].

– XXIX –

После уроков, преподанных ему Гроссом, Юнг, не стесняясь, прописывал измену жене как лучшее средство от депрессии. Но какое бы влияния ни оказал Гросс на Юнга, мы почти не замечаем следов его мировоззрения на учении о коллективном бессознательном. Не пациент Гросс, а пациентка Шпильрейн так или иначе «маячит» между строк его главных книг «Либи́до, его метаморфозы и символы» и «Отношения между Я и бессознательным». К сожалению, пациентке Шпильрейн Нолл уделил до обидного мало внимания. От Нолла мы лишь узнаем:

«Когда в июне 1908 г. Отто Гросс перемахнул через стену, она была рядом с Юнгом – создавала последнему уют. И, по сути дела, Гросс открыл Юнгу путь к ней... Шпильрейн писала по этому поводу (вероятно Фрейду): «Я сидела и ждала в глубокой депрессии. И вот он [Юнг] приходит, сверкает от удовольствия, и очень эмоционально рассказывает мне о Гроссе, о только что пришедшем к нему замечательном прозрении [имеется в виду полигамия]; он больше не хочет подавлять свое чувство по отношению ко мне, он признал, что я была его первой и самой дорогой подругой и т.д. и т.п. (его жена, разумеется, не в счет), и что он хотел бы рассказать мне всё о себе»» [16, с. 133] (фрагмент этого письма процитировал и Лотан [10]).

Двадцатидвухлетняя Тони Вольф появилась в клинике Юнга в 1910 году и лечилась у него примерно два года. Потом она вместе с Сабиной Шпильрейн помогала Юнгу в написании книги «Либи́до, его метаморфозы и символы». Однако ее влияние на духовный мир Юнга был, по-видимому, минимальный. Всю тяжелую черновую работу по выработке им нового видения мира он осуществил посредством общения с Сабиной. И хотя Тони прожила с Юнгом более сорока лет, ее работа свелась по большей части к отправлению физиологической функции. Когда юнгианца Джона Лайярда, известного британского антрополога, спросили, что рассказывал ему Юнг о Тони, тот ответил: «Лишь о том, сколь чудесна она была в постели» [16, с. 140]. Своим ученикам Юнг не раз рассказывал, что Тони открыло для него «мистическое» значение сексуальности.

«Ее сестра, – пишет Нолл, – вспоминает о ней как об интеллектуальной даме (значительно более интеллектуальной, чем она сама или Эмма Юнг), но довольствовавшейся лишь тем

формальным образованием, которое ей дал Юнг. Она особо увлекалась японским искусством и культурой. Но в ее характере было нечто изначально скверное, не изменившееся даже после анализа у Юнга» [16, с. 138].

Как и Шпильрейн, Нолл довольно мало уделил ей внимание, однако его сравнение двух любовниц было не в пользу Вольф.

«Опыт со Шпильрейн, – пишет он, – был болезненным, но одновременно и освобождающим. Ему открылись такие тайны жизни, которые иначе он так никогда бы и не узнал, а благодаря этому он стал лучше понимать своих пациентов... [У Вольф] были религиозные видения, она знала, как читать астрологические карты и увлекалась теософскими публикациями и содержащейся в них перегонкой западной оккультной мудрости и восточных философией. Шпильрейн такой не была никогда. Она была слишком умной, слишком еврейской» [16, с. 139].

Фрагмент фотографии участников Веймарского конгресса психоаналитиков (1911 г.). Тони Вольф – единственная женщина в светлом платье. Дама с боа из меха, крайняя слева – Лу Андреас-Саломе, справа от нее – Эмма Юнг (Раушенбах), над Лу стоит Сандор Ференци, справа от него – Зигмунд Фрейд, следующий справа – Пауль Федерн, следующий справа, чуть наклонившись к Эмме Юнг, – Карл Юнг, справа от Юнга – Карл Абрахам, крайний справа во втором ряду стоит биограф Фрейда Эрнест Джонс.

Нолл перечисляет, что было сделано Юнгом при интимной близости с Вольф. Оказалось, немало, и это естественно, только была ли она его вдохновительницей, подобно Шпильрейн, на этот счет имеются сильные сомнения. Для Юнга она стала, по-видимому, той же секретаршей-любовницей, что и свояченица Минна Бернайс для Фрейда, которая брала на себя, помимо отправления регулярно возникающих сексуальных потребностей [18], еще и большую организационную работу по ведению рутинного психоаналитического «хозяйства». Тони

«помогала ему [Юнгу] в основании Цюрихского Психологического Клуба в 1916 г., который он впоследствии назвал «необъявленным экспериментом по групповой психологии». В последующие годы, когда к Юнгу со всего света начали стекаться последователи, дабы пройти у него специальный «марочный» анализ-посвящение, она дала ему прозвище – «Епископ»» [16, с. 141].

Причем жена Фрейда, Марта, и её сестра Минна, похоже, жили в большей гармонии, чем любовница Тони и жена Юнга, Эмма, которая нередко закатывала своему мужу скандал.

В связи с этим Нолл замечает:

«Случившийся у Юнга в 1944 г. сердечный приступ и последовавшая за ним длительная болезнь дали Эмме большой простор для контроля над своим супругом, и в течение остатка своих лет она имела возможность ограничивать доступ к нему Тони Вольф. Но это было позднее, а до этого они составили весьма буржуазное расписание для своей крайне богемной ситуации. Юнг мог регулярно ездить к Вольф в Цюрих по вечерам в среду, а она могла провести воскресный день в Кюснахте с Юнгом и его семьей у них дома. Время от времени она могла сопровождать его в коротких поездках, совершаемых им без Эммы» [16, с. 141].

Всякий психоаналитик стремился создать вокруг себя гарем. Так поступал сам Фрейд, за ним все остальные приверженцы сексуального учения – Джонс, Ранк, Эйтингон, Абрахам, Ференци и пр.; Юнг не был здесь исключением. Нолл пишет:

«В письме, датированном 19 августа 1911 г. он в шуточной форме информирует Фрейда о составе психоаналитической конференции, которая должна пройти в сентябре этого года в Веймаре: «на этот раз феминный элемент будет иметь ощутимую подпитку из Цюриха: сестра Мольцер, д-р Хинкль-Иствик (чародейка из Америки), фройляйн д-р Шпильрейн (!) и мое новое открытие – фройляйн Антония Вольф, замечательная умница, отлично чувствующая религию и философию, и, наконец, моя жена». Сабина Шпильрейн не принимала участие в Веймарской конференции, а на знаменитой групповой фотографии, на которой большинство представителей юнговской «цюрихской школы» столпились справа от Фрейда и Юнга, в переднем ряду мы видим молодую Тони Вольф, отделенную от Эммы Юнг двумя людьми и пристально смотрящую на нас. Нет сомнений в том, что Юнг имел сексуальные отношения как минимум с тремя (а если правдивы некоторые сообщения о Марии Мольцер, то может быть даже и с четырьмя) из пяти дам, состоявших «феминный элемент» на Веймарском конгрессе 1911 г. Лишь американка Беатрис Хинкль не имела с ним связи» [16, с. 138–139].

– XXX –

Во Франции идеи секс-коммунизма получили еще более широкое хождение, чем в немецкоязычных странах – Австрии, Швейцарии и Германии. Сексуальную революцию усердно готовили французские романисты Золя и Мопассан (с последним из них, между прочим, находилась в переписке русская художница Мария Башкирцева).

Впрочем, начало сексуальной революции иногда связывают с возникновением стриптиза. В 1893 г. две парижские танцовщицы-куртизанки во время танца разделись догола. Произошло это в знаменитом на всю Европу ночном клубе на Монмартре Мулин Руж, который одновременно служил борделем и кабаре, управляемом Гарольдом Зидлером. Там собирались богатые и могущественные мира сего, чтобы отдаться любовным играм с юными и прекрасными обитательницами дна. Рядом по соседству с Мулин Руж находился не менее известный бар «*Absinthe*», где проводили ночи напролет бедные художники, музыканты и писатели, влюбленные в прекрасных жриц любви из королевства ночных удовольствий. Многие из них страдали алкоголизмом и наркоманией, поскольку морфин и кокаин в то время не были запрещены законом. На Монмартре кипели сильные страсти, разбивались молодые сердца, разыгрывались трагические сцены, что на долгие века было запечатлено обитателями богемного мира в их произведениях искусства.

Поначалу Зидлеру не понравился танец с раздеванием, он попросил свою охрану остановить расшалившихся девочек и навести порядок в кабаре. Но посетителям ночного заведения, напротив, танец очень понравился. Впоследствии они просили других танцовщиц еще и еще повторить трюк с раздеванием. Вскоре стриптиз превратился в неотъемлемый атрибут всех ночных клубов.

Таким образом, отнюдь не Фрейд, а эти две танцовщицы совершили в умах и сердцах европейцев сексуальную революцию, семена которой были посеяны еще раньше, до эпохи Ренессанса, когда итальянец Джованни Боккаччо написал знаменитый «Декамерон». В XIX столетии в Европе появились ростки эротической философии Востока в виде перевода с персидского «Тысячи и одной ночи» и перевода с санскрита «Кама-Сутры», которую, между прочим, в 1904 году приобрел русский поэт-символист Максимилиан Волошин. Историю

развития эротической мысли Запада под мощным влиянием Востока проследила Елена Шахматова в превосходно написанной статье «Эрос Серебряного века и сексуальная культура Востока».

Она пишет:

«Культура Востока, в отличие от христианской религии, никогда не рассматривала телесное как греховное. Человек с природой составляет единый континуум. Естественный акт продолжения жизни равноценен обновлению природного цикла. Данная тема не была запретной, и философская мысль обращалась к ней без всякого смущения. Закон кармы в индуизме не запрещал негу и наслаждение, чувственные удовольствия. Бог любви Кама пользовался большим вниманием у индийских поэтов и драматургов. Его изображали посылающим стрелы в сердца людей, и никто из смертных не мог игнорировать его волю» [37]¹⁴².

Опуская рассказ о сексуальной культуре Древнего Китая, которая существовала в рамках философии даосизма с ее мужским началом (Ян) и женским (Инь), процитирую Шахматову, где она говорит о ближневосточной культуре.

«На Ближнем Востоке, – пишет она, – жизнерадостный культ любви был представлен сказками «Тысячи и одной ночи», это был культ телесной любви как сладчайшего лакомства жизни. Влюбленные, встречаясь друг с другом, совершают омовение, умащивают свои тела благовониями, облачаются в роскошные одежды, наслаждаются изысканными блюдами и лучшими винами, слушают музыку и пение и лишь потом приступают к любовным утехам. Любовь у арабов была вершиной культа наслаждений. Даже в раю правоверных мусульман ожидали прекрасные гурии. В XV–XVI веках этот телесный культ был описан в трактате шейха Нафзави «Благоуханный сад». В Европу эта книга попала через Мопассана, получившего его от офицера колониальной французской армии, которая воевала в Алжире. Перевод трактата на европейские языки вызвал у благонамеренной публики настоящий шок своей откровенностью» [37].

Наиболее близкой к Фрейдю (Лу Андреас-Саломе) и наиболее близкой к Юнгу (Сабина Шпильерейн) были женщины из России, поэтому нам важно посмотреть, что же в эротическом срезе делалось в нашем российском Отчестве. Ясно, что на дворе стоял полуденный зной «Серебряного века». Об этой жаре Елена Шахматова пишет:

«Эротизм Серебряного века, отдавая дань всеевропейскому увлечению Востоком, часто был окрашен в восточные тона. Так одной из основных тем, которая в той или иной форме затрагивалась на многих вечерах знаменитых сред у Вячеслава Иванова на «Башне», была тема эротизма. Эта проблематика исследовалась достаточно глубоко, начиная с ее корней в античном мире, произведений греческих и римских авторов и до современной эпохи. Данная тема рассматривалась во всесторонних аспектах.

Летом 1906 года был опубликован рассказ Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Гридцать три урода», где повествовалось о судьбе молодой девушки, собиравшейся выйти замуж. Во время театрального спектакля в ее ложу приходит известная актриса Вера и признается в любви к ней, уговаривает отказаться от замужества и вести совместную жизнь. В январе 1907 года вышла книга стихов Вяч. Иванова «Эрос», а затем 13 февраля 1907 года в «Башне» состоялся доклад М. Волошина «Пути эроса». Волошин в рецензии отметил: «Книга Вячеслава Иванова – книга заклинаний, призывающих древнего бога на землю». И далее в своем отзыве Волошин высказывает идеи, почерпнутые у Блаватской: *«Тайна в том, что боги живут, дышат и питаются человеческой любовью. Лестница природы такова: минералы отдают свет; растения вдыхают свет и отдают кислород; люди дышат кислородом и излучают из себя любовь. Любовь человеческая для богов то же, что свет для растений и кислород для людей. Эрос-Пчела облетает цветник людских сердец и питает богов собранным медом любви».*

Любовь для Вяч. Иванова была средством преодоления раздвоенности, заложенной как в самом человеке (разъединение на два пола), так и в природе (свет и тьма, верх и низ, космос и хаос). Каждый акт любви рассматривался как новый шаг на пути познания Вечной Красоты и обретения целостного Универсума. Такое восприятие любви свойственно тантризму, являющемуся высшей и наиболее универсальной формой индуизма. Корни тантризма ученые усматривают в доарийской культуре коренного населения Индии. Тантризм вобрал в себя многие древние обряды и верования, в том числе палеотические культы плодородия, мистические культы, учение Вед, йогические сутры,

¹⁴² Шахматова Е. *Эрос Серебряного века и сексуальная культура Востока* / Эрос и логос: Феномен сексуальности в современной культуре. // Сост. В.П. Шестаков; М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. – М., 2003.

Упанишады, священную проституцию, ранний буддизм, тибетский шаманизм, светскую традицию «Кама-сутры» и др. Слово «Тантра» происходит от санскритского корня «тан» – что означает «расширять». Таким образом, учение тантризма предоставляло человеку метод расширения сознания и способностей. Проблема расширения сознания во второй половине XIX века среди декадентов на Западе стояла очень остро. Ее предлагалось решать с помощью наркотиков, алкоголя, мистических откровений. Не осталась без внимания и сфера интимных взаимоотношений полов» [37].

– XXXI –

В квартире Лидии Зиновьевой-Аннибал и ее мужа Вячеслава Иванова на Таврической 25 находилась «Башня», где по средам собирались сливки Петербургского общества. В дополнение к обычным «средам» проводились закрытые «заседания» для избранных.

«Есть у нас заговор, о котором никому не говори, – писала Зиновьева-Аннибал М.М. *Замятиной*, – устроить персидский, Гафисский кабачок: очень интимный, очень смелый, в костюмах, на коврах, философский, художественный и эротический... Под сенью Гафиза в «Башне» проводились суфийские пиры. Одна из комнат, так называемая «оранжевая», была «отделана по-восточному: никакой мебели, у стен на полу матрасы, покрытые тканями, коврами, подушками. Всё веселое, радостное и пестрое». И в этой восточной декорации, напоминающей о фривольностях «Тысячи и одной ночи», разыгрывались костюмированные импровизации. Л.Д. Зиновьева-Аннибал накупила во время своих зарубежных путешествий большое количество красивых тканей, из этих кусков материи гафизиты изобретали роскошные драпировки.

Все участники «Гафиза» получили новые имена, под которыми в дальнейшем фигурировали в этом кругу: Иванов именовался Эль-Руми или Гиперион, Зиновьева-Аннибал – Диотима, Бердяев – Соломон, Кузмин – Антиной или Харикл, Сомов – Алладин, Нувель – Петроний, Корсар или Реноувеау, Бакст – Аппеллес, Городецкий – Зейн или Гермес, Ауслендер – Ганимед. Выбор псевдонимов представлял собой характерную смесь имен греко-римской античности с персонажами сказок «Тысячи и одной ночи», библейского мудреца и суфийского поэта. Квинтэссенция разных культур представляла собой некий сплав «мистического энергетизма», который Вяч. Иванов проповедовал гафизитам.

Впоследствии этот кружок распался на еще более интимные собрания: после того, как из «Гафиза» выделился «symposion» – только для мужчин, Зиновьева-Аннибал организовала в пику ему «Фиас» – только для женщин (на этих собраниях бывали М.В. Сабашникова, жена М. Волошина, получившая имя Примавера из-за сходства с фигурами Боттичелли, и Л.Д. Блок – Беатриче)» [37].

Шахматова продолжает:

«Гафизиты ощущали мессианскую суть своей шуточной игры: импровизируя, они пытались выработать начала нового искусства и более того – новых человеческих отношений. Так, описывая в письме к М.М. Замятиной визит на «Башню» М. Горького, Вяч. Иванов сообщал: *«Потом Горький – о том, что в России только и есть, что искусство, что мы здесь «самые интересные» люди в России, что мы здесь – ее «правительство», что мы слишком скромны, слишком преуменьшаем свое значение (!), что мы должны властно господствовать, что театр наш должен быть осуществлен в громадном масштабе – в Петербурге, в Москве, везде одновременно – etc»*» [37].

Автор статьи «Эрос Серебряного века и сексуальная культура Востока» передает восточную атмосферу, переполняющую «Башню»:

«Стихи, вино, закуски с сыром и сладостями на подстилочках, игра на флейтах, восторги, поцелуи, благоухание восточных ароматов, беседы на разные темы, в том числе мистические и эротические, сожаления об отсутствии свободных женщин, женщин-гетер, слухи о том, что у Иванова *«танцуют голые женщины из хорошего общества, недавно вышедшие замуж»* – это экзотическое состояние жизни в воображаемом мире было необходимо гафизитам для достижения необходимой творческой атмосферы... В одном из своих писем Кузмин описывает вечер у Иванова: *«Диотима сейчас же попросила Сережу [Ауслендер] сходить за хлебом; было очень уютно и почему-то весело <...> Сомов стал пьянеть, но был еще мил, перешли на французский, потом на итальянский, потом на английский. [Ал. Н.] Чеботаревскую носили на руках и клали на колени. Под флейты я с Нувелем плясали, потом я один, все целовались. Мне стало вдруг скучно, что я никого здесь не люблю (так особенно не влюблен), и, главное, меня никто не любит, и что я какой-то лишней соглядатай».*

Элегические настроения сменялись садо-мазохизмом, достигая той стадии, на которой уже не существует ни мудрости, ни безумия, ни добродетели, ни греха. Открывшаяся гафизитам Великая Истина гласила, что посвященный может делать всё, что хочет, и говорить всё, что взбредет ему в голову; окружающие могут счесть его поступки безнравственными, а слова бессмысленными, но он абсолютно свободен, так как перед лицом Великой Истины все человеческие понятия и слова бессмысленны и тщетны» [37].

«Заигрывание с Эросом, – заключает Шахматова, – привело к проблемам, не совместимым с общепринятой моралью». В этой связи она процитировала слова Лидии Зиновьевой-Аннибал. Та написала, что в итоге Вячеслав Иванов и Маргарита Сабашникова

«поллюбили друг друга большой *настоящей* любовью. И я полюбила Маргариту большой и *настоящей* любовью, потому что из большой, последней ее глубины проник в меня ее истинный свет. Более истинного и более настоящего в духе брака *тройственного* я не могу себе представить, потому что последний наш свет и последняя наша воля тождественны и едины». Лидия сказала Маргарите: «Ты вошла в нашу жизнь и принадлежишь нам. Если ты уйдешь, между нами навсегда останется нечто мертвое. Мы оба уже не можем без тебя». Маргарита отвечала: «Такая любовь есть начало новой человеческой общины, даже церкви, в которой Эрос воплощается в плоть и кровь». [37].

Муж Маргариты, поэт Максимилиан Волошин, который боготворил Вячеслава Иванова, на это реагировал так:

«Я радовался тому, что Аморя [Маргарита] любит Вячеслава, но не будет принадлежать ему. Я знаю теперь, что она должна быть его до конца. Или уйти. Но она не уйдет. Или... или... Я знаю, что должен сделать, и эта мысль жжет меня. Иной дороги нет. Я думал ночью о том, что я должен сам убедить, послать, заставить ее уступить тому, что я для себя не смел, не посмел желать; Вячеслав не должен приходить тем путем, средним, как я. То, что я не смел требовать для себя, я должен требовать для другого. Тоска этой жертвы – я знаю ее очень давно, с отрочества. Она приходила ко мне и повторялась, как предвестие, так же, как и тоска смертной казни» [37].

– XXXII –

Надо особо отметить, что фактическая сексуальная распущенность, царящая в «Башне Таврической», в поэтическом творчестве участников оргий никогда не опускалась до пошлости. Я испортил себе репутацию благовоспитанного человека, когда в своей статье «Жириновский, Фрейд и Россия» [17], а также в работах [1] – [3] и др. цитировал большие фрагменты слишком непристойных рассуждений на сексуальные темы автора книг «Три очерка по теории сексуальности» и «Анализ фобии пятилетнего мальчика». Отец-основатель психоанализа имеет в широких, но не искушенных кругах общественности реноме безупречно добропорядочного психотерапевта. Меня же никто не знает, поэтому все неприятные впечатления от чтения процитированного порнографического текста связывались не с именем Фрейда, а с моим. Девушки писали мне на *e-mail* возмущенные письма, в которых обвиняли меня в опошлении психоанализа и кощунственном оговоре его создателя. Я же тем временем вспоминал золотые слова Владимира Соловьева, сказанные им как-то мимоходом в работе «Смысл любви»: «Нехорошо *это* делать, но еще хуже об *этом* разговаривать» [32,¹⁴³ с. 531]. Сущая правда!

Так вот, русским поэтам-символистам Серебряного века, в отличие от немецких психоаналитиков-литераторов всегда удавалось писать о крайних проявлениях фривольности самым изысканным, самым возвышенным слогом. Послушайте, к примеру, какое целомудренное стихотворение, озаглавленное «Заря любви», сочинил Вячеслав Иванов, когда его любовь к Диотиме только-только «разрумянивалась»:

Как, наливаясь, рдяной плод
Полднейной кровию смуглеет,
Как в брызгах огненных смелеет,
Пред близким солнцем небосвод,
Так ты, любовь, упреждена
Зарей души, лучом-предтечей.

¹⁴³ Соловьев В.С. *Смысл любви*. Сочинение в двух томах, 2-е издание. Т. 2. – М.: Мысль, 1990.

Таинственно осветлена,
На солнце зарится она,
Пока слепительною встречей
Не обомрет – помрачена...

Если бы американский психоаналитик Цви Лотан прочитал эти русские стихи, он никогда бы не сказал, что супруги Лидии Зиновьевы-Аннибал и Вячеслав Иванов дойдут до полового акта да еще с третьим партнером. Однако до *тройственного* брака у них был брак *двойственный*. Лидия-Диотима писала:

«...Обретя вновь свой паки-рожденный брак с Вячеславом, я устремляла свою светлую волю изжить до последнего конца любовь *двоих*, и знала, что еще и еще растворяться будут перед нами двери нашего Эроса прямо к Богу. Это прямой путь, жертва на алтарь, где *двое* в *совершенном* слиянии переступают *непосредственно* грань отъединения и взвивается дым прямо в Небеса» [37].

Этому кульминационному периоду любви Вячеслав Иванов посвящает стихотворение «Любовь»:

Мы – два грозой зажженные стволы,
Два пламени полуночного бора;
Мы – два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!

Мы – два коня, чьи держит удила
Одна рука, – язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы – двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почитет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы – Сфинкс единой оба.
Мы – две руки единого креста.

Далее любовь переходит рамки дозволенного. *Огненную* (в «Башне» Юнга) или *оранжевую* (в «Башне» на Таврической) любовь между *одной* женщиной и *одним* мужчиной, какая, очевидно, была между Сабиной Шпильрейн и Карлом Юнгом, не остановить. В большой пожар любви вовлекаются всё новые и новые мужчины и женщины, пока не наступает *вакханалия*. Этому экспоненциальному развитию любви в отношениях между Юнгом и Шпильрейн Лотан отказал в существовании, хотя сексуальная натура обоих явно указывала на это. Вячеслав Иванов культу Вакха или, что почти одно и то же, культу Диониса посвятил стихотворение «Вызывание Вакха»:

Чаровал я, волхвовал я,
Бога Вакха зазывал я
На речные быстрины,
В чернолесье, в густосмолье,
В изобилье, в пустодолье,
На морские валуны.

Колдовал я, волхвовал я,
Бога Вакха вызывал я
На распутия дорог,
В час заклятый, час Гекаты,
В полдень, чарами зачатый:
Был невидим близкий бог.

Снова звал я, призывал я,
К богу Вакху возывал я:

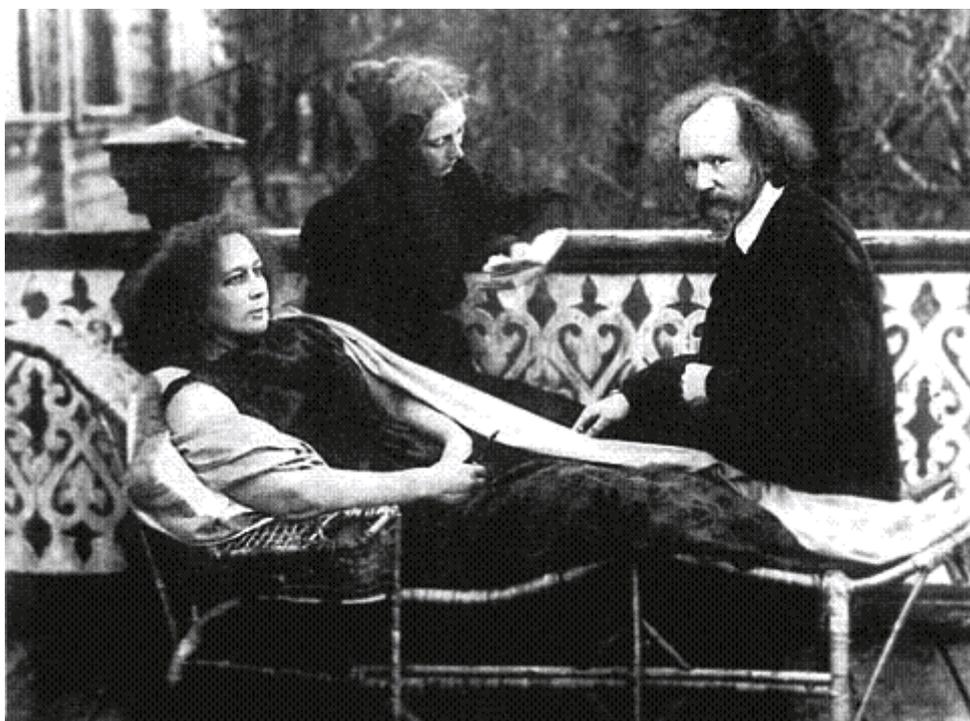
«Ты, незримый, здесь, со мной!
 Что же лик полдневный кроешь?
 Сердце тайной беспокоишь?
 Что таишь свой лик ночной?»

Умилась над злой кручиной.
 Под любой явись личиной,
 В струйной влаге иль в огне,
 Иль, как отрок запоздалый,
 Взор узывный, взор усталый
 Обрати в ночи ко мне.

Я ль тебя не поджидаю
 И, любя, не угадаю
 Винных глаз твоих свирель?
 Я ль в дверях тебя не встречу
 И на зов твой не отвечу
 Дерзновеньем в ночь и хмель?»

Облик стройный у порога...
 В сердце сладость и тревога...
 Нет дыханья... Света нет...
 Полуотрок, полуптица...
 Под бровями туч зарница
 Зыблет тусклый пересвет...

Демон зла иль небожитель,
 Делит он мою обитель,
 Кловом грудь мою клюет,
 Плоть кровавую бросает...
 Сердце тает, воскресает,
 Алый ключ лиет, лиет...

В «Башне» Вячеслава Иванова – литературном салоне, действовавшем в 1905–1909 годах в Санкт-Петербурге на Таврической улице, эту женщину боготворили и называли Диотимой – по имени необыкновенной по красоте и мудрости героини платоновского диалога «Пир». Когда она появлялась на публике, смолкали готовые вспыхнуть споры и взоры участников ивановских сред обращались к ней, дабы не пропустить сказанное «небожительницей»

Вот так через мифологический образ поэт выражал то, в чём непосредственно принимал участие. Шахматова, рассказывая о поэтах-символистах Серебряного века, совершает долгие экскурсии в область древневосточной философии, которые я опускаю. Затем через Ницше она перебрасывает мост в современную западную философию.

«Суфийская поэзия, – пишет Шахматова, – пользовалась мистическими символами, которые в иной культурной традиции могли остаться незамеченными. Она повествовала не о винопитии, образы вина и земной любви она привлекала ради конечной цели, ради которой следовало пожертвовать благопристойностью и добродетельностью. Вино переставало быть материальной субстанцией, становясь обозначением упоения Божественной любовью.

Однако, западное сознание, по большей части, воспринимало культуру Востока в соответствии с собственными потребностями. Культ вина и любви был востребован в первую очередь, так как он непосредственно соотносился с ницшеанской идеей смерти сурового Бога европейской культуры. Идеи Ницше о сверхчеловеке, отрясающем прах европейской культуры, вдохновляли творческую интеллигенцию на поиски иных источников вдохновения.

Андрей Белый отметил кросс-культурное значение творчества Ницше: *«До Ницше непреступная бездна отделяла древнеарийских титанов от новоарийской культуры. Между гениальнейшим лирическим вздохом Гёте (этого самого великого лирика) и раскатом грома какого-нибудь Шанкары и Патанджали – какая пропасть! После Ницше этой пропасти уже нет. «Заратустра» – законный преемник гетевской лирики; но и преемник «Веданты» он тоже. Ницше в германской культуре воскресил всё, что еще живо для нас в Востоке: смешно теперь соединять Восток с Западом, когда сама личность Ницше воплотила это соединение»* [37].

– XXXIII –

О Серебряном веке написаны горы литературы. Помимо чудной статьи Елены Шахматовой я хочу выделить небольшую менее философичную, но более биографичную (если позволительно так выразиться) статью Марии Михайловой «Жизнь и смерть русской Менады» [38], откуда взята нижеприведенная фотография Лидии Зиновьевой-Аннибал и Вячеслава Иванова, а также надпись под ней.

О Диотиме из платоновского «Пира» рассказывается в статье «Эрос» [31]¹⁴⁴, размещенной на этом сайте. Теперь узнаем о жизни дамы, которая носила это имя, но прежде несколько слов о ее супруге.

До встречи с Лидией Зиновьевой-Аннибал, состоявшейся в июле 1893 года в Риме, Вячеслав Иванов был уже женат.

«Супруга поэта Дарья Михайловна, – пишет Михайлова, – как это бывает в таких случаях, «вовремя не спохватилась». Страсть между Ивановым и Лидией разгорелась огнем. Иванов, в какой-то момент осознав это, решил, что так нельзя, недопустимо, он попробовал убежать от самого себя в Рим, но через два дня вызвал к себе Лидию... Он чувствовал, что ничего поделать с собой не может – она вдохновляла его, ее присутствие наполняло его неиссякаемыми творческими силами. Когда он это осознал, ему стало горько и страшно: как же он сможет оставить свою семью, Дарью и сына Сашеньку? Он во всем покался Дарье Михайловне, объясняя ей, что это «демоническое наваждение» скоро пройдет и что расставаться им вовсе не нужно. Но супруга была непреклонна и потребовала развода. Он сам сопровождал ее в Россию.

Вспоминая этот тяжелый период, Иванов писал: «Властителем моих дум всё полнее и могущественнее становился Ницше. Это ницшеанство помогло мне – жестоко и ответственно, но по совести правильно – решить представший мне в 1895 году выбор между глубокою и нежною привязанностью, в которую обратилось мое влюбленное чувство к жене, и новою, всецело захватившею меня любовью, которой суждено было с тех пор, в течение всей моей жизни, только расти и духовно углубляться...» [38]¹⁴⁵.

О Ницше, Дионисе и мировоззрении Вячеслава Иванова чуть более подробно я обещал поговорить в следующем разделе, а сейчас процитирую еще несколько фрагментов из статьи Михайловой, где автор кратко, но ёмко рассказывает о жизненном пути и дионистической философии Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал.

¹⁴⁴ Акимов О.Е. *Эрос / Зарождение греческой культуры*.

¹⁴⁵ Михайлова М. *Жизнь и смерть русской Менады* (опубликовано на сайте «Вокруг Света» www.vokrugsveta.ru/)

«В ее жилах текла голубая кровь: отец Лидии Дмитрий Зиновьев был родом из сербских князей... Ее мать, урожденная баронесса Веймарн, была шведкой по отцу, а по материнской линии примыкала к семье Ганнибала, предка Пушкина. Детство Лидии прошло в петербургском особняке, который был известен в городе как придворный: брат ее отца был воспитателем цесаревича, впоследствии императора Александра III. В силу всего перечисленного девочке с рождения было уготовано блестящее будущее великосветской дамы, но с самого раннего возраста Лидия думала о себе и о своем будущем иначе. Ее богатое воображение постоянно вырывалось из стен роскошного дома, она придумывала собственные игры, которые взрослые называли необузданными и дикими.

Наставления и беседы гувернанток и учителей, как правило, ни к чему не приводили, Лидия своенравничала и бунтовала. Уединяться с книгой она не любила, так что единственной отдушиной в детстве считала лето в деревне. Но однажды и деревенский мир перевернулся для нее вверх дном. Братья Лидии убили на охоте медведицу и привезли с собой трех медвежат, которых выкормили из соски и вырастили. Целый год Лида от них не отходила. Когда же звери стали большими, их увезли в лес. А те, будучи ручными, доверчиво подошли к мужикам на покосе. Мужики, ничего не ведая, изрубили их косами. Дошедшая до Лидии весть надолго выбила ее из колеи, мысли о том, что же есть «добро» и «зло», и как Бог допускает «зло», не давали ей покоя. Она сильно изменилась, стала «неуправляемой», а вскоре ее исключили из петербургской гимназии. Тогда родители нашли выход, менее всего подходящий для состояния, в котором она пребывала: отправили Лидию в Германию в школу диаконис, где она изводила пасторов, «портила» одноклассниц, получив прозвище-фатум Русский чёрт.

В итоге – за ней закрепили «чёрта», которого она так боялась обнаружить внутри себя. Ей не разрешали ни с кем дружить, когда же наставница пригрозила ее подруге исключением из гимназии, Лидия дошла до отчаяния, потому как не могла понять такой несправедливости: если дурная слава закрепилась за ней, то почему хотят исключить ее подругу? Обозвав наставников свиньями, она, изгнанная и из этого заведения, вернулась домой.

Дабы продолжить образование дочери, родители пригласили в дом молодого университетского учителя-историка Константина Шварсалона, который сыграл в жизни его 17-летней ученицы довольно существенную роль, потому как сумел быстро заполнить ее душевные пустоты умело поданным «новым альтруистическим» взглядом на жизнь. Причем «альтруизм» в устах Шварсалона обозначал ни много ни мало как «социализм».

Дело кончилось тем, что Лидии вышла замуж за своего учителя. Но тот стал ей изменять. Тогда она забрала детей, уехала за границу, где и произошла известная нам встреча с самым знаменитым поэтом-символистом. Далее Михайлова пишет:

«Рождение же Зиновьевой-Аннибал как писательницы... состоялось после встречи с Вячеславом Ивановым... В уста одной из героинь своего первого крупного произведения, драмы «Кольца» (1904 год), она вложила признание: «Не помню себя до него, какая была. Была ли вовсе? Я – он. Вся в нем».

В этой драме сплелись идеи отречения и самоотречения, отказа от уединенности и необходимости жертвы. Аннибал-писательница прослеживала все возможные варианты любовного чувства – любовь-страсть, любовь-упоение, любовь-ослепление, любовь-жертвенность, любовь-дружбу – и наделяла ими живых и мучающихся героев. Героиня пьесы преодолевала бесплодное чувство ревности и примирялась с соперницей. Напряженность ее взаимоотношений с мужем «снялась» простым решением: если любящие чудесно обрели друг друга, они уже не принадлежат только друг другу, поэтому надо «отдать любимого всем». И тогда наступит «счастье», которое и есть «правильное состояние души».

Так решила писательница Лидия Зиновьева-Аннибал. Но так же решила и жена поэта Иванова, будучи искренне убежденной, что ее долг – отдавать Вячеслава людям, что счастье только для себя – невысказано, недостойно. Постепенно вызрела мысль о создании семьи нового типа, в которую может естественно и свободно входить третий человек. Такая семья станет началом «новой человеческой общины», «началом новой церкви». Роль «третьего» в супружеском союзе Ивановых попеременно суждено было сыграть поэту Сергею Городецкому и Маргарите Сабашниковой, жене поэта Максимилиана Волошина» [38].

В этих словах обозначен один полюс русского коммунизма, который сводился к мистико-ритуальным оргиям. На другом полюсе царствует одержимость девственностью, крайний аскетизм, берущий свое начало отчасти из «хлыстовства» и «скопчества» конца XVIII века, но главным образом из философии любви Владимира Соловьева [32] конца XIX века, о которой будет рассказано уже в следующем разделе.

Библиография

1. Акимов О.Е. *Психология познания. Удод*. – М.: Издатель Акимова, 2004.
2. Акимов О.Е. *Анна О. – первая пациентка Фрейда*.
3. Акимов О.Е. *Правда о Фрейде и психоанализе*. – М.: Издатель Акимова, 2005.
4. Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Том. 1. *Исследования истерии* / Перевод С.С. Панкова, – СПб.: ВЕИП, 2005.
5. Фрейд З., Брейер Й. *Этюды об истерии* книги «Этюды об истерии» (<http://psychoanalyse.narod.ru/freud/schrifte/studien/breuerf1.htm>)
6. Фрейд З. *Некролог* «Некролог, написанный Фрейдом». (<http://psychoanalyse.narod.ru/freud/schrifte/freudbre.htm>)
7. Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.
8. Юнг К. *Либи́до, его метаморфозы и символы*. – СПб.: ВЕИП, 1994.
9. Вирц У. *Терапевтические тупики. Сексуальные злоупотребления в терапии* / из книги «Убийство души» // «Вопросы психологии», 1995, № 6.
10. Лотан Ц. *В защиту Сабин Шпильрейн*. [Lothane, Z. (1996): *In defense of Sabina Spielrein*. In: International Forum of Psychoanalysis 5, S. 203–217. Lothane, Z. (1997a): *In defense of Sabina Spielrein*. In: Mahony, P., Vonomi, C., Stensson, J. (Hg.) (1997a): *Behind the Scenes Freud in Correspondence*. Stockholm (Scandinavian University Press). S. 81–109.]
11. Лотан Ц. *Послесловие к книге Spielrein, S.* (2003): *Tagebuch und Briefe. Die Frau zwischen Jung und Freud*.
12. Лотан Ц. *Совращение психоанализом или без оного. Что ищут девушки-еврейки у германских героев и vice versa?* [Psychosozial, 29. Jahrgang, Nr. 105, 2006, Heft III, S. 97–124].
13. Кремериус Й. *Сабина Шпильрейн – одна из первых жертв психоаналитической профполитики* (О предьстории психоаналитического движения).
14. Юнг К. *Отношения между Я и бессознательным* / В кн.: Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994.
15. Акимов О.Е. *Зигмунд Фрейд и его апостолы*.
16. Нолл Р. *Арийский Христос. Тайная жизнь Карла Юнга*. – М.: Рефл-бук; – К.: Ваклер, 1998.
17. Акимов О.Е. *Жириновский, Фрейд и Россия*.
18. Акимов О.Е. *Добавление к моим книгам и статьям о Фрейде, сделанное на исходе 2006 года*.
19. Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда*. – М.: Гуманитарий, 1997.
20. Эткин А.М. *Эрос невозможно. История психоанализа в России*. – М., 1993.
21. Штефан И. *Сабина Шпильрейн*. «Предмет обмена» между Юнгом и Фрейдом (Перевод с немецкого С.С. Панкова. Источник: http://www.oedipus.ru/html/2000_2/stefan.htm).
23. Шлагманн К. (Schlagmann) «Entwertungen der Behandlung von Bertha Pappenheim» (Источник: <http://www.oedipus-online.de>).
24. Шпильрейн С. *Деструкция как причина возрождения* [Dr. Sabina Spielrein (Wien). *Die Destruktion als Ursache des Werdens*. «Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen», том IV, 1912 г., 465–503 стр.]
25. Шпильрейн С. *Удовлетворение посредством символики стопы* (1913), *Забывтое имя* (1914), *Ренаточкина теория возникновения людей* (1920), тест «Три вопроса» (1923).
26. Федерн, П. Рецензия на статью Шпильрейн «Деструкция как причина возрождения» (1913).
27. Ваганов И. *Меня звали Сабина Шпильрейн...* (Источник: <http://drugie.here.ru/achtung/spielrein.htm>).
28. Ванинг А. *Работы одного из пионеров психоанализа – Сабин Шпильрейн* (Перевод с английского А.В. Александровой).
29. Рихебехер С. *Сабина Николаевна Шпильрейн*.
30. *Из истории сексуальных злоупотреблений в психоанализе и аналитической психотерапии*.
31. Акимов О.Е. *Эрос / Зарождение греческой культуры*.
32. Соловьев В.С. *Смысл любви*. Сочинение в двух томах, 2-е издание. Т. 2. – М.: Мысль, 1990.
33. Акимов О.Е. *Эффект Доплера*.
34. Акимов О.Е. *Три беседы с очаровательными дамами* (вторая беседа).
35. Акимов О.Е. *Естествознание: Курс лекций*. – М.: ИЮНТИ-ДАНА, 2001.
36. Акимов О.Е. *Конструктивная математика*. – М.: Издатель АКИМОВА, 2005.
37. Шахматова Е. *Эрос Серебряного века и сексуальная культура Востока* / Эрос и логос: Феномен сексуальности в современной культуре. // Сост. В.П. Шестаков; М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. – М., 2003.
38. Михайлова М. *Жизнь и смерть русской Менады* (опубликовано на сайте «Вокруг Света» www.vokrugsveta.ru/)
39. Эткин А.М. *Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века*. – М., 1996.
40. Долгополов Л.К. *Александр Блок. Личность и творчество*. – Л.: Наука, 1980.
41. Блок Александр. *Об искусстве* / Составитель Долгополов Л.К. – М.: Искусство, 1980.

Научно-популярное издание
«Мысли об Истине»
Выпуск № 57
Сформирован 14 февраля 2016 года

Все читатели приглашаются принять участие в создании альманаха МОИ и присылать свои статьи и заметки для этого издания по адресу: Marina.Olegovna@gmail.com. Если присланные материалы будут соответствовать направлению Альманаха и минимальным требованиям информативности и корректности, то они будут опубликованы в нашем издании.

Основной вид существования Альманаха МОИ – в виде PDF-файлов в Вашем компьютере. Держите все выпуски МОИ в одной папке. Скачать PDF-ы можно с разных мест в Интернете, и не важно, откуда номер скачан. В Интернете нет одной фиксированной резиденции МОИ.

Содержание

<i>Олег Акимов. Как возник психоанализ</i>	2
Как возник психоанализ	3
Часть первая	3
Часть вторая.....	24
Часть третья.....	44
<i>Олег Акимов. Зигмунд Фрейд и его апостолы</i>	63
1. Зигмунд Фрейд.....	63
2. Мелани Кляйн	69
3. Анна Фрейд.....	80
4. Отто Ранк	88
5. Георг Гроддек.....	98
6. Вильгельм Штекель	104
<i>Акимов О.Е. Образец обмана общественности</i>	114
1. Введение	114
2. Мастурбация.....	121
3. Любовь	130
4. Подлость	139
5. Оправдание подлости	151
6. Секс-коммунизм.....	161
Содержание	177